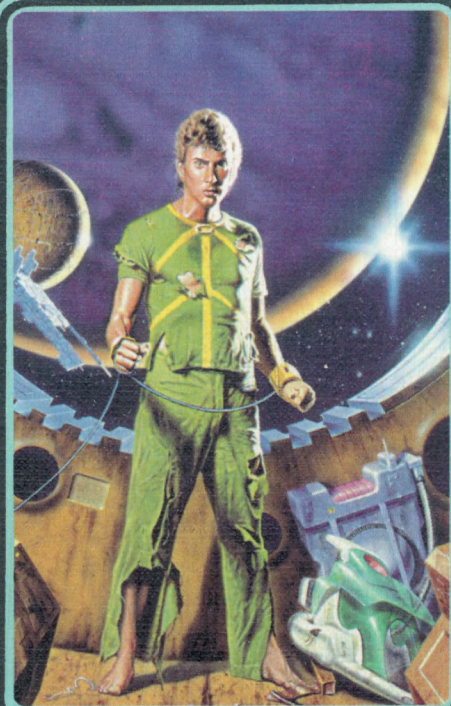

СЕРГЕЙ
ПАВЛОВ

ЧЕРДАК
ВСЕЛЕННОЙ

СЕРГЕЙ
ПАВЛОВ
ЧЕРДАК
ВСЕЛЕННОЙ

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ
ЧЕРДАК
ВСЕЛЕННОЙ

«ЭКСМО-ПРЕСС»
1997

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 12

Разработка серийного оформления
художников *А. Яковлева и И. Саукова*

Серия основана в 1997 году

В оформлении обложки использована работа художника
Gambino с согласия самого художника и его агента
Александра Корженевского.

П 12 **Павлов С. И.**
Чердак Вселенной: Фантастические произведения.
— М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1997.— 496 с. (Серия
«Классика приключений и научной фантастики».)

ISBN 5-04-000147-9

Вошедшие в сборник фантастические повести Сергея Павлова являются настоящими шедеврами безудержной фантазии, энергичного сюжета и безупречного стиля. Для знатоков фантастики со стажем эти произведения являются программными, для нового поколения читателей они станут чрезвычайно приятным сюрпризом.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Павлов С. И., 1997 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО», 1997 г.

ISBN 5-04-000147-9

Корона Солнца

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«Весна не придет, если дети не будут рисовать солнце...» Не помню, где и когда я слышал эти слова, но они почему-то крепко врезались в память. Круг, нарисованный неопытной детской ручонкой, и бегущие во все стороны лучики... Конечно, это оно — ласковое, доброе, привычное солнышко, свет и тепло нашего чудесного мира.

Мне довелось увидеть Солнце другим.

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИЗРАКОВ

Хорст отказался!.. Всякая новость на нашей меркурианской базе распространяется с быстротой молнии. Но эта расплзлась среди людей медленно и тяжело, как туман. Сначала я не поверил, но мне достаточно было увидеть самого Хорста, чтобы убедиться: да, это так, он отказался...

Всякая новость на нашей базе вызывала шумное эхо дискуссий, споров, противоречивых мнений. Эта новость тоже вызвала эхо. Непривычное эхо — молчание.

«Чертяка» вполне оправдывал свое нелепое прозвище: пол под ногами ходил ходуном, то и дело ощущались сильные толчки. Молодой вулкан сравнительно недавно появился в окрестностях Желтого Плато, где были разбросаны бронированные корпуса

нашей научно-исследовательской станции «Меркурий-5», и его неугомонная деятельность привела к тому, что этот удобный, прочно обжитый район оказался под угрозой. «Землетрясения» на Меркурии вообще дело нередкое — планета утыкана вулканами, как еж иглами, и мы привыкли к толчкам и колебаниям так же, как моряки привыкают к морской качке. Но жить и работать у самого жерла разбушевавшегося гиганта не очень уютно. Правда, специальная группа меркуриологов разработала проект ликвидации опасного очага при помощи ядерного взрыва, но осуществление этого проекта почему-то затянулось, и «Чертяка» продолжает свирепствовать в полную силу. Ноги привычно ощущают толчки...

Толчки становятся резче и чаще. Резче и чаще стучит мое сердце. Пытаюсь подавить в себе состояние нервной напряженности и не могу. Через каких-нибудь полчаса мне предстоит встреча с начальником нашей базы Гориным. Он должен понять мою просьбу, должен понять, что мне совершенно необходимо взяться за то, от чего отказался Хорст. А если не поймет?..

Сильный толчок. Н-да, поведение «Чертяки» выходит за рамки приличия. В боковых галереях гаснет свет, и на платформе сразу становится сумрачно и неуютно. Для большей устойчивости я шире расставил ноги и чуть подался вперед. Не прозевать бы свободного кресла: во второй половине «дня» скорость движения на пневматической дороге удваивалась, а время остановки движущихся кресел сокращалось до трех секунд. Наконец из-за поворота показался зеленый огонек, и кресло, блеснув стеклом ветрового щитка, останавливается у края платформы.

Двухкилометровый путь по туннелю я преодолел за минуту. Многим на нашей базе чрезвычайно нравилась сумасшедшая езда на пневмокреслах. Я тоже не был исключением, но так же, как и все, предпочитал скрывать эту слабость. Все-таки несолидно...

Вестибюль главного корпуса встретил меня ревом громкоговорителей и суматохой:

— Внимание! Группа Волкова — на вылет, глаер семнадцатый. Группа Клемона — глаер десятый. Пронин, Ларсен, Петренко — готовьте глаер резервный! Повторяю!..

На стенах тревожно вспыхивают титры звуковых команд. Двери скафандрового отсека распахнуты настежь, люди бегом спешат туда и обратно, некоторые на ходу опускают лицевые стекла шлемов; через открытые люки глаерных ангаров доносится гул зарядных установок. Кто-то на бегу резко задевает меня плечом.

— Пардон, месье! Пень, стал на дороге...

— А вы не слишком учтивы!

Сорель — энергетик из группы Клемона — смеется, машет рукой: мол, некогда сейчас.

— Что там у вас стряслось? — кричу я вдогонку.

— Торы... — издали откликается Сорель. — Шестой пост вызывают. Салют медицине!

Они вернулись, эти загадочные торы... Я знал, что они вернутся, на этот счет у меня было свое сокровенное мнение.

На минуту я задержался у горловины подъемной шахты ангара. Резервный глаер — зеркально блестящий летательный аппарат, похожий на спаренные гантели, — медленно поднимался вверх, волоча за собой толстые связки кабелей. Тихо жужжали электромоторы, тихо звякал металл о металл, у стартовых катапульт копошились люди в голубых комбинезонах. Видимо, к сегодняшней охоте за торами готовились особенно тщательно.

Под потолочными сводами взвыла сирена. В громкоговорителях что-то щелкнуло, забурило.

— Семнадцатый к старту готов!

— Семнадцатый, старт разрешаю.

— Десятый готов!

— Десятый, старт разрешаю. Резервный, свяжитесь с дежурным. Повторяю: Пронин, Пронин, свяжитесь с дежурным.

Я завернул в один из боковых переходов, взгля-

нул на часы и направился в командный сектор. Сейчас — или никогда...

Небольшой кабинет Горина ничем не отличался от остальных помещений станции. Нежно-розовый пенопласт на вогнутых стенах, стальные ребра шпангоутов, экраны информаторов... И только большой глобус Меркурия да мерцающий огоньками пульт телетара напоминают о том, что здесь находится командный пункт меркурианской базы.

Горин жестом приглашает меня сесть. Я не сажусь: стоя чувствуешь себя как-то уверенней.

— Извини, Морозов, нам с тобой так и не дали закончить утренний разговор. Потрясающая новость: кольца вернулись.

— Да, новость действительно сногшибательная, — соглашаюсь я, вспомнив Сореля.

Горин смотрит на меня покрасневшими от переутомления глазами. Я понимаю, как страшно он устал, мне жаль его, но я не уйду до тех пор, пока не добьюсь своего. Гнусаво прозвучал гудок телетарного вызова.

— Вот видишь... опять.

Ничего, я подожду. На этот раз у меня хватит терпения.

Горин тронул клавишу на пульте:

— Слушаю... Не горячись, Афанасьев, к шестому посланы две поисковые группы. Кроме того, готовим резервный... Алло, Керимов?.. Да, я... Ага, понятно! Алло, Афанасьев, резервный стартует. Да, кстати, сколько их там?.. Тороидов, конечно... Четыре? Я так и думал, эти проклятые кольца появляются всегда парами. Если магнитные ловушки не помогут, придумаем что-нибудь другое. Счастливой охоты! У меня все... Слышал? — спросил Горин.

— Да.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Я пожимаю плечами, изобразив равнодушие. Горин недоверчиво хмыкнул:

— Хм, последнее время на базе только и говорят

о торах: каждый хочет чем-то помочь в поисках загадки странного явления...

Куда он клонит?

— Что нового к вопросу о торах могу прибавить я, инженер-диагност медицинской службы станции?

— Брось хитрить, давай начистоту, — строго сказал Горин. — Значит, говоришь, тебя не удовлетворяет твоя работа на базе?

— Неверно. Просто я хочу почувствовать себя здесь нужным.

Кажется, я сказал это излишне резко.

— Нужным? Ах, понимаю! На базе редко болеют, и вам, медикам, в этом отношении скучновато... Н-да. Хочешь, я зачислю тебя в группу Волкова?

Вот оно что!

— Нет. В группу Шарова. Я прошу включить меня в состав экипажа «Бизона».

Горин положил руки на стол и широко раздвинул локти.

— Выслушай меня внимательно, Алексей. «Бизон» уходит туда, откуда не вернулись «Тур» и «Мустанг». Безэкипажные станции потерпели неудачу, и теперь люди должны попытаться пройти там, где не сумели пройти автоматы. Но для этого дела не подойдут обыкновенные люди с обыкновенными нервами. Здесь нужны... ну... — Горин повертел пальцами в поисках нужного слова, — зубры-бизоны, что ли! Понимаешь?

Его темные зрачки впились в мои глаза. Я утвердительно кивнул. Горин невесело усмехнулся:

— Договорились?

Я молчал. Видя, что не договорились, Горин уже сердито продолжал:

— Меркурий — не детские ясли, и у меня нет времени долго уговаривать тебя. Ты, как избалованный ребенок, брыкаешься ногами и разводишь ревы: хоть тресни, а подавай тебе Солнце сию же минуту. А того нет, чтобы все как следует продумать, взвесить...

— И отказаться от мысли войти в состав группы Шарова? Нет, поскольку Хорст передумал, я займу его место в экипаже «Бизона».

— Видали?! Да если хочешь знать, поступок Джона Хорста гораздо менее предосудителен, чем тебе это кажется. По крайней мере, он нашел в себе мужество правильно оценить свои силы. А тебе, в свою очередь, необходимо найти в себе мужество быть еще осмотрительнее Хорста и не совать голову туда, где совсем не трудно ее потерять.

Я не желал быть осмотрительнее Хорста.

— У Джона за плечами громадный опыт работы в Пространстве... — задумчиво продолжал Горин. — Я не имею никакого права позволить самоуверенному теленку браться за дело, перед которым пасуют космические буйволы! Точка. Оставь меня в покое, ты и сам не знаешь, что тебе нужно.

Я знал, что мне нужно, и не двинулся с места. Пол вздрагивал от частых толчков. Где-то там, под ногами, шевелился Меркурий. Гудок телетарного вызова заставил меня вздрогнуть. Горин уменьшил громкость и тронул клавишу:

— Шаров? Да, я... Без изменений... Н-да, Хорст поставил нас и себя в глупое положение, но что поделаешь... Конечно, нет. Кого-нибудь найдем... Не торопись, дело серьезное... Ладно, давай.

Горин повернулся в мою сторону, но глаза его смотрели мимо меня.

— О физической силе Хорста ходят легенды. По сравнению с ним ты выглядишь просто заморышем.

Для парня двухметрового роста, отличного сложения это прозвучало как пощечина. Спокойствие! Важно не дать вывести себя из равновесия. Но на подобный выпад нужно чем-то ответить... Я подхожу к овалному щиту герметических дверей и, вцепившись руками в пружину аварийного замка, рывком выдерживаю крюк из гнезда. Брови Горина удивленно взметнулись. Да, наверное, со стороны все это выглядело глупо, но отступить — значит дать повод для новых насмешек. Еще одно нечеловеческое усилие — и мне

удалось растянуть ее настолько, что крюк поравнялся с ребром шпангоута. Несколько мгновений сохранялось тягостное равновесие, мне не хватало какой-нибудь доли сантиметра... Наконец, щелчок — и крюк намертво впился в стальной желоб. Вот так!.. Я не знаю и десяти человек на базе, способных повторить такое.

Овальный щит съехал в сторону, и, согнувшись, чтобы не задеть головой переборку, вошел Шаров.

— Что здесь происходит?

— Алексей развлекается, — ответил Горин, внимательно разглядывая мою смущенную физиономию.

Шаров подошел к шпангоуту, одной рукой спокойно извлек крюк из желоба и небрежным жестом водворил его на место. Таким движением застегивают пуговицу. Горин подмигнул мне и с деланным сокрушением развел руками.

Голос мой дрожал от обиды, когда наконец я решился заговорить.

— Виктор Сергеевич, вспомните старт «Торнадо» к лунам Юпитера. Вы были тогда так же молоды, как я сейчас, но вам доверяли. Выпускнику института космонавтики Шарову не было и двадцати четырех, когда он впервые принял участие в десанте спасателей на Марсе. И молодость не помешала вам, Борис Николаевич, разыскать в красных песках Зефирии пропавшую экспедицию Снайра. А нас, современную молодежь, вы, ветераны космоса, почему-то предпочитаете кормить из ложечки и кутать теплым пледом невыносимых забот: как бы кого-нибудь не продуло свежим ветром стремлений и поиска.

— Увы, меня в настоящий момент больше всего донимает забота: как бы кого-нибудь не перегрело на Солнышке, — возразил Горин. — Но разве ты из тех, которые понимают?..

Шаров внимательно прощупал глазами мою фигуру.

— Вместо Хорста? — спросил он Горина.

— Как видишь. Во что бы то ни стало желает попасть в вашу бизонью компанию. Кстати, по специ-

альности он инженер-диагност, работает в отделе врачебной диагностики медицинского сектора. Помоему, это немаловажная деталь... Да, кроме того, он в совершенстве владеет техникой роботронных систем, изучает специальные разделы бионики, увлекается... Прости, Алеша, чем ты там увлекаешься?

— Проблемой энцефаларного диагноза на принципе дистанционных посредников.

— Вот именно. Ну а если попроще?

— Нас, диагностов, давно занимает вопрос принципиальной возможности моделирования энтопликативных систем кортикальной области мозга. Если использовать метод биполярной рекомбинации алгоритмов...

— Н-да... — с иронией заключил Горин. — Твое мнение, Боря?

Вместо ответа Шаров еще раз внимательно осмотрел меня с ног до головы.

— В общем, довольно развитый субъект, — продолжал Горин. — Немного поэт, немного художник, в меру самолюбив, не в меру упрям, но обещает исправиться.

— Упрям, говоришь? — переспросил Шаров.

Должно быть, я сильно побледнел, потому что командир «Бизона» даже не улыбнулся.

— Добро, — сказал он после минутного раздумья и обратился ко мне: — Только работать придется, как на постройке египетских пирамид. Улавливаешь?

— Ясно! Разрешите получить инструкции?

— Отдыхать, — спокойно бросил Шаров. — Четверо суток отдыхать, отсыпаться. Необходимый инструктаж получишь во время полета.

Уходя, я слышал, что они заговорили о торах. Командира «Бизона» тоже интересует этот меркурианский феномен. Лю-бо-пыт-но!..

ИНСТИНКТ НАПРАВЛЕНИЯ

Теперь, когда так неожиданно просто решил я вопрос о моем участии в экспедиции Шарова, меня переполняли мысли о предстоящем полете. Сказать

правду, я даже немного растерян. Только сейчас передо мной открылся истинный смысл колебаний Горина: Шаров, Веншин, Акопян... и я. Горин, конечно, прав. Откуда он мог знать, достоин ли Алексей Морозов стать плечом к плечу в один ряд с бизоновцами? Наконец, знаю ли я это сам?..

Завтра стартуем. Стартуем в сторону Солнца. Все подготовительные работы окончены.

Сегодня — последний день на Меркурии. Последний раз проверяю свою внутреннюю готовность и с ужасом убеждаюсь, что в моих мыслях царит хаос. Нет, я не жалею, что я стал участником опасного и трудного полета. Наоборот, я даже испытываю нечто вроде удовлетворения и гордости. Просто я не готов, точнее говоря, не совсем уверен в себе. А это отвратительное чувство, когда не уверен...

Влезаю в скафандр, проверяю замки, герметичность. Я всегда иду куда-нибудь пешком, если мне нужно о чем-то серьезно подумать. Меркурий, конечно, не Земля, но все же... Завтра я буду лишен даже этого.

Пылающий шар косматого Солнца висит прямо над головой. Я никогда не мог избавиться от ощущения, что до него можно достать камнем. Поднимаю камень и в самом деле что есть силы швыряю его вверх. Оглядываюсь: не заметил ли кто моей мальчишеской выходки? Показываю Солнцу кулак и хохочу, хохочу весело и дерзко, словно уже сижу на нем верхом, вцепившись в огненную гриву. Я бы определенно ослеп, если бы не полутораметровый диск на шлеме, называемый здесь «сомбреро». Сквозь его темно-зеленый слой Солнце выглядит мертвенно-бледным, веснушчатым от собственных пятен. Да, мне суждено познакомиться с ним поближе. Где-то там, на орбите спутника, плавает «Бизон»...

Я стою у самого края Желтого Плато. Вокруг разбросаны вулканические бомбы — лавовые глыбы чудовищных размеров. Одна из них так похожа на исполинскую черепаху, мирно дремлющую на солнце-пеке, что я не удержался и погладил ее растрес-

кавшийся панцирь. «Черепаша» словно ожила, качнулась и вдруг покати́лась с обрыва вниз, увлекая за собой лавину камней и пепла. Ноги привычно ощутили серию сильных толчков. Неприятно, конечно, но что поделаешь — Меркурий...

Передо мной удивительный мир. Многие любят называть его «диким». Правильно ли это? Пожалуй, да. Ведь никому не приходило в голову называть «диким», скажем, полярное сияние. Вероятно потому, что это величественное явление природы полностью соответствует нашим понятиям о красоте и гармонии. Мир, который передо мной, тоже достаточно величав и по-своему великолепен. Но здесь все необычно. Даже горы. Черные, крутые, с иззубренными вершинами, разрезанные вдоль и поперек узкими, извилистыми коридорами ущелий, они вздымаются к небу, неприступные, отчужденно-гордые... Самые отчаянные смельчаки из группы альпинистов-исследователей признавались, что мрачные горы вселяли в них смутную тревогу и недоверие. И лишь один из них, Курт Хейдель, оснастив электромеханического Паука-скалолаза, решился проникнуть дальше всех, туда, где Меркурий ревниво скрывал свои тайны. Через месяц Паук вернулся. Нет, он пришел не один, но все равно что один... Хейдель перестал быть Хейделем, которого мы знали. Он никого не узнавал, не отвечал на вопросы, пугая людей неподвижным, как у змеи, взглядом. Видавшие виды врачи разводили руками, а мои диагностические машины, исследовав психику Хейделя, либо отказывались выдавать заключение, либо несли такую несусветную чушь, что у меня горели уши от стыда за своих «подчиненных». Днем позже Хейдель, вернее тот, кто когда-то был Хейделем, исчез. Он ушел снова в горы, унеся с собой разгадку своего перевоплощения. Дежурный врач, в обязанности которого входило присматривать за больными, был найден в бессознательном состоянии, с отпечатками пальцев на горле. В тот день впервые были замечены торы, а поиски беглеца ни к чему не привели. Тогда вспомнили о Пауке, точнее — о кас-

сетях его съемочной аппаратуры. Я был в числе приглашенных на первый просмотр отснятых эпизодов. На экране по порядку возникали подробности этого нелегкого странствия. Сначала все шло хорошо, сопровождающий съемку голос Хейделя звучал уверенно и бодро. Кругорамные объективы заставили нас долго блуждать в угрюмых дебрях окаменевшей бесконечности. Мы с захватывающим интересом прослеживали путь смельчака, проложенный в лабиринтах ущелий среди отвесных стен, уходящих в туманные пропасти, внимательно слушали подробные описания и пояснения, улыбались остроумным замечаниям и репликам. Хейдель весело ругался, если обвал преграждал путь, смеялся от радости, если встречалось что-нибудь интересное, шутил, находя забавным пришпоривать Паука пятками в тот момент, когда лапы машины скользили над пропастью, срывались, прогибаясь от тяжести. И мы понимали, что ему было страшно. Мне запомнилась его последняя реплика: «Провалиться мне на месте, если я не нашел вход в преисподнюю!..» Это относилось к огромному провалу в скалах, откуда тяжело поднимались клубы желтоватого пара. Развернутый зев провала окружали базальтовые столбы, похожие на грубо высеченные фигуры великанов. Даже на нас, сидящих в просмотровом зале, мрачная неподвижность каменных стражей произвела гнетущее впечатление.

— Иду вниз, — сообщил Хейдель, и начал головокругительный спуск.

Паук включил все свои прожекторы, и голубые лучи осветили неровные стены расселины, покрытые пятнами странных натеков. Спуск продолжался очень, очень долго, километры... Наконец расселина превратилась в исполинский каньон, дно которого уходило все дальше и дальше в недра планеты. Теперь Хейдель говорил лишь по необходимости, коротко и сухо. Видно, окружающая обстановка мало располагала к остроумию: за каждым поворотом таились мрак и неизвестность. Но что это? Перед нами открылась поразительно ровная, отсвечивающая маслянистыми

бликами поверхность. Неужели вода?! Меркуриологи заволновались, они не верили своим глазам.

— Вода, — подтвердил голос Хейделя. — Температура у поверхности — тридцать два и восемь десятых по Цельсию.

В темной глубине вспыхивали бледно-зеленые огоньки. Прожекторы погасли, и мы увидели хоро-вод слабофлуоресцирующих быстрых теней. По залу прошло движение, кто-то взволнованно кашлянул, кто-то крикнул, чтобы срочно позвали биологов. На крикуна нетерпеливо зашикали.

— Озеро, кажется, обитаемо, — проговорил Хейдель, — но я не знаю... не могу определить, что это такое.

Озер было много. Соединенные между собой проливами, речушками и водопадами, они тянулись до бесконечности, прозрачные и мутные, теплые и холодные. Шум в зале нарастал, отовсюду слышался говор и шепот. Вода! Много воды! Теперь наша станция не будет испытывать водяной голод. Вместе со всеми я тоже находился в состоянии радостного возбуждения. Я слышал приглушенный смех и едкие замечания по адресу меркуриологов, и мне было чуточку жаль их: они буквально на днях сделали окончательный вывод о том, что планета совершенно лишена природных вод, и теперь, понятно, пребывали в положении пророков, уличенных во лжи. Сидевший рядом со мной врач-психиатр Хайнц Фидлер тронул меня за рукав. Он догадался, что я ослабил внимание, и сделал предупреждающий жест:

— У них свои проблемы, а у нас, медиков, свои. Советую не отвлекаться.

Да, да, конечно!.. На экране между тем происходило что-то интересное. Хейдель слез с Паука и прошел метров на десять вперед. Теперь он был отлично виден во весь рост. Тяжелые башмаки его скафандра, подкованные острыми шипами, разбрызгивали жидкую грязь. Иногда он останавливался и долго глядел перед собой под ноги, словно разыскивая что-то, и, ничего не увидев, двигался дальше вдоль грязевого

потока. Но вот он быстро нагнулся, погрузил руки в темную жижу и резко выпрямился. В его руках извивалось неведомое существо, похожее на длинного червя. К сожалению, хорошо разглядеть червя не удалось: Хейдель перебрасывал его из руки в руку, словно тот жег ему ладони, и наконец отбросил в сторону.

— Горячий, — сказал он. — Горячий, как раскаленное железо.

«Странно, — подумал я. — Перчатки скафандра плохо пропускают тепло».

— Странно... — услышал я шепот Фидлера.

А Хейдель тем временем выходил на берег обширного грязевого озера, захламленного какими-то полусгнившими пнями. Черные космы обнаженных корней на фоне мрачного пейзажа выглядели неприветливо, зловеще. Интересно, откуда на Меркурии могли появиться эти трухлявые останки деревьев?

— Здесь дьявольски жарко, — сказал Хейдель. — Я обливаюсь потом.

Фидлер многозначительно подтолкнул меня локтем.

— Сэм, выключи свет, — обратился Хейдель к Пауку, и тот послушно выполнил приказ.

В темноте заиграло изумрудное сияние. Сначала я не мог разобраться в хаосе огней и пятен, но постепенно глаза стали различать подробности диковинного зрелища. Гнилушки сделались прозрачными, точно стеклянные глыбы: они источали приятный зеленый свет и... двигались. Внутри каждого пня виднелись большие гроздья изумрудных шариков. Шарiki время от времени вспыхивали изумрудными огоньками, тускнели и вспыхивали вновь. И все это мерцало и ползало среди бесформенных пятен бледно-светящегося ила. Темный силуэт скафандра придавал картине еще более фантастический вид. Хейдель неподвижно разглядывал неведомые существа, копошащиеся у его ног. Долго, очень долго простоял он так, не двигаясь с места.

— Свет!.. — внезапно рявкнули стереофоны.

Зал дрогнул; в этом неожиданном крике Хейделя было что-то нечеловеческое. Вспыхнули голубые лучи, и зеленые призраки мгновенно исчезли. Все те же корявые неподвижные пни... Но Хейдель... Что он собирается делать? В его руках появилась коричневая груша... Он вывинтил предохранитель из грушевидного баллона и замахнулся... Фидлер привстал с кресла и подался вперед. Грохот, рваное пламя...

— Негодяй!.. — воскликнули сзади.

Я узнал голос биолога Тани Максимовой. Хейдель в забрызганном грязью скафандре молча стоял и смотрел на изуродованные взрывом коряги. Кое-где расплывались оранжевые пятна. Уцелевшие «пни» быстро меняли окраску. Они словно покрывались металлической чешуей, в гуще переплетенных «корней» проскакивали искры. Шатаясь, точно пьяный, Хейдель направился вдоль берега. Он шел, пока не споткнулся о камень. Сел, обхватил голову руками. О чем он думал?

— Grose Anzahl die Leichen... — тихо сказал он. — Die Toten können sehen!¹

Я опять почувствовал острый локоть Фидлера...

Поднявшись на ноги, Хейдель сдернул с плеча портативный «Килот», который обычно служил меркуриологам как камнерез, и направил его короткий ствол в сторону озера. Там, куда упиралась трасса голубых огоньков, темная жижа бурлила в облаках испарений, несчастные «коряги» корчились в предсмертной агонии. Расстреляв весь энергетический запас, Хейдель швырнул «Килот» в грязь...

Экран погас, и в зале включили освещение. Но никто не покинул кресел, настолько все были потрясены увиденным.

— Маленькая справка... Разрешите? — обратился к кому-то Фидлер.

— Да, пожалуйста.

— Скажите, шлем Хейделя был металлический?

¹ Множество трупов... Мертвые могут смотреть! (нем.)

— Нет, его скафандр типа «Цеброн», а следовательно — из стеклопластика.

— Благодарю вас, я так и думал...

— Вы полагаете?.. — я тронул Фидлера за рукав.

— Совершенно верно. Неизвестные нам существа подействовали на психику Хейделя биоизлучениями колоссальной мощности. Будь на нем металлический шлем — этого бы наверняка не случилось.

— Уж не думаете ли вы, что мы столкнулись с разумными представителями неизвестной нам биологической формации?..

— Нет, не думаю. Давайте сопоставим факты. О разумности «горячих червей», как вы понимаете, не может быть и речи. «Горячими» они были лишь потому, что раздражали каким-то облучением нервные окончания в кожном покрове руки Хейделя, вызывая тем самым ощущение ожога. У грязевого облака Хейдель жаловался на жару в теплонепроницаемом скафандре — отсюда вывод: либо — «коряги» и «горячие черви» — существа сходной природы, либо — что более вероятно — «черви» представляют собой развивающееся потомство «коряг». Далее: обитатели озера не проявили ни малейшего интереса к появлению человека, их единственная реакция на непривычно яркий свет была весьма красноречива: полная неподвижность. Свет погас, раздражитель исчез — и жизнь вернулась в свою колею. После того, что мы наблюдали, у нас есть все основания полагать, что жизнь эта не имеет ничего общего с деятельностью разумных существ.

— Я согласен с вашими доводами. Но для меня остались совершенно необъяснимыми дальнейшие поступки Хейделя. Я так и не сумел определить границу, откуда поведение его начинает обретать неустойчивый характер.

— Пожалуй, это не так уж сложно, как кажется на первый взгляд... — задумчиво ответил Фидлер. — В самом деле, уставший, страдающий от ожогов человек легко теряет контроль над собой. Вспом-

ните, с какой злостью Хейдель выкрикнул: «Свет!» Свет вспыхнул, и «коряги» замерли. Эта игра в прятки незадачливых, отталкивающего вида существ разъярила его еще больше. Раздражение — плохой советчик, и в ход пошла взрывчатка...

— Да, но потом мы с вами видели, как он переживал...

— Верно, — согласился Фидлер. — Он провел параллель между собственным поступком и преступной воинственностью своих предков. Ведь не случайно вырвалась у него эта ужасная фраза на родном языке.

— Почему вы считаете, что в этом виновато прошлое? — спросил я, заинтересованный неожиданным поворотом в рассуждениях Фидлера.

— Да потому, что под влиянием возросшей мощи биоизлучений потревоженных взрывом животных его расстроенная психика получила импульс к тому, что накопленные из источников истории трагические картины стали как бы реальностью. Это явилось толчком к перестройке самосознания по схеме наследственной памяти. Несчастный! Случаю угодно было оживить в нем ту слепую жестокость, которая, казалось бы, полностью истлела в прошлом. Проклятие предка!.. В каких тайниках, в каких клетках мозгового вещества сохранилось оно, скрытое от сознания? Не знаю. Да и никто пока толком не знает. А надо бы знать, пора... О, мы любим говорить о своем могуществе! Но вот в нашу дверь постучалась беда, и мы не смогли вернуть Курту самого себя. Он ушел от нас, ненавидя людей ненавистью своего предка, ненавистью, которая совершенно не свойственна его настоящей сущности.

Фидлер умолк. Я смотрел на него, что называется, «во все глаза». И этого человека я раньше считал сухарем, невыносимым педантом!.. И чтобы скрыть замешательство, я спросил:

— Скажите, Фидлер, сами-то вы полностью доверяете этому своему... ну... диагнозу, что ли?

Фидлер пожал худыми плечами.

— Видите ли, мой молодой друг... Я просто поделился с вами догадкой, не более. А догадка, не подкрепленная вескими аргументами, не может...

— Может! — перебил я его с неожиданной для себя злой решимостью. Он открыл мне глаза. Теперь я презирал свои «всезнающие», «супермудрые» диагностические машины — всю эту безнадежно грубую подделку под человеческую мысль.

Фидлер неодобрительно покачал головой:

— Как вы еще молоды, Морозов. Впрочем, я вам ужасно завидую.

Да, все это так и было. Мне завидовали, а я терял под ногами опору, потому что увидел границы возможностей машинной медикологии и испытывал от этого горечь разочарования. Потускнело то главное, чему я хотел посвятить свою жизнь. Возможно, Фидлер и прав, пытаюсь убедить, что ничего страшного со мной не происходит, просто «возрастной период», но мне по-прежнему было тяжело. Зачисление в группу Шарова вывело меня из тягостного состояния отрешенности, которое испытывал по собственной вине. Мне казалось, что там, возле Солнца, среди неведомых опасностей, мне суждено понять что-то очень важное для себя...

Устав от размышлений, я разыскал свое любимое место для отдыха — обломок скалы с удобными ступеньками в тени. Отсюда хорошо видна глубокая чаша каменистой долины. Долина поражает своей пятнистой расцветкой — черное с белым. Впечатление такое, будто среди нагроможденных черных скал отдыхает лебединая стая, и трудно поверить, что эта белоснежная масса — химическое соединение цинка. Кое-где ослепительно блестят кусочки разбитого зеркала, Это — лужицы ртути и расплавленного зноем свинца. В них смотрятся Солнце и камни. Пятнистую поверхность долины пересекают огромные трещины с обрывистыми краями. Однажды я заглядывал в одну из таких трещин и был ошеломлен бездонной глуби-

ной. В общем эти колоссальные разломы напоминают аналогичные образования мертвого рельефа Луны, но на Меркурии они живут, дышат: во время сильных трясений они умеют захлопывать свои чудовищные пасти. Недавно так едва не погибла исследовательская группа меркуриологов.

Пейзаж разнообразят десятки действующих вулканов. Их крупные склоны испещрены множеством кратеров-паразитов, изливающих потоки дымящейся лавы, вершины постоянно окутаны облаками сернистых газов. «Кочегарка» планеты действует непрерывно... Внезапно рядом с мачтой радиомаяка я заметил голубую вспышку. Как раз над тем местом, где должен был находиться девятый наблюдательный, появились четыре серебристо-белые черточки. Это глаеры Волкова. Я взбежал по ступенькам на самую вершину скалы, надеясь получше разглядеть маневр «охотников» за торами. Поздно. Глаеры исчезли за склонами холма и больше не показывались. Наверное, ушли по направлению к базе. Любопытно, чем кончилась сегодняшняя «охота»? Как всегда, вероятно, ничем. Я нащупал затылком кнопку на тыльной стороне шлема и легонько нажал. Тесный мирок скаффандра наполнился треском и воем радиопомех, человеческие голоса различались с трудом.

— ...неожиданный эффект. Плакали твои излучатели, Афанасьев.

— Как это произошло?

— Ума не приложу. Мы выходим на них строим «конверт», кольца разделились на пары и стали всплывать вверх по вертикали. Две из них успели ударить, третью пару нам удалось задержать в центре «конверта». Тороиды предприняли попытку проскочить электромагнитный барьер... Мы дали залп... завихрение поля... кольца растворились в каком-то красном тумане... всплеск радиации — излучатели вышли из строя.

Дальше — сплошной треск, бормотание. Движением головы я отключил дальнюю связь. Все ясно:

группа Волкова потерпела очередную неудачу. Торы оказались крепким орешком.

Впервые странные кольца были замечены на Меркурии сравнительно недавно, недели две тому назад, в тот день, когда ушел Хейдель. Громадные, до шести метров в диаметре, но очень подвижные, они появлялись неизвестно откуда и исчезали неизвестно куда. Последние три дня то один наблюдательный пост, то другой сообщали на базу о новом нашествии «красных призраков». Вчера мне даже посчастливилось увидеть их феерический полет. Они шли сомкнутым строем над самой поверхностью плато. Два кольца отделились от общей группы и повернули в мою сторону. Хотя я знал, что они не причиняют людям вреда, мне стало как-то не по себе, когда оба тороида повисли у меня над головой. Но любопытство оказалось сильнее страха — я долго разглядывал их красные, полупрозрачные тела, внутри которых медленно вращались туманные сгустки. Мне казалось, что кольца с таким же интересом разглядывают меня. Их пресловутая «любопытность» дала Кломену повод высказать гипотезу о «живых существах в форме тороидов». Ему очень хотелось к слову «живые» добавить еще и «разумные», но он так и не решился на это после вчерашнего бурного заседания ученого совета, на котором Волков устроил шумный скандал. Пользуясь поддержкой своих единомышленников, он не оставил камня на камне от гипотезы Кломена.

— Если рассуждать так, как рассуждает наш уважаемый коллега, — ядовито заметил он в конце заседания, — то по аналогии неминуемо придется признать, что известную нам шаровую молнию также можно отнести к категории живых существ.

— Вы считаете, что шаровая молния и меркурианский феномен — одной природы? — выкрикнул с места кто-то из сторонников Кломена.

— Не совсем так, — возразил Волков. — Картина станет яснее, если тороиды рассматривать с точки зрения физики пульсирующих форм. Для непосвященных даю пояснения. Как известно, материя суще-

ствует в форме поля, в форме плазмы и в форме вещества. В определенных условиях материя может переходить из одной формы своего существования в другую. Теперь представьте себе, что переход из одной формы в другую и обратно происходит за исчезающе малые промежутки времени, и вы получите физическую модель наших таинственных тороидов. Да, я считаю, что в данном случае мы имеем дело с явлением пульсации материальных форм.

Председатель совета задал вопрос:

— Как по-вашему, чем обусловлено это явление?

Волков развел руками:

— Пока не знаю. Думаю, что в ближайшее время нам все же удастся выяснить наконец, где и как зарождаются торы.

И, надо сказать, группа Волкова прилагает для этого все усилия, но «красные призраки» по-прежнему хранят свою тайну...

Собираясь уходить, я еще раз окинул взглядом долину: безмолвие и яростный палящий зной. Огромное Солнце кажется неподвижным. Силой своего тяготения оно почти остановило осевое вращение планеты и теперь с неразумной жестокостью методично поливает убийственными лучами поверхность беззащитного карлика. Так будет и впредь, если людям не понадобится придать планете более быстрое осевое вращение... А на другой стороне Меркурия сейчас бесконечная холодная ночь. Там в заиндевевших ущельях растут исполинские друзья белых кристаллов, в ложе скованных стужей долин падают хлопья замерзшего газа. И лишь кое-где, среди невообразимого хаоса обледенелых скал, багровым светом отсвечивают лавовые озера и реки да изредка взмывает в звездное небо фейерверк вулканических бомб. Таков этот мир... И кажется удивительным, что хозяин этого необыкновенного мира — человек. Люди воздвигли здесь мачты радиомаяков для своих кораблей, построили стальные жилища, назвали горные вершины именами своих героев и по-хозяйски, рачительно подсчитывают запасы полезных ископаемых.

— Уран и железо, медь и вольфрам, ртуть и рубидий, свинец, золото, платина, титан, олово, кобальт!.. — восторженно перечислял мой друг Абид Садыков, разведчик рудных месторождений. — Плюгавенькая планетка, и вдруг — скажи пожалуйста! — такое изобилие. Не-ет, когда Меркурий станет главным центром цветной металлургии, все здесь изменится к лучшему.

— Ты видишь будущее дальше меня, Абид, и я завидую тебе. Но неужели тебя нисколько не волнует первозданное величие этого мира? — спросил я.

Садыков удивленно вскинул черные брови:

— С тех пор, как люди стали богами, они переделывают миры в масштабах, достойных богов. И человек имеет на это право именно потому, что он — человек.

— А Хейдель? Хейдель имел право швырять взрывчатку?

Абид поморщился:

— Завоевание космоса не обходится без некоторых осложнений... Но стоит ли много говорить об этом?

Стоит. Я убежден, что стоит. Человек не просто завоеватель, он не может только сознать свои права. Он должен чувствовать свое великое единение с природой, единение творческое. Природа — зеркало, в котором отражаются деяния людей, и в этом зеркале человек должен видеть себя мудрым и добрым...

Так думаю не только я. Еще так думает наш астрофизик Веншин. Он прост и скромн, этот Веншин, но знает удивительно много. Гораздо больше, чем я. Может быть, поэтому я заранее проникся к нему уважением. Вчера он спросил меня:

— Расскажи, что у тебя в мечтах?

Застигнутый врасплох, я не нашелся, что ответить. Я чувствовал себя перед ним мальчишкой. Тогда Веншин пришел мне на помощь.

— Бурные реки пробиваются к морю по каменистым руслам... Рано или поздно у тебя будет свое

русло в жизни, ты найдешь себя, найдешь то, ради чего строило бы жить.

Я мучительно искал ответ: почему для Веншина, Фидлера, Горина все так просто и ясно, как на ладо-ни? Я видел, эти труженики космоса не были обременены поисками «себя», они давно нашли свое «русло» и влили в него свои силы. А я? Неужели мне так и придется сжиться с чувством неловкости перед ними и перед самим собой? Нет... Конечно, нет... Где-то в глубине моего сознания бродило что-то еще не понятое, но влекущее. Я не могу передать словами, что это было. Было — и все. Это удивительное ощущение. Ощущение потребности совершить необычное — нечто вроде высшего инстинкта человеческой природы, унаследованного мною от многих и многих поколений моих разумных предков точно так же, как перелетные птицы наследуют инстинкт направления. Значит, рано или поздно «инстинкту» суждено проявиться в полную силу, и уже от меня самого будет зависеть, как я отнесусь к его властному зову, сумею ли пробить свое «русло»...

Больно кольнула мысль: а вдруг не сумею? Нет, сумею. Должен суметь...

Чья-то рука легла на мое плечо. Я не видел лица подошедшего, но по размерам молочно-белого скафандра догадался: Шаров.

— Наблюдал охоту Волкова? — слышу его спокойный голос. — Правильно, сведения о торах могут нам пригодиться.

Я спросил:

— Нам? Экипажу «Бизона».

— Да. Видимо, торы — это результат каких-то процессов, происходящих на Солнце. Группа орбитального дежурства сообщила сегодня, что несколько колец приближалось к «Бизону». Они исчезли, как только корабль оказался в тени планеты. «Красные призраки» ни разу не появлялись на ночной стороне Меркурия. Отсюда вывод: необходимую им энергию они получают от Солнца.

— Но чем объяснить, что ни в одном из отчетов

предыдущих экспедиций на Меркурий не упоминается о тороидах? — задал я вопрос, который вот уже много дней не давал мне покоя. И сам же ответил: — Очень просто: солнечная деятельность и «красные призраки» не имеют между собой ничего общего. Торы — это пришельцы из Большого Космоса...

Шаров спросил:

— Интуиция?

Он мог бы спросить по-другому. С насмешкой.

— Если хотите, да! — ответил я с вызовом. И напрасно. Мне следовало бы поучиться у него выдержке.

Мы помолчали. Мне было неловко, и я не хотел мешать его размышлениям и ни о чем не спрашивал.

— Завтра, Алеша... — как-то буднично и очень спокойно сказал Шаров.

— Завтра!

Улавливаю в своем голосе торжественные нотки и сконфуженно умолкаю. Шаров ободряюще хлопает меня по плечу и прижимает к себе:

— Эх, мальчишка! Наверное, воображаешь себя героем? Ничего героического нет, будет тяжелая работа.

Шаров чуть запрокидывает голову вверх.

— Жди, старина, — говорит он Солнцу, — скоро нагрянем в гости. Посмотрим, кто кого...

Он не грозит Солнцу кулаком, не швыряет в небо камнями и даже не смеется. В его словах слышатся одновременно уверенность, почтение и снисходительность.

ОГНЕННЫЙ БОГ

На орбиту «Бизона» нас доставил орбитолет «Чайка». Я следил за экраном радара, но, кроме вырастающего на глазах треугольника, ничего особенного не увидел. Пилот включил вспомогательные моторы и выполнил маневр скоростного сближения. Теперь на экранах переднего обзора быстро росла громада широкого конуса. Легкий толчок. Прибыли. Странное ощущение неподвижности...

Мы снимаем шлемы скафандров и минуту молча стоим у открытого люка переходной шахты перед объективами съемочных мониторов. Затем — крепкие рукопожатия экипажа «Чайки», теплые слова напутствия, сдобренные хорошей дозой грубоватого мужского юмора. Горин подходит последним. Он медлит, видимо, что-то хочет сказать на прощание, но лишь обнимает нас всех по очереди, не то серьезно, не то шутливо грозит Шарову, незаметно кивая ему в мою сторону, отворачивается, отходит. Когда мы спускаемся в отверстие шахты, все поднимают сомкнутые руки над головой — традиционный жест космонавтов: «Удачи вам, удачи!»

В салоне «Бизона» с помощью орбитальных дежурных покидаем скафандры. Небольшое округлое помещение залито голубоватым «дневным» светом. Мерцают экраны и многоцветные светосигналы на панелях приборов, матовой белизной отсвечивают пульта, кресла, столы. Пластичность линий, спокойное изящество форм радуют глаз.

Командир орбитальной группы, подтянутый, официально строгий, рапортует Шарову. Дежурные облачаются в скафандры, поднимают над головой сомкнутые руки: «Удачи вам, удачи!» Глухо звякает крышка люка. Тишина... Теперь мы одни на «Бизоне». Впрочем, нет, не совсем: на экране еще видна неподвижная «Чайка». Но вот и она зажигает стартовые огни. Дюзы моторов отбрасывают зеленые языки пламени, и «Чайка» серебристой рыбкой соскальзывает с полукруглого края голубоватого конуса.

По-комариному тонко пищит сигнал телетарного вызова. Шаров подходит к пульта и включает тонфоны:

— Командир «Бизона» слушает.

— Это я, старина, — отвечают динамики голосом Горина. — Только что принял сообщение: Земля шлет вам привет и желает доброго пути. Там знают, что вам придется сделать то, что кажется почти невозможным.

Шаров трет рукой подбородок и долго молчит. Наконец отвечает:

— Кто-то должен быть первым...

Спинки наших кресел принимают горизонтальное положение. Сосредоточенно молчит Шаров, молча лежат Веншин и Акопян. Скорее бы услышать мерный отсчет автомата-диспетчера: «Четыре... Три... Два... Один... Старт!»

Тридцать четвертые сутки полета. Тридцать четыре по двадцать четыре. Это очень много, если напряженно чего-то ждешь и если ничего особенного не происходит.

Сегодня произошло. Случилось то, что предугадывал Веншин. Мы потеряли радиосвязь.

Меркурий молчал. Шаров, озабоченно поглаживая подбородок, мерил шагами салон. Каждый раз, когда он останавливался у пульта связи, Акопян снимал наушники и отрицательно качал головой:

— Ничего...

Веншин, навалившись грудью на стол, беззвучно шевелит губами. Он настолько поглощен работой, что не сразу замечает новые кассеты магнитофона, которые я разряжаю прямо перед ним на столе. Заметив, жадно сгребает диаграммы и быстро раскладывает их по периодам. Я стараюсь не смотреть на его дрожащие от нетерпения руки. Мне это почему-то неприятно.

— Великолепная запись, Алеша! Ты молодец, — говорит он.

Я слышу только разрозненные слова: «Алеша. Запись. Молодчина...» До меня давно уже перестал доходить смысл его стереотипной похвалы.

Набиваю кассеты и произвожу настройку записывающей аппаратуры. Теперь, когда мы так близко от Солнца, комплексная регистрация его могучего дыхания должна вестись непрерывно, и я отвечаю за это головой. Для Веншина эти записи дороже жизни: я чувствую на своей спине его благодарный взгляд. Ох, не люблю, когда он так смотрит...

А Шаров все ходит и ходит...

Не могу сказать почему, но потеря связи не слыш-

ком взволновала меня. Может быть, потому, что рядом Шаров? Мы все верили ему больше, чем себе. В том числе и Веншин. Иначе чем объяснить его поразительное спокойствие?

Шаров вдруг останавливается и, обращаясь ко мне и Веншину, произносит:

— Отдыхать. А мы с Акоюном принимаем вахту. Попытаемся передать сообщение на Меркурий с помощью квантовых генераторов.

— Но я не успел сделать всего, что планировал на сегодня! — протестует Веншин.

Шаров неумолим. Он имеет право быть неумолимым. Как командир он отвечает за все: за связь, за людей, за судьбу экспедиции. Отвечает головой — и это уже не просто метафора.

— Выполняйте приказ. Время...

Я молча отодвигаю полупрозрачную стенку своей спальней ниши. Шаров жестом задерживает меня и смотрит в глаза долгим испытующим взглядом.

— Ты спокоен, Алеша, — говорит он. — Это хорошо. Ну, иди.

Я захопываю за собой звуконепроницаемую перегородку и падаю в мягкие объятия пенопластового ложа. «Ты спокоен, Алеша...» Неправда! Каждым нервом своим я ощущаю, куда мы летим...

Ощупью нахожу кнопку «Электросна» и нажимаю ее всей ладонью.

Приближается момент выхода «Бизона» на коронную орбиту вокруг Солнца.

Этого момента мы ожидали с необыкновенным волнением. Нам казалось, что мы переступаем грань, за которой нас ждет ошеломляющая неизвестность. С томительной медлительностью таяли последние сутки, последние часы и, наконец, минуты. Счет последним секундам вели наши сердца.

Четыре резких толчка. Спинки кресел принимают обычное положение. Все?.. Легкое разочарование. Спрашиваю себя: чего, собственно, хотел ты еще? С этой минуты «Бизон» стал спутником исполинского сгустка звездного вещества, сгустка диаметром в

полтора миллиона километров. Мы первые, кто нарушил вечное табу огненного бога, кто посмел коснуться его пламенеющей короны...

Приборы без устали всасывают колоссальный поток информации, обрабатывают его «прессом» электронных систем и выдают в виде своеобразных брикетов, набитых уникальными записями астрофизических данных. Веншин стал похож на сумасшедшего. Я тоже. Теперь и у меня тряслись руки от возбуждения, когда я, как выражался Акопян, «снял соты» и набивал боксы хранилища исследовательским материалом. Шарову с трудом удавалось заставлять нас придерживаться установленного режима сна, отдыха, еды.

Веншин все больше и больше втягивал меня в сферу своей работы. Изнемогая от чрезмерной нагрузки, я чувствовал себя счастливым, потому что знал, что нужен, полезен, необходим.

— Пришло время взглянуть на Солнце своими глазами, — сказал он однажды, указывая на крышку люка смотровой шахты. — Я попросил бы тебя, Алеша, сопровождать меня. Разумеется, если ты не очень устал.

От Веншина можно ожидать чего угодно, даже галантности...

Надеваем полупрозрачные коконы полускафандров. Теперь мы похожи на ходячие колбы. Акопян приносит недостающую часть туалета — груды пустотелых рук и ног из эластичной пластмассы. Всех позабавила ошибка Веншина, взявшего мои «ноги».

Перебирая настенные скобы, легко плывем вдоль ствола шахты. Веншин впереди, я — за ним. Полная невесомость: во избежание гравитационных помех на время вылазки приостановлена работа генераторов искусственного тяготения. Вдруг замечаю, что стало трудно дышать. Смотрю на кислородный указатель: ого, почти на нуле! Невероятно...

Развернуться в узком туннеле нельзя. Пытаюсь пятиться назад. «Ноги» попадают в скобу, и я трачу много лишних усилий, чтобы освободиться. По спине

ползут ледяные мурашки, в ушах начинает звенеть. Наверняка не успею... Проклятье! Разъединить пластмассовый рукав? Глупо, в шахте аргоновая атмосфера. Что же делать? Звать на помощь — унизительно. Нащупываю за спиной ребристый диск предохранительного вентилятора. Закрыт! Ах, вот оно что! Акопяновская шутка! Как это сразу не пришло мне в голову?

Хлынула струя холодного воздуха. Захлебываясь, пью его досыта. Наушники щелкают, и я слышу голос Шарова:

— А у тебя все в порядке, Алеша?

— Все в порядке.

— Ну-ну. Меня обеспокоило твое дыхание. Наверное, мне просто показалось...

— Благодарю за урок. Отныне я буду проверять скафандровое оснащение, если даже его готовит Акопян.

— И хорошо сделаешь, Алеша. Теперь ты застрахован от подобных случайностей. Своего рода рефлекс.

— Ах, рефлекс!.. Что же, в конце концов у каждого свой метод воспитания.

Устремляюсь вдоль туннеля и скоро попадаю в смотровой отсек — приземистое куполообразное помещение. Вогнутые стены задрапированы черной ворсистой тканью, вместо пола — большой экран оптического модулятора, похожий на лужу зеленоватого студня. Полумрак и тишина давят на нервы.

Веншин, заключенный в прозрачную колбу, покачивается над черными раструбами корректирующих установок. Руки его чем-то заняты под защитным козырьком пульта.

— Вам помочь, Глеб Александрович?

Он не слышит: рожки его антенн втянуты внутрь скафандра. Пришлось сомкнуть штепсельные разъемы телефонных кабелей. Повторяю вопрос.

— Нет, благодарю... Все готово. Трудно дышать...

— Рефлекс... — объясняю я и выкручиваю вентиль до упора.

Он ничего не понимает. Ну и пусть. Иначе нашим «воспитателям» не поздоровится.

Веншин делает неловкое движение и переворачивается через голову. Ловлю его за «ногу» и возвращаю на место.

— Смотри, Алеша! — машет он рукой в сторону экрана.

Я не в состоянии уследить за быстрой сменой световых полос и пятен.

— Антенны! — кричит мне Веншин. — Аппаратура невероятно чувствительна к помехам.

Втягиваю рожки своих антенн — и мелькание прекращается. Зачарованный, смотрю, как в глубине экрана разгорается пурпурное зарево. Постепенно изображение приобретает глубину и резкость...

Эффект потрясающ! Словно в корпусе «Бизона» образовалась дыра, и мы, склонившись над этой дырой, заглядываем в огненную пучину kloкочущей бездны. Под нами волнуется необъятный океан раскаленной плазмы: из невообразимо ярких пространств всплывают гребни титанических валов, и страшно смотреть, как они тяжело оседают и гибнут в водоворотах пламенных вихрей. Недра горнила бурлят, содрогаются в термоядерных конвульсиях, выбрасывая мощные фонтаны протуберанцев — растерзанные останки горячих внутренностей. Так вот оно какое, наше Солнце!.. Я смотрю и не могу насытиться неправдоподобным зрелищем. Нет таких слов, чтобы описать его. Да и что такое обычные человеческие слова перед лицом пылающей вечности? Разводя руки, нельзя показать размеры Вселенной, криком нельзя изобразить рев урагана. Так же невозможно словами воспроизвести картину безумного разгула огненной стихии. Это нужно увидеть самому, почувствовать, пережить...

Мне и раньше доводилось видеть фотографии Солнца, полученные в лучах кальция, магния, натрия, железа: из любопытства я просматривал спектрогелиограммы в астрофизическом отделе меркурианской

службы Солнца. Все они в общем похожи друг на друга, исключение, пожалуй, составляют только те из них, которые сняты в лучах водорода. За время последних вахт мы с Веншиным весьма основательно пополнили и без того богатую коллекцию солнечных «портретов». С помощью оптического модулятора это было не трудно. Но все эти снимки представляли собой лишь поверхностный обзор «физиономии» Солнца. Заманчиво, очень заманчиво было бы заглянуть в недра нашей звезды, под сверкающее покрывало ее фотосферы и, быть может, увидеть загадочное ядро сверхгорячей плазмы, если, конечно, оно существует... А рассказать об этом могли бы только выходцы из тысячекилометровых звездных глубин — нейтрино-частицы. Те, кто создавал наш корабль, думали о такой возможности, и в результате в носовом отсеке «Бизона» был смонтирован нейтронный триггер — сложнейшее устройство для преобразования энергии нейтринных полей в кванты видимого спектра. Расчеты показали, что в околосолнечном пространстве плотность нейтринного потока достаточна для срабатывания нейтронных систем. Но практически... Практически все это выглядело иначе.

Мертвая синева заливала экран модулятора. Мы с Веншиным часами «болтались» над ним, но, кроме мертвой синевы, не видели ничего.

— И не увидим, — однажды заявил Веншин.

— Почему? — спросил я, не скрывая разочарования.

— Все по тем же причинам, Алеша. Порог срабатывания системы сильно колеблется в зависимости от общего уровня помех.

— Но, согласно инструкции, мы вправе произвольно менять этот порог!..

— Путем изменения числа нейтронных трубок? В отсеке их — пять миллионов, Алеша. Это почти то же самое, что сделать попытку вытащить на ощупь из пяти миллионов черных шаров один-единственный белый. Однако попробуем...

Попробовали. Повиснув над пультом, мы переби-

рали десятки, сотни различных вариантов включений нейтриггерных элементов. На светящейся схеме возникали самые неожиданные конфигурации многоэтажных сот. На экране — мертвая синева...

— Пустая трата времени, — не выдержал Веншин. — Шанс практически равен нулю.

— И все-таки он существует, — возразил я. — Я остаюсь.

— Похвальная настойчивость. Однако ты скоро убедишься в необоснованности своих надежд.

— Или ты — в несостоятельности своих предсказаний.

— Меня устраивает любой исход, — заметил Веншин.

Стыдно признаться, но именно эта полушутливая перепалка на протяжении долгого времени подогрела мое упрямство. Каждый день я возвращался в смотровой отсек и по несколько часов подряд парил над злополучным пультом. Вопреки здравому смыслу. Уж очень хотелось утереть нос Веншину.

Даже во сне я видел эту мертвую синеву. Просыпаясь, трепетал от возбуждения. Каждый раз мне казалось, что слепая пелена исчезнет именно сегодня. Укладываясь спать, я подводил безрадостный итог...

Я перечитал десятки статей по нейтринной физике, детально изучил теорию нейтриггерных систем и даже зримо представлял себе сложную цепочку физических процессов, происходящих в проклятых трубках. Но мертвая синева держалась стойко. Шаров, который с самого начала недоброжелательно относился к моему увлечению, предпринял попытку положить конец бесплодным экспериментам. Неожиданно вмешался Веншин:

— Повремените, командир. Если случится чудо и Алексей заставит работать нейтриггер, мы сможем получить потрясающий материал.

— Чудеса — есть продукт неуважительного отношения к реальности, — заметил Акопян. — Алеша, дорогой, в каких ты отношениях с реальностью?

— В натянутых, — ответил я. Мне было не до

шуток. — Помоги надеть скафандр. Только без этих дурацких штук с вентилями...

И чудо действительно произошло. Началось с того, что экран заметно погелубел. При этом на схеме светились только верхние этажи ячеек нейтриггера. Я включил запоминающее устройство и, сгорая от нетерпения, продолжал набирать верхнеэтажные комбинации. Голубое свечение усилило свою яркость, но оставалось по-прежнему неустойчивым. Почему?..

Я вернулся в салон и, сославшись на головную боль, удалился в спальную нишу. Мне предстояло осмыслить результаты своих наблюдений и прийти к каким-то определенным выводам. Результат: голубое свечение выше уровня гравитационных помех. Вывод: добиться изображения можно путем мгновенного чередования верхнеэтажных комбинаций. Но это — отчаянный шаг. Нейтриггер может выйти из строя...

— Мгновенное чередование? — переспросил Веншин. — Не вижу существенной разницы. На чем основаны твои предположения?

Я объяснил. В качестве иллюстрации к своим выводам использовал сказку про курочку рябу. Это ему за те пять миллионов шаров.

— Вполне логично, — согласился Веншин, проверив мои вычисления. — Н-да... С одной стороны — заманчивая перспектива получить нейтринную гелиограмму, с другой... Слишком рискованный вариант.

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза. Я подумал, что у меня, пожалуй, хватило бы безрассудства провести эксперимент и без согласия Веншина.

— Жалко нейтриггер... — пробормотал Веншин.

— Кому нужен бесполезный прибор? — выложил я свой главный довод.

Веншин махнул рукой:

— Действуй, Алеша. Если тебе удастся получить хотя бы один нейтринный снимок... В общем, действуй.

Ради призрачной надежды Веншин жертвовал до-

рогостоящим оборудованием. Мне предоставили право собственноручно искалечить нейтриггер, и я был ужасно горд. Веншин не стал отягощать меня своим присутствием во время опыта, и я был благодарен ему. Он мне доверял. Оставалось получить неуловимое изображение и зафиксировать его. Сущий пустяк! Однако я приходил в отчаяние от мысли, что расчеты мои, в конечном итоге, могут оказаться недостаточно верными...

Световые блики плывут вдоль шкалы интервалов времени: десять секунд, восемь, пять... стоп! Включаю нейтриггер: раздается густой, приятный для уха звук «баум», словно кто-то дернул басовую струну. В глубине экрана вспыхивают голубые зарницы. «Клик-клак, клик-клак», — торопливо защелкали отметчики времени, и снова это глубокое, волнующее «баум»... Блики застывают на первом делении от нуля. Дальше — неизвестность. Каждую секунду может последовать взрыв. Ощущаю на своем лице капельки холодного пота. Экран на мгновение темнеет и вдруг — «баум» — разливается широким озером сверкающей голубизны. Проступили синие тени... И я увидел ядро!

Я наблюдал это зрелище на протяжении двух-трех секунд, не более. Однако резец внимания оставил в памяти изумительно четкий, яркий след неповторимой картины. Солнечное ядро не было просто круглым, как представлялось мне раньше. Ядро плазменного гиганта скорее напоминало какой-то странный плод в сморщенной коже, усеянной большими, крючковатыми шипами. Многие шипы были уродливо длинны и достигали границ фотосферы. Выше и ниже экваториальной области солнечного шара шипы вытягивались длинными усами, плавно загибаясь, и, по-видимому, опоясывали ядро замкнутыми обручами. На северном и южном полюсах усы расслаивались на тонкие, едва заметные волокна. В центре ядра можно было разглядеть неясные контуры какого-то сгустка. Теперь я остро пожалел, что рядом со мной нет Веншина. По крайней мере он бы понимал, что

видит... Экран погас, и я ощутил слабую судорогу взрыва. Вот и все. «Клик-клак, клик-клак», — беспечно щелкали отметчики времени, но теперь бесполезно было ожидать рокота басовой струны; я знал: в нижнем отсеке уже нет ничего, кроме осколков нейтронных трубок.

Опомнился я только в переходной шахте. Руки крепко сжимают драгоценную добычу — кассету с изображением солнечного ядра. Навстречу, смешно загребая руками, плывет блестящая колба с «начинкой». Начинка, разумеется, Веншин. Я протягиваю ему кассету, он хватает ее и нелепо балансирует, пытаясь развернуться в узком туннеле. Я со смехом беру его за рожки антенн и плыву вдоль туннеля, проталкивая Веншина «ногами» вперед. При этом мы обмениваемся совершенно невразумительными возгласами.

По-моему, не стоит описывать реакцию командира на последствия нейтринного эксперимента. И без того ясно, что участникам этой затеи отнюдь не поздоровилось.

Зато следующий день преподнес нам сюрприз. Производя настройку оптического модулятора, мы наблюдали удивительное явление: на пылающем фоне появились продолговатые темные сгустки, похожие на перистые облака. Я высказал опасение, что на поверхности Солнца, по-видимому, что-то происходит. Веншин молча разглядывал эти странные движущиеся полосы.

— Ты ошибаешься, Алеша, — сказал он. — Это надхромосферные образования. Они свободно парят в пространстве.

И действительно, пока мы ставили кассеты в гнезда съемочной аппаратуры, облака заметно увеличились в размерах. Темные языки-полосы занимали теперь почти половину экрана. На корабль надвигался неведомый шквал.

Мы с Веншиным повисли над экраном спектро-

графа. Узкие линии спектра быстро перемещались на поверхности зеркального цилиндра, в стеклянных сотах призматических устройств загорались разноцветные блики.

— Никель, кальций, железо... — сосредоточенно считывал Веншин, — нобелий, фермий, берклий, кюрий, америций... Целый ряд трансурановых элементов! Криптон, ксенон, радон... Странно, эти пылегазовые сгустки почти не содержат в себе водорода и гелия!

Экран потемнел настолько, что пришлось отключить светофильтровую систему. Яркость увеличилась, и мы увидели, что во многих местах сквозь темную пелену просвечивало кроваво-красное зарево.

В стене смотрового отсека образовался светлый овал. Я повернул голову и увидел силуэт командира. Свет из туннеля освещал его сзади, преломляясь в прозрачной толще полускафандра, отчего фигура командира казалась окруженной газовым пузырем.

— Прошу извинить за вторжение, — сказал Шаров.

Он легко и красиво проделал каскад головокружительных поворотов и опустил над пультом. Невесомость, которая заставляла нас с Веншиным болтаться на привязи, придавала движениям Шарова завидную грациозность.

Он плывал мягко и свободно, как детский воздушный шарик.

— Вас что-нибудь интересует? — спросил Веншин, не отрывая взгляда от спектрографа.

— Да. Меня интересует это... — Шаров указал на экран.

— Беспокоиться нет причин, — сказал Веншин. — Плотность скопления газа и пыли невелика. Относительно невелика и наша орбитальная скорость. Я полагаю, защитное поле «Бизона» легко пробьет коридор...

Веншин не договорил. Мы повернулись к экрану и замерли. Не всякое теоретическое обобщение способно так быстро и так наглядно перевоплотиться в

зрительный образ. Веншину в этом отношении повезло. Казалось, корабль падает в исполинский колодец с гладкими, розовато-зеркальными стенами, уходящими в лучезарную перспективу. Где-то в бездонной глубине колодца на фоне солнечного пожара лениво ворочались клубы темных, бесформенных масс. Впереди, чуть левее, проступили расплывчатые контуры двух громадных треугольников серебристо-пепельного цвета, идущих параллельным курсом.

— «Тур» и «Мустанг»! — крикнул я. — Нашлись!

Шаров и Веншин молча смотрели на экран. Первым отозвался Веншин.

— Че-пу-ха! — раздельно произнес он. — Мы видим двойное отражение «Бизона».

Я услышал, как Шаров облегченно перевел дыхание. Видимо, трезвое суждение Веншина устраивало его больше, нежели мой романтический домысел.

Экран посветлел, и автоматы включили светочехфильтр. Минуту спустя мы уже видели обычную картину: яростное клокотание плазмы...

Так были открыты корональные скопления материи. Веншин назвал эти скопления «солнечным пеплом». Он совершенно серьезно предложил мне разработать гипотезу, объясняющую природу пепловых полей.

Я с жаром принялся за работу. Расчеты, домыслы, опять расчеты... Сначала мне показалось логичным предположить, что солнечный пепел — это остатки крупных протуберанцев. Веншин легко опроверг мои доводы и посоветовал внимательнее изучить полученные нами спектрогелиограммы.

— Трансурановые элементы, Алеша! — многозначительно напомнил он. — Главное в этом.

Трансурановые... Казалось, я никогда не смогу увязать всю эту массу разрозненных данных в единое целое, осмыслить их тесную взаимосвязь. В цепочке моих рассуждений явно не хватало какого-то мелкого, но очень важного звена...

Решение пришло само собой, неожиданно.

Это случилось в тот день, когда Акопян и Шаров устроили генеральную проверку системы управления «Бизоном». Сняв стенки пультовых покрытий, они самозабвенно ползали на четвереньках, разглядывая светящиеся стены комплексных блоков, то и дело втыкая в специальные гнезда многоштырьковые колодки контрольных приборов. Веншина в салоне не было: он ушел на вахту в смотровой отсек.

Вдруг послышались длинные гудки внепрограммного центра защитной системы корабля. Такими губками центр предупреждает о том, что требуется дополнительный расход энергии на усиление защитного поля. Акопян и Шаров прыгают в свои кресла за пультом, некоторое время изучают показания приборов, о чем-то переговариваются. Затем Шаров включает аппаратуру связи и говорит в телефоны:

– Алло, Веншин! Протонная атака! Рекомендую вам немедленно покинуть смотровой отсек и вернуться в салон.

Это приказ? — раздается голос Веншина, усиленный громкоговорителями.

Если хотите, да, — отвечает Шаров.

Протонная атака! Я машинально включаю записывающую аппаратуру и возвращаюсь к столу. Протонная атака... Вот оно!

Заложив в компьютер необходимую информацию и обработав все возможные варианты заданных программ, я через несколько часов смог представить Веншину окончательный вывод. Теперь я мог гордиться простотой и изяществом новой гипотезы. Во-первых, Солнце является своеобразной ловушкой для метеоритного вещества: мощное притяжение, с одной стороны, и световое давление — с другой приводят к тому, что мельчайшие из метеоритных пылинок скапливаются в узкие ленточные облака, вытянутые вдоль экватора. Во-вторых, атомы захваченного вещества, подвергаясь непрерывной бомбардировке элементарными частицами высоких энергий, в частности протонами, изменяют свою структуру. Поэтому «пепловые поля» интенсивно обработанные солнечной

радиацией, содержат значительное количество трансурановых элементов. Корональная область нашей звезды — самый производительный цех в трансурановой металлургии!..

СОЛНЕЧНАЯ ЛУНА

Время от времени сквозь пятислойный корпус салона слышится гул. Это автоматически включаются моторы, корректирующие движение «Бизона» по многовитковой спирали, направленной к Солнцу.

Постепенно мы должны приблизиться к поверхности Солнца настолько, насколько это позволит защитная система «Бизона».

Сумев разгадать мое увлечение астрофизикой, Веншин резко повысил требовательность. Теперь он упорно старался развить во мне способность к обобщению накопленных фактов и не скрывал своего недовольства, если я допускал хотя бы малейший промах. Его короткие, но емкие по содержанию лекции, а также самостоятельная работа над трудами по астрофизике открывали передо мной горизонты новых для меня знаний. С каждым днем я становился уверенней в себе, как будто вместе с новыми знаниями черпал новые силы.

Наконец, Веншин высказал мнение, что одновременная вахта для нас — непозволительная роскошь. И мы стали сменять друг друга. Уступая мне рабочее место, он лаконично излагал условия очередной программы исследований и бывал доволен, если я не нуждался в дополнительных пояснениях. Сегодня он подсунил мне спектрогелиограммы, снятые в лучах кальция:

— Попробуй выявить закономерность распределения кальция в разных слоях фотосферы. Работа кропотливая, трудная, не обольщайся кажущейся простотой.

Шаров готовился сменить Акопяна.

— До завершения витка остается восемь ми-

нут, — предупредил Акопян. Поднялся с кресла, несколько раз присел, чтобы размять затекшие ноги.

Внезапно я ощутил легкий толчок. Второй, третий... Веншин и Шаров переглянулись, Акопян настороженно вытянул шею. Гул орбитальных моторов перешел в угрожающий рев. «Бом-бом...» — раздались звонкие удары, будто в колокол: «растерявшиеся» автоматы призывали человека на помощь.

Шаров стремительно повернулся к приборам.

— Локатор!

На экране проступили бледные, неясные пятна, зигзаги помех и ничего больше. Указатели напряженности электростатического поля выбрасывали чудовищные цифры, гравитометры лихорадило, глухо ревели моторы. «Бом-бом, бом-бом...» Автоматы вели неравный поединок с неизвестным противником, и никто не знал, чем им помочь...

Тревожным воем сирены центральный пост корабля предупредил о включении пространственных двигателей. Я видел, как у Веншина на мгновение расширились зрачки. На смуглом лице Акопяна проступила заметная бледность. Шаров жестом приказал нам занять кресла, но было поздно. Сильный толчок швырнул меня кому-то под ноги, и мы кубарем покатались к стене. Я лихорадочно вспоминал, удалось ли мне дернуть рукоять включения оптического модулятора. Невероятная тяжесть сковала руки, навалилась на грудь, голову.

Почему-то вспомнились Азорские острова, горячий песок, сверкающая синева океана, чайки и наша лихая ватага спортсменов-глубоководников. На пятисотметровой глубине мы тоже чувствовали себя неважно... Интересно, удобно ли Веншину лежать на мне поперек? Черт бы побрал эту тяжесть! На островах было лучше... А рукоять модулятора я все же, по-моему, дернул...

Давящая тяжесть исчезла. Я вскочил на ноги и помог подняться Веншину. Акопян сидел на полу, обхватив голову руками.

— Мне кажется, — заговорил он, потирая ушиб-

ленные места, — мы сравнительно легко отделались. Вот только от чего, не знаю... Вы не подскажите, Веншин?

— Между прочим, я первый раз в этом районе, — невесело отшутился Веншин. На лбу его кровоточила ссадина.

— Ну а все же?.. — поддержал Акопяна Шаров. Он сидел у навигационного пульта, выверяя курс. — Может быть, прозевали протуберанец или какой-нибудь внеочередной выброс?

Настойчивость Шарова производила неприятное впечатление. В этом «мы прозевали» звучал плохо скрытый укор, потому что прозевать могли только я и Веншин, и в основном Веншин. Вопреки ожиданию, он не смутился и ответил так, как привык отвечать, — обстоятельно и подробно:

— Масса вещества протуберанцев занимает колоссальный объем, и гравитометры отметили бы завихрения гравитационного поля еще задолго до того, как прозвучал сигнал опасности. Однако мы стали свидетелями...

— Жертвами, — поправил Акопян, ощупывая разбитый нос.

Веншин посмотрел на него невидящими глазами:

— Я думаю, сейчас мы нуждаемся в более или менее приемлемой рабочей гипотезе, которая помогла бы нам разобраться...

— Сейчас вы больше нуждаетесь в медицинской помощи, — не выдержал я. — Вы и Акопян обязаны уделить мне несколько минут.

Веншину я наложил биомидную повязку. Акопяну, кроме того, пришлось сделать рентгеновский снимок лицевой части черепа. К счастью, мои опасения оказались напрасными.

— Продолжайте, — сказал Шаров, когда все процедуры были закончены. — Итак, вы считаете, что происшествие не связано с эруптивной деятельностью Солнца?

— Увы, только предполагаю.

— Понятно... Ну и что вы предлагаете в качестве рабочей гипотезы?

Я болезненно ощущал подоплеку этой атаки. Дескать, мы, звездолетчики, ведем корабль туда, куда требует твоя астрофизика, рискуем головой в интересах этой самой астрофизики. Потрудись же в таком случае по возможности правильно определить характер мели, на которую мы наскочили, пересмотреть свою астрофизическую лоцию с тем, чтобы избавить нас в дальнейшем от подобных неприятностей. Шаров, безусловно, прав. Но и Веншин не заслужил, чтобы его подгоняли, как школьника. Обстановочка!..

Веншин исподлобья оглядел всех по очереди.

— Это была небольшая планетка или солнечная луна.

— Н-да... — первым заговорил Акопян. — Истории известны случаи, когда планеты открывались с помощью гусиного пера, но я впервые слышу, чтобы такого рода открытия были основаны на изучении собственных синяков и шишек. Нам остается придумать имя для новой планеты... Стоп, нашел! Веншиния! Звучит? Или, может быть, Глебия?

— Акопяния, — предложил Веншин. — Так, моему, лучше.

— Почему бы и нет? Польщен и тронут.

— Подождите, — остановил их Шаров. — Ты хочешь что-то сказать, Алеша?

— Да, мне кажется, я успел включить съемочную аппаратуру модулятора...

— И ты молчал до сих пор?! — удивился Веншин. — Немедленно готовь запись к просмотру!

Экраном для демонстрации магнитных фильмов служил вогнутый потолок салона. Запрокинув головы, мы застыли в ожидании. И вдруг — словно раздвинулся занавес — мы увидели: клубящиеся струи раскаленных газов медленно сплетались в грандиозные букеты махровых гвоздик. Огненное великолепие! Каждый раз, оказываясь лицом к лицу с Солнцем, я чувствовал себя взволнованным и восхищенным. На огненном фоне появился темный диск. Веншин при-

встал. Диск быстро увеличивался в размерах, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и, наконец, закрыл собою экран.

— Фильтр! — крикнул Веншин.

Я понял, что он имеет в виду, и мгновенно отключил предохранительную систему, ослабляющую яркость. Прежде чем изображение исчезло, мы успели разглядеть слабосветящийся красноватый шар.

— Поздравляю, — сказал Шаров. — Вы действительно открыли новую планету.

— Так-то оно так... — задумчиво ответил Веншин, запуская пятерню в свои редкие белокурые волосы. — Но эта проклятая... луна существует вопреки всем законам небесной механики.

Акопян мастерски изобразил на лице горестное недоумение:

— Вы хотите закрыть только что открытую планету?

— Нет, зачем же закрывать? Напротив...

— Издеваетесь, да?

— Это — неустойчивое образование! — высказал я догадку.

— Верно, Алеша, — поддержал меня Веншин. — Те из метеоритов, комет или даже небольших астероидов, которые в силу каких-то причин потеряли устойчивую орбиту, могут оказаться пленниками Солнца. Это известно давно. Следовательно, нет ничего сверхъестественного в том, что Солнце время от времени создает для себя из этого материала недолговечные игрушки наподобие той, которую нам посчастливилось только что встретить. Высокий процент содержания железа и никеля хорошо объясняет мощь гравитационного поля этой луны. Верны ли наши предположения, нам предстоит выяснить.

— Уж не хотите ли вы организовать погоню? — спросил Акопян.

— Именно так.

Мне показалось, что Акопян побледнел.

— Веншин, оставьте луну в покое.

— Мы обязаны детально изучить солнечный феномен.

— Несокрушимая логика! Но вы никак не объяснили резкого повышения напряженности электростатического поля. А ведь это опасно...

— Поздно спохватились. Об этом нужно было думать на Меркурии...

— Намек понятен, отвечаю: я готов. Ешьте меня под соусом ваших идей, закусывайте протуберанцами. Думаете, за себя испугался?

Шаров знакомым жестом погладил подбородок. Все трое уставились на меня.

— Мы напрасно теряем время, — сказал я, пожимая плечами.

Глаза Шарова на секунду прищурились, потом вдруг стали жесткими и холодными.

— Добро! — сказал он медленно, но веско, и в этом слове, тяжело, как удар молота, обозначилась сила его внутренней собранности. — Маневр сближения поручаю Акопяну. Веншин берет на себя программу научных наблюдений. А вам, Морозов, надлежит собрать в контейнер дубликаты исследовательских материалов для отправки их в сторону Меркурия.

Командир впервые назвал меня по фамилии...

Я недоумевал: зачем Шарову понадобилось вручную тащить контейнер так далеко, если люк шахты подъемника находился прямо в салоне. Закованные в защитные скафандры тяжелого типа, мы выволокли толстый блестящий цилиндр в переходную камеру. Пока нагнеталась аргонная атмосфера, я с интересом разглядывал зеркальную фигуру командира: огромные плечи, мощная, слегка сутулая спина, вместо головы — плавно сливающийся с плечами бугор, вместо глаз — продолговатая щель перископа. Какое-то фантастическое чудище! Промелькнула жутковатая мысль: а что, если это не Шаров? Что, если рядом со мной стоит бездушный, таинственный робот?.. Я рассмеялся. Смех прозвучал хрипло и не очень уверенно.

Тяжелый щит медленно съехал в сторону.

— Пойдемте, Морозов, — слышу я голос Шарова.

После привычной тесноты салона внешняя полость корабля кажется удивительно просторной. Еще бы: шаровидный салон занимает здесь столько же места, сколько грецкий орех в глубокой тарелке. Все остальное пространство заполнено агрегатами противорадиационной защиты. Словно лопасти гигантской турбины, закрученные в одну сторону, разметали свой широченный размах спирально-вогнутые металлические крылья, красные от жара едва ли не на половину длины. В промежутках между крыльями виднеются отдельные участки внешнего корпуса корабля. Раскаленный корпус излучает довольно яркий свет. В разных направлениях змеятся широкие ленты теплопроводов, нарушая четкую геометричность систем многочисленных трапов, балок, труб и шахтных стволов. В специальных углублениях тускло мерцают верхние диски лямбда-преобразователей. Это благодаря им «Бизон» окружен защитным полем, обезвреживающим яростный натиск солнечной радиации. От их безупречной работы зависит успех экспедиции.

Кружным путем мы выходим к стволу подъемника. Я закладываю контейнер в камеру, и Шаров нажимает рычаг. Все. О дальнейшем пути контейнера позаботятся автоматы. Слышно, как аргоновый вихрь уносит камеру вверх по стволу к широкому конусу почтового корабля. Взвыли сервомоторы, огромный конус тронулся и плавно двинулся по рельсам. Через минуту «почтальон» умчится в сторону Меркурия, и там его встретят корабли-перехватчики...

Я вздрагиваю от пронзительного крика сирены. Мне кажется, что в крике машины, вдруг зазвучавшем в этом царстве багровых отблесков, я улавливаю тягучие ноты прощания, жалобы...

Сирена смолкает, «почтальон» исчезает за створками кормового отсека. Слышится вибрирующий свист... Пошел. ♪.

Мы опускаемся вниз. Шаров останавливается и неуклюже топчется на месте, осматривая оборудова-

ние, проверяя надежность креплений. Теперь я понимаю, зачем ему понадобилась эта экскурсия.

— Как ты думаешь, Алеша, где находится наша ахиллесова пята?

«Тур» и «Мустанг» были оснащены не хуже «Бизона», но они не вернулись, и Шаров мучительно ищет причину их гибели. Я не отвечаю ему. Зачем? Ведь он и не ждет ответа.

С круглых площадок свисают черные щупальца. Мы обходим их стороной. Эти машины, похожие на огромных спрутов, создают искусственное поле тяготения, к ним приближаться опасно. Впереди поблескивают глянцевые бока орбитальных моторов. Моторы деловито гудят.

Винтовая лестница приводит нас на небольшую площадку, обнесенную крепкими поручнями. Отсюда хорошо видны громадные цилиндры пространственных двигателей. Шаров делает мне знак остановиться.

— Мы остаемся здесь... на всякий случай.

Взглянув на радиометрические датчики, я заметил, что радиация возросла втрое. Обращаю на это внимание Шарова.

— Вижу, — ответил он. — Близость луны оказывает влияние на защитное поле «Бизона». Ну что ж, подготовимся к встрече. Закрепить поясные леера!

Я хватаю кольцо карабина и пытаюсь правильно соразмерить длину стального троса. В этот момент загрохотали моторы, настил рывками стал уходить из-под ног. Я вцепился в поручни. Шаров проехал мимо меня на спине. Грохот внезапно прекратился, но настил под ногами продолжал раскачиваться. Отпустив поручни, я бросился к Шарову. Моторы снова взревели, меня швырнуло лицом вниз и потащило по ступенькам винтовой лестницы. «Интересно, чем кончится эта акробатика?» — успел подумать я. Ответом был страшный удар в спину, в глазах замелькали радужные пятна. Наконец мне повезло: я застрял между какими-то трубами. Скоро на помощь пришел

командир — он помог мне подняться на ноги и спросил, все ли в порядке.

— Не знаю... — буркнул я, стискивая зубы от боли. — Мои кости в порядке, но за целостность кронштейнов трубоподвески не ручаюсь.

Поддерживая друг друга, мы с трудом взобрались на свою площадку. Сначала мне показалось, что все вокруг запорошено хлопьями зеленоватого света. Однако хлопья перемещались с места на место, меняли форму, слипались в какие-то странные, блуждающие комки, которые тут же расплзались по поверхности предметов бледными струйками.

— Как ты находишь, Алеша, красиво, а?

В голосе Шарова звучала тревога.

— Похоже на блуждающие заряды.

— Похоже... — мрачно согласился он.

Он стоял, широко расставив ноги, неподвижен, как статуя. Я рванул его за плечо и указал на датчики:

— Радиация достигает критических величин! Надо немедленно уходить!

— Вы быстро теряете чувство юмора, Морозов.

Какой там еще к черту юмор?!

Ослепительно сверкнул зигзаг зеленой молнии. От ужасного треска заложило уши. Еще зигзаг, еще... Молнии били в блестящую оболочку салона, плясали на массивных радиаторах теплоприемников, змеились среди переплетенных труб и распорок. Сплошное сверкание и треск, треск, от которого можно оглохнуть... Внезапно рядом с Шаровым вырастает огненный жгут. Шаров клонится набок и медленно сползает в сторону. Руки его, закованные в панцирь, торчат вверх...

Не помню, как мне удалось дотащить командира до переходной камеры салона. Перевалившись вместе с ним через высокий порог, я на четвереньках подполз к щиту и привел в действие запирающий механизм... Щит тронулся, и в этот момент среди треска разрядов я услышал тонкий, вибрирующий свист; такой свист могли издавать только пространственные двигатели. Тело быстро наливалось свинцом — не

менее четырех «же» ускорения... Значит, уходим от этой проклятой электрической луны. Кажется, я теряю сознание...

Часть вторая

СТРАШНАЯ ВАХТА

Счастливо отделавшись от коварной луны, мы вернулись на прежний курс. «Бизон» исправно накручивал виток за витком, приближаясь к внутренней короне, которая простиралась едва ли не на половину солнечного радиуса от поверхности океана огненных бурь.

У Веншина участились стычки с командиром по поводу рабочего времени — ему было мало восемнадцати часов в сутки. Акопян, сам перегруженный работой, старался урвать минутку, чтобы немного развлечь нас, и если в салоне вдруг раздавался дружный смех, то этим мы были обязаны только ему. Кстати сказать, под его редакцией довольно регулярно выходили номера светогазеты «Солнечный удар». В последнем номере он поместил карикатуру, где были изображены Шаров и стиснутые между его колен участники нейтринного эксперимента. Недвусмысленные позы наказуемых и поднятая для удара кассета с надписью «Нейтринный успех» весьма своеобразно, но точно передавали полный драматизма эпизод. Однажды Акопяну удалось уговорить всех послушать маленький концерт легкой музыки. К сожалению, по моей вине концерт не состоялся. Как-то, совершенно случайно, я использовал кассету фильма-концерта для записи радиоизлучений Солнца, и сейчас вместо музыки стереотремы изрыгнули чудовищную порцию рева, похожего на злобное рычание рассерженных львов. Озадаченный Акопян перечитал этикетку: «Если мы вдвоем. Брикли. Твой поцелуй... Серия «К», фильтр 08/6-РГД, 450 мегагерц!»! Никогда не забуду испепеляющего взгляда, которым он меня одарил.

Наши с Шаровым прогулки во внешнюю полость корабля стали отличаться регулярностью. Командир выглядел все таким же спокойным, он лишь чаще обычного сосредоточенно поглаживал подбородок. Короче говоря, все шло своим чередом вплоть до той удивительной «ночи», которой суждено было нарушить наше в общем-то безмятежное бытие...

За ужином, кроме отлично прожаренных бифштексов, Акопян угостил нас рассказами о печально знаменитой экспедиции Снайра. Я слушал его с интересом, хотя с самого начала так и не мог понять, шутит ли он, или живописует действительные события пятнадцатилетней давности. О том, что он и Шаров — участники этих событий, я знал. Знал, что их первое знакомство состоялось в красной марсианской пустыне при очень драматических обстоятельствах. Однако в передаче Акопяна трагизм положения первых марсопроходцев как-то терялся среди забавных мелочей.

— ...Что тут было! Мы еле держались на ногах, а десанникам — наплевать. Они дурачились, как щенята, валили нас на песок, топтали ногами, демонстрируя на наших ослабевших организмах приемы дзюдо. И все это к вящему удовольствию джед-джедаков, которые спешили к месту происшествия целыми семьями.

Акопян отправил в рот кусочек бифштекса и аппетитно причмокнул.

— Но Снайра им положить не удалось — слабо! Он с восторгом выколачивал пыль из скафандров спасателей — особенно доставалось Шарову — и от радости мычал что-то нечленораздельное. Н-да... Алеша, налей мне, пожалуйста, виноградного сока... Спасибо. Когда мы вернемся домой, я угощу тебя настоящим кавказским вином. Веншин, предложите командиру салат, вы по рассеянности съели его яичницу... Так вот. Любопытные джед-джедаки расселись на ближайших барханах, как в театре. Они, подобно нашим пингвинам, редко упускали возможность понаблюдать за деятельностью двуногих гостей из дру-

гого мира, там и сям возникали ссоры из-за лучших мест в партере. Они одобрительно стрекотали, если находили ситуацию забавной, и лениво водили всеми своими шестнадцатью щупальцами с набалдашниками на конце, если им делалось скучно. Н-да... Но тогдашний спектакль проходил под аншлагом. Наиболее восторженные зрители лезли на сцену. Один из таких смельчаков приковылял к Шарову и с немым обожанием застыл у его ног. «Ну что ж, будем знакомы!» — сказал Шаров и протянул ему руку. Джед-джедак протянул щупальце с наиболее крупным из своих набалдашников. Возможно, он хотел потрогать незнакомый предмет, но Шаров почему-то решил, что это сделано в знак особого к нему расположения, и с чувством пожал «ладонь» марсианина. Вы бы видели, как позеленел от злости представитель марсианской фауны! Он подпрыгнул, вырвался и припустился бежать, оставив Шарова в недоумении. Я стоял ближе всех и наслаждался рестерянностью десантника. Но надо же объяснить человеку, в чем дело. «Ты, дорогой, совершил поступок, который считается величайшей бестактностью не только в нашей галактике, но, вероятно, и далеко за ее пределами», — сказал я. «Не понимаю, — признался Шаров. — До сих пор я считал, что крепкое дружеское рукопожатие... Может быть, я сильно сжал ему лапку?» — «Вовсе нет! Ты дружески крепко пожал ему голову».

Смеялись только я и сам рассказчик.

— Болтовня, — отмахнулся Шаров.

— А вы что скажете? — спросил Акоюн у Веншина.

— Оставьте меня... э-э-э... в покое. Ваша словоохотливость мешает мне сосредоточиться.

Акоюн ткнул меня в бок и повертел пальцем у лба:

— Старик, кажется, того... Ты присматривай за ним, это по твоей части.

Двадцать один ноль-ноль условных суток относительного времени. Шаров и Веншин о чем-то шепчутся, затем Акоюн и Шаров сдают вахту и расходятся

по своим спальным нишам. Веншин подходит ко мне, трет ладонью бледный лоб, словно припоминая что-то. Он явно в затруднении, желая выбрать тему для моей работы полегче.

— Энергообмен обрабатывающего слоя и хромосферы, — подсказываю я.

— Вот-вот, именно! — кивает он и спешит к своему столу. Но вдруг останавливается. — Ты справишься с этим, Алеша?

— Думаю, да. Зачем вы скрываете, что плохо чувствуете себя? Завтра же устрою вам внеочередной медосмотр.

Веншин пожал плечами:

— Как знаешь. Да... расчеты требуется произвести с особой тщательностью. Я воспользуюсь конечным результатом для новой методики наблюдений. Целиком полагаюсь на твою... добросовестность, проверять некогда. Тема чрезвычайно сложная, желаю удачи.

И он забывает о моем существовании. Я торопливо осматриваю свое хозяйство. Все в порядке, аппаратура работает нормально. Отбираю нужные мне материалы и погружаюсь в расчеты.

Проходит час. Несмотря на занятость, я совершенно независимо от своей воли ухитряюсь следить за окружающей обстановкой. Уши сами слушают, глаза сами отмечают малейшие изменения в комбинациях световых сигналов — привычка, выработанная необходимостью. Внезапно ощущаю запах гари. Поднимаю голову, принохиваюсь. Нет, показалось. Но чувство чего-то тревожного не покидает меня. Мерно тикают отметчики времени на стенде регистраторов, тонко поют приборы, лениво перемигиваются цветные огоньки на пультах. Как будто ничего особенного.

Стоп! Опять этот противный запах... Что за ерунда?!

— Вы не чувствуете запаха гари? — спрашиваю Веншина.

Веншин не отвечает. Поворачиваюсь к нему. Он... спит. Спит прямо за столом, положив голову на руки,

и блаженно посапывает во сне. Ну и пусть отдыхает. В наших условиях сон — это, пожалуй, самое необходимое лекарство для него. Нервное истощение...

Бросаюсь к приборным стендам: датчики перемалывают привычные цифры, зеленые лучики выписывают на экранах знакомые графики, шкальные блики дрожат на обычных местах. Правда, чуть-чуть изменилась характеристика поля гравитации, но в пределах допустимого. И вдруг... вдруг я замечаю, что регистраторы все, как один, точно сговорившись, указывают нуль радиации! Не сон ли это? Приборы вышли из строя? Все сразу?.. Не может этого быть! Надо будить командира.

Случайно мой взгляд останавливается на странице бортового журнала. Почерк Шарова. Читаю: «Радиация падает... (колонка цифр). Параметры протонного потока... (следуют символы, цифры). Чужеродное магнитное поле... Вспышка... Водородный флоккул...» Гм, значит, он знал об этом... Сажусь в кресло центрального пульта и вопросительно смотрю в большие желтые глазищи-блюдца электронного логмана. «Глаза» успокоительно мигают — желтоватое сияние то разгорается, то угасает. Внезапно в глубине этих громадных зрачков улавливаю какой-то красноватый, дьявольский отсвет. Вглядываюсь пристальней: на выпуклой поверхности «глаз» медленно передвигаются отблески двух красных колец. Что-то знакомое чудится мне в их замедленном, плавном движении... Торы!!!

Сердце сжалось от боли в предчувствии непоправимой беды. Я понял, что вижу отражения торов... Но я не могу заставить себя обернуться.

Наконец оцепенение прошло. Я вскакиваю с кресла... Там, под самым потолком салона, где секунду назад плавали кольца, медленно тает оранжевая дымка. Чушь, просто мне показалось!..

Поворачиваю голову, чтобы взглянуть на спящего Веншина, и содрогаюсь: он лежит на столе все в той же позе, но его хитро прищуренные глаза с любопытством следят за мной... Мне становится жутко.

— Вы спали? — спросил я, чтобы услышать звук собственного голоса.

— Нет, я не спал, — Веншин направляется ко мне.

— А я был почему-то уверен...

Он жестом прерывает меня и долго молчит, разглядывая свои руки, словно впервые их видит.

— Меня считают здесь сумасшедшим, — говорит он и вертит пальцем у лба. — Ну что ж, я уйду...

— Куда?.. — спрашиваю одними губами.

— Я уйду к солнцу, — отвечает Веншин и смущенно смеется.

Чувствую, как по спине ползут холодные капли пота.

— Нельзя так шутить!

— Шутить?.. — взгляд его становится укоризненно-скорбным. — Я знаю: вы все боитесь идти со мной. И ты, и Шаров, и Акопян. Ведь правда? Ну что ж, прощайте, мне пора!..

Хочу крикнуть: «Вы действительно потеряли рассудок!», но вместо этого глотаю застрявший в горле комочек. Веншин страшно бледнеет, закрывает глаза, голова его безжизненно свешивается на грудь. Он куда-то уходит, точно плывет. Я смотрю ему вслед, но мне мешают видеть слезы и легкое головокружение...

«Глаза» электронного мозга перестали мигать, в желтых зрачках застывает тупая покорность, на сигнальных панелях пробегает судорога зеленых огоньков. Мне почудилось, будто лязгнула крышка люка выходной шахты. Оглядываюсь — Веншина в салоне нет.

Я бросаюсь к люку переходной шахты и всем телом налегаю на рычаг.

Рычаг не поддается. Значит, Веншин успел накинуть внутренние замки! Что, если он надумает открыть выход из переходной камеры?!

Меня пробирает дрожь.

— Вернись! — ору изо всех сил и колочу кулаками о металл.

Ну почему я не сумел заранее распознать его недуг?! Даже Акопян заметил!.. Но что же я медлю! Тревога! Тревога!!!

Вот спальная ниша Шарова. Рывком отодвигаю перегородку:

— Командир, просни...

Крик застывает в горле, холодеет кровь. Ниша командира пуста... Внутри, возле сердца, обрывается что-то и рассыпается тысячью звенящих осколков.

Ниша Акопяна пуста...

Это выше моих сил!..

Не знаю, сколько времени я просидел в кресле с закрытыми глазами, обхватив ладонями виски. Не открывая глаз, думал: «Какой, однако, нелепый сон. Смешно».

Открываю глаза. По-прежнему тихо в безлюдном салоне.

Я вяло удивился, что навязчивый сон продолжается. Протянул руку и взял со стола циркуль-измеритель. Холодный, гладкий, имеет вес... Стальные иглы вонзились в тело, и я почувствовал боль. Нет, во сне так не бывает.

Оставалось признать себя сумасшедшим. Эта мысль показалась мне забавной. Попробовал скорчить идиотскую гримасу. Получилось. Горло перехватила судорога отвращения.

— Мида, иди ко мне, — позвал я.

К моему креслу подкатил небольшой белый ящик на мягких колесиках. Холодные щупальца электродов обвили руки, шею, забрались под одежду.

— Нервный шок, — констатировала Мида размеренным голосом. — Необходим полный покой, глубокий сон... Рекомендую принять снотворное.

Вот глупая! Разве я не сплю?

— Марш на место!

Ящик послушно укатился прочь.

Я брожу по салону и думаю, думаю... А может быть, и не думаю ни о чем, только бесцельно брожу и трогаю руками все, что ни попадает на пути. Скопище безмозглых автоматов... Неужели «Бизон» все

еще послушен им?! Впрочем, какая мне разница, мчится ли он по точно рассчитанной кривой или беспорядочно падает куда-то?.. Одному он мне не нужен. Да и я ему не нужен один...

Липкая мгла безудержного страха застилает сознание. В приступе ярости бью кулаками о стены, катаюсь по полу, кусая руки. Быть может, даже кричу... По моим щекам струятся слезы.

Мне жаль себя, и я плачу навзрыд, как ребенок. Ох, как мне жаль себя!..

ГЕЛИАНА

Сколько прошло времени, не знаю. Может быть, целая вечность. Странная тишина. Тишина непроницаемая, мертвая. Поднимаю голову и оглядываю салон. Приборы замерли, и все вокруг выглядит так, словно корабль устал от бесцельной работы и погрузился в дремоту. Он выполнил свой долг и теперь отдыхает, прикрыв веки многочисленных экранов. Люк переходной шахты открыт.

Я тоже устал. Устал удивляться, устал чувствовать себя живым. Да и какой мне смысл страдать от одиночества и горя, кружить в непроходимых дебрях собственных галлюцинаций? Вверху, над головой, тихонько мурлычет кот. Ну и пусть. Почему бы ему и не мурлыкать? Теперь мне все безразлично... На всякий случай оглядываю потолок.

Огромные кольца лениво обмениваются сгустками оранжевой дымки. Их два. Это они издают странные звуки, похожие на сытное урчание котов. Я погрозил им кулаком. Пожалуй, это все, что я могу сделать. Их двое, я — один. К тому же я сошел с ума, потерял рассудок... А если нет? Что, если все происходящее не бред и не игра воображения? Быть может, мы в плену у этих тварей?

Делаю прыжок в открытый люк переходной шахты и устремляюсь вдоль тубинговых стен туннеля. Этим путем ушел Веншин. Разыскать его, во что бы то ни стало разыскать!..

Выходной люк тоже открыт. Но там, где должна быть испепеляющая ярость раскаленной бездны, переливается голубое сияние таких чистых и радостных тонов, какими дарит людей только земное небо.

У выхода — широкая синяя полоса. Не могу понять, что это такое, и осторожно пробую плоскость ногой. Твердо, можно ступать... Прямо передо мной — остроконечные вершины заснеженных гор. Подошвы их скрыты в тумане.

Синяя полоса, словно дорога, проложенная по облакам, уходит вдаль грациозным изгибом. Иду по ней, как во сне, оглушенный тишиной, ослепленный великолепием. Грудь дышит легко, свободно. Далеко позади остался громадный конус «Бизона», а я иду все вперед и вперед, не зная куда и зачем.

И вдруг в гулком пространстве возникает удивительный звук. Похоже на растянутый удар гонга. Звук тронул сердце и увлек в другой мир ощущений, до боли знакомый и светлый. Где-то в глубине пробудившейся памяти тоненьким звоном рассмеялось мое далекое детство. «Мама, а звезды могут смеяться?» Мама склоняется надо мной. Темно, я почти не вижу ее. В большие окна заглядывают звезды. «Могут, мой мальчик. Спи, поздно уже. Хочешь, я тебя поцелую?» — «Да... и еще я хочу, чтобы меня поцеловали звезды...» — «Звезды заняты, они освещают ночное небо». — «И эта?» — показываю на голубую лучистую каплю. Мне кажется, она ближе всех. «И эта. Спи, родной. Когда ты вырастешь, все твои желания исполнятся». Мама гладит мой лоб...

Издаലെка на крыльях неведомой мелодии прилетел голос. Женский голос. Кристально чистый, как поцелуй звезды, он окликнул меня и поманил за собою к сверкающим вершинам гор. Я останавливаюсь и слушаю, один на синей дороге. Вокруг ветер и горы. И голос. Мне не догнать его, ведь у меня нет таких крыльев...

А голос поет. Прозрачный и радостный, он с легкостью взлетает в недосягаемую высь, парит над мелодией, наслаждаясь свободой полета. Он будто при-

ближается к границе полной невесомости, и я боюсь: вдруг он уплывет за эту грань, исчезнет навсегда. Голос, словно угадывая мою боязнь, возвращается обратно и долго блуждает в разливах тающих аккордов. Потом он постепенно набирает волнуемую силу, наполняя мир теплом, любовью и нежностью...

Пение обрывается. Я стою и продолжаю вслушиваться, не в силах преодолеть оцепенение. Но я уже не тот, что прежде, — пожалуй, я стал лучше. Лучше и чище, богаче. Слово мой разум обрел небывалую силу, и я стал видеть далеко и во все стороны сразу.

На голубой дороге маячит пятнышко. Пятнышко растет, приближаясь, раздваивается. Одно из них совсем маленькое. Я прикрываю ладонью глаза — пусть отдохнут.

Отняв руку, вижу перед собой... девушку. Большие, слегка удлинённые глаза, синие с золотистыми искорками — океан в погожий солнечный день; темные брови, ресницы, густые и длинные, волна ослепительно белых волос... На обнаженных плечах — ожерелье из голубых звезд.

— Здравствуй... — говорит она, и я ее понимаю.

— Здравствуй...

Я снова прикрываю веки. Мираж? Видение?

Нет, она не исчезла. Она по-прежнему стоит передо мной и с интересом меня разглядывает. На ней легкое светлое платье из какой-то пенящейся ткани. К ее ногам робко прижалась маленькая белая лань.

— Кто ты, путник?

Она говорит не так, как говорят люди, но почему я понимаю ее?

— Я — сын Земли. Ищу своих друзей.

— Мы с Лимой — твои друзья. Но ты искал не нас?

— Нет.

— Кто такие те, кого ты ищешь?

— Мои товарищи... Люди.

Вокруг нее медленно кружит серебристо-матовый шарик.

— Я не такая, как люди?

Я вижу, с каким волнением она ожидает ответа. Голубые звезды издают тонкий тающий звук. Это похоже на озвученное мерцание льдинок...

— Не знаю... — наконец отвечаю я. Чувствую свою неловкость. — Это ты пела? Твой голос много рассказал мне о тебе.

Синие глаза погрузнели. Странные, неземные глаза — сплошная радужка...

— Я хочу быть такой же, как люди.

Матовый шарик дрогнул, покрылся блестками и описал замысловатую кривую.

— Как зовут тебя, незнакомка?

Она произнесла что-то, очень похожее на земное имя Майя.

— Майя — это значит Мечта. Ты красивая, Майя. Когда-нибудь люди станут такими, как ты...

— Спасибо тебе, сын Земли.

Четыре тороида плавно вращаются над нашими головами.

— Как называется мир, в котором мы находимся, Майя?

Она ответила, мне послышалось: «Гелиана».

— Гелиана?.. В этом слове есть знакомый мне слог.

— Я знаю. Миолмы общения правильно переводят мои слова. — Она показала рукой на торы.

Понятно: миолмы общения просто-напросто внушают мне смысл слов, сказанных на незнакомом языке. Я с уважением смотрю на торы, тяну к ним руку. Кольца, вздрагивая, отплывают.

— Они недоступны осязанию, — говорит Майя. — Миолмы никогда не позволят коснуться себя — это опасно.

Мне как-то не по себе.

— А эти горы, этот снег тоже недоступны осязанию?

— Снег?.. — На лице Майи любопытство и озабоченность. — Ты видишь то, что хотел увидеть. Я даже не знаю, что видят твои глаза. Должно быть, что-то прекрасное...

Вот как!.. Неуверенно протягиваю руку, чтобы коснуться ее. Но не коснулся. Мне страшно встретить пустоту. Девушка понимающе улыбается и берет меня за руку. Если бы она знала, как мне приятно гладить ее маленькую, теплую ладонь!..

— Я дам тебе другое зрение, и ты увидишь мой мир, — говорит она.

Матовый шарик делится на два поменьше. Один из них покидает свою орбиту и кружится возле меня. Сначала это кружение казалось назойливым, но скоро я перестаю замечать его.

Синева дневного неба быстро тускнеет. С горных вершин сползают снега, обнажаются острые грани. Не горы, а какие-то правильные пирамиды. Над горизонтом вспыхивает красное полукружие.

— Ты начинаешь видеть мой мир, — как бы изда- лека доносится голос Майи.

Все окружающее постепенно меняет цветовые тона: фиолетовые, голубые, зеленые меркнут; оранжевые, красные разгораются. На гранях пирамид ползут отражения ломаных дуг. Дорога теряет свою голубую прозрачность, приобретает ярко-малиновый цвет и расползается множеством плоских фигур.

Я стою и растерянно озираюсь вокруг, ошеломленный внезапностью появления каких-то больших предметов, похожих на пурпурные орхидеи. Надо мной нависли колокола прозрачных лилий. Их серповидные стеклянные лепестки отражают мириады огней. На длинных стебельках раскачиваются причудливые чаши, наполненные бледно-лиловым сиянием. Очень трудно остановить свой взгляд на чем-то одном! Все кругом в беспрестанном движении, неуловимым образом приобретает новые формы, цвета и размеры. Лишь только ярко-красные торы по-прежнему вращаются парами. Они, словно играя, обмениваются туманными сгустками, и в этой игре определенно есть какая-то закономерность...

— Тебе здесь нравится? — слышу я голос Майи.

Оглядываюсь... и не узнаю ее. Волосы уже не белые, а красноватые, с медным отливом. Глаза источа-

ют яркую, пронзительную синеву, и мне чудится, что, если она их прикроет ресницами, все вокруг должно потускнеть и угаснуть; пылающая чешуя ее платья резко оттеняет матовую гладь обнаженных рук и плеч, звезды сияют рубинами. Она кажется мне выше, чем была. Наверное, из-за того, что изменилась осанка. В каждом ее движении, внешне спокойном и плавном, ощущается сдерживаемый порыв. Но нет, пламени нельзя приказать: стой, замри! Пламя остается пламенем...

— Да, мне нравится твой чудесный сад.

— Это не сад, это — Гелиана. Я не могу тебе объяснить так сразу... — задумчиво произносит она.

И я ей поверил.

— Ты одна здесь... в своей Гелиане?

— А Лима? Разве она не со мной?

— Я спрашиваю о тех, кто подобен тебе.

— Да, здесь я одна. Но теперь пришел ты, сын Земли. Я ждала тебя... Долго ждала.

И я опять поверил ей. Чувствую: она знает что-то, касающееся меня, пришельца из другого мира. И я не спрашиваю ни о чем, потому что не знаю, как велико расстояние, отделяющее ее от меня, но смутно догадываюсь, что оно огромно.

— Пойдем. Ты увидишь больше, чем видел.

И она повела меня за собой.

Перед нами с музыкальным звоном раздвигаются прозрачные лепестки лилий, пропуская в гулкие стеклянные залы без потолков и сводов. Я то и дело останавливаюсь, разглядывая сложные узоры световых рисунков, щупаю граненые формы диковинных предметов, которые видоизменяются от одного прикосновения, смотрю на свое собственное отражение, волшебное оживающее в перспективе, любуюсь трепетными веерами красных лучей. Странно, во всем этом буйстве живых красок и ошеломляющем разнообразии форм почти нет симметрии в строгом понимании этого слова. Но в то же время я не могу не дивиться гармоничной соразмерности того, что не в состоянии себе объяснить и что, по-видимому, имеет какой-то скрытый

смысл. Что же это такое? Волшебный сплав искусства и техники или что-то еще более сложное — новая ступень в развитии материи, недоступная моему пониманию?..

Хрустальные серпы звонко смыкаются за нами, роняя рубиновые искры. Быстроногая Лима, точно солнечный зайчик, убегает далеко вперед, теряясь в красноватом мареве. Неуклюжие торы вежливо уступают нам дорогу, посылая вслед рулоны оранжевой дымки. Время от времени матовые шарики улетают от нас, приближаются к тороидам, быстро наматывают спиральные витки по кольцу и возвращаются обратно. Какова их природа?.. Дорого бы я дал, чтобы узнать обо всем этом подробнее.

— О чем ты задумался, сын Земли?

— Мне не очень понятно, почему ты одна. Это меня удивляет.

Майя минуту размышляет над моими словами. Потом говорит:

— Мой мир большой, и нас в нем много. Гелиана — лишь маленькая часть моего мира... И здесь я одна. Так надо.

— Как называется мир, откуда ты пришла?

— Туанолла.

— Сколько солнц в этом мире?

— Много... Так много, что я не сумею сказать тебе, сколько.

Значит — галактика. И, может быть, даже не наша...

— Ты прилетела сюда одна?

— Я говорила.

— На чем прилетела? Где твой корабль?

— Корабль для этого не нужен. Нет таких кораблей, которые могли бы достичь Туаноллы... Мы, Повелители Времени, проникаем в Пространство другими путями. Мне трудно объяснить так... несколькими словами. Да я и сама не знаю всего...

На эту тему Майя говорит не очень охотно: видимо, чувствует, что я почти ничего не пойму, и не желает лишний раз причинять мне боль. Но ее взгляд,

улыбка и жесты полны обаяния и настолько непри-
нужденны, что мне становится по-настоящему легко
и весело с ней. Мне безразлично, кто я такой и откуда.

Мы уже не идем — скорее плывем в густо подсве-
ченной пурпуром среде. Так и кажется, будто эту ды-
шащую светом среду можно черпать ладонями.

— Смотри! — восклицает Майя и действительно
набирает пригоршни пурпурного сияния и щедрым
жестом расплескивает вокруг.

Тотчас далеко вверх и в стороны от наших фигур
волнами расходятся светлые контуры.

— Смотри! — повторяет она и зачем-то разводит
руками.

И, словно повинувшись этому легкому взмаху, в
прозрачно-слоистой глубине у нас под ногами возни-
кают очаги пламенных вихрей. Неожиданно огнен-
ные волчки выплескиваются на поверхность яркими
фонтанами. Феерическое извержение длится секун-
ду. Затем полупогасшие, вдруг остекленевшие пото-
ки странного вещества застывают в форме гигантских
изогнутых сталактитов. Пляска красных спиралей...

Вероятно, все это время с моего лица не сходило
выражение сосредоточенной заинтересованности.
Да, каждое мгновение мои глаза находят здесь для
себя новое, необычное... И меня радует то, что хо-
зяйка Гелианы нисколько не стремится поразить при-
шельца из другого мира неиссякаемым разнообра-
зием окружающей обстановки, — она просто
предоставляет мне возможность осматривать все, что
меня интересует. Она вся как бы лучится жизнера-
достной энергией. Ей нравится смотреть на все
моими глазами, восхищаться тем, чем восхищаюсь я.
И я вдруг как-то по-новому увидел, что Майя пора-
зительно юна и ошеломляюще красива...

Почему-то я уже не спрашиваю себя, насколько
реально то, что я вижу. Все это слишком похоже на
действительность, пусть пока необъяснимую, но это
уже другой вопрос...

— Смотри и слушай!.. — говорит Майя.

Сталактиты, увитые красными спиральями, изда-

ют странные булькающие звуки. Между рядами перекрученных гигантов появляются цепочки фиолетовых торов — уменьшенные копии красных колец.

В открытом пространстве над нашими головами начинают скользить бледно-розовые и ярко-лиловые дуги. В какой-то миг они убыстряют скольжение и теперь все вместе представляют собой сетчатый купол. В центре купола вырастает что-то огромное, яркое, и моим глазам открывается волнующая картина: я вижу знакомое по нейтринным снимкам солнечное ядро... Так вот оно что! Значит, все, что я наблюдал, — это техника космических пришельцев. Техника неведомого совершенства...

И мне становится обидно. Я брожу в здешнем мире, не понимая его устройства точно так же, как питекантроп не смог бы понять внутреннего устройства «Бизона». Я брожу среди приборов, конструкций необычного вида и не могу даже догадываться об их назначении. Удивляюсь странным формам загадочных сооружений, испытываю наивное восхищение игрой световых бликов и пятен, не зная сути того, что наблюдаю. Обидно... Теперь мне хорошо понятно нежелание Майи давать подробные объяснения. Да и вряд ли миолмам общения по силам такой «разговор». Сомнений нет: Повелителям Времени доступны вершины знаний, о которых нам, землянам, пока еще трудно судить...

Заметив, какое впечатление произвел на меня вид солнечного ядра, Майя спрашивает:

— Тебе не нравится это?

— Нет, почему же. Это, пожалуй, единственное, что я здесь понял.

Судя по всему, мои слова приятно удивили ее. Должно быть, ей подумалось, что я не такой уж безнадешный питекантроп.

— Я покажу тебе наше искусство, — оживает она.

Мы выходим к зарослям гигантских шаровидных кактусов. Это, конечно, не кактусы, но я не знаю, как их назвать по-другому. Из ничего возникли похо-

жие на цветы неглубокие мягкие чаши. Майя садится в одну из них, обхватывает руками колени. Я не умею сидеть так, как она, и остаюсь стоять рядом.

Колючки кактусов разрастаются в длину, смыкаясь между собой тончайшими пленками алых перепонок. Однажды мне приходилось наблюдать волшебную картину кристаллизации перенасыщенного раствора, но то, что сейчас происходит у меня на глазах, во сто крат более изумительно и грандиозно. Мы словно находимся в центре растущего кристалла и смотрим, как где-то в его прозрачно-алой толще возникает сложная архитектура вогнутых граней, пронизанная иглами колючих лучиков.

Мое внимание отвлекает нарастающий грохот. Грохот прокатился волной и замер. Заструились ручейки чистых, прозрачных созвучий, и я, осененный внезапным наитием, вдруг понял, что так зарождается Жизнь. Вслушиваясь в переливы мелодий, я каким-то внутренним зрением постигал картину Развития. Лавина грозных аккордов принесла ощущение Мрачной Борьбы... Откуда у меня такая острота и ясность восприятия?! Я впитывал в себя и понимал все, о чем говорили звуки, я словно читал раскрытую книгу, и мне казалось, будто я начинаю глазами различать музыкальные образы... Где-то далеко-далеко раздается волнующий рокот тамтамов. Рокот ближе и громче, ритм усложняется, обретая совершенство и форму. И я уже знаю, что это — начало Разумного. Тайна другого мира медленно распускает свой бутон...

Да, в эти минуты я увидел больше, чем за предыдущий час. Впрочем, «видел» не то слово, — меня позвали в сокровищницу чувств и ощущений, и я откликнулся, сначала с робостью, как гость, затем уверенней, как равный. Не знаю, были ли это только звуки... Наверное, нет. Одни лишь звуки не смогли бы объяснить всего богатства моих восприятий. Иногда казалось, что мозг мой не выдержит стремительного взлета и беспредельность многообразия. Но взлет продолжается — неудержимый, трудный, тре-

вожный. И сейчас я чувствую себя так, словно кто-то удивительно щедрый вложил в мои руки тяжелый самородок новых, непривычных для меня ощущений...

Отзвучали прощальные аккорды. Скрытая сила приводит в движение линии пересечения поверхностей: параболы и эллипсы радиальными потоками разбегаются, уплывают прочь. Легко взлетают вверх и застывают веера причудливых конструкций, напоминающих расправленные крылья исполинских птиц. Майя сидит все так же, не меняя позы, только глаза у нее задумчивы, грустны. И я стою неподвижно и смотрю, как шары-кактусы превращаются в диковинный ансамбль предметов, похожих на мраморные изваяния оленьих рогов...

Полупрозрачный слой под ногами истончился, словно подтаял, образовались широкие промоины, сквозь которые прорвались языки оранжевого пламени. Стало заметно светлее...

Мне удастся подавить в себе сумятицу мыслей и сосредоточиться на одном. Теперь я понимаю, что нахожусь на каком-то искусственно созданном острове, каждая частичка которого имела строго определенное назначение; здесь было все, что необходимо для существования в пространстве без кораблей и скафандров. Техническое оснащение Гелианы, гораздо более совершенное, чем у «Бизона», позволяло этому кусочку живого мира спокойно выдерживать смертоносный натиск солнечной радиации. Но как, какими силами он был заброшен из космических глубин сюда, в корональное пространство нашей звезды?! И почему именно в корональное пространство? Ведь даже на орбите Меркурия Гелиана могла бы получать солнечную энергию в громадных количествах. Странно... Впрочем, ничего странного нет. Если предположить, что перелет Гелианы в пространстве совершается путем перехода материи вещества в материю неизвестного мне поля, то для такого «перелета» действительно понадобится колоссальный энергетический импульс, а энергию для подобного импульса

можно накопить только возле поверхности Солнца. Н-да, этот удивительный остров можно с полным правом назвать звездолетом. Ведь в конце пути, когда материя поля должна будет совершить обратный переход в материю вещества, тоже понадобится источник звездной энергии. От звезды до звезды...

Майя окликает меня и показывает рукой куда-то в сторону. Я оборачиваюсь и вижу темную фигуру, похожую на человека в скафандре.

— Что это?

— Не знаю... — тихо отвечает она, и я улавливаю в ее голосе нотку тревоги. — Наверное, алитора...

Человек в скафандре приближается к нам осторожно и медленно, словно крадучись. Он идет по самой кромке промоины, за его спиной бушует пламя. Я с тревожным недоумением разглядываю пришельца, и мне вдруг чудится в его движениях что-то знакомое... Хейдель!

Вспыхивают и гаснут световые столбы, взволновались торы. Впервые они вращаются в разных плоскостях. Девушка испуганно прижимается к моему плечу.

— Он страшен мне, — шепчет.

Я сам испытываю если не страх, то чувство безмерного удивления.

Хейдель останавливается, на таком расстоянии мне хорошо виден его коричневый скафандр, испачканный пятнами засохшей грязи. В правой руке у него грушевидный баллончик. И я спешу к Хейделю, потому что хорошо знаю разрывную силу этой штучки...

Наши взгляды скрещиваются. Я с ужасом смотрю в его неподвижные глаза, а Хейдель хладнокровно вывинчивает предохранитель. На тонких, плотно сжатых губах усмешка...

Чего стоит после этого моя уверенность в реальности происходящего?.. «Чертовщина!» — успеваю подумать и точно рассчитанным ударом выбиваю взрывчатку из его рук. Баллончик скатывается в огнедышащую пропасть. Взрыв. Вполне реальный

взрыв!.. В следующее мгновение Хейдель сделал попытку поймать меня за горло. Не выйдет!..

Схватка. Хейдель мало уступает мне в силе и ловкости, он кажется неуязвимым в пластмассовой броне.

Кроме того, он в совершенстве владел запрещенными приемами борьбы. От его коварства меня спасает только быстрота реакции. Несколько раз мы откатываемся к самому краю провала... Тогда Хейдель решает покончить со мной одним ударом. Он складывает вместе тяжелые кулаки. Взмах... Таким ударом можно было бы разmozжить голову. Но руки в твердых перчатках рассекают воздух.

Изловчившись, обхватываю его поперек тела и поднимаю над пропастью. Несколько мгновений колеблюсь, но Хейдель рвет из-за пояса нож. Тогда я разжимаю руки — коричневое тело летит в гудящую бездну...

— Как ты мог?! — слышу я шепот Майи. — Ведь это — человек!..

Я резко поворачиваюсь к ней и смотрю в расширенные глаза. Ее рука неуверенно блуждает по щеке, рот приоткрыт в испуге.

— Молчи! — говорю ей почти грубо. — Ты не знаешь, что он хотел сделать. Однажды он сделал такое... Звали его Курт Хейдель, пока не проснулась в нем звериная ненависть предка.

— Ты... защищал себя? — спрашивает она.

— Тебя. Кстати, как он оказался здесь?

Девушка медлит с ответом.

— Это я виновата. Мне хотелось отсрочить момент разъединения наших миров, и это мое желание помешало миолмам хранилища объемных знаний удержать того, кого ты называешь Куртом Хейделем. А миолмы искусства — она показывает рукою на торы — не научены противодействию.

— Он действительно человек или... или это мой бред?

Она опять задумалась.

— Не знаю, как ответить тебе...

— Прямо, как принято у людей. А я попытаюсь понять.

— Хорошо... я попробую. Он существовал помимо твоего сознания.

— А ты?

— И я существую, и все, что видишь вокруг.

— Значит, он — человек?

— И да и нет.

— Как это понимать?

— Мы называем человеком того, кто один. Для тебя это понятно и просто. Но есть понятие более сложное — алитора, что значит: один во многом.

— Стало быть, существует два одинаковых Хейделя?! Один — точная копия другого!

— Да, у него была двойная алитора. Мы умеем многократно усложнять природу людей. Но почему это наше умение так удивляет тебя?

— Невероятно... — только и мог прошептать я в ответ.

— Двойная алитора — два одинаковых человека, — продолжает Майя. — Между ними нет никаких различий. Но тот, который был с нами, погиб... Остался второй — человек-первооснова.

— Первооснова Хейдель тоже погиб, — замечаю машинально я. — Давно погиб... в туманных пропастях Меркурия, после того, как встретили его твои миолмы.

— Теперь ничто не в силах возродить его! — в голосе Майи тревога.

— Вот и прекрасно. Таким, как Хейдель, нет места ни в одном из миров...

Я, кажется, начинаю понимать ее объяснения. Конечно, не до конца, не полностью, но кое-что все же улавливаю. Допустим, что человека можно размножить подобно фотокопиям, хотя я и не представляю себе как. Но зачем?..

И-да... Мир, который в первую минуту показался мне красивой сказкой, постепенно обрывает реальную плоть и в конце концов обретает в моих глазах

отнюдь не сказочную сложность... Внезапно зарождается догадка:

— Скажи мне, Майя... Ты тоже представляешь собой эту самую... алитору?

Замечаю, что мой вопрос ее взволновал.

— Да, двойную.

— Ту, вторую, тоже зовут Майя?

— Да, так звали ее. Сейчас ее зовут Руада. Она далеко отсюда. Но если пожелаю, я могу вернуться туда, в большой мир Туаноллы.

— И тогда вам с Руадой могут вернуть обычное единство?

— Конечно... Но я не хочу, хотя объединенные знания сделают наше единство богаче. Да и она не захочет...

— Вот как! Отчего же?

Синие глаза становятся удивительно глубокими, нежными. Неземные глаза...

— Я боюсь, что нас будет разъединять бездонная пропасть.

— Что именно?

Предчувствую что-то большое и грустное для себя.

— Любовь... — слышу в ответ.

Молчание. Эта минута тишины одинаково нужна мне и ей.

— Да, теперь тебе будет трудно... — наконец прерываю молчание. — А твоя первооснова не имеет на тебя каких-либо преимущественных прав?

Задавать этот вопрос, конечно, не следовало.

— Прав?.. — переспрашивает Майя. Качает головой: — Нет. Мы совершенно одинаковы: она — это я, я — это она. Но мы существуем независимо друг от друга и лишь с течением времени обретаем различие.

— Но зачем, Майя, зачем все это, зачем? — восклицаю я, в отчаянии сжимая ее маленькие руки в своих ладонях. — Какой во всем этом смысл?!

Видимое пространство за ее спиной наполняется вертикальными колоннами ярко окрашенных лучей.

Цвет лучей быстро меняется от золотисто-желтого до рубиново-красного, от изумрудно-зеленого до ультрамаринового, и есть в этой игре что-то от радужно колючих вспышек на гранях алмаза. Откуда-то изда-лека доносится приглушенный гул.

Майя смотрит на меня и молчит. Опомнившись, я отпускаю ее руки. И тоже молчу, стыдясь своего внезапного и, может быть, непонятного ей порыва.

Красочный накал достигает своего апогея, вибрирует на самых высоких нотах цветовой симфонии. Кажется, будто все вокруг вот-вот расплавится и потечет, завертится в чудовищном водовороте огня... Но что-то мешает этому: не выдерживают, обрываются струны лучей, угасают источники света. Наступает призрачно-таинственный покой...

В сумраке можно различить матовые купола каких-то грибовидных сооружений, смутные контуры странно разветвленных конструкций. Бледные полоски света, которые невесть откуда просачиваются сюда, в этот изменчивый мир, еще недавно блиставший всеми оттенками спектра, производят удручающее впечатление. Тишина... Но тишина напряженная — будто ожидание взрыва. Бледные полоски вздрагивают и начинают мерцать, постепенно обретая полную гамму лазурно-голубых тонов. Голубое мерцание вызвало неожиданный световой эффект: над матовыми куполами возникают двойные ореолы трепетного свечения... Полукружия ореолов кажутся сводами прозрачных, уходящих в перспективу галерей.

Внезапно купола расцветают шаровыми вспышками, слышится знакомый гул. Опять из промоин вырываются языки оранжевого пламени. Майя, словно очнувшись от глубокой задумчивости, говорит:

— Какой в этом смысл, спрашиваешь ты? Все просто: если бы мы не умели создавать алиторы, мы не могли бы проникать в Пространство так далеко... Посмотри туда. И ты все поймешь.

Я оборачиваюсь. На фоне звездного неба медленно вращается исполинский оранжевый шар. Узоры незнакомых созвездий...

— Таэма, — произносит Майя, и я догадываюсь, что это — одно из солнц Туаноллы.

В лучах красноватой короны гиганта видно туманное пятнышко. Изображение увеличивается и вырастает в волнистую спираль, состоящую из отдельных оранжевых сгустков. Над спиралью — маленькая женская фигурка, изображенная в стиле японских гравюр. Конечно, она похожа на Майю.

Поодаль желтым светом загорается еще один шар, поменьше. Я сразу узнаю Солнце. Между нашими солнцами появляется тонкая красная лента. Она вдруг перекрутилась вдоль оси множеством штопоровидных витков. Очевидно, изображением этого ленточного штопора Майя делает попытку привести меня на мысль о сложной структуре Пространства... На том конце красного штопора, который упирается в туманную спираль в короне Таэмы, суетятся белые волнистые линии. Мгновение спустя такие же линии пляшут в корональной области Солнца; проступают очертания второй спирали, а над ней очертания женской фигурки... Ну что ж, главное дошло до меня: Гелиана и ее хозяйка действительно не совершали перелета в привычном для землян смысле этого слова. Используя какие-то неизвестные нам законы природы, Повелители Времени умеют возникать в любой точке околозвездного пространства с такой же привычной для них физической обоснованностью, с какой в нашем понимании возникают, скажем, южный и северный полюса обыкновенного магнита. Два равновеликих и качественно равнозначных полюса, но с неодинаковой ориентацией в Пространстве. Не в этом ли кроется загадка алитор?..

Угасают звезды-шары, тускнеют обе спиралевидные Гелианы, исчезают рисунки женских фигур. Промоины становятся шире, вокруг бушует ураган огня. Оазис, в котором мы находимся, постепенно распадается на островки. Майя заметно встревожена.

— Мы — на краю Гелианы, — говорит она. Поднимает ресницы, все вокруг наполняется сказочной синевой ее необычных глаз. — Скоро мой мир разо-

бщится с твоим... Хочешь ли ты остаться здесь, сын Земли?

Она спрашивает это робко, с надеждой.

Я смотрю на нее и долго не решаюсь ответить.

— Нет... не могу. Я должен вернуться к своим товарищам. Покажи мне дорогу обратно.

Девушка что-то показывает рукой, и я вижу вершушку «Бизона», покрытую лиловой коркой нагара.

— Обещаешь ли ты выполнить одну мою просьбу? — спрашиваю я.

— Обещаю, если только смогу.

— Сможешь. Прикажи своим миолмам разыскать в хранилище объемных знаний мою алитору и уничтожить ее. Пойми меня правильно: нам, землянам, непривычна мысль о едином множестве алитор. Возможно, когда-нибудь в будущем наши взгляды изменятся и мы придем к необходимости искусственно усложнять природную индивидуальность людей. Но для этого нашему обществу понадобится вырастить невиданный кристалл новой человеческой морали и этики на обширном фундаменте знаний... Ты сделаешь то, о чем я тебя попросил?

Синие глаза закрылись медленно-медленно. Изпод ресниц покатались слезинки. Неземные глаза тоже умеют плакать...

— Может быть, это жестоко, но иначе я не могу. Почему — не знаю, но не могу. Не плачь, я уйду, и все забудется...

Мне очень трудно уходить. Но время не ждет. Островки стали совсем небольшими...

— Ты так и уйдешь?

Я оборачиваюсь. Маленькая лань доверчиво приближается ко мне и тычет мордочкой в ладонь — ее холодный носик заставляет меня вздрогнуть. Я тихонько отстраняю головку Лимы и возвращаюсь к девушке. Не понимаю, как это произошло, но вдруг я чувствую на своем лице волну мягких волос.

Губы ее влажные, теплые...

— Прощай, Майя! Мечта моя...

— До встречи, сын Земли!.. Иногда я буду видеть

тебя, пока ты здесь, возле Солнца. Вспоминай Гелиану. Я буду ждать твоего возвращения...

Я иду, не оглядываясь, сопровождаемый матовым шариком. В пути меня нагоняет одинокий, исполненный неизъяснимой тоски дивный голос. Голос приносит мелодию, грустную, как лебедь на темной поверхности вечернего озера.

РАССКАЗ КОМАНДИРА

Голос Акопяна:

— Осторожнее, Веншин, с этой дрянью шутки плохи... Разбудите командира, все вместе как-нибудь справимся.

— Что случилось?

Это спрашивает Шаров.

Открываю глаза. Вижу себя сидящим на полу, в обнимку с рычагом выходного люка. На почтительном расстоянии от меня — Веншин, Шаров, Акопян. Смотрят... Не на меня, а куда-то поверх моей головы. Я издаю радостное восклицание и делаю попытку подняться.

— Сидеть! — рявкнул Акопян. И добавил мягче: — Не шевелись, дорогой, потерпи минутку. Сейчас я подключаю отвод. — В его руках длинный металлический стержень.

Я проследил направление взглядов. Шарик!.. Над моей головой тихо кружится подарок Майи. Я протягиваю руку — и шарик мгновенно меняет кривую облета. Значит, это правда!..

— Тебе что, жить надоело? — кричит Акопян. — Или, может быть, ты не знаешь, что такое шаровая молния?

Я вскакиваю на ноги. Шарик послушно выбирает новую орбиту.

— Ненормальный, да?! — Акопян ловит шарик металлическим стержнем.

Я не успел помешать. Шарик лопнул с оглушительным звоном.

— Что ты наделал?! — Стержень сухо треснул у меня на колене и отлетел в сторону.

— Смотри-ка, взбесился парень! — удивляется Акопян. — Ты не кусаешься?! Терпеть не могу, когда кусаются.

Я сгребаю со стола кучу диаграмм и швыряю их ему под ноги:

— Все результаты наших исследований не стоят тени этого шарика!

Шаров смотрит на меня с задумчивым любопытством. Веншин молча подбирает диаграммы. А я бормочу что-то несвязное о сумасшествии Веншина, о девушке из другой галактики, о маленькой лани, которую зовут Лима, об алиторах. У Акопяна очень глупый вид: рот приоткрыт, нижняя челюсть отвисла.

— Н-да... — говорит он, как только я умолкаю, и обращается к Шарову: — Придется нам с тобой меняться вахтами, им больше доверять нельзя: Веншин на я застал спящим под столом, а этого типа — висящим на рычаге выходного люка. Ну и публика!..

Я смотрю на руки Шарова: мне показалось, будто под рукавами он прячет красные «браслеты». Командир замечает мой взгляд и одергивает рукава, словно стесняясь чего-то.

— Скажите, Веншин, вам не кажется странным то, что рассказал Морозов?

Веншин поднял на Шарова глаза. Потом опустил.

— У Алеши очень богатое воображение. Видимо, сказалась чрезмерная нагрузка последних дней, организм не выдержал и... сами понимаете, — бред, галлюцинация. Это бывает... Да и сам я не выдержал — уснул, крепко уснул. Не могу себе простить...

Акопян облегченно вздохнул:

— Осознал, кается. Значит — тихий. Ну а что делать с этим буйнопомешанным? — Он указал на меня.

— Оставить в покое.

Все повернулись к Шарову. Командир минуту медлит, задумчиво поглаживая подбородок, затем добавляет:

— Мало ли что может присниться человеку... Я и сам провел очень беспокойную ночь.

Акопян вонзает в спину командира подозрительный взгляд.

— Хотите знать, что я обо всем этом думаю? — спрашивает он. — Ну что ж, извольте слушать. Слабонервных попрошу заткнуть уши.

И он, нисколько не стесняясь в выражениях, выкладывает свое мнение.

— Не корабль, а филиал психиатрической больницы! — закончил он свою колоритную речь. — Еще одно слово о девушках из чужих галактик — и я положу корабль на обратный курс.

Как бы подтверждая угрозу, он направился к центральному пульту.

— Назад! — приказал Шаров. — Спокойно. Для паники нет основания. Шаров обвел нас испытующим взглядом и опустил в кресло. Он выглядел слишком серьезным.

Дневная вахта началась как обычно. Но это только на первый взгляд. Все работали молча, избегая смотреть друг на друга. Я чувствовал себя усталым, был рассеян и потому охотно подчинился командиру, когда он приказал мне отдыхать. Долго не мог уснуть, лежал с открытыми глазами, а в мыслях царил хаос...

Ночную вахту приняли я и Шаров.

На этот раз Веншин не дал мне никакой работы. На моем попечении оставались только приборы. Ну что ж, может быть, это даже и к лучшему. Проверяю кассеты и ухожу к своему столу.

Над спинкой кресла у центрального пульта виднеется затылок Шарова. Он подходит к спальной нише Акопяна, отодвигает перегородку, заглядывает. То же самое проделывает у спальной ниши Веншина. Тихо. Желтые глазищи лоцмана спокойно мигают, ярко мерцают экраны...

Шаров возвращается к пульту и снова садится. Словно почувствовав, что за ним наблюдают, он по-

ворачивает голову в мою сторону. Поединок взглядов. И вдруг Шаров манит меня к себе пальцем.

— Расскажи мне подробно обо всем, — просит он. — Ну, садись.

Я понимаю, какой рассказ он имеет в виду, и мною овладевает безразличие. Сажу рядом с ним и молчу.

— Мало ли что человеку может присниться... — наконец отвечаю и делаю попытку встать, уйти.

Командир кладет на мое плечо тяжелую руку:

— Не горячись, Алеша... Нам с тобой нужно поговорить с глазу на глаз. Для меня это имеет достаточно веские основания...

И я рассказал ему все. Все, до мельчайших подробностей. Шаров выслушал, ни разу не перебив.

— Добро, — сказал он после минутного молчания и шепотом добавил: — Молодчина.

— Вы о чем?

— Так... Мы не ошиблись в тебе.

Ошеломленный похвалой, сути которой я, впрочем, так и не понял, я ждал, что он скажет еще.

И он спросил:

— Тебе не показалось странным, что ни Веншин, ни Акопян абсолютно не в курсе ночных событий? Они считают твой рассказ...

— Чистейшим вымыслом? Вы сами объявили все это сновидением.

Шаров погладил подбородок и спокойно ответил:

— Я правильно оценил обстановку и не мог поступить иначе. Экипаж «Бизона» должен доверять своему командиру... Полет еще не окончен, и сохранить это доверие нужно было любой ценой. Поэтому я промолчал, Алеша.

Я вскочил с кресла, точно подброшенный пружиной.

— Сядь, — сказал командир. — Да, я был там... И могу сейчас рассказать об этом только тебе. Так вот, — начал он словно бы нехотя. — В последний час вчерашней вахты я заметил кратковременный всплеск общего фона радиации. Причина возникновения

столь мощного потока протонов казалась мне ясной: внезапное развитие надфотосферной вспышки из водородного флоккула. Включив модулятор, я, несмотря на большие помехи, смог убедиться в правильности своего заключения.

Всплеск радиации — старый враг космонавтов. Однажды я испытал такое, когда мы на «Джафаре» задели радиационный пояс Юпитера. Тогда это действительно было опасно. Но мы очень спешили: прямо по курсу подавала сигналы бедствия «Ставрида», капитан которой Майкл Линнэй частенько доставлял спасателям много хлопот... Для «Бизона» даже эта чудовищная атака протонов не представляла опасности. К тому же вскоре все регистраторы, как один, стали отмечать медленное, но неуклонное падение радиации. Да, вместо того, чтобы возрастая, она уменьшалась...

Я подозвал Веншина, указал ему на приборы и послал запрос Внепрограммному Центру защитной системы корабля. Центр выдал информацию. То, что он сообщил, было похоже на взаимодействие двух защитных полей: напряженность магнитного поля возростала, наблюдалось резкое смещение пространственных потенциалов.

«Забавно...» — сказал Веншин.

«...И странно, — добавил я. — Чужеродное поле?..»

«Чужеродное?! Гм... Зачем вам понадобилось такое э-э... двусмысленное выражение? Ведь мы имеем дело с конкретным, хотя и малоизученным явлением — явлением перехода энергии фотосферной плазмы в энергию магнитного поля. Ну да ладно, идите спать, а я займусь этим сам...»

Откуда нам было знать тогда, что «Бизон» проскочил защитный пояс Гелианы...

«Не забудьте разбудить меня, если падение радиации будет продолжаться», — предупредил я его.

Я не спал. Лежал с открытыми глазами и ждал. Веншин все не приходил. С трудом удавалось подавить в себе желание встать, выйти и проверить пока-

зания приборов. Но оскорблять людей недоверием нельзя...

Меня охватила легкая дрема. Но даже в состоянии полусна я ощутил, что начинаю терять собственный вес. «Прекратили работу генераторы тяготения, — подумалось мне. — С чего бы это?» Ощупью нахожу пластмассовые петли и продеваю туда кисти рук. Петли вдруг натягиваются с такой силой, что меня покидают остатки сонливости. Я начинаю вращаться... Ты не знаешь, как это можно вращаться сразу в двух петлях, разделенных промежутком стены?.. Вот-вот, и я не знаю. Но взгляни на мои руки: красные «браслеты» на сгибах кистей — следы вращения. Дальше со мной происходит что-то совсем непонятное: в глазах сгущается темень, а я начинаю скользить куда-то в сторону все быстрее и быстрее. «Командир, просни...» — слышу издали раскаты громовых звуков. Впереди в темном пространстве появляются изумрудные линии — трасса продолговатых зеленых огоньков. Я мчусь вдоль этих направляющих линий, но мой полет слишком напоминает падение... Наконец изумрудные линии образуют плавный изгиб, и тело мое, подчиняясь неизвестным законам движения, совершает полуоборот вокруг своей оси и взлетает на другую ветвь исполинской параболы, но уже с внешней ее стороны. Не помню, тогда или позже мне в голову пришла мысль, что эта трехмерная парабола отлично иллюстрирует выводы Янковского-Вандерсона о кратной структуре Пространства. Вероятно, мне на практике довелось преодолеть «перегиб» вандерсоновского Подпространства. Постепенно ощущение взлета проходит. Изумрудные стены желтеют и расплываются облаками тумана...

Ощущаю под ногами опору. Оглядываюсь. Очень трудно словами описать то, что я увидел, но все же попробую... Представь себе торосы красного льда. Чем дальше, тем плотнее они окутаны бледно-светящейся дымкой. Среди торосов, точно водяные смерчи, с шипением бродят гибкие, подвижные колонны. Приближаясь друг к другу, колонны вспыхивают

ярким огнем и расслаиваются на множество отдельных нитей. Сквозь рваные клочья тумана выплывает эскадрилья громадных красных колец. Они очень низко и медленно проходят над иззубренными глыбами торосов, волоча за собою мгlistые тени...

Конечно, я узнал их. Если до этого я колебался: «Сон или бред?» — то появление колец несколько изменило условия выбора: «Бред или действительность?» Да, знакомые торы заставили меня взглянуть на этот неведомый мир другими глазами. Медленно, но верно возвращалось утраченное чувство реальности...

Туман редет, и постепенно становится видимым нечто огромное, похожее на сверкающий серп, опрокинутый рожками кверху. Далеко в стороне виднелись вершины каких-то пирамид. Куда идти? Прикинув расстояние, я направился к серповидному сооружению. Чем ближе подходил, тем очевиднее становились его исполинские размеры. Наклонное расположение серпа позволяло видеть, как время от времени его зеркальная поверхность вздрагивала, прогибалась во многих местах и из образовавшихся воронок вылетали красные кольца; затем воронки быстро выворачивались наизнанку — и новая партия танцующих смерчей исчезала в тумане...

Громада серпа покоилась на куполообразном основании из желтого мерцающего вещества. Со всех сторон купол был окружен четкими рядами наклонных плоскостей. Через равные промежутки ряды смыкались под углом, образуя привычные грани многолучевой звезды.

Я шел вдоль этой стены и смотрел, как в ее слоистой глубине появляются и исчезают радужные расплывы. Изредка на гладкой поверхности возникали узоры каких-то непонятных знаков. Должно быть, эти линии и знаки имели определенный смысл, уловить который мне было трудно... Я поднял голову и долго рассматривал острую, далеко выступающую грань. Отсюда, снизу, она напоминала приподнятый нос какого-то сказочного корабля со стеклянной па-

лубой, стеклянными бортами. Впечатление усиливалось полотнище серпа, так и казалось, будто сквозь клочья тумана несется в неведомую даль сверкающий парусник, а вместо чаек над ним парят знакомые кольца.

Торы молча обмениваются сгустками оранжевой дымки, смерчи деловито снуют и без усталости прядут свои красные нити...

Уже тогда я начал понимать, что меня окружают автоматы неведомой техники. Автоматы непривычного для меня вида и качества.

Неожиданно мои размышления были прерваны: кто-то настойчиво теребил меня за ногу. Я посмотрел вниз и увидел странное существо, похожее на морскую звезду. Я поднял ее на руки и стал с интересом разглядывать. Звезда не пыталась удрать, она спокойно устраивалась на моей ладони, пошевеливая десятью лучами-щупальцами. Полупрозрачное тельце переливалось и мерцало сотнями радужных огоньков... «Что же ты есть такое?..» Я почувствовал, что звезда становится нестерпимо холодной, огоньки сбегались к центру, тускнели. Это симпатичное создание невероятно быстро накапливало в себе энергию. Конечно, это был всего лишь автомат... В центре венчика приподнятых лучей образовалась жемчужная капля. Капля росла, округлялась, и вот появился матовый, с голубоватым оттенком диск величиной с чайное блюдце. Диск подпрыгнул и закружился вокруг моей головы. Я заметил, что он пульсировал в такт ударам моего сердца... Щупальца мерцающего существа распались и рассыпались множеством красноватых кусочков. Я поднял один из таких кусочков и убедился, что он ничем не отличается от других осколков красного «льда» — такая же слоистая структура на изломе, такие же цепочки зернистых узелков... Видимо, автомат выполнил свою задачу, и теперь за ненадобностью сам себя разобрал на составные элементы, чтобы потом, по мере необходимости, «воссоздаться в образе» какого-нибудь другого автомата.

Мысли мои быстро и путано перебежали от одного

к другому. Да, существование и взаимосвязь материальных форм этого мира организованы еще более сложным образом, чем я думал. Мне предстояло освоиться с выводом, что эта взаимосвязь основана прежде всего на принципе величайшей целесообразности, настолько глубокой и полной, что нам, землянам, может показаться нереальной... Например, для тысяч и тысяч поколений наших далеких предков камень был просто обычным камнем, а в нем ценились только твердость, форма и вес. Каменная глыба по мере надобности превращалась в орудие труда, в произведение искусства, в продукт химических соединений, наконец — в ячейки «думающих» машин. Однако мы, земляне, по старой привычке пользуемся конкретными свойствами окружающих нас предметов слишком односторонне. Мы все еще никак не освоимся с мыслью, что существует возможность такого тесного слияния этих предметных свойств и особенностей, которое приведет к качественно новым взаимоотношениям материальных форм окружающего нас мира. Скажем, вопрос, может ли книга вполне самостоятельно передать электронному мозгу заложенную в ней информацию, имеет для нас однозначный ответ: не может. Для этого нужен посредник — человек. Нет, нашим автоматам тоже пора обходиться без нянек. Пусть сами создают себя, настраивают, ремонтируют и пусть сами строго следят за своим поведением. Ничего страшного в этом нет — в океане подчиненной человеку материи любое проявление опасных для него симптомов будет подавлено еще в зародыше. Постепенно автоматы научатся выполнять желания людей быстро и четко, они сами сумеют соорганизоваться в наиболее эффективную систему, подчиненную жестким принципам целесообразности. А человек, освобожденный от докучливой необходимости быть постоянным опекуном своих созданий, получит возможность беспрепятственно развивать и совершенствовать свою природу, свой разум. Но для этого... Для этого ему потребуется взять в руки глыбу своего привычного мира и суметь увидеть в ее грубоватых ско-

лах совершенство будущих форм. Точно так же, как сумели это таинственные пришельцы...

Я бережно положил осколок на прежнее место. Мне и в голову не приходило взять его с собой — эта мысль показалась бы кощунственной...

Отсветы на прозрачной стене мешали смотреть, и я затенил их ладонями. Едва руки коснулись гладкой упругой преграды, как целый участок ее повернулся на невидимой оси и пропустил меня внутрь. Пространство вокруг желтоватого купола заполнено неглубокими чашами самых различных диаметров. Прозрачные чаши раскачиваются на своих тоненьких ножках, словно кланяясь, расплескивая светоносную жидкость. Брызги испарялись на лету, образуя занавеси переменчивого блеска. Полярное сияние в миниатюре... Чаши вежливо раскланивались, уступая мне дорогу. Должно быть, это своеобразные экраны какого-нибудь центра информации.

Сквозь оболочку купола слышался гул. Сопровождаемый диском, я приблизился к желтой преграде и тронул ее рукой. Поверхность прогнулась, стала светлеть. Я без колебаний шагнул в светлый проем, за мной последовал мой маленький неразлучный спутник. Облачка сомкнулись, и мы оказались внутри мерцающего шара... Заточение длилось недолго — шар лопнул, и я остался стоять среди грохота, ослепленный лучами света.

Первое время мне трудно было на чем-нибудь остановить свой взгляд. На моих глазах грациозно свертывались рулоны радужного сияния. Они медленно всплывали вверх, теряясь в зыбком мерцании оранжевых облаков. Куда ни глянь — повсюду дрейфовали пучки серебристых игл, окруженные сгустками бледно-лиловой дымки. Временами иглы перегруппировывались, изливая при этом мощные ливни разноцветных лучей. И сразу же на пути этих ливней, точно по волшебству, возникали громадные диски. В светлой их толще бродили неясные, зыбкие тени...

Внезапно серебристо-серые громады дисков вы-

бросили фонтаны радужных струй и вдруг исчезли, точно их никогда здесь и не было. По всем направлениям разбегались цепочки оранжевых сгустков, тут и там возникала неистовая пляска узорчатых огней. Неведомые силы начинали новый этап своей загадочной деятельности...

Мне надоело стоять на одном месте, и я решил пройти немного вперед, хотя, разумеется, не имел ни малейшего представления о том, что меня ожидает. Но первый же шаг, видимо, не на шутку встревожил моего маленького спутника: он побледнел, увеличился в размерах и стал суетливо носиться по искривленным орбитам. Он был до смешного похож на почуявшую опасность собаку, которая всеми доступными ей способами взывала к благоразумию хозяина. Но я не стал отказываться от своего намерения.

Я шел, прислушиваясь к мерному гулу неведомых машин, любуясь неповторимыми комбинациями световых рисунков. Я не видел здесь застывших, неизменных форм — все видимое, что меня окружало, совершенно непостижимым способом переливалось — иного слова я не могу подобрать — из одной формы в другую. Голубоватый диск по-прежнему вел себя беспокойно. Когда мне преградила дорогу колония серебристых игл, он на минуту застыл на месте, точно соразмеряя силу свою и противника. Силы, очевидно, были неравны. Но стоило иглам повернуться ко мне, как он с безудержной отвагой верного пса атаковал их и разметал колонию в клочья. Иглы рассеялись и отступили, недоуменно позванивая зеркальными доспехами. Мой маленький проводник вернулся ко мне и как ни в чем не бывало возобновил свое вращение. Я был признателен ему за это вмешательство, — если бы иглам вдруг вздумалось окатить меня ливнем острых лучей, я бы наверняка ослеп...

Впрочем, это происшествие не обошлось без последствий. Разрозненные иглы, потерявшие привычный строй, сталкивались между собой, посылая цветные лучи куда попало. Стрелы лучей легко про-

калывали все, что ни попадалось на пути, вызывая сумятицу вспышек...

И вдруг где-то в глубине моего сознания зародилась смутная догадка. Догадка росла, крепла и постепенно превратилась в уверенность. Да, я понял, что меня окружало. И понял как-то совершенно отчетливо. Искусственный мозг! Просто и ясно. Конечно, неуклюжие, опутанные миллионом проводов, наши машины не шли ни в какое сравнение с этим гигантом, который принимал и обрабатывал информацию, пользуясь более гибкой, более универсальной системой — системой световых лучей. Для меня оставалось загадкой, какую роль выполняло все остальное, каким образом цветные лучи взаимодействуют с другими зримыми объектами и что такое эти объекты. Я пытался подыскать объяснения, но задача вряд ли была мне под силу. Оранжевые облака — это, очевидно, парящие сгустки плазмы; серебристые иглы — генераторы световых квантов. Что представляли собой призрачные диски, узорчатые огни и рулоны радужной дымки, я даже не мог себе вообразить. Вполне возможно, что это были самые важные центры — носители искусственной памяти...

Однако мне следовало бы почаще оглядываться по сторонам. Мой диск вел отчаянный поединок с добрым десятком фиолетовых торов. Убедившись, что до меня им не добраться, торы повернули обратно и быстро нашли себе другое занятие: они энергично принялись собирать воедино разрозненные колонии игл. словно трудолюбивые мотыльки, они порхали среди колючих лучей, вспыхивая и переливаясь всеми цветами солнечного спектра... Неожиданно в нескольких шагах от меня выросла призрачная громада диска. Соседние колонии игл тут же повернулись к нему остриями и дали ослепительный залп. Диск покачнулся... В это мгновение он напоминал мне готовую захлопнуться створку исполинской тридакны¹.

¹ Тридакна — гигантский моллюск с двустворчатой раковиной округлой формы.

И я побежал. Мне вовсе не хотелось быть раздавленным тяжестью надвигающейся массы. Гладкая поверхность под ногами прогибалась, словно тонкий ледок, и была такою же скользкой. Предчувствуя неминуемое падение, я совершил резкий бросок. Тело мое, сохранив инерцию движения, некоторое время скользило вперед. Еще один бросок — и я бы успел уйти из-под края нависшей громады. Но поздно, створки сомкнулись...

В ушах стоял звон, малейшее движение требовало невероятных усилий... Я с трудом встал на ноги и увидел, что нахожусь на дне хрустально-прозрачного кратера. Вероятно, то же должен был бы чувствовать муравей, свалившийся на дно глубокой вазы. Здесь властвовали полное безмолвие и вязкая, тягучая голубизна...

Я подошел к стене и тронул ее рукой. Никакого эффекта. Тогда я выбрал участок, свободный от мерцания филигранных узоров, и прижался лицом, пытаясь заглянуть в глубину стеклянистой толщи, но лишь увидел человека в белом свитере с контуром бизона на груди. Это было мое собственное отражение.. Но — странное дело! — мое отражение не пошевелилось, когда я поднял руку, чтобы затенить какой-то надоедливый блик. Зато — я увидел это совершенно отчетливо — контур бизона на груди того, второго, затрепетал и мгновение спустя вприпрыжку унесся куда-то красным чертенком...

Только теперь я заметил, что со мной уже не было беспокойного диска. Меня охватило жуткое ощущение одиночества. Напрасно я пытался внушить себе, что появление объемной фотографии моей особы — вовсе не повод для таких ощущений. Перед глазами маячил ускакавший рисунок бизона... По логике этих странных событий теперь следовало ожидать, что свитер, лишенный рисунка, прыгнет ко мне и протянет рукава для пожатия!.. Шутливая мысль немного взбудрила меня. Впрочем, улыбнуться так и не пришлось: на плечо мне мягко шлепнулся какой-то

белый, легкий предмет... Для моих натруженных нервов этого было более чем достаточно!

Сбросив с плеча то, что на взгляд и на ощупь представляло собой белый свитер, я долго с недоумением разглядывал это неожиданное свидетельство материализации собственных желаний.

Стоп! Спокойствие!.. Я гулко хлопнул ладонью о стену и раздельно, отчетливо произнес: «Хочу видеть людей!» Стена помутнела и рассыпалась мельчайшими кристалликами инея.

В пространстве, затканном паутиной подвижных узоров, проступили контуры знакомых предметов... Это была внутренность нашего салона, но в странном ракурсе — словно я заглядывал в салон откуда-то сверху. За одним из столов в неудобной позе спал Веншин... Не успел я глазом моргнуть, как изображение пропало, чтобы тут же появиться вновь. Но теперь я увидел тебя, Алеша. Ты стоял на коленях и грозил мне кулаком... Затем мимо меня, на расстоянии вытянутой руки, проплыл Акопян в позе спящего человека: я даже услышал его дыхание...

Потом я оказался на Меркурии. С высоты птичьего полета мне были видны белые цилиндрические корпуса нашей станции и подвижные фигурки людей в скафандрах. Я напряженно вслушивался в многоголосый хор переключек, улавливая время от времени обрывки разговоров. Особенно отчетливо был слышен певучий тенорок «девятки»: «Я — Девятый, я — Девятый... Центральный, вижу группу тороидов. Дайте вылет Волкову, Клемену. Дайте вылет...» — «Центральный, вас понял — даю пеленг». Подо мной проплыла верхушка мачты радиомаяка...

Как-то не верилось, что все то, что я воспринимал, — всего лишь озвученное перспективное изображение, наподобие нашего стереовидения, настолько естественными казались краски и натуральными размеры предметов. Зрелище грациозного скольжения четырех блистающих глаеров так захватило меня, что я едва удержался от соблазна впрыгнуть на борт одной из машин. Благо изображение померкло и растаяло в фиолетовом облаке дымки... А секунду спус-

тя я уже несся над каменистой равниной по направлению к горам. Теперь я понимал, что перед моими глазами всплывают картины, которые запечатлелись в «памяти» здешних переносчиков информации — троидов...

Внезапно где-то наверху возник протяжный свист. Неприятный, режущий, быстро усиливающийся звук. Я инстинктивно сжался, предчувствуя что-то недоброе. Свист угрожающе нарастал, приближаясь. И вдруг страшный удар швырнул меня в сторону. Все утонуло в грохоте, закрутилось в пламенном вихре, померкло...

Видимо, я пролежал в беспомощности недолго, так как, очнувшись, ощутил, что удушливые испарения от недавнего взрыва еще не рассеялись. Спина моя горела так, будто по ней наискось от плеча к бедру провели раскаленным железом. Встать на ноги я не смог. Мне удалось лишь сесть и то с великим трудом. Подо мной постепенно накапливалась липкая красная лужица... Я подумал, что, хотя шальной осколок вспорол мне, вероятно, только мышцы спины, я обречен на гибель от потери крови, если мне никто не поможет.

Но пострадал не только я. Последствия загадочной катастрофы были настолько впечатляющими, что я на время забыл свою боль. Там, где недавно мелькали объемные изображения меркурианского ландшафта, зияла широкая пропасть. В полуметре от того места, где я сидел. На дне провала бурлило месиво из оранжевых сгустков. Из kloкочущих глубин периодически возносились вверх столбы шумного пламени. Все остальное пространство — слева, справа и, наверное, сзади меня — было погружено в сумрак. И лишь просветленные громады исполинских дисков выдавали свое присутствие слабым мерцанием.

Где-то далеко вверху, на фоне красноватого марева, метались длинные тени. Иногда тени принимали знакомые очертания: мне казалось, я вижу теневое изображение человека, одетого в скафандр. Моя догадка неожиданно подтвердилась. Мятащийся клубок теней распался, и вниз, в kloкочущую бездну,

полетел какой-то темный продолговатый предмет. Да, это был человек в скафандре. Но, падая, он странно увеличивался в размерах, распухал. Пролетая мимо меня, он уже превосходил размерами меркурианский глаер! В лицо мне ударил горячий вихрь, и через минуту все было кончено: исполин погрузился в месиво оранжевых сгустков и стал разваливаться на отдельные глыбы... Из провала докатились раскаты гула.

Вокруг посветлело. Справа появились колонии серебристых игл, слева надвигалось скопище фиолетовых торов. «Теперь уж мне несдобровать», — безразлично подумал я, чувствуя неодолимую слабость. Перед глазами расцветали великолепные созвездия узорчатых огней, знакомо раскачивались рулоны радужного сияния. И вдруг я заметил свой маленький диск. Но он прилетел не один: следом за ним, подпрыгивая на невидимых волнах, плыл маленький голубой шарик. Вдвоем они исполнили вокруг меня замысловатый танец. Я ощутил, как все мое тело начинает покрываться пушистыми кристалликами инея. Боль сразу утихла, уставший мозг заволокла приятная дремота...

Больше я ничего не помню, Алеша. Я проснулся, когда меня разбудил Акоюн...

Рассказывая, Шаров ходил взад и вперед за спинкой моего кресла. Чтобы видеть его, мне приходилось поворачивать голову то вправо, то влево. Когда моя шея устала, я взгромоздился на кресло с ногами и, положив локти на спинку, молча следил за ходьбой командира.

Закончив свой рассказ, Шаров остановился рядом и, приблизив лицо почти вплотную к моему, тихо спросил:

— Бред?..

Я отшатнулся.

— Многие детали вашего бреда и моего странным образом совпадают... — сказал я, подумав. — Если это и бред, то бред обоюдный, так сказать, телепати-

ческого характера: один — продолжение или часть другого.

Мы помолчали. Шаров, задумчиво поглаживая подбородок, смотрел куда-то мимо меня.

— А знаете что?.. — нарушил я неловкое молчание. — Мне в голову пришла интересная мысль: не заключается ли суть разгадки в двух словах: «нейтринный синдром»?!

— Синдром?.. — переспросил Шаров.

— Ну да, нейтринный синдром. Защитная система «Бизона» ограждает нас от любого проникающего излучения, кроме одного. Поток нейтринов пронизывает нас беспрепятственно, и кто знает, какое воздействие оказывает этот плотный поток на нашу психику... А для людей с расстроенной психикой мир галлюцинаций часто неотличим от мира реальных вещей.

— А это?.. — Шаров протянул руки, показывая красные следы на сгибах кистей.

— Это не довод, — возразил я. — Известны случаи, когда силой гипнотического внушения на теле человека вызывались признаки ожога: кожа краснела, покрывалась волдырями...

Шаров колебался недолго. Повернулся ко мне спиной и быстро стащил через голову свитер.

Я собирался сказать что-то еще, но замер с открытым ртом. От правого плеча до левого бедра на спине командира проходил страшный, болезненно вспухший рубец. Там, где края свежесросшейся раны прилегали не совсем плотно, виднелись засохшие капельки крови...

НАД АРКАМИ ПРОТУБЕРАНЦЕВ

Полмиллиона километров от поверхности Солнца. Это немного, если между нами и зыбкой, подвижной оболочкой звезды — всего лишь тонкий слой внутренней короны. Там, внизу, в глубинах кипящего зноя, зарождаются световые лучи. Покидая свою колыбель, они уходят в просторы Вселенной вестниками грозных процессов преобразования звездной

материи. Восемь долгих минут мчатся они с неимоверной скоростью, чтобы достигнуть орбиты Земли, и всего лишь две секунды, мгновение, чтобы встретить «Бизон»...

Веншин подумал, что-то прикинул в уме и, наконец, ответил:

— Еще сто тысяч километров и, я думаю, будет достаточно.

— Скорлупка не выдержит, — мрачно заметил Акопян. — Мы выполнили заданную нам программу сближения, не знаю, что вам нужно еще... Впрочем, считайте, что я воздержался. Решайте сами. — Он демонстративно встал и пересел в кресло за пультом. — Мало вам космических девушек.

— Итак, шестьдесят? — переспросил Шаров.

— Сто, — спокойно поправил Веншин. — Как минимум.

— Тяжеловато. Теплоприемники перегружены, энерговыброс на пределе... Морозов, дайте схему облета.

Я включил автоматы подсчета и отрегулировал изображение:

— Готово!

Шаров приблизился к экрану вплотную.

— Так... Потребуется два витка. И даже еще шестнадцать градусов. Тяжеловато... Как вы полагаете, Морозов?

Я промолчал. Сейчас только от командира зависит, будем ли мы опускаться ниже предельной отметки, или повернем на Меркурий.

Прежде чем высказать свое решение, Шаров несколько раз пересчитал результат. Я и Веншин с одинаковым волнением следили за выражением его лица, хотя наши интересы были прямо противоположны. Мой мозг был перенасыщен недавними впечатлениями, и я не испытывал особого энтузиазма сосредоточиваться на чем-нибудь другом. Я мог сколько угодно называть себя размазней и кисляем, упре-

кать в забвении долга — все напрасно. Мне хотелось домой.

— Облет по спирали опасен, — сказал командир. — Пройдем по касательной. Вас устраивает полтора часа на пределе снижения?

Веншин развел руками:

— За неимением лучшего...

— Хорошо. Готовьтесь.

Закипела работа. Я меняю кассеты, проверяю нули записывающих устройств, настраиваю аппаратуру. За моей спиной что-то выстукивает цифровой датчик электронного лоцмана, шуршит бумага, туда и обратно, как мячики, летают короткие фразы Шарова и Веншина.

— К экватору ближе нельзя, — говорит командир. — Не имеем права так рисковать.

— Объясните! — недовольным голосом восклицает Веншин.

— Кому нужны экспедиции, из которых не возвращаются?

— Вас пугает возможность непредвиденного выброса?

— Меня пугает то, что ты не вернешься! «Тур» и «Мустанг» не вернулись.

— Между прочим, это я уже слышал. Где же выход?

— Зона спокойной плазмы.

— Значит — полюса... Который из них?

— А это уж вы мне подскажете.

— Лучше, конечно, южный...

— Южный выброс рассеялся?

— Почти.

— Ну, если «почти», тогда — северный.

— Южный.

— Веншин, не упрямитесь.

— На кой черт мне спокойная плазма?!

— Вам виднее...

— Ну, знаете...

— Будет лучше, если мы превратимся в облако раскаленного газа? Ладно, пройдем по дуге восемь-

десять два и пять десятых. Это что-то около двух часов на пределе снижения.

— Так... И склонение — двадцать.

— Шесть, и ни градусом больше.

Веншин долго еще что-то доказывал, возмущался, но я уже не слушал. Глухо грохотали моторы, деловито постукивали вакуумные насосы, тонкий писк энергообменных устройств вплетался в многоголовый хор включенных приборов. Корабль так же, как и люди, напряженно готовился к решающему броску.

Только что в звездоплавании родился новый термин: «корональные ямы». Авторство принадлежит Акопяну. Его побелевшие пальцы крепко сжимают рычаги управления.

Каждые пять минут командир спрашивает:

— На сетке?

— Шесть! — громко отвечает Акопян. — Градус в градус.

— Баланс режима?

— Четыре нуля! Молекула в молекулу.

— Отлично. Прежний курс.

— Есть прежний курс! До следующей ямы...

Акопян внешне спокоен. Но предательская смена красных и белых пятен на лице выдает его возбуждение. Им, вероятно, овладел азарт пилота...

— Спокойнее, — бросает Шаров, не поворачивая головы.

Его руки неподвижно лежат на рычагах дублирующей системы управления, глаза устремлены в экран.

Мы с Веншиным колдуем над приборами. Некогда даже оглянуться. Но, сверяя показания орбитальных шкал, я получаю возможность взглянуть на экран. Наклонная поверхность экрана испещрена линиями градусной сетки, на фоне которой полыхает пурпурный эллипс. Голова Акопяна мешает смотреть, и я, забыв обо всем, делаю шаг в направлении пульты.

В глубине экрана, под сеткой, кипит зернистая масса, похожая на рисовую кашу. Гранулы. Они снуют на поверхности фотосферы Солнца, как ват-

ные шарики, колеблемые ветерком, — «шарики», имеющие в поперечнике добрую тысячу километров! Это поднимаются из солнечных недр раскаленные массы газа, остывают и опускаются обратно, а на смену им поднимаются новые... Скоро эллипс превратится в окружность, затем начнет расширяться, указывая, что «Бизон» ложится на обратный курс, на Меркурий...

Веншин окликнул меня — он умеет это делать очень тактично — и быстрым жестом занятого человека указал на тубус оптического магнитатора. Я взбираюсь на круглое сиденье этого съемочного суперкомбайна и нажимаю ногами педали. Массивный аппарат (он всегда напоминал мне что-то среднее между перископом и зубо-врачебным агрегатом) повернулся так, что теперь мне был виден надпультовый экран. Однако особой необходимости смотреть туда не было — ведь у меня теперь был свой экран, хотя и меньших размеров. Я погружаю лицо в пенопластовую мякоть затемняющей маски и впиваюсь глазами в окуляр экспонира.

Ого, мы уже на пределе снижения! Веншин прав: пора начинать последнюю съемку.

Длинные, отведенные в стороны и назад ручки управления повинуются малейшей прихоти оператора, пальцы удобно лежат на вогнутых клавишах переключателей. Нажимая их поочередно, — я знаю каждую клавишу на ощупь, — добиваюсь наиболее резкого, сочного изображения. В эти минуты я думал о людях Земли — будущих зрителях магнитного фильма «Четыреста тысяч километров над поверхностью Солнца». Ну, Алеша, не подкачай! Сейчас все зависит от твоего операторского мастерства... Просмотровый зал набит до отказа. Гаснет свет и... зрители замирают от восторга. Два часа молчаливого, напряженного внимания. Заключительный аккорд, зал выплывает из мрака. Потрясенные зрители долго еще сохраняют молчание. «Простите, кто режиссер-постановщик?» — «Что вы, неужели вам неизвестно?! Участник экспедиции Алексей Морозов». — «Потрясающе! Скажите, а кто оператор?» — «Все он же. Гля-

дите, глядите, вот он выходит на сцену!» Всемирно известные деятели искусства пожимают мне руки, зал сотрясается от бури оваций, девушки несут мне цветы. Я переполнен гордостью, снисходительно киваю в ответ на приветствия, но мне приятно это неистовое изъяснение восторгов...

Ну и мерзавец же ты, Алешка, опомнись!.. И на сцену выходят генеральный директор фильма — Шаров, главный режиссер — Веншин, технический руководитель — Акопян и тысячи других участников невиданного эксперимента. И нам всем удивительно приятно от сознания того, что мы совершили, мы аплодируем друг другу, аплодируем Земле. Земля аплодирует нам...

Я, кажется, злоупотребляю съемкой в лучах водорода. Нет, так нельзя, нужно уделить долю внимания лучам кальция, магния, железа. Но трудно оторваться от феерической картины Солнца в лучах водорода: исполинские волокна протуберанцев вспухают, переплетаются, образуя сложный ансамбль титанических ротонд и арок. Мы шествуем над этой огненной аркадой, как боги, удивляясь собственной смелости. Нет, даже богам недоступно такое!..

Шаров сменил Акопяна и взял управление кораблем на себя.

Через минуту экран покрывается лиловыми разводами. Корональная яма!.. Тело наливается свинцом, в глазах темнеет. Преодолевая головокружение, я пытаюсь привстать, но падаю куда-то в непроглядную тьму...

Медленно рассеивается тьма, тяжесть проходит. Я поднимаю голову и вижу лежащего Веншина. Голова его запрокинута, зубы страшно оскалены, одна рука подвернута за спину, другая — не успела сползти с аппаратного стенда; посиневшие веки и алая струйка у рта приводят меня в смятение. К счастью, я быстро нащупал пульс.

Он все же встал и, невзирая на мои протесты, вернулся к регистраторам. Мне волей-неволей пришлось смириться с упрямством этого фанатика от науки. Я машинально двигал рукоятку настройки и с ужа-

сом думал, что будет с нами, когда мы опять завалимся в яму...

— Чистенько выпрыгнул, — с завистью говорит Шарову Акоюн. — Семь десятых склонения. Я завалил на градус больше...

Шаров не ответил. Все его внимание сосредоточено на том, чтобы не дать пурпурному ободку уйти из центра градусной сетки. Здесь, почти у самой поверхности Солнца, полностью доверить управление автоматам было бы опасно, потому что в ячейках «памяти» электронного лоцмана не было достаточно полной информации о корональных ямах. Только посредничество человека могло заставить «Бизон» придерживаться заданного курса и не позволить ему стать игрушкой завихрений гравитационного поля.

Вдруг я замечаю, что Акоюн кладет руку на плечо командира и кивает в сторону указателей температуры:

— Девятый сектор корпуса на пределе. Пойду взгляну.

Глаза Шарова обеспокоенно метнулись по шкалам.

— Да, — соглашается он. — Возьми с собой Морозова.

— Справлюсь сам, пусть остается на съемке. Дам вызов, если что-нибудь серьезное...

Я помог ему забраться в скафандр. Тяжело топя, он исчез за дверью люка переходной камеры.

Проходит полчаса. Блики указателей температуры заметно сползли вниз.

Проходит час. Попадаем в яму. Веншин успевает свалиться в кресло, и все обходится благополучно, если не считать царапины на его левой щеке. Блики указателей температуры снова прыгнули вверх.

Шаров сделал мне и Веншину знак подойти. Пурпурная окружность превратилась в удлиненный овал, который занимал теперь четверть экрана.

— Пошли на подъем, — сказал командир. — Программу научных исследований считаю законченной. Не спорьте, Веншин, это — приказ! Садитесь на мое место и следите за пультом. Дальше корабль по-

ведут автоматы — электронный лощман получил достаточный объем информации о характере гравитационных завихрений. Мы с Морозовым сейчас уходим. В случае, если мы не вернемся, из салона не выходить. Это тоже приказ! Во всем остальном действуйте согласно инструкции. Ровно через два часа включить позывные «Бизона» по аварийной программе, лечь в кресло и перевести режим работы пространственных двигателей на полную мощность. Вот эту рукоять — на себя до отказа. Все! Морозов, следуйте за мной.

Я взглянул на шкалы температурных указателей и все понял. Контрольные блики девятого сектора ушли за пределы шкалы.

Внешняя полость корабля встретила нас ревом и грохотом. Накалившийся корпус казался глыбой желтого янтаря, двутавровые балки кольцевых распорок были красны до самого основания. Отовсюду яркими звездочками сыпались искры. На общем фоне выделялось большое пятно добела раскаленного металла. Девятый сектор...

Зеркальная фигура командира с красными отблесками на голове и плечах неуклюже двигалась вперед. Я старался не отставать. Мы шли напрямик, пробираясь по узким желобам теплопроводов, перелезая через дымящиеся трубы и связки толстых кабелей.

Девятый сектор утопал в облаках серебристого пара. Массивный радиатор теплоприемника просел на изогнутых стойках. Спиральные тяги оборваны. Мы нашли Акопяна не сразу...

Он лежал неподвижно, придавленный тяжестью радиатора. Рядом из лопнувшей трубки хлестала струя жидкого гелия. Шаров навалился плечом — что-то хрустнуло, и радиатор стал приподниматься. Я выволок Акопяна за ноги и оттащил в сторону. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ему уже ничем не помочь... Грудь скафандра представляла собой сплошную вмятину.

— Он мертв, — сообщил я Шарову, холодея от ужаса.

Шаров промолчал. Вдвоем мы втолкнули радиа-

тор на платформу и спешно приволокли сварочный агрегат. Внезапно я почувствовал головокружение и слабость. «Бизон» заваливался в корональную яму...

Когда мне наконец удалось встать на ноги, я минуту почти ничего не видел. Кровь упруго билась в висках, зрение возвращалось медленно. Разыскав глазами Шарова, я вскрикнул. Радиатор, установленный с таким трудом, угрожающе склонился набок. Командир из последних сил удерживает его на месте, он действует только одной рукой, вторая придавлена ребристым основанием.

— Назад! — кричит Шаров и отталкивает меня ногой. — Конденсатор... десятого сектора... Иначе — крышка!

До меня не сразу доходит смысл его слов. Голова занята одним: в любой момент радиатор может свалиться, и тогда командиру действительно «крышка»... Хватаю конец изогнутой стойки. Нет времени искать металлорежущий пистолет, и я отламываю ее руками. Теперь можно действовать рычагом.

— Ду-рак!.. — свирепо рычит Шаров. — Оставь меня... Конденсатор... Быстрее!

Нет времени огрызнуться. Мышцы вот-вот лопнут от напряжения. Громада радиатора качнулась, встала на место. Шаров выдерживает руку, кричит:

— Туда!

И мы бросаемся к раскаленной глыбе теплоприемника десятого сектора.

Как раз вовремя. Вишнево-красная балка, просыпав искры, скользнула на место надлома. Шаров подставил плечо и не дал радиатору соскользнуть с основания. Опасный трюк! Вероятно, так погиб Акоюн... Собрав все силы в один рывок, я приподнял рычагом опорную стойку.

— Сварку! — хрипит Шаров. — Держу один...

Сварочный наконечник выбрасывает струю жидкого металла. Медленно, невыносимо медленно наполняются трещины раскаленной, густоватой массой. Если Шаров потеряет сознание от боли в раздавленной руке, он обречен...

Вибрирующий свист заставил меня насторожиться-

ся. Неужели прошло два часа? Быть этого не может! Что-то случилось, иначе Веншин не стал бы включать пространственные двигатели раньше срока... Я поспешил на помощь Шарову.

Подставив спину, я принял на себя чудовищную массу радиатора. Два «же» ускорения... Шаров сделал предупреждающий жест и, странно качнувшись, рухнул мне под ноги. Нет, при двукратной перегрузке мне одному долго не выдержать... Командир не шевелился. Может быть, он не поднимется вовсе... Спину саднило, тело разъедал горячий пот. Я сплюнул что-то соленое, клейкое. Носом шла кровь... Проклятие!

Командир наконец поднялся. Я видел, каких усилий это ему стоило. Здоровой рукой он взял рычаг и развернул опорную плиту. Я почувствовал временное облегчение.

— Держи, Алеша... Буду варить.

— Все в порядке, командир. Действуйте!

Он отошел, все так же странно покачиваясь. Заложённый им рычаг внезапно согнулся. У меня потемнело в глазах... Где-то в стороне забила струйка расплавленного металла. Все в порядке, осталось недолго, думал я, совсем недолго... В скафандре становилось подозрительно душно и жарко, нестерпимо жгло спину и плечи. Наверное, что-то случилось в системе охлаждения. Только этого мне и не доставало!.. Держись, сам напросился...

Перед глазами шумно лопаются красные пузыри. Я уже не чувствую боли. Притерпелся, отупел... Сколько времени я простоял? Наверное, не больше четверти часа, а мне кажется — вечность... Стоять! Стоять, пока хватит сил! Ты же сильный, Алешка, ты можешь стоять еще долго... Нет, не могу... тяжело!.. Шарову было тяжелей, он стоял. Ноги подгибаются, так и тянет стать на колени. «Лучше умереть стоя, чем жить на...» Чепуха, на коленях я буду сразу раздавлен. Пусть лучше смерть, чем эта обжигающая тяжесть!.. Нет, ты должен стоять, и ты будешь стоять... Но где же Шаров? Почему он возится так долго?! Может, он опять потерял сознание и я его не дождусь?

Я не могу обернуться, чтобы увидеть его. Нет ничего страшней неизвестности. Нет есть: эта проклятая тяжесть. И кровь. И жара... Стоять!

В голове уже не гудит, нет, — грохочет. Грохочет Ниагарский водопад. Когда-то, вечность тому назад, я был там, и мне хорошо знаком его грохот. У меня есть две возможности избавиться от непомерной тяжести: первая из них — задохнуться, вторая — изжариться заживо. Впрочем, существует и третья — вызвать на помощь Веншина... Нет, я не сделаю этого. Веншин должен остаться в салоне, приказ есть приказ...

Перед самым стеклом перископа плывет, клубится тягучая красная дымка. Слышится тоненький, тающий звон. Помню, когда-то я слышал его. Но где? Тоненький, тающий... Ах да, это похоже на озвученное мерцание льдинок! Дымка наливается радужным сиянием и вдруг рассыпается белыми хлопьями. Знакомый взгляд бесконечно дорогих синих глаз...

Я столько думал о тебе, мечтал о новой встрече. И вот ты стоишь в двух шагах от меня, такая веселая, легкая, а я не могу протянуть тебе руки, ощутить твое прикосновение! Должно быть, ты даже не узнаешь меня в этом зеркальном чудовище... Но нет, Майя улыбается и что-то говорит мне. Я не могу разобрать ее слов, не могу ей ответить. Я только смотрю на нее сквозь налетающий вихрь зеленых кругов и пятен, смотрю, не в силах разобрать, где зрительный обман, где явь. Страшно грохочет Ниагарский водопад, наполняя скафандр потом и кровью. Милая, хорошая, уходи... Ты же видишь, как я сейчас занят!

— Готово, Алеша. Ну же, очнись!.. Давай, я тебя понесу.

Я свалился к ногам командира. Очень трудно было разжать зубы, сомкнутые на прокушенной губе...

Лишь только здесь, в переходной камере, я по-настоящему осознал трагическую гибель Акопяна.

Итак, нас осталось трое: Шаров с изуродованной рукой, я с ожогами на спине, Веншин, измотанный

до предела адской работой. Мы сделали все, что могли. Кто может, пусть сделает больше...

Командир в угрюмом молчании стоит над неподвижным скафандром товарища. Не знаю, может быть, он плачет сейчас. Я бы тоже заплакал, если бы не был так обессилен.

— Ложись, Алеша, отдыхай, — тихо говорит командир и первым валится на ребристый настил. — Вахта еще не окончена...

Я располагаюсь рядом. Неудобно и жестко в скафандре, обожженные плечи болят. Я сделал ошибку — надо было лечь лицом вниз, на живот, — но теперь неохота менять положение, нарушать долгожданный покой. После тяжелой работы перегрузка почти не ощущается, и только дрожащий свист напоминает о том, что «Бизон» уходит от Солнца.

— Как рука, командир?

— Я почти не чувствую боли.

— Давайте вернемся в салон — мне нужно осмотреть вашу руку.

— Не стоит... Придется портить скафандр, чтобы вытащить ее из перчатки, а мне еще надо быть здесь.

— Я настаиваю. Как врач. Вы должны подчиниться.

— Это невозможно, Алеша. У нас всего один скафандр моего размера.

— Я вернусь и сумею закончить вахту без вас.

— Не сомневаюсь. Но где гарантия, что все пойдет без осложнений...

Я понял, что уговаривать его бесполезно.

— Скажите, командир, вы видели ее?

Шаров не ответил. Наверное, не слышал моего вопроса.

Я смотрел прямо перед собой в белый овальный потолок. Такие же овальные потолки были в лаборатории энцефальной диагностики института нейрохирургии, где мне довелось проходить студенческую практику. Нас, студентов, называли там «букварями»... Белые халаты, пляска изменчивых графиков на экранах, виварий с подопытными обезьянами, шумные диспуты на ученых советах, рабочая тишина опе-

рациональных, сверкающих стеклом и никелем, — где все это теперь?.. Я мечтал остаться работать в «обители белых богов» — как часто полушутя-полусерьезно называли институт. Но жизнь решила иначе: я попал в число участников двенадцатой меркурианской экспедиции. «Ты правильно выбрал — космос послужит тебе хорошей школой, — напутствовал меня руководитель лаборатории профессор Шкловский. — Там, на Меркурии, тоже пужны специалисты-диагносты, и наверняка даже нужнее, чем здесь. Работай, учись, обогащайся опытом, и ты вернешься к нам с грузом новых идей. Наблюдай, сопоставляй, думай, проявляй любопытство, ибо только очень любопытный человек сможет стать настоящим ученым». Ты оказался прав, старик, в моей голове созрел замысел. Когда я вернусь, я подарю его вам... Но это не все, мой старый, мудрый учитель. Ты говорил, что космос — хорошая школа, которая обогащает? Да, именно так ты и говорил, считая эту фразу наиболее точным и полным мерилом всей работы в пространстве. Экое благопристойное и вполне педагогическое определение! Прости, старик, но ни черта ты в этом не смыслишь... Нет, я сохранил к тебе мое уважение, мою любовь. Но ты перестал быть моим кумиром. И это потому, что я прошел эту... не школу, нет, — академию мужества, романтики, товарищества, страха, боли и долга, и знаю, что это такое. Это — жизнь, которой отдаешь частицу себя... Космос не любит шутить, и если мы побеждаем его, то платим за это тяжелым трудом, сверхнапряжением мысли, лишениями, кровью и даже собственной жизнью... Мы, космонавты, часто бываем веселыми, но никогда — беззаботными, здесь ценят шутку, но не могут терпеть слабодушия, мы бываем суровы, но нам чужды жестокость и злоба, мы мечтаем о дивных, далеких мирах, но и знаем тоску по Земле.

«Обогащайся опытом!» Милый, наивный учитель! Произнося эти слова, ты не мог себе даже представить, насколько мал их размер, чтобы вместить действительное содержание. Наш опыт — это миллионы километров межпланетных трасс и миллионы

метров магнитной пленки с ценнейшими астрофизическими данными, это колкие, холодные лучики звезд и всепожирающий пламень огромного Солнца, надежные плечи друзей и мертвые тела погибших товарищей. Наш опыт — это не отступать там, где, казалось бы, идти вперед невозможно, проходить там, где до нас не проходил никто, распутывать сложные тайны пространства и уметь постигать то, что кажется непостижимым...

— Хороший режим, — сказал командир. — Акопяновский...

— Вы это о чем? — не понял я.

— Об электронном лоцмане. Каждые десять минут увеличивает мощность пространственных двигателей на пять тысячных. Можно подумать, что за пультом сидит Акопян... Вот что, Алеша: сходи в салон и посмотри, что там подделывает Веншин. Про Акопяна — ни слова, нечего расстраивать его раньше времени.

Шаров тяжело поднялся и вышел. Несмотря ни на что, он старается казаться спокойным. Идол чугунный...

Я привел в действие движущий механизм щита. Пока нагнетался воздух, отнес закованное в панцирь тело Акопяна ближе к стене. Глотаю застрявший в горле комок.

Откинув крышку люка, я шагнул в салон... и остолбенел.

«Мало вам космических девушек».

В кресле пилота сидел Акопян.

Веншин, как ни в чем не бывало, копошится у приборного стенда.

Акопян поворачивает голову в мою сторону.

— Ты, Алешка?.. Командир не пришел?

Не помню, как я вернулся в переходную камеру. Помню только, что с силой захлопнул за собой крышку люка. С недоумением и страхом гляжу на скафандр, лежащий у стены, на громадную вмятину. Меня колотит озноб.

«Мало вам космических девушек...»

Шарова я нашел в десятом секторе. Увидев меня,

он опустил сварочный пистолет и с тревогой в голосе спросил:

— Что-нибудь... случилось?

— Да...

— Говори.

Но я не мог говорить.

Шаров встряхнул меня за плечо:

— Говори же!

— Вы... вы не поверите мне.

— Веншин?.. Он жив?

— Нет, — верчу я головой в скафандре. — То есть да, но не в этом дело!.. Не трясите меня, я скажу. Там, в кресле пилота, сидит Акопян.

Шаров выключил пистолет и швырнул в сторону.

— Повтори.

Я повторил.

— Тебе померещилось...

— Не знаю. В переходной камере лежит скафандр...

Я стою и жду, что скажет командир. Озноб не проходит.

— Так-так... — произносит командир. — Так-так...

В переходной камере Шаров заставляет меня вскрыть скафандр. Огромная вмятина мешает откинуть замки.

На нас смотрело мертвое лицо Акопяна. Бледное, горбоносое, такое знакомое...

В салон командир не вошел. Он только приоткрыл крышку люка и заглянул в образовавшуюся щель. Молча захлопнул люк.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь, Алеша?

Могу ли я о чем-нибудь думать сейчас? Я в изнеможении прислонился к стене. Потом, собравшись с духом, сказал:

— Алитора.

— Чуть! — говорит командир. — Впрочем... Ну а Веншин?

— Веншин тот же. Я заметил на его левой щеке кровоподтек, который он имел до нашего ухода.

— И он никак не реагирует на появление второго Акопяна?

— Он поглощен работой и, верно, даже не заметил, что Акопян вообще уходил из салона.

— Н-да...

Шаров долго ходит вокруг распростертого тела пилота. Наконец он останавливается и спрашивает:

— *Она* утверждала, что алиторы абсолютно неразличимы между собой?

— Да, так она говорила. Люди двойных алитор обретают различие только со временем. Это легко проверить — тот, второй, Акопян не должен знать о нас ничего, начиная с того самого вечера, когда рассказывал про джед-джедаков.

— Я видел *ее*, — вдруг признался Шаров.

У меня перехватило дыхание.

— Я видел *ее* в тот момент, когда *она* уходила, — продолжал командир. — Я думал, это померещилось мне...

— Нет, не померещилось, — подтверждаю я.

— Что же нам делать? Тот, в салоне, должно быть, и не подозревает о существовании своего мертвого двойника...

— Должно быть, — соглашаюсь я.

— В таком случае я предлагаю устроить погибшему почетные похороны. Но второй ничего не должен знать об этом.

— Не должен. А чем мы докажем там, на Земле?

Шаров махнул рукой:

— Зачем нам доказывать? Мне, например, наплевать.

Мы уносим тело к шахте подъемника. Командир склоняется над скафандром и долго смотрит в темную щель перископа.

— Ладно, давай... — говорит он дрогнувшим голосом и нажимает сигнал общей тревоги.

Пронзительный крик сирены разносится по всему кораблю. И снова мне чудится в этом крике жалоба и прощание. Я закладываю блестящее броней тело пилота в пневматическую камеру и нажимаю рычаг.

Мы поднимаем правые руки — прощальный салют космонавтов...

Рядом с нами появляется фигура в скафандре. Она отключает сирену и голосом Акопяна спрашивает:

— По какому случаю вы устроили здесь шумный праздник? Что-нибудь произошло?

— Заткнись, — строго говорит Шаров. — Помолчи немного.

— С какой стати? Я хочу знать, что случилось?

— Случилось то, чего уже не поправишь. — В голосе Шарова скрытая неприязнь. — Пришлось выбросить в космос твой скафандр.

— Это еще зачем?! — удивляется голос Акопяна.

— Так, ерунда... Заражен радиоактивностью.

— Ха! А я-то ломаю голову: куда мог деваться мой персональный скафандр?! Что ж, буду пользоваться скафандром Веншина. Тесноват, правда, но ничего, терпимо. А что это у тебя с рукой, дорогой?

И столько неподдельной тревоги слышится в этом вопросе, что мне становится не по себе. Не по себе и Шарову — я чувствую, он смущен.

— Да так... ничего особенного, — буркнул он.

— Хитришь, командир!.. Работа есть? Зачем вызывали?

— Иди заканчивай. В девятом секторе.

Некоторое время мы с командиром внимательно следим, как двойник Акопяна ловко орудует сварочным пистолетом. Накладывая ровные швы на поврежденные части теплоприемника, он не перестает удивляться:

— Эй, ребята, и когда вы успели развести здесь такое свинство? Стоило мне проспять свою вахту, и вот, пожалуйста!.. Кстати, всю ночь сегодня мне снились джед-джедаки. К письму, наверное.

— Пойдем, Алеша... Все в порядке.

Мы с Шаровым отправились в переходную камеру. За всю дорогу командир не произнес ни слова. Я тоже молчал. Но думали мы об одном и том же...

С рукой Шарова я провозился около часа. Фаланги указательного и среднего пальцев были раздроблены. Удивляюсь, как он мог терпеть такую боль!..

Я извлек осколки костей и сделал все, что мог, чтобы кисть в дальнейшем не потеряла гибкости движений. Хирург из меня, прямо скажу, никудышный, но рентгеновский снимок показал, что операция прошла довольно удачно.

— Будет работать? — коротко спросил командир.

— Лучше, чем прежде, — поспешил я его успокоить. Я знал, что значит рука для такого человека, как Шаров. — Впрочем, теперь все зависит от вас. Покой и отдых.

— Покой и отдых... — задумчиво проговорил командир, поглаживая подбородок здоровой рукой.

Только теперь я заметил на его подбородке розовый шрам. Шаров перехватил мой взгляд и усмехнулся бледными губами:

— Это память о Марсе, Алеша. Поиски экспедиции Снайра проходили не так весело, как об этом рассказывал Акопян...

Командир направился к пульту навигационной машины. Я хотел было протестовать, но подошел Веншин и тронул меня за плечо:

— Оставьте, доктор, это все равно ни к чему не приведет. Такие, как он, покидают свой пост только мертвыми. Простите меня.

— Не понимаю, за что?!

— Гелиана... Я вам не поверил тогда.

Значит, он тоже пережил внезапность появления второго Акопяна... А может быть, даже он видел ее?..

Звякнула крышка люка переходной камеры.

— Ни слова при нем! — умоляюще прошептал я. — Ведь он такой же?

— Знаю, — кивнул Веншин. — Иначе я не допустил бы его к пульту. Куда вы дели того?..

Я махнул рукой в сторону шахты подъемника. Веншин понял.

— Это вы, пожалуй, напрасно. Впрочем...

Я с благодарностью пожал ему локоть.

Живой и невредимый Акопян — у меня не поворачивается язык назвать его по-другому, — весело насвистывая, выбрался из скафандра.

— Ку-ку, а вот и я! Готово, все последствия аварии ликвидированы. Вам надо было разбудить меня раньше.

Он подошел к Шарову сзади и тронул его за плечо:

— Уступи мне место, дорогой... Ну, как рука? Отлично? Ай да Алешка! Док, профессор — или как вас там? — примите искренние поздравления!

Шаров пересел в кресло слева. Он поправил руку на перевязи и, не оборачиваясь, объявил:

— Приказываю: экипажу «Бизона» занять свои места. Стартовое ускорение — три с половиной «же». Через восемь часов — разгон на полной тяге. Курс — двадцать девятый сектор эклиптики. Цель — Меркурий!

— Готов! — первым откликается Акоюн. Голос его звучит торжественно и строго.

— Готов! — тихо произносит Веншин. Он, как всегда, занят своими мыслями.

Я тоже произнес это слово — «готов!» Собственное спокойствие удивило меня. Почему я так непривычно спокоен? Наверное, страшно устал... Нет, скорее всего я просто повзрослел за это время, возмужал...

Окидываю взглядом салон, устраиваюсь в кресле поудобней и закрываю глаза. Где-то в глубинах сознания бродит в поисках выхода легкая грусть...

ЭПИЛОГ

Сейчас вокруг меня тихо кружит голубоватый шарик величиной с апельсин. Нет, это не тот загадочный шарик, который мне подарила девушка с неземными глазами, это плазменный ретранслятор биоизлучений, модель двадцать вторая — гордость нашего института. В шутку я отмахиваюсь от него рукой — ПРБ-22 пугливо отскакивает в сторону, мгновенно покрываясь яркими блестками. Видно, как он ритмично пульсирует: в таком ритме бьется сейчас мое сердце.

Я подхожу к окну и поднимаю штору. В кабинет

врывается гомон белоснежного облака чаек, ветер, пропитанный запахом моря и солнцем. Хорошо!..

Невдалеке виднеется главный корпус института, ослепительно белый, сверкающий стеклами крытых галерей.

Там, в лабораторной тиши, десятки биофизиков сейчас внимательно следят, как послушные лучики выписывают на экранах замысловатые частоты моих биотоков. И среди наблюдателей — мой старый учитель профессор Шкловский. Я выполнил обещание — я принес ему свой замысел.

Возвращаюсь к столу. Ветерок шевелит исписанные листки, покачивает куст олеандра.

Я посмотрел на часы и сильно ущипнул себя за руку. Шарик побледнел и заметно увеличился в размерах.

Прозвучал гудок контрольного вызова: мои коллеги встревожены неожиданным всплеском «физиологического фона».

— Все в порядке, ребята! — кричу я в тонфоны переговорного устройства и не могу сдержать счастливого смеха, наблюдая, как ПРБ-22 выравнивает свой полет.

Делаю запись в дневнике испытаний: «Пятнадцать ноль-ноль. Болевые ощущения в области левого предплечья...» Далее следуют несколько строк специальных терминов врачебной диагностики, а в конце — заключение: «Реакция ПРБ последовала немедленно».

Мое внимание привлекают гулкие удары по мячу и женский смех. Это на спортплощадке оздоровительного сектора... Люди смеются. А ведь совсем недавно они, беспомощные, лежали в больничных палатах, и сотни врачей вели нелегкий поединок со смертью. За их жизнь, за их сегодняшний смех. Многие из них не знают, что опасность еще не миновала. И наверняка никто из них не догадывается о том, что коллектив огромного института занят сейчас решением проблемы непрерывного контроля за состоянием больных — контроля дистанционного, который делает ненужными обременительные датчики, постоян-

ные врачебные осмотры и надоедливую опеку диагностических машин.

Стражем здоровья станет прирученная шаровая молния — голубоватый шарик, послушно следующий всюду за своим «хозяином». Да, теперь они могут смеяться: ПРБ будет непрерывно передавать в Следящий центр сигналы о любых изменениях биотоковых характеристик организма.

«Вы оказались настоящим ученым, Морозов, — сказал мне Шкловский вчера. — Решением ученого совета института вы назначены руководителем Следящего центра лаборатории врачебной диагностики. Будем работать вместе». Спасибо за признание, старик, спасибо за то, что ты так горячо отстаивал мою кандидатуру на совете, но сам я еще ничего не решил...

Месяц назад я разговаривал с Шаровым по телетарному каналу связи «Земля — Луна». Внешне он ничуть не изменился.

— Летишь? — спросил он меня.

Я перевел взгляд на его белый свитер, украшенный алым контуром бегущего оленя; на рукаве, чуть ниже плеча, красовалась буква «С». Носить такую букву имели право только четверо землян: Шаров, Акопян, Веншин и я...

— Мне нужно закончить работу в институте, — сказал я так неуверенно, что сразу почувствовал неловкость.

Шаров знакомым жестом потер подбородок:

— Добро. Тридцать восемь дней на размышления. На Меркурий вылетаем в прежнем составе. Там к нашей группе присоединяются еще четверо. Ты их хорошо знаешь — железные ребята. Да, кстати, в Совете космонавтики твоя кандидатура была принята единогласно. «Олень» укомплектован более совершенным оборудованием, мы разработали новую систему энерговыброса. На днях будем испытывать моторы в Пространстве. Ну, жду вызова... Салют!

— Салют!..

Я запросил по телетару информационный центр Луны и долго рассматривал на объемном экране громадный купол «Оленя». Ну и машина!

Купол оканчивался шестью исполинскими лучами. Отведенные назад, они создавали впечатление стремительного полета. Вокруг вспыхивали изумрудные молнии — монтажники пространственных сооружений торопились к сроку завершить оставшуюся часть работы.

Шарову было легче задать вопрос, чем мне ответить на него. И не потому, что страх сковывал мой язык, — меня тяготило другое...

Земля... Я ведь твой сын, Земля. Я не забыл тоску по тебе там, возле Солнца. Ты ласково встретила меня после долгой разлуки — я тронут твоей добротой и вниманием. Исполнились мои мечты: я работаю там, где хотел, делаю то, что задумал. Мне хорошо и вольно на твоих просторах, здесь никогда не чувствуешь себя одиноким, вокруг дорогие и близкие мне люди, товарищи, друзья. Мне трудно покинуть тебя, не зная, вернусь ли опять...

Нет, Солнце больше не пугало меня чудовищным жаром, клокотанием взбешенной плазмы: я ведь знал, что это такое, — я побывал в его огненных лапах, убедился своими глазами, что его загадочная деятельность, да и само его существование, — всего лишь результат безумной щедрости природы.

Люди издавна поклонялись лучезарной короне огненного бога. Я тоже обрел это древнее, земное чувство благоговения. Но не потому, что побывал там, а потому, что понял, узнал, что настоящая его корона — это мы, Человечество.

Мне известно, почему туда летит Веншин: на основе астрофизических данных, полученных в прошлом полете, он доказал, что вещество, из которого состоят солнечная луна и «пепловые поля», — отличный полуфабрикат для изготовления ценного топлива, питающего двигатели космических кораблей транспланетного класса. Мне понятно, почему летят Акопян и Шаров. Они просто не могут иначе. А я?.. Ведь у меня нет обоснованных причин для участия в экспедиции — тропа моих научных исканий в стороне от космических трасс. Значит, в первую очередь я должен спросить свои чувства...

Я и Шаров рассказали о необычных встречах в Пространстве. Это нужно было сделать для тех, кто пойдет по нашим следам, хотя не было никакой надежды, что нам поверят. И нам, конечно, не поверили.

Мы добились лишь того, что в медицине появился новый термин: «нейтринный синдром». Итак, у меня все же есть кое-какие счета с Пространством...

Было, все было: и Гелиана, и девушка, которую зовут Майя, и маленькая лань. И поцелуй тоже был... Но почему разумный представитель другого мира скрывается в лучах короны, почему она до сих пор не появилась на Земле?

Тысячи «почему» кружили мне голову, не давали покоя. Я успокаивал себя предположениями и догадками, но тщетно — ни одна из них не казалась мне приемлемой с точки зрения нашей, человеческой логики.

Может быть, Повелители Времени исповедуют правила какой-то своей, космической этики? Может быть, они на основе какого-то прошлого опыта считают нетактичным вторгаться в чужие миры с целью навязывания знакомства, которое неизвестно как будет воспринято инопланетянами? Случай с алиторой Хейделя заставил их насторожиться?..

Но ведь мы уже не такие! Человечество покончило с безумием войн и раздоров. Миновала эпоха атомных бомб и наступила эра созидательного труда. Мы готовы пожать руку дружбы представителям других миров. Мы с открытым сердцем научим вас тому, что умеем сами, и с благодарностью примем те знания, которые вы сможете дать нам!.. Мы еще не умеем преодолевать межзвездные пространства, наши ракетные корабли — полновластные хозяева Солнечной Системы, но они бессильны перед просторами Большого Космоса. И мы еще не знаем способа преодолевать сотни парсеков за разумно короткие сроки, лежащие где-то в пределах человеческой жизни. Нужно смотреть правде в глаза: наши мечты о фотонных звездолетах, увы, оказались несбыточными, наука решительно отвергла эту крылатую, но абсолютно безнадежную идею. И все-таки мы полетим! Помогут

ли нам обитатели других миров, или мы найдем такой способ сами — не в этом суть. Пока жива мечта — жива надежда.

Но почему, почему не получился прочный контакт миров, о котором столько мечтали мы, земляне?.. Кто в этом виноват: я, *она* или ошеломляющая неожиданность встречи? А может быть, это и есть прочный контакт в их понимании? Но что дала *она* мне, кроме грез? Что оставил я *ей*? Поцелуй, и только. Нет, *она* ждет моего возвращения...

Ровно через шесть дней я должен дать ответ Шарову. Почему через шесть? Я это сделаю сегодня, сейчас!

Включаю связь и заказываю телетарный вызов лунной станции. Затем вскрываю присланный Шаровым сверток, натягиваю белый свитер, украшенный изображением бегущего оленя. На левом рукаве, чуть пониже плеча, алым пламенем горит заветная буква...

Тревожно звучит гудок контрольного вызова. Голос Шкловского спрашивает, почему у меня участился пульс.

— Все в порядке, — уверенно отвечаю я. — Эксперимент окончен, поздравляю с успехом. Да, кстати, вам придется подыскать другого руководителя Следящего центра... Нет, вы не ослышались. Сожалею, но это так... Объяснения? Объяснения вы получите через Совет космонавтики... Да, конечно, я понимаю, но в Пространстве тоже нужны опытные диагносты, и наверняка даже нужнее, чем здесь. Что?.. Какой дурак мне это сказал?! Простите, но это же ваши слова, учитель!

Я перевел рычаг — и голубой шарик стал неохотно приближаться к раструбу поглотителя.

— До свидания, малыш! Ты славно поработал сегодня, топай на отдых...

Милый, добрый мой учитель, я расстроил тебя, извини. Но я должен вернуться туда, ведь я оставил там свой поцелуй... Тебе не понять, как это много...

АКВАНАВТЫ

НИКАКИХ ГАРАНТИЙ

Радист обернулся. На него смотрели зеленоватые глаза Дуговского. «Что нового?» — понял он по движению губ.

— Ничего, шеф. На волне мезоскафа¹ по-прежнему только одни позывные.

Дуговский нервно дернул щекой.

— Скверно, мы уже в двух милях от мезоскафа, — сказал он и вышел из радиорубки.

Раздвигая носом шипящие буруны, судно полным ходом шло на восток, в предрассветную мглу океана. Над антеннами радаров искрилась россыпь южных созвездий. Параболические зеркала антенн торопливо вращались, перемешивая звезды в этом сумеречном фиолетово-синем пространстве.

На освещенном полубаке — молчаливые фигурки людей. Глаза и бинокли устремлены туда, где на темной поверхности океана изредка вспыхивали алые зарницы. Дуговский вырвал из рук у кого-то бинокль, прилип к окулярам. На миг ослепила яркая малиново-красная вспышка.

— Дайте свет, — негромко распорядился Дуговский.

В темноту ударили лучи носовых прожекторов. Судно застопорило машины. В полутора кабельтовых, поблескивая влажными бортами, покачивался на волнах аппарат сферической формы.

¹ Мезоскаф — аппарат для погружения в средние глубины океана.

— К спуску катера стоять по местам! — рывкнули по радиомегэфону с капитанского мостика.

Топот, суета у правого борта.

— Кон, вы готовы? — не оборачиваясь, спросил Дуговский.

— Разумеется. — Высокий человек в очках взял за ремень медицинскую сумку. — Но я не уверен, что там кто-нибудь есть.

— Вы не очень внимательны, Кон, — Дуговский нахмурился.

Врач досадливо поправил очки.

— О, люк мезоскафа открыт! — Он заторопился в катер.

Заложив руки за спину, Дуговский вышагивал по палубе вдоль бортового ограждения. Люди сторонились его, но он никого не замечал. И вдруг он замер на месте: долговязая фигурка доктора ступила за борт катера и нырнула в люк мезоскафа. Дуговский взялся за поручни.

Минута. Две. Три... Время словно остановилось. Наконец из люка вылез... нет, скорее, выполз обнаженный по пояс человек. Дуговский прищурился, пытаясь узнать его. Следом выскочил доктор. Обнаженный, взмахнув руками, свалился в воду, за ним бросился доктор. Потом — какая-то возня на катере, крики матросов, урчащий баритон мотора...

Первым сошел на палубу рулевой катера. Зажимая пятерней разбитый нос, сказал:

— Джентльмены, тем, кто не желает получить по фотокарточке, советую держаться в стороне. У этого парня железные кулаки! К тому же он, кажется, спятил.

Двое дюжих матросов под руки свели на палубу полураздетого. Он диковато озирался.

— Дюмон!.. — взглядевшись, воскликнул Дуговский.

На подбородке врача багровая ссадина. Он вышел из катера мокрый, без сумки. И без очков. Жестом приказал увести Дюмона. Обратился к окружающим:

— Дайте сигарету.

Жадно закурил. Потом вдруг тоном повыше:

— Вы все свободны! — И к Дуговскому: — Леон, может быть, вы прикажете им разойтись?

Люди разбрелись. «Это как дурной сон! — думал Дуговский. — Бестолковый, невозможный сон!»

— Кон, Дюмон был один в мезоскафе?

— Вы не очень наблюдательны, шеф. Люк мезоскафа закрыт. По-моему, ясно.

— Что с ним? Я с трудом узнал его.

— Делать преждевременные заключения не в моих правилах, — нехотя ответил врач. — Но, учитывая сложность обстановки, я, пожалуй, рискну. Невроз страха. Явные признаки умственного расстройства... Но, повторяю, этим предварительным «диагнозом» вы можете пользоваться только до времени, пока не будет получено более авторитетное заключение психиатров.

— Спасибо, Кон. Мне кажется, иного заключения и не будет...

Врач помолчал, с близоруким прищуром глядя Дуговскому прямо в лицо. Потом спросил:

— Что вы собираетесь делать, Леон?

— Делать?.. — Дуговский поглаживал на лысине несуществующий вихор. — Кон, на первых порах вы должны мне помочь.

— Вы надеетесь, я разрешу вам допрашивать больного?

— Неудачно выбираете слова. Да, мне нужно с ним поговорить. Немедленно. Я понимаю, Кон, мое желание идет вразрез с вашими представлениями о врачебной этике, но посоветуйте мне что-нибудь иное. И поскорее, мешкать нельзя: второй наблюдатель на станции, в километре у нас под ногами, и, вероятно, нуждается в помощи.

Врач выдохнул дым, бросил окурок за борт.

— Хорошо... Но вряд ли что-нибудь из этого выйдет: Дюмон невменяем. Даю вам десять минут. Может быть, меньше. Если я подам знак, вы уйдете.

— Согласен.

— Мне нужно взять в каюте очки. И тогда я к вашим услугам.

— Поторопитесь, Кон! Переодеться можно и после.

...Дуговский вышел, пятясь, и медленно прикрыл за собою дверь с медицинской эмблемой. Змея и чаша... И, как змея, нехорошая мысль: «Не миновала нас чаша сия! Иезус Крестус, Дева Мария, поистине тому, который остался там, в глубине, лучше погибнуть, чем быть лишенным разума в такой же мере, как Дюмон!»

Судно покачивало. Дуговский, широко расставив ноги, смотрел на уходящие в коридорную перспективу ряды плафонов и ждал. Хотя понимал, что ждать, собственно, нечего. Наконец вышел врач. На белом халате пятна от мокрой одежды.

— Леон, вы получили то, что хотели. Я предупреждал.

— Кон, это было ужасно...

— Да, неприятно. Я сожалею, что не сумел отговорить вас от этой затеи.

— Как он там сейчас?

Врач пожал плечами:

— Спит, конечно. Я ввел ему снотворное. Пока это все, чем я могу быть полезен бедняге.

Дуговский почувствовал странное облегчение.

— Хорошо, я побеспокоюсь, чтобы как можно скорее отправить Дюмона на континент.

— И не позже завтрашнего дня, — добавил врач. — В Сиднее, мне помнится, есть отличная клиника этого профиля. Частная, правда, но я полагаю, наш институт пойдет на любые расходы...

— Разумеется, — перебил Дуговский. — Извините, тороплюсь. У вас тоже сегодня прибавится дел. Я имею в виду Болла. Пришлю его к вам примерно через час, будьте готовы.

— Можно и раньше. Он давно у меня не был, и мне потребуется провести массу анализов.

— Надеюсь, Кон, вы понимаете, что дело срочное.

— Понимаю. Болл пойдет туда без напарника?

— Ни в коем случае.

— Правильно, — одобрил врач. — Как минимум двое... Но где вы возьмете второго? Болл — единственный на судне человек-рыба.

— Эту проблему мне и предстоит сегодня решить, — сказал Дуговский. И, криво усмехнувшись, добавил: — Решать проблемы входит в мои обязанности, Кон.

— Желаю удачи. Да, кстати, мой вам совет: Боллу и его будущему напарнику вовсе не обязательно знать о несчастье, постигшем Дюмона. То есть дать кое-какую информацию, конечно, потребуется, но постарайтесь оттянуть разговор до самого погружения. И без этих... — врач ткнул пальцем в дверь, — живописных подробностей.

— Все уже знают.

— Не все. Час довольно ранний... Предупредите своих коллег и корабельную команду.

— Сомнительное предприятие... Но вы, наверное, правы.

Дуговский кивнул и повернулся, чтобы уйти. По коридору навстречу шел сменившийся с вахты радист.

— Шеф, вас разыскивает помощник капитана, — сказал он, как только они поравнялись. — Всплыл радиобуй-автомат типа «Ремора». Нет, нет, никакой передачи, тоже одни позывные. Он всплыл по графику, я проверял.

— Кто там у нас на вахте?

— Го Пин и Ян Нееды. На радаре — Окада Сокура.

— Хорошо, Фриц, отдыхайте, — сказал Дуговский.

Суеверно подумал: «Несчастливый радист. Только заступит на вахту — жди неприятностей».

Распахнув двери штурманской рубки, Дуговский зажмурился: через широкое окно переднего обзора проникали лучи утреннего, но уже горячего солнца, обещая знойный тропический день.

— Доброе утро, Джеймс. Впрочем, недоброе...

Неразговорчивый штурман кивнул. Кивнул, то ли соглашаясь — «недоброе», то ли здороваясь. Открыл рот, но только для того, чтобы вставить в него незажженную трубку. Дуговский окинул взглядом приборы, стенды навигационных машин, шагнул к наклонному экрану карт-вариатора. Впился глазами. Штурман развернул вращающееся кресло к пульту. Спросил, не выпуская трубки из зубов:

— Какой квадрат, сэр?

— Вся акватория Индийского океана.

Штурман недоуменно посмотрел Дуговскому в спину, пожал плечами и потянулся к верньерам.

— Готово, сэр.

— Нет, Джеймс, мне нужен батимальный вариант. И будьте любезны, дайте фильтр на окно — солнце мешает.

Штурман отложил трубку в сторону, опустил руки на клавиши. Полость между стеклами быстро заполнилась коричневой на просвет жидкостью — светофильтром. Все в рубке окрасилось в йодистый цвет. На мелкомасштабной карте Индийского океана проступила кружевная паутина изобат.

Обращаться за помощью на континент Дуговскому не хотелось. Он даже не взглянул на серую краюху западного побережья Австралии. Он знал, что мельбурнский комитет по глубоководным исследованиям весьма неохотно откликается на подобные просьбы: у самих, дескать, дел по самое горло. Поможет разве только SOS. И то, извольте, видите ли, объяснить им все открытым текстом, а уж они там сами решат, стоит ли торопиться. Нет, это на крайний случай, когда иного выхода не будет...

В рубку вошел помощник капитана. Прямо с порога:

— Шеф, мезоскаф взят на борт. Какие будут дальнейшие распоряжения?

— Послушайте, Ивен, — Дуговский потер переносицу, что-то припоминая. — Вы, кажется, делите вашу каюту с мистером Боллом?

— Да. Но я не в претензии.

— О, дело не в этом. Вы видели его на палубе сегодня утром?

— Нет, шеф. Мистер Болл обычно просыпается в восемь. По местному времени. В этом отношении он пунктуален.

— Вот что, Ивен... По причинам, о которых вам не трудно догадаться, он пока не должен знать подробностей ночного происшествия. Надеюсь, вы меня поняли.

— Разумеется, шеф.

— Я прошу вас предупредить об этом моих коллег и команду судна. Лучше по радио. Чтобы слышали все, кроме Болла. Я на вас полагаюсь.

— Будет сделано, шеф.

— И последнее: распорядитесь найти и выловить радиобуй-автомат типа «Ремора». Он только зря засоряет эфир позывными. У меня все.

— Слушаюсь, шеф.

Помощник вышел.

— Джеймс, — обратился Дуговский к штурману. — Дайте команду радистам обшарить эфир. У меня есть основания предполагать, что где-то в районе глубоководной впадины Кокос, а может быть, и ближе, в районе нашей западноавстралийской, проводятся научно-исследовательские работы океанологического профиля.

Штурман вынул трубку изо рта и, не меняя позы, ткнул дымящимся мундштуком в сторону карт-вариатора:

— Взгляните, сэр. Это, кажется, то, что вам нужно. Курс локально выделен в более крупном масштабе.

На экране Дуговский увидел что-то вроде силуэта сильно растянутой и слегка изогнутой пружины.

— Станции?

— Да, сэр. Стодвадцатичасовая непрерывная запись.

— Откуда?

— Я всегда записываю курс проходящих судов. Вернее, не я — компьютер. На всякий случай. Если,

конечно, они дают свои координаты открытым текстом. Русские дают открытым текстом координаты временных станций.

— Так... — проговорил Дуговский. — Это российское океанологическое судно «Таймыр».

— Да, сэр. Дизель-электроход, семь тысяч тонн водоизмещением, порт приписки — Находка. Начальник экспедиции Селиванов. Последняя станция в ста восемнадцати милях от нас, норд-норд-вест.

Дуговский тронул клавишу селектора:

— Алло, радиорубка! В срочном порядке свяжитесь с «Таймыром». От моего имени. От имени глубоководного сектора Международного института океанологии. Все, выполняйте.

— Джеймс, если у них на «Таймыре» есть гидрокомбист, они не откажут. Если, конечно, есть...

* * *

Но я об этом еще ничего не знал.

Гидрокомбист как таковой в штате научных сотрудников океанологического судна «Таймыр» не числился. Однако он был, хотя и выполнял совершенно другую работу, потому что основная его специальность — гидрофизика. Этим гидрокомбистом и гидрофизиком был я...

Я следил за медленным полетом альбатроса и не знал, что ответить Дуговскому. Передо мной — необъятная океанская ширь, золотая россыпь солнечных бликов.

— Да, — неожиданно для самого себя сказал я. — Согласен.

Селиванов даже не посмотрел на меня. Это хорошо, по крайней мере, не придется отводить глаза в сторону. Дуговский слегка оскалил крупные вставные зубы — должно быть, хотел улыбнуться. Сказал:

— Вы мне симпатичны, Соболев.

Я посмотрел на низкорослого Дуговского сверху вниз. Ничего не ответил.

Селиванов смял сигарету и машинально сунул в карман.

— У меня не хватает людей.

— О, я высоко ценю ваше благородство! — поспешил заявить Дуговский.

— На кой черт мне эта оценка, если некому будет работать, — спокойно возразил Селиванов, разглядывая его сандалии.

— Но у вас на «Таймыре» пять гидрофизиков!

— Двое из них на больничных койках. Вот он знает, — небрежный кивок в мою сторону.

Я промолчал. Селиванов беззвучно шевельнул губами, сделал рукой неопределенный жест и спустился по трапу на ют. Оттуда доносились возбужденные крики: морские геологи поднимали грунто-отборочные трубки с образцами донных осадков.

Дуговский благодарно сжал мой локоть худыми потными пальцами.

— Собирайтесь. Я буду ждать вас в шлюпке. Прошу прощения, но время не терпит...

Я спустился в каюту, собрал чемоданчик и пошел прощаться с товарищами. Фотографию Лотты я так и оставил на столике. Оставил, потому что не мог больше видеть ее внимательные серые глаза и скрытое в них обещание...

Селиванов сдержанно пожал мне руку:

— Ну... ладно, увидимся еще. С Дуговским там поосторожнее — мне кажется, у него на станции крупные неприятности. Юлит, недоговаривает. Черт нас дернул встретиться с «международником».

Знойную тишь всколыхнул хриловатый бас корабельного гудка. Белый нос судна украшен странным названием: «Крейдл». «Колыбель», если перевести с английского.

* * *

Уже четыре часа я нахожусь на борту судна Международного института океанологии. Дуговский, видимо, забыл о моем существовании. Сижу в шезлонге

под белым тентом шлюпочной палубы, пытаюсь читать.

Покачивает... Эту скорлупку покачивает даже на малой волне. Недаром ее умудрились назвать «Колыбелью». Впрочем, суденышко уютное, чистенькое — «международники» любят комфорт. Тишина, ощущение благополучия, степенности во всем... Нет, у нас на «Таймыре» обстановка другая: грохот лебедок, загорелые спины ребят, беззлая перебранка, спуски глубинных приборов — сумасшедшая, выматывающая нервы работа; зато по вечерам — научные диспуты вперемежку с откровенным зубоскальством и холостяцкие песни под гитару...

Но все это вдруг стало мне в тягость с того самого момента, когда однажды в радиорубке я услышал старчески дребезжащий голос Керома:

— Игорь, ты? Мужайся, мой мальчик, я должен сообщить тебе горькую новость...

Я не сразу почувствовал беду:

— Что у вас там случилось, Кером?

— Лотта... — и наушники всхлипнули. — Пони-маешь? Ее не стало...

Он говорил что-то еще...

Ошалело покачиваясь, я вышел из рубки. Нет, я ничего не понимал. Взрыв в лаборатории синтеза. Пожар. Гибель четырех сотрудников института молекулярной бионетики. И среди них — Лотта... Ослепительно сверкал океан. Экваториальное солнце струило на палубу потоки зноя. А мне... мне вдруг стало холодно, меня колотил озноб. Помню, я как-то вяло удивился, что на судне продолжается обычная работа: сеймики решили сделать «станцию» и устанавливали гидрофоны. Тяжело бухали подводные взрывы, над океаном с печальным криком носились потревоженные чайки...

Прошла неделя, фотопортрет по-прежнему стоял на моем столе, и никто из товарищей ни о чем не догадывался. Но я-то знал! Знал, что никогда не увижу этих серых, внимательных глаз. Скрытое в них обещание было напрасным...

Все это время я жил и работал, как автомат, у которого лопнула какая-то тонкая, но очень важная пружинка. Внешне я старался держать себя так, будто бы ничего не произошло. Начальник нашей экспедиции Селиванов несколько раз предпринимал попытки вызвать меня на откровенный разговор, но разговора «по душам» не получалось. И не потому, что я не желал открыться, высказать свою боль. Просто я не мог, не умел этого сделать. Да и как объяснить внезапно и тяжело навалившуюся на меня безысходность?..

Сзади слышались шаги. Это Дуговский. Он в белых шортах, белой рубашке навыпуск, в японских сандалиях на босу ногу. Облысевшая голова прикрыта белой панамой.

— Как самочувствие, Соболев?

— Превосходное. У вас здесь настоящий курорт.

Дуговский сел в шезлонг напротив и уставился на меня колючими зеленоватыми глазами.

— Боюсь, вы скоро измените мнение. Обстоятельства заставляют меня поделиться с вами нашими неприятностями.

— Забавно... — сказал я, выдерживая его пристальный взгляд. — Но почему вы думаете, что я готов коллекционировать неприятности?

— О да, это хобби для избранных, — быстро нашелся Дуговский. — И только поэтому я собираюсь доверить половину нашей уникальной коллекции именно вам.

— Я советую вам не дать согласий, мистер Соболев, — раздался за моей спиной грубоватый мужской голос.

К нам подошел высокий широкоплечий человек в пижаме.

— Знакомьтесь, Соболев, — сказал Дуговский. — Мистер Болл — ваш будущий коллега по работе на станции «Д-1010».

— Очень рад, — сказал Болл, пожимая мне руку. — Прошу извинять мой костюм.

Дуговский жестом пригласил Болла сесть.

— Ну вот, — начал он, — теперь мы можем поговорить серьезно. Болл уже в курсе, и мои слова в основном будут обращены к вам, Соболев. Вы, конечно, знаете, что год назад при содействии многих технически развитых государств наш институт построил и опустил на дно три действующих ныне глубоководных станции: «Рубидий» в Тихом океане, «Ниобий» в Атлантическом и «Дейтерий-1010» здесь, в Индийском.

Разумеется, я это знал. Знал, что Международный институт океанологии занимается, в частности, изысканием экономически выгодных способов добычи редких элементов, растворенных в морской воде. Глубоководные станции по добыче рубидия, ниобия и тяжелой воды — первый практический результат этих исследований; работу станций программируют и контролируют фотонно-вычислительные устройства типа «Мурена-2». Знал, что со станциями установлена мезоскафная связь; раз в два месяца происходит смена наблюдательной группы, состоящей обычно из двух человек.

— Короче говоря, — подвел я итог длинным объяснениям Дуговского, — мне и мистеру Боллу надлежит сменить наблюдателей?

Дуговский ответил не сразу. Он как-то странно пожевал губами и минуту внимательно разглядывал меня. Болл сосредоточенно покусывал ноготь.

— Дело в том, что мезоскаф всплыл раньше назначенного срока, — наконец проговорил Дуговский и тихо добавил: — Собственно, менять вам некого. Кабина всплывшего мезоскафа оказалась пустой...

* * *

Я шагал по каюте и думал. Думать было о чем. Но что-то ужасно мешало. Должно быть, слишком короткое пространство для ходьбы: два шага туда, два — обратно. Что ответил бы я Дуговскому там, на «Таймыре», если бы знал все?.. Вероятно, то же самое — сейчас это уже не имеет значения. Коль скоро я ока-

зался в центре событий, нужно думать о главном. А в чем оно, это главное?.. Во время двухчасовой беседы с Дуговским и Боллом я интуитивно почувствовал всю сложность обстановки. В самом деле: мы с совершенно серьезным видом обсуждали план действий, не имея ни малейшего представления о том, что произошло на станции. Как ни поверни, а задание Дуговского по сути дела — сплошной туман. «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Дуговский уверен, что оба наблюдателя — швейцарец Дюмон и серб Пашич — погибли. Откуда у него такая уверенность? Да, всплывший радиобуй-автомат как будто подтверждает эту версию: он, кроме позывных, не выбросил в эфир ни слова. Ладно. А мезоскаф? Мезоскаф вряд ли мог всплыть самостоятельно, его нужно было кому-то отправить... Неувязочка.

Я сел на койку и посмотрел на Болла. Он быстро отвел глаза и сделал вид, что читает. Толстый том в серой обложке открыт посередине. Достоевский, академическое издание...

Душно, хочется пить. В холодильнике салона, наконец, еще остался лимонад...

Я вышел из тесной каютки и побрел вдоль коридора. По обе стороны тускло мерцали дверные ручки. Проходя мимо двери с чернеющей эмблемой медицинской службы, я услышал негромкий стук. Вероятно, кого-то случайно заперли. Ничего, бывает. Поворачиваю ключ. На пороге странная фигура. Темноволосый мужчина с ярко-голубыми глазами — довольно редкое сочетание — с головы до пят закутан в простыню. Он что-то сказал по-французски. Я не понял.

— Прошу прощения, месье? — учтиво спросил я.

— О! Вы русский, я вижу?.. — он, кажется, удивился.

— Да, Игорь Соболев. Рад познакомиться.

Я подождал, полагая, что он назовет себя и объяснит эту не совсем обычную ситуацию. Но он молчал, глядя на меня в упор, я бы даже сказал, настороженно.

— Вы собираетесь туда?.. — он показал пальцем вниз.

Я кивнул. Он подступил ко мне так близко, что я невольно попятился.

— Я больше не хочу туда!.. Оставьте меня в покое, оставьте! — шептал он мне прямо в лицо, брызгая слюной.

Я ударил его по рукам. Но цепкие пальцы крепко держались за ворот моей рубахи.

Нас разнял человек в белом халате. Голубоглазый незнакомец исчез за дверью, а я остался в коридоре, ошеломленный, без воротника на рубахе.

— Вам здесь нечего было делать, — сказал врач.

Дверь захлопнулась. Мои объяснения его не интересовали.

Я вошел в салон и открыл холодильник. Запотевшая бутылка скользила в руках и долго не хотела откупориваться.

Прохладная шипучая влага щиплет язык. Пью большими глотками и все не могу напиться. Дуговский лгал. Жак Дюмон не погиб. Лучше бы он погиб... Может быть, и с Пашичем тоже такое же? Зачем скрывают от меня? Знает ли Болл? Н-да, ситуация...

* * *

Стемнело быстро. Над головой зажглись первые звезды. На западе в синевато-фиолетовой дали еще различима черта горизонта, на востоке — зловещий мрак. Говорят, надвигается ураган. Океан дышит спокойно, мирно. Пока. Через какие-нибудь полчаса он поднимет горы бушующих волн и заревет в диком, непонятном восторге. И души человеческие будут молить о спасении...

Левый борт «Колыбели» освещен прожекторами. Стрелы кранов держат на весу прозрачный шар мезоскафа. Кривыми саблями сверкают лопасти мезоскафных винтов. «Ви-ра-а!.. Майна!.. Еще май-на-а!..» — доносятся команды. Шар без всплеска

опускается на темную воду. Дуговский, Болл и я, облокотясь о поручни, следим, как доводят трап к открытому люку мезоскафа. Дуговский нервничает, поглядывает на часы.

— Успеть бы!.. — говорит и смотрит на восток. — Будет хороший шторм.

— Я вам совсем не очень завидую, — откликается Болл. Потом по-английски кричит кому-то на палубе: — Осторожней грузите! Это вам не бананы, черт побери! — И вдруг, сорвавшись с места, убегает туда, в ярко освещенную суету.

— Зачем вы скрыли от меня? — спрашиваю Дуговского.

— Что именно? — насторожился он.

— Болл знает?

Дуговский устало посмотрел на меня.

— Знает, — ответил он нехотя.

— Тогда зачем же от меня...

— Сколько неприятностей... — Дуговский вздохнул. — Да, Дюмон всплыл в мезоскафе. Всплыл один, бросив на станции Пашича. Видимо, Пашич погиб, иначе он доложил бы обстановку при помощи радиобуя. Я говорил с Дюмоном, пытаюсь выяснить хоть что-нибудь. Все напрасно. Он болен.

— О чем он бредит? — спросил я только для того, чтобы подавить в себе чувство неловкости.

— Так, разное... Но прежде всего — страх. Не знаю, что могло так подействовать на него. В минуты просветления, когда узнает меня, грозит пальцем и повторяет одно и то же: «Я больше не пойду туда!» Иногда разговаривает с воображаемой женщиной по имени... Вот забыл! Ну да это неважно. Ему кажется, будто она преследует его всюду, и он забивается в самый дальний угол каюты, дрожа и всхлипывая... Да, вспомнил: Лотта...

Я стремительно повернулся к Дуговскому. Он взглянул на меня с удивлением:

— Вы чем-то встревожены?

— Нет... ничего. Совпадение просто.

Насчет совпадения это я, пожалуй, напрасно. С досадой добавил:

— К вашим делам это не имеет никакого отношения.

— Ага... — растерянно произнес Дуговский. — Вероятно, вы жалеете сейчас, что покинули «Таймыр»? Я втянул вас в скверную историю, но у меня не было другого выхода: вы и мистер Болл — единственные здесь люди-рыбы.

Он прав, больше действительно некому... Только Болл и я подготовлены для плавания на такой глубине. Ожидать, когда подойдет мезоскафная матка «Роланд» с новой сменой наблюдателей, нельзя. Промедление может стоить Пашичу жизни. Если, конечно, он еще жив...

Появился запыхавшийся Болл.

— Все готово. Можно делать погружение.

Дуговский вздохнул:

— Итак... я предлагаю вам участвовать в спасательной операции, но не имею возможности как-то гарантировать ее успех. Вы должны разобраться в обстановке, выяснить, что произошло на станции, разыскать Пашича, живого или мертвого, и, если удастся, возобновить работу добывающих агрегатов. Не знаю, с какими трудностями вам придется столкнуться, не имею ни малейшего представления, что вас там ожидает, и, наконец, не знаю, останетесь ли вы живы. Никаких гарантий... Если кто-нибудь из вас не согласен работать на таких условиях, еще не поздно отказаться. Даю минуту на размышления.

«Традиционные слова», — подумал я. На спине, как раз в том месте, куда мне полчаса назад сделали инъекцию, ощущался надоедливый зуд. Болл взглянул на меня исподлобья. Настороженный взгляд.

Мы натянули теплые черные свитеры и направились к трапу. Заметно повеселевший Дуговский проводил нас фамильярными шлепками по спине:

— Отлично, ребята! Я уверен, вы справитесь! Вы

в чем-то схожи друг с другом. До свидания, хэппи джорнэй!¹..

Я шел следом за Боллом, разглядывая его стриженный затылок, большие, приплюснутые к голове уши и думал: «Интересно, что у меня с ним общего?»

Прежде чем спуститься в люк мезоскафа, я помаhal рукой людям, следившим за нами с высоты освещенного борта «Колыбели». Из темноты налетел порывистый ветер. Прожекторы, все как один, точно по команде кивнули мне на прощание — это первая большая волна плавно качнула судно.

ГДЕ ТЫ, ПАШИЧ?

В зеленоватых окошечках глубиномера процеживаются цифры. Восемьсот шестьдесят метров, восемьсот семьдесят... Корпус мезоскафа мелкой дрожью отзывается на работу винтов.

Кабина маленькая, тесная, кресла глубокие, низкие, приходится сидеть, подтянув колени чуть ли не к подбородку. Прожекторы погашены, и сквозь стенку из кварцевого стекла легко различаются проплывающие мимо огоньки: обитатели глубин устроили нам встречную иллюминацию.

Болл сидит слева. При малейшем движении задеваем друг друга локтями. «Чувство локтя, — невесело усмехаюсь я. — Крепкие ли у вас коленки, мистер Болл?»

Пульты огоньки призрачно-зеленоватым сиянием освещают наши руки и лица. Черная ткань свитеров полностью поглощает слабый свет, и оттого кажется, будто кожа рук и лица фосфоресцирует. Исподтишка поглядываю на лицо Болла. Оно сейчас какое-то невыразительное, бледное, размягчились резкие линии губ и подбородка... Кто вы такой, мистер Болл? Кем вы окажетесь там, где нам придется вместе работать? Может быть, таким же паникером,

¹ Хэппи джорнэй — счастливого пути (англ.).

как Дюмон? Посмотрим... Я сверну вам шею при первой же попытке улизнуть в одиночку, клянусь.

Девятьсот шестьдесят. Внизу показались три мутно-желтые точки — посадочные огни станции «Д-1010»...

Мезоскаф опускается в темный колодец. Свет прожекторов, заметно померкший в красноватом облаке ила, расплывчатым кольцом скользит по стенкам шахты ангара. Тихий скрежет, толчок — и мезоскаф повисает в стальных обручах захвата. Послышался гул компрессорных установок, и вода вокруг закипела, забурлила, пронизанная пузырями воздуха. Автоматика бункера сработала неплохо: вода ушла, наружное давление снизилось до нормального. Теперь можно отдраить люк.

Болл погасил прожекторы, и мы вышли. Воздух в ангаре затхлый, сырой, как в подzemелье. Я свесился через поручень трапа, направил луч своего фонаря вниз. Присвистнул. Там отсвечивала маслянистая поверхность воды.

— Вы не боитесь насморка, Болл?

— О нет, что вы! — откликнулся Болл. — Я не совсем знайт, что такое есть «насморк».

— Это бывает, когда промочишь ноги в холодной воде.

Я знал, что центральный бункер станции соединился с мезоскафным ангаром двумя тоннельными проходами — люнетами. Но в полумраке не так легко сориентироваться, и я пропустил вперед Болла, который должен был знать планировку помещений станции лучше меня.

Идти пришлось по грудь в холодной воде, держа фонари над головой. Каждый из нас тащил за собой «на буксире» два водонепроницаемых мешка с кое-каким снаряжением. С темных сводов падали тяжелые звонкие капли, малейший всплеск отдавался громким эхом. Плафоны электрических, но, увы, бездействующих светильников таращились незрячими бельмами матовых стекол. Холод, сырость, духота...

Мы благополучно пробрались в верхний люнет. Теперь вода доходила только до пояса, идти стало

легче. Кап, кап, кап... Лучи фонарей чертят своды тоннеля. Кап, кап...

— Очень много вода... — говорит Болл.

Шумный всплеск. Болл уходит под воду с головой. Ничего страшного, просто оступился.

— Чертовски приключений! — ругается он, отплевываясь. — Как говорят русские: «Дурная голова дает много ходить».

— Русские так не говорят, мистер Болл. Давайте перейдем на английский, иначе нам будет трудно понимать друг друга.

— Я хотел иметь маленький практик... — разочарованно говорит Болл. Он шарит под водой в поисках фонаря.

— Право же, нам сейчас не до этого, — настаиваю я. — Как-нибудь после.

— Вэл, — уже по-английски соглашается Болл. — Но не забудьте своего обещания, мистер Соболев.

— Слово джентльмена. Скоро вы там?

Мы двинулись дальше и вскоре наткнулись на преграду. Лучи осветили металлический овал. Это был щит, за которым находился вход в центральный бункер станции.

— Если моторы подъемного механизма не действуют, придется вспарывать авторезаками, — сказал я и стал подтягивать мешки.

— Посмотрим... — Болл тронул рычаг. Зарокотал невидимый мотор, и щит наполовину поднялся вверх. — Видите, все в порядке. Повреждена только линия освещения.

— Да, пока нам везет. Но что же вы стоите?

Болл молчит. Слышно, как в воду шлепаются капли. Наконец он произносит смущенно:

— Я с детства не люблю смотреть на покойников..

«...ой-ни-ков», — разносит эхо.

Оттолкнув Болла, направляю свой фонарь в зев прохода. В узком закругляющемся коридоре проложены трубы, вдоль стен тянутся кабели; глянцеви-

черная поверхность воды вздрагивает от падения капель: кап, кап, кап...

— Где вы увидели утопленника?

— Разве я сказал «утопленник»?

— Ну, «покойника» — не вижу существенной разницы.

— Вы не так поняли, мистер Соболев. Я имел в виду вообще.

— Ясно.

— Ничего вам не ясно! — мрачно заметил Болл. — Каждый человек имеет в себе какую-нибудь маленькую слабость. Мне, например, в высшей степени неприятно видеть покойников.

— А мне, напротив, это должно доставлять удовольствие? Так, что ли?..

Я смотрел на бычью шею Болла и не знал, что предпринять. Появилось желание дать ему подзатыльник.

— Я знал Пашича раньше, — продолжал упорствовать Болл. — Это был веселый крепкий парень, и я испытываю ужас от одной мысли, что мне придется увидеть его мертвым...

— Видимо, придется... Те, которые придут разыскивать нас, тоже будут с ужасом глядеть на наши трупы.

Болл смолчал, но я был твердо уверен, что мои слова подействовали лучше всякого подзатыльника.

Мы двинулись вдоль коридора и вскоре подошли к двери салона центрального бункера.

В салоне темно и холодно. Под ногами хлюпает вода. Пока я шарю лучом в хаосе разбросанных предметов, Болл ковыряет внутренности электрораспределительного щита.

Заработала помпа. Булькающие звуки постепенно переходят в суховатое шипение. Внезапно вспыхнул свет. Я зажмурился...

Открыл глаза. Пашича в салоне не было.

Я обшарил взглядом углы, заглянул в шкафы для одежды, обследовал даже стенные камеры-карманы...

Несколько металлических ступенек ведут к двери

с надписью: «Мурена-2». Прежде чем поднять руку и нажать кнопку реле дверного механизма, я помедлил, выверяя свое самообладание. Однако поднял, нажал. Рано или поздно, все равно это надо было бы сделать.

Натужно взвыли электромоторы, и дверь отворилась с характерным хлопком. Надежная герметизация, автоматика не подвела: голоквантовый механизм станции — знаменитая «Мурена-2» — окружен особыми заботами.

Вошел в рубку. Кругом чистота и порядок.

Вдоль стен сравнительно небольшого помещения — панели подковообразного пульта. На них — обычный ассортимент экранов, шкал, сигнальных глазков, клавиш, кнопок. Вместо потолка нависла черная полусфера. Радужные разводы на полированной поверхности делали ее похожей на громадную каплю нефти, увеличенную чуть ли не до размеров нефтеналивной цистерны...

Я бездумно глядел в это выпуклое темное зеркало. Мой антипод — головастый коротышка-уродец — так же безучастно разглядывал меня. Потом он протянул мне свою розовую руку с огромными пальцами. Мозг «Мурены» тверд и холоден на ощупь. Пнув ногой ни в чем не повинное кресло, я вышел из рубки, и дверь с мягким шипением захлопнулась.

От решеток обогревателей уже повеяло теплом. Болл куда-то запропастился. Скоро он вошел через дверь, ведущую в жилые каюты. Хмуро покачал головой. Вопросы, как говорится, излишни.

Мы на скорую руку привели салон в порядок. Расставили опрокинутую мебель, разложили по местам брошенные как попало вещи. Четверть часа спустя в салоне стало тепло и уютно.

Пока Болл возился над чем-то у контрольного пульта бункерной автоматике, я потрошил ящики столов. На столах росли кипы бумаги: техническая документация, таблицы химанализов, графики, схемы... В поисках вахтенного журнала я обшарил все закоулки. Нашел его у себя под ногами. Он лежал

под резиновым ковриком, мокрый, растоптанный. Морская вода превратила страницы в липкую синеватую кашу. Досадно. Оставалось лишь швырнуть его на решетку обогревателя.

На столе Пашича среди справочников по стратиграфии донных осадков под руки попался небольшой сверток. Развернул бумагу. Какой-то оплавленный комочек прозрачной пластмассы... Повертев его между пальцами, хотел бросить в сторону. Но почему-то передумал и скорее машинально, чем сознательно, сунул в карман.

Тетради Пашича убедили меня, что их хозяин — многосторонне развитый, опытный, знающий свое дело подводник. Морской геолог по профессии, он не ограничивался рамками своей специальности. Великолепные зарисовки и описания глубоководной фауны, оригинальные проекты подводных химических заводов, размышления о дальнейшем массовом вторжении людей в Океан. На мой взгляд, рукописи Пашича содержали в себе много интересного, дельного. Но, к сожалению, не содержали ничего такого, что прямо или косвенно объясняло бы странное исчезновение автора.

Я встал из-за стола и подошел к продолговатому овалу аквариума — салонному иллюминатору с прочным трехслойным стеклом. Запотевшая поверхность аквариума еще не успела обсохнуть. На затуманенном стекле пальцем вывожу какие-то буквы. Получается: «Пашич». Одним взмахом ладони стираю надпись. Остается след в виде широкой запятой. Похоже на знак вопроса... Возвращаюсь к столу и окликаю Болла. Мы склоняемся над схемой внутренней планировки станции.

— Придется обшарить центральный бункер сверху донизу. Если не найдем, обследуем шесть боковых. Я предлагаю разбить сектор поиска на два участка: вот этот — для меня, этот — для вас. Встретимся у входа в бункер атомного реактора.

— Да, — соглашается Болл. — Бункер реактора я беру на себя.

Через два с половиной часа мы вернулись в салон. Мокрые, измученные, голодные. Ничего не нашли. Пар из горловины супового термоса напомнил о еде. Некоторое время молча смакуем горячий крепкий бульон.

«Пойди туда — не знаю куда...» Что ж, надо искать за пределами станции. Завтра придется лезть в воду. Мне, конечно.

— Значит, он не вернулся оттуда, — кивает Болл в сторону аквариума.

— Гм...

— Что вы сказали?

— Я сказал «гм». Перевести на английский?

— Не стоит, я все хорошо понимаю.

— У вас преимущество. Теперь не забывайте пользоваться им как можно чаще.

И вообще, поиски Пашича в основном буду брать на себя. Боллу хватит возни с агрегатами станции.

— Вы загадочный человек, мистер Соболев. Я никак не могу научиться заранее предугадывать ваши ответы.

— От этого вы только выигрываете, мистер Болл. Иначе нам просто было бы скучно вдвоем.

Как быть, если мы не найдем Пашича в окрестностях станции? Океан имеет характерную склонность не отдавать обратно всего того, что однажды принял в свою утробу. Лично мне успешный исход подводных поисков представляется маловероятным. Особенно если учесть, что до сих пор так и не нашли Атлантиду...

— Где вы, дьявол возьми, усвоили эту манеру?! — раздраженно говорит Болл. — Я понимаю, у вас дурное настроение, но при чем здесь я?

Его раздражает неопределенность наших взаимоотношений. Меня тоже. Но в этом он сам виноват. Может быть, напомнить ему, как тщательно скрывал он от меня болезнь Дюмона?.. Нет, пожалуй, не стоит.

— Вы правы, — ответил я. — Вы действительно ни при чем. Извините.

В конце концов, он выполнял распоряжение Дуговского.

Вахтенный журнал подсох настолько, что я рискнул отделить две слипшиеся страницы. Журнал открылся в том месте, где была заложена нейлоновая прокладка. Здесь кончалась последняя запись. Прочсть — увы! — ничего невозможно. Хотя...

Я включил настольную лампу. При ярком свете слабенький отпечаток на подкладке стал более заметен. Одно слово проступает довольно четко. Разбираю его по буквам через зеркало. Получается «apfragen». В переводе с немецкого — «запросить».

— Скажите, Болл, на каком языке велся этот журнал?

— Насколько я знаю, немецкий — единственный язык, на котором Дюмон и Пашич могли бы общаться с полнейшим взаимопониманием. Но Пашич — он получил образование в Москве — в совершенстве владеет также и русским... Вы как будто что-то нашли?

— Еще не знаю. — Я приладил зеркало и вооружился лупой. — А где получили образование вы, мистер Болл?

— Филадельфия — политехнический. Затем Мельбурн — школа гидрокомбистов.

— Ни разу не был в Австралии. Жаль...

— Туристский континент, мистер Соболев. Кенгуру, бумеранги... Я охотней побывал бы в России.

— Клюква, белые медведи, квас?

— О нет, не надо иронии. Я знаком с вашей страной не только по Достоевскому.

«...запросить агентство... атер... га... — записываю то, что удалось разобрать, — ...могу повесть... других».

Вот и все. Остальной «текст» безнадежен.

— Это написано рукой Пашича, — уверенно говорит Болл, заглядывая в зеркало. — Да, мало...

— Точнее сказать — ничего.

Мы смотрим на листок бумаги, который лежит

перед нами. Жалкие, бессмысленные отрывки слов и фраз. «Запросить...»

Я опустил спинку кресла пониже, поставил ноги на радиатор обогревателя и взглянул на часы. Минут через пятнадцать-двадцать нам предстоит «смех Люцифера» — своеобразная реакция нервной системы на восьмую инъекцию препарата ГДФ-10. Между прочим, смешного мало.

— Было бы неплохо чем-нибудь занавесить окно, — нарушил молчание Болл.

— Хорошая мысль. Дельная. Я предлагаю цветную маркизу, снаружи.

— Предпочитаю плотные шторы внутри. Меня смущает любопытство здешних аборигенов.

Я обернулся. Болл прав: за стеклом акварина колыхалась какая-то зеленоватая масса. Я подошел к иллюминатору вплотную. Сквозь стеклянную толщу смотрит черный глазище не менее тридцати сантиметров в диаметре!..

Я много слышал о гигантских кальмарах от знакомых гидрокомбистов и, надо сказать, ничего хорошего. С омерзением разглядываю громадные щупальца, усеянные присосками величиной с кулак. По краям присосок — когтеобразные зубцы. Мощные щупальца упруго и судорожно копошатся, оставляя на стекле мутные натеки слизи. Присоски выглядели на них, как грубый протектор на автомобильных шинах.

Вглядываюсь в громадный зрачок, пытаюсь угадать в нем то, чем изобилуют полные драматизма рассказы бывалых глубоководников: тупую жестокость, животную злобу. Но... Из темной глубины живого зеркала на меня глядит что-то ошеломляюще печальное и трогательное... Это правильно, когда говорят, что взгляд спрута напоминает взгляд человека. Взгляд спрута казался мне странно осмысленным.

Щелкнул переброшенный Боллом рубильник. Овал акварина осветился жемчужным сиянием. Кальмар молниеносно выгнул щупальца и отпрянул далеко назад. Теперь, в свете прожекторов, вижу его

целиком. Веретенообразное, похожее на ракету тело — сейчас оно было кирпично-красного цвета, — имело в длину что-то около четырех метров, а вместе со щупальцами, пожалуй, и все восемнадцать. Угрожающе вытянув ловчие щупальца (его, должно быть, ослепил внезапный свет), кракен¹ минуту висел над илистым дном, ундулируя² ромбовидными плавниками. Затем растаял за пределами освещенного пространства.

Из-за округлого края черного бункера появились две жуткие тени и пронеслись мимо — вероятно, кальмары из того же рода гигантов-архитевтисов, что и первый. Однако их размеры произвели на меня удручающее впечатление: если верить собственным глазам, в «территориальных водах» станции свободно разгуливали тридцатиметровые монстры. Где гарантия, что это еще не самые крупные экземпляры?..

— Мне не приходилось иметь дело с этими тварями, — сказал за моей спиной Болл.

— Мне тоже, — признался я. — У Мадагаскара я видел кракена, всплывшего на поверхность, но то был какой-то мелкий полудохлый экземпляр.

— По словам наших наблюдателей, здесь они водятся в изобилии.

Скверно, подумал я и ощутил пренеприятный зуд в левом плече. Память о черноперых акулах Красного моря... С тех пор я как-то недолюбливаю изобилие.

Болл щелкнул пальцами, рассмеялся. Начинается...

Осмотрев пистолет-пневмошприц, я вылил содержимое двух ампул в стальную обойму, проверил давление в кислородном баллончике и разложил все это хозяйство перед собой на столе. В кончиках пальцев я тоже начинаю ощущать покалывание. То ли еще будет.

¹ Кракен — распространенное среди глубоководников название гигантских кальмаров.

² Ундулировать — совершать волнообразные движения.

Сижу и жду. Рядом в кресле корчится Болл. Восьмую инъекцию нам сделали одновременно, но у него это начинается раньше. Я вижу, каких усилий стоит ему сдерживать «смех».

Собственно, это не смех, а очень неприятное, болезненное состояние, которое сопровождается позывами к беспричинному неудержимому хохоту, начисто лишенному всяких эмоций. Беспричинность пугает и злит, но ничего поделать не можешь — смеешься.

— Нет, Грэг, невыносимо... — произносит Болл сквозь сжатые зубы.

Грэг?.. Ну да, он переврал мое имя.

— Терпение, Свен! Каких-нибудь двадцать минут...

Главное сдержаться, тогда все-таки легче. Но Болл не сумел. Захохотал, как безумный. Громко, болезненно, страшно. Стоит только начать...

Он нашел во мне хорошего партнера. Мы хохотали до слез, до колик в груди. Едва удерживались в креслах, изнемогая. Постороннему наш идиотский дуэт мог бы показаться забавным. Для нас это была пытка.

— К черррту!.. — прохрипел Болл, почему-то по-русски.

Он, покачиваясь, подошел к одному из мешков, ударом ножа распорол водонепроницаемую оболочку, запустил руку в прореху. Вынул бутылочку виски, плеснул в стакан мне и себе.

— Пей. Помогает.

О том, что спирт помогает, я знал: вопреки строжайшему запрету врачей некоторые глубоководники считали этот способ подавления «люциферова смеха» наиболее действенным. Что ж, попробую хоть раз, была не была!

Я быстро почувствовал усталость. Действует...

— Остальное — в жертву богам, — сказал я, перевернув бутылочку вверх дном. Остаток виски вылился на пол. — Наш винный запас можно считать исчерпанным, не так ли, Свен?.. Ну, что же вы молчите?

— Не беспокойтесь, Грэг, мне удалось захватить всего лишь одну. Специально для этого случая.

Хотелось бы верить.

Я посмотрел на часы и взял пневмошприц. Болл стянул через голову свитер. Легкий щелчок — и на его загорелой спине появилась еще одна розовая точка. Девятая. На жаргоне глубоководников девятая инъекция называется «поцелуй Эвридики». Поэтично, но слишком много иронии. Я передал шприц Боллу.

Увидев мой красноморский шрам, он тихо присвистнул:

— Полдюйма от сонной артерии... Когда-то вам, коллега, повезло.

Он прав, тогда мне действительно повезло... Я выпрямился и одернул свитер.

Этот шрам всегда привлекал внимание подводников. Из-за своей характерной серповидной формы. Не спрашивали «кто» — и так понятно. Спрашивали «где, как и когда». И я отвечал. Не потому, что любил поговорить на эту тему, а потому, что должен был отвечать: среди разведчиков моря такая информация ценилась. И, вероятно, поэтому мои ответы были не столько живописны, сколько академически бесстрастны: место, время, прозрачность и освещенность воды, биологический вид акулы, — словом, полный перечень тех обстоятельств, при которых подводная смерть нанесла человеку нацеленный в горло удар, промахнувшись всего на полдюйма. Но сегодня я был бы не прочь увильнуть от беседы.

— Черноперая? — спросил Болл.

— Да... Откуда вы знаете?

Он, не смутившись:

— Будем считать, угадал.

Угадал... Они с Дуговским наводили справки — факт. Мне, разумеется, нет до этого дела, но хотел бы я знать, на кой ляд «международникам» такие подробности? Вооруженные девизом «Все пронюхать, все предвидеть, все предугадать!», экспедиционные штабы их института умудрялись довольно регулярно

садиться в лужу едва ли не в каждом из своих начинаний. Вот как теперь, с Дюмоном и Пашичем...

Болл разобрал пневмошприц и устало завалился в кресло напротив.

— Поздравляю, — сказал он, поднимая ноги на стол.

— Спасибо. Однако мне не совсем понятно — с чем?

— Промежуточный цикл завершился... Через восемь часов мы опять станем рыбами.

Я промолчал. Разговаривать не хотелось. И он это, кажется, понял — глаза хитровато сощурились.

— Грэг, я расскажу вам одну историю... Можно?

Что-нибудь ослепительно героическое на фоне обязательно мрачных, если не жутких, событий... Придется слушать.

— Случилось это, — начал он, заложив руки за голову, — где-то в рифовых водах микроархипелага Дахлак. Кстати, вам не приходилось там бывать?

— Приходилось. Очень живописные воды.

— И, как утверждают аквалангисты, едва ли не самые опасные в акватории Красного моря.

— Что значит — опасные?

— Имеется в виду необычайное коварство дахлакских акул, среди которых...

— Вздор, — перебил я, разглядывая рисунок на его подошвах. — Выдумки невежд, новичков, спортсменов-любителей и... не знаю, кого там еще.

Ну времена, подумалось мне. Опытный глубоководник, пеллагист-вертикальщик, ангел тьмы, наконец, уж если бравировать нашим жаргоном, — совершенно не знает верхнюю воду. Впрочем, разделение труда среди подводников в последнее время становится модным.

— К сожалению, — сказал Болл, — я почти не работал с аквалангом.

— А я начинал с акваланга и говорю вам, что все это вздор. Вы поверили бы рассказам о повадках глубоководных акул?

— Нет, мне хорошо известны их повадки. Но я столько слышал о верхневодных.

— Занятный фольклор, не правда ли? К счастью, всего лишь фольклор. Акулы, даже верхневодные, — назойливые, любопытные твари, с которыми следует быть настороже, и только. По-моему, такие понятия, как «свирепость», «кровожадность», «коварство», неприменимы к животному миру вообще.

— Простите, Грэг, а шрам на вашем плече — тоже фольклор?

— Гм... Скорее маленькое ротозейство с драматическими последствиями. Я устанавливал на дне гравитометр и, увлекшись работой, порезал плечо о коралловый куст. Запах крови взбудоражил акул... Но даже в этом случае они атакуют только потому, что запах крови рефлекторно связан у них с представлением о еде.

— И вы хотите меня убедить, что это никак не свидетельство их кровожадности?

— Ведь с точно такой же «кровожадностью» мы атакуем аппетитно поджаренный бифштекс.

— М-да... — огорченно произнес Болл. — Рассказ не получился. Жаль. Я хотел рассказать об одном подводнике, который был ранен акулой во время изыскательских работ в районе знаменитого теперь подводного месторождения нефти и газа.

— Дахлакского месторождения?

— Да. Это по программе экономического сотрудничества, Грэг, между вашей страной и...

— Припоминаю. А как звали подводника?

— Он был ранен в плечо, — продолжал Болл, пропустив мой вопрос мимо ушей. — Тогда он сделал то, что на его месте не каждый бы сделал. Он увел за собой обезумевшую от запаха крови стаю акул подальше от работающих в воде товарищей... Представляете? У него практически не было шансов спастись: следом клубилось кровавое облако, а в руках — ничего, кроме короткого копья... Его фамилия Соболев.

— Вот как! Странное совпадение.

— Совпадения, — поправил Болл. — Черноперая, рана в плечо и, наконец, ваша фамилия.

— Свен, а вы уверены, что это был именно я?

— Конечно. А вы не уверены?

— Ну, если даже фамилия... Только это произошло не в рифовых водах Дахлака, а у побережья одного из крохотных островков Суакина. Но несмотря на маленькую географическую ошибку, я должен сделать вам комплимент: вы — мастер угадывать.

Болл усмехнулся:

— Вы думаете, я получил все эти сведения от Дуговского? — он вдруг помрачнел. — Нет. Просто мне запомнилось то, что однажды рассказывал Пашич.

Пашич... Пашич... Вилем Пашич... Нет, акванавта по имени Вилем Пашич я раньше не знал.

— Не ройтесь в памяти, Грэг. Он знал вас заочно.

— Тогда зачем весь этот разговор?

— Мне захотелось выяснить, тот ли вы Соболев.

— Угум... А если мне захочется выяснить, тот ли вы Болл?

Он поднял брови. На лбу — глубокая складка мыслителя.

— Вы хотите сказать, что я с вами не откровенен?

— Мы с вами никак. Кто в этом виноват, не знаю. Может быть, я... Ладно, спокойной ночи, Свен.

Мягкие кресла с откидными спинками вполне заменяли постель. Спать, спать, спать!.. После девятой инъекции мы должны проспять не менее восьми часов. За это время под действием препарата «ГДФ-19» организм успеет выработать особый гормон — «инкрет Буриана». Гормон в свою очередь поможет клеткам костного мозга заполнить костные пустоты лимфатической жидкостью. Наши грешные кости станут практически несжимаемыми даже при очень больших давлениях воды в океанских глубинах...

Завтра — один на один с океаном. Обычно в воду выходят группой или хотя бы вдвоем. Мне предстоит идти одному, но я совершенно уверен в себе и спокоен. Наверное, Пашич был тоже уверен в себе... Волков бояться — в лес... Если бы лес! Там проще: «Ай,

Пашич! Где ты? Откликнись!» А здесь в ответ — безмолвие глубин... А наверху сейчас свирепствует шторм. Как там у нас на «Таймыре»?..

Спать, немедленно спать! В первую ночь обычно снится что-нибудь забавное. Гигантский кальмар, например... Спать!

НАДПИСЬ НА ПОНТОНЕ

Мне снилась музыка. Очнувшись, я открыл глаза, посмотрел на часы. Пора. Болл проснулся раньше и уже был занят работой. Через открытую дверь рубки доносились звуки, которые меня разбудили: гудение, писк и звон весьма разнообразных тембров. Мистер Болл проверял работу электронных блоков «Мурены».

После холодного душа я почувствовал голод. Это хороший признак: гидрофилотация часто приводит к временной потере аппетита.

Мы позавтракали бульоном, в котором плавали размокшие комочки тертого рыбьего мяса. Десертным блюдом служил ароматный сладкий напиток — какая-то фантастическая смесь жидкого шоколада, витаминов и чего-то еще. Твердой пищи не полагалось.

— «Мурена» в порядке, — сказал Болл, убирая посуду. — Просто она была выключена.

Все в порядке... Кроме того, что Пашич исчез, а Дюмон самым натуральным образом спятил.

— Вас это не удивляет, Свен?

— Я никогда не удивляюсь. Зачем? В конце концов любая загадка объясняется очень просто.

— А если не очень?

Болл промолчал. И правильно сделал.

Мне показалось, что за стеклом акварина промелькнула черная тень... Пошел взглянуть. Нет, дно по-прежнему пустынно и нисколько не изменилось за последние восемь часов. Восемь веков назад оно, пожалуй, было таким же.

Болл тронул меня за плечо.

— Покидать станцию нам обоим пока нельзя. — Он протянул мне кулаки. — Синяя бусина — выход в воду. В какой руке?

— В левой.

На лице Болла появилась странная гримаса. Я взял с его ладони круглую стекляшку, синюю, повертел между пальцами, бросил на стол.

— Случайно я угадал, на станции остаетесь вы. Давайте договоримся на будущее, Свен: все вопросы решать не с помощью жребия, а силой собственных мозговых извилин.

— Идет. Нырятьте, Грэг. А я займусь наладкой аппаратуры дистанционного управления.

— Правильно. Вам, как специалисту этого дела, важнее сейчас находиться здесь. Счастливо оставаться.

— Одну минутку. Когда вы рассчитываете вернуться?

— Думаю, скоро. Если не вернусь через двадцать часов... Впрочем, сами решите, что делать.

— Желаю удачи.

Я поднял крышку люка, ведущего в нижнюю часть бункера, и нащупал первую ступеньку трапа. Автоматически включилось освещение.

— Хэлло, Грэг, — крикнул Болл сверху. — Я не советую вам выходить без квантабера. Бывали случаи, когда один удачный выстрел решал судьбу экспедиции.

Крышка люка захлопнулась. Стены колодца отделили металлическим гулом.

Вслед за этим наступила тишина, как в глухом подземелье. Ступеньки винтовой лестницы крутым штопором уходили вниз. Вместо перил — вертикальный пружинящий стержень.

Вдоль стен небольшого круглого зала — два ряда пронумерованных сейфов и ряд плафонов люминесцентных ламп. Плафоны источают «дневной» свет пронзительной яркости. Ступая по гладким металлическим плитам, я обошел по кругу почти весь зал. Остановился. Когда один, чувства обостряются до

предела, им доверяешь. Спина, например, способна ощутить взгляд человека. Я обернулся. Тишина. И холодный отблеск титановых плит... Странно. Зачем я это сделал? Сзади никого нет. И быть не должно — этого еще не хватало! Нет, меня остановило и заставило оглянуться что-то другое.

Шаг назад. Два шага. Ближе к стене. Стоп... Понял. Это — запах. Между стеной и дверцей сейфа с номером «4» темнеет узкая щель. Она еле видна, и не мудрено, что мы с Боллом ее вчера не заметили. Я повернул рукоять до отказа. Дверца открылась. Теперь сладковатый, гниlistый запах стал слышен отчетливо.

На металлических полках, поблескивающих белой эмалью, лежат ГДК-оболочки, аккуратно запечатанные в целлофан. Один пакет растерзан, словно его рвали зубами, и брошен поверх других. Ключья целлофана едва прикрывали зловонную сизую массу разлагающейся гидрокомбовой оболочки, усыпанную пушистыми шариками плесени.

Я включил холодильник, открыл сигнальный глазок и захлопнул дверцу. Теперь над индексом «4» горел предупреждающий красный огонь.

По описанию Болла Пашич был примерно моей комплекции — значит, сейфами с этим индексом пользовался Дюмон.

Итак, в последний момент он не сумел заставить себя выйти в воду на поиски Пашича. Даже попытался вскрыть пакет с оболочкой, но ужас перед чем-то оказался сильнее тревоги за жизнь товарища...

Я разыскал сейф с индексом «6», взял пакет и спустился через овальный люк в нижний зал — батинтас. Просторное помещение с двумя бассейнами в центре имело низкий потолок и вогнутые стены, облицованные белыми плитами какого-то керамического материала. Свет плафонов ровным сиянием растекался по узлам и деталям арматуры батинтаса. Толстые трубы с коленчатыми переходами, громадные воронки, двойной ряд спаренных грушевидных баллонов — все сверкало белизной и почти не отбрасывало теней

и оттого казалось обманчиво легким, изящным. Лишь темно-синий квадрат стенок большого бассейна тяжеловесно выделялся на общем фоне, словно подчеркивая свое особое назначение. Бассейн до половины наполнен морской водой. Вода прозрачна, на дне видны мельчайшие обломки раковин и тонкие, усеянные множеством отверстий трубы. Малый бассейн, круглой формы, отделен от большого барьером из белой пластмассы, через который переброшен маленький трап с гнутыми поручнями. Перейти из воды в круглый резервуар с растворяющей жидкостью — дело одной секунды. Поблескивают похожие на удилица стержни подъемника, форсунки душевых колонок и то, что мы называем «колесами обозрения», — большие ободья с петлями и пружинами.

Я обернулся и увидел в зеркале темноволосого верзилу с пакетом в руке. Мы обменялись дружелюбными жестами.

Рядком — три гермосейфа. Один из них — хранилище для водолазных поясов. Должно быть, этот... Угадал. Пояса оранжевые, желтые, красные, белые. Знать бы, какого цвета пояс у Пашича... Ладно, увидим. Если, конечно, здорово повезет.

Пояс я выбрал белый. Проверил аккумуляторы и нож. Вспомнив совет Болла, снял со стенда квантабер. Конечно, из этой штуковины можно вдребезги разнести любого кальмара, но плавать с ней неудобно... Будем брать? Или будем надеяться, что гастрономические интересы спрутов ограничены сферой, исключаяющей человека?.. Двенадцать ячеек на стенде, квантаберов столько же: Пашич ушел безоружным. Видно, был твердо уверен, что стрелять не придется. Он знал эти воды, и его уверенности можно доверять... Да, не вернулся, но зависело ли это от качества его вооружения? Вряд ли. Ведь, кроме квантаберов, есть еще и огневая мощь скутеров. Очень жаль, мистер Болл, однако далеко не всякую беду можно отворотить удачным выстрелом... Я легко бы мог представить себе Пашича с геологической киркой в руке. Но не с квантабером. Это больше подходит Дю-

мону. Перекрестье прицела и ярко-голубые сумасшедшие глаза... Я погладил тяжелый приклад, поставил ружье на место.

Вскрыл пакет и начал вытряхивать гидрокомбовую оболочку — сыроватую на ощупь черную пленку, покрытую похожим на мех ворсом. Оболочка струилась ручейком поблескивающих складок — она и в самом деле напоминала только что снятую шкуру морского котика и даже распространяла запах свежей рыбы. Из пакета выскользнул и развернулся плавник. Последними на металлический настил шлепнулись черные ласты.

Одежду долой. Душ, свистящие струи воды с запахом хвои. Неполное сальто и — вверх ногами: душ по системе неойогов... Ладно, поплескались и хватит, пора в оболочку. Бр-р-р... липнет к телу: внутри холодная слизь. Это не надолго, нагреется. Обтянут так, что ощущается рельеф мускулатуры. Попрыгал, проверяя крепление ластов. Ну вот, легко, удобно, практично, эластично. Одним словом, купальник.

Натягиваю капюшон. Вместо отверстий для глаз — мягкий и влажный теслитовый пластик. Стараясь не моргать, «втираю очки». В буквальном смысле этого выражения. Резь под веками, слезы, я плохо вижу сквозь студенистые линзы. Почти ничего, так... неясные контуры. Но это лишь до погружения в воду.

Снаружи только ноздри и рот. Теперь самое трудное... На конце сдвоенного шланга респиратор особой конструкции, — который раз, а все привыкнуть не могу: загубник в рот, две трубочки в ноздри. Вдох, выдох. Необыкновенно легко, потому что чистый кислород. Глубокий вдох и полный выдох — где-то там машина замерит объем. Холодок по спине: вот-вот хлынут в горло струи легочного наполнителя. Не успеешь опомниться — о-у-уп! — и уже под завязку.

О-у-уп!.. Боль в груди — глаза на лоб! Респиратор в сторону, опускаю край капюшона. Клейкий эластик прочно затягивает разрез в оболочке, ноздри и рот. Подхватываю пояс и бросаюсь в бассейн.

Вместе со мной погружаются мириады крохотных

пузырьков. Потом они все разом покидают меня, устремляясь к поверхности сверкающим облаком. Прощай, воздушная стихия!..

Боль в груди постепенно проходит. В бассейновом зеркале скользит мое отражение. Острый акулий плавник на спине, как вымпел, на локтях плавнички поменьше, пальцы рук в перепонках. Длинные ласты, выпуклые пузырьки телитовых глаз... Кто-то из восторженных репортеров назвал первых гидрокомбистов «ангелами моря». Название привилось. Но сами профессионалы-глубоководники величают себя по-другому: «ангелы тьмы». Я знаю, в чем тут дело, и поэтому чувствую себя хранителем морской тайны.

Ангелы тьмы... Что ж, дело привычное. Вынимаю нож и вкладываю клинок в небольшую щель возле зеркала. Болл говорил, что здесь обыкновенный фотоэлемент. Верно, — сразу послышался гул компрессорных установок.

Давление нарастает быстро и плавно. Непомерная тяжесть вдавливают живот. Еще и еще... Кожу покалывает. Жжет. Оболочка словно из крапивы. Все нормально: «прорастает» гидрокомбовый ворс. Сквозь кожные поры до кровеносных сосудов. Творцы оболочки инженеры-бионики использовали принцип действия крапивных стрекалец — сейчас это кажется делом простым. О том, как было сначала все очень трудно и сложно, знают немногие...

Сколько было споров, сомнений и даже человеческих жертв, пока не пришли окончательно к выводу: дышать в воде так, как привыкли, не обязательно. И вот ошеломительный успех: на больших глубинах можно обойтись без легочного дыхания. «Дышит» вся оболочка: кислород из воды — в гидрокомбы и в кровь. Гидрокомбы — мост с двусторонним движением: туда — кислород, обратно — углекислый газ. Нет, даже не мост. Правильней — жабры. Но лучше, чем у рыб. Совершенней.

Подношу к глазам руку с перстнем-батиметром. Карбункул батиметра уже сменил красный цвет на

оранжевый: давление в бассейне перевалило за сто атмосфер.

Поплавал немного, чтобы организм быстрее привык к новому состоянию. Движения обрели плавность и какую-то уплотненную легкость. Жжение и покалывание перестали беспокоить, лишь резь в глазах от контакта роговицы с теслитовым пластиком еще напоминала о моем недавнем человеческом прошлом.

Наконец давление в батинтасовом зале превзошло давление внешней воды. Сработали механизмы, открывающие выход в океан, — участок дна бассейна с гулом провалился вниз. Меня закружило водоворотом и вместе с потоком вынесло в темное пространство. Тяжелая плита проворчала моторами и поднялась на прежнее место.

Плотная, холодная тьма... Но мне тепло: в оболочке предусмотрена система обогрева — лабиринт молекулярных цепочек токопроводящего полимера. Карбункул батиметра тлеет оранжевым угольком, циферблат перстня-часов фосфоресцирует голубоватым кружочком.

Луч фары лизнул закругленные стены подбункерного резервуара, спугнул стайку маленьких рыбок, осветил холмики занесенного сюда ила, обломки раковин и одинокую актинию с мохнатым венчиком ярко-красных щупалец. Выход из резервуара перекрывают массивные зубья ограждения. Поднимать эту решетку, конечно, не стоит. Проверяю, на месте ли нож, отталкиваюсь лапами и проскальзываю между зубьями. Тихо, как тень. Осторожная длинная тень с плавниками... Будь внимателен, будь начеку!.. «Че-ку... че-ку», — пульсирует кровь в висках. Ангел тьмы, царь океана, будь начеку! Осматривай все, наблюдай. Замечай и учитывай каждую мелочь. Ты сегодня не просто подводник, ты — подводник-спасатель, десантник. Ищи и найдешь. Если не Пашича или его следы, то по крайней мере причину помешательства Дюмона. Ведь не кальмаров же он так испу-

гался... «Че-ку, че-ку», — пульсирует кровь надоедливо. Это пройдет, скоро пройдет. Будь начеку!..

Дно перед станцией ярко освещено прожекторами. Там и тут видны полупогруженные в ил обломки гранита, поросшие султанами горгоний и цветами морских анемонов. Эти «цветы» — белые, с матово-голубыми, как бы светящимися кончиками щупалец — приятно разнообразят скучный пейзаж. Ил, всюду ил, светло-коричневый, местами с красноватым оттенком...

Пошевеливая ластами, выплываю в центр освещенной площадки и, подняв облачко ила, повисаю над самым дном. Прожектора видятся мне обрамленными радужным гало. Осматриваюсь вокруг, хотя для беспокойств, пожалуй, нет оснований: кальмары не любят яркого света.

Вода изумительно прозрачна. На расстоянии двадцати метров в окружности отчетливо виден каждый предмет. Неподалеку, поблескивая тубами опорных ног, высится громада центрального бункера — яйцеобразное сооружение высотой с четырехэтажный дом. За пределами круга отчетливой видимости, на фоне непроницаемо-темных пространств, едва проступают расплывчатые контуры других бункеров станции. Над ними, словно одинокий минарет над городом, утонувшим во мраке, возвышается узкий цилиндр мезоскафного ангара.

Внезапно через воду доносится металлический удар: «бан-н-нг...» Наверное, Болл что-то уронил.

Мимо проплывает странная рыба. Большие агатовые глаза навывкате, рот капризно изогнут — будто рыбу кто-то обидел и она вот-вот заплачет.

Поворот контактного диска на поясе — и первый толчок бросает меня вверх и вперед: под действием электрических импульсов заработала искусственная мышца спинного плавника. Летишь в воде, казалось бы, со скоростью брошенного гарпуна, на самом же деле — три километра в час, не более.

«Банг, бан-н-нг...» — раздастся опять. Нет, это похоже на зов. Разворачиваюсь и плыву к централь-

ному бункеру. Чуть выше карниза, опоясывающего колоссальное яйцо по экватору, светится овал акварина. Сквозь стекло вижу голову Болла. Внезапное появление мохнатой морды с выпуклыми глазами производит должное впечатление: Болл вздрагивает. Не пугайся, коллега, это всего лишь я.

Возле окна — головка сигнала. Устроено по принципу «китайского болванчика», но с пружинным возвратом. Легко поддается нажиму руки: точка-тире-тире-точка... Болл смотрит вверх, где расположены динамики, и разводит руками. Надо понимать, он не слышит морзянку. Знаками спрашиваю: «В чем дело?» Болл жестами изображает стрельбу из квантабера, вертит пальцем у лба и грозит кулаком. Делаю вид, что совершенно не понимаю его. Он хмурится и пишет мастиковым карандашом на стекле акварина: «Встречай Манту». Я кивнул и славировал с карниза прямо к четвертому бункеру.

Закругленная стена четверки дрогнула, ослабилась щелью, выдохнув облако пузырей. Из темного зева в воду скользнула призрачная тень. Осветив меня фарами, крылатая химера пронеслась над головой. Нажимаю на поясе кнопку ультразвукового сигнала. Манта поднимает плавник и, выполнив грациозный поворот, возвращается. Хорошо, значит, она признала хозяина.

Подводный скутер-ундулятор мне приходилось видеть впервые. К биомашинам я почему-то всегда питал настороженность и сейчас, при виде шевелящихся плавников Манты, испытывал прямо-таки неприязнь. Хотя прекрасно знал, что у нее внутри нет ничего особенного. Кроме синтетических нервов и мускулов, разумеется. Ими управляет мнемотронный мозг. Компактный, но довольно примитивный. Ну и еще, конечно, мощные аккумуляторы.

Пиролаксое тело машины прозрачно и подсвечено изнутри слабым фиолетовым сиянием. Вместо кабины — удлиненная полость с двумя подвижными створками внизу. Широценные плавники-крылья (около шести метров в размахе), глянцевито-черные, уп-

ругие, действительно придают скутеру сходство с одной из самых крупных разновидностей скатов — мантой бирострис. В довершение сходства сзади тянется хвост, прямой и тонкий, как у настоящих мант.

Я мог бы забраться в полость или, прицепившись за трапецию под брюхом Манты, плыть «на буксире». Но мне хотелось понаблюдать за скутером со стороны. Тем более что для обследования территории станции мне достаточно собственных плавников.

Темные громады бункеров. Замкнутые наглухо, угрюмые. Плыву, обшаривая дно лучом. Крабы спешат укрыться в тени, малоподвижные ежи и звезды не обращают на свет никакого внимания. Оставляя за собой борозды, медленно ползут пожиратели ила голотурии. Их здесь видимо-невидимо, самой разнообразной окраски.

Бетонированное покрытие люнетов густо обросло актиниями, морскими лилиями, губками. Нежные перистые веера-жабры морских червей при малейшем движении воды мгновенно исчезают в причудливо изогнутых известковых трубках и снова расцветают красочными букетами, как только я замираю на месте. Удивительно, при таком разнообразии природной фауны здесь не видно ни одной крупной рыбы — луч фары выхватывал из тьмы лишь малочисленные стайки рыбьей молодежи. Должно быть, виной тому яркий свет и завихрения воды от вибрации моего плавника. Да и не только моего: подняв голову, я вижу распростертые крыльями плавники.

Внезапно фасеточные глаза машины загораются зеленым огнем. Скутер отваливает в сторону и удаляется. Тьму вспорола голубоватая вспышка. В конвульсионном свете зарницы успеваю разглядеть какой-то темный безобразный ком, перечеркнутый узким профилем Манты...

Можно верить жутковатым рассказам о нападениях гигантских кальмаров, а можно и не верить. Во всяком случае, никакого определенного мнения на этот счет не имеется, потому что нет строго проверенных доказательств. Альтернатива на выбор: либо

верь, либо нет — вот и все. Я, например, не верю. И считаю, что программа активной обороны, заданная скутерам, — лишняя перестраховка. Кому мешал проплывающий мимо кальмар?! И что означает эта атака: запрограммированное убийство или предупредительные меры? Судя по мощности разряда, предупреждение могло бы быть и помягче...

Минуя бункер атомного реактора, плыву к месту схватки. Только тебя там и ждут. Неосторожно? Факт. Глупо? Конечно, но я не могу побороть в себе желание выяснить все до конца. И потом у меня есть оправдание: поиски Пашича. Какая, собственно, разница, где искать. Он мог уплыть в любую сторону света — на юг, на запад, север, восток. И даже вверх или вниз... Это самое скверное, если вниз... Впереди вспыхивают прожекторы Манты. Она возвращается. Развернувшись, летит за мной, чуть правее и выше.

Я не знал, что обрыв в абиссальную¹ бездну находится так близко от станции. Дно неожиданно уходит вниз плавным изгибом песчано-илистой толщи; я останавливаюсь, повиснув над склоном, — маленькая песчинка у края океанической пропасти, которую называют Юго-Западной австралийской впадиной. Склон гол и пустынен. Ни скальных обломков, ни актиний, ни рыб... Великая граница между миром доабиссальным и миром самых грозных глубин представлялась мне не такой. Во всяком случае, не такой примитивной. Однако эта оголенность и монументальная простота производят гораздо более глубокое и сильное впечатление, чем ставшее привычным великолепие богатых жизнью вод континентального шельфа.

Манта неподвижно висит над бездной, прожектора направлены вертикально вниз. Прямые колонны света уходят в кромешную темь и где-то там, окутав себя едва заметной вуалью, теряются. При одном взгля-

¹ Абиссаль — самые глубоководные зоны Мирового океана, начиная примерно с глубин в тысячу метров.

де в эту темную неосязаемую пустоту испытываешь легкое головокружение...

Я разыскал место, где Манта произвела электрический «выстрел». На песчаном откосе свежая борозда, подернутая илистым туманом. Несчастный кракен... Ему не следовало попадать в зону действия ультразвукового локатора Манты. И сейчас, наверное, он, парализованный и обожженный, все еще скользит по склону, опускаясь метр за метром в бесконечную холодную тьму...

Возвращаюсь на территорию станции и плыву к центральному бункеру. Это, пожалуй, единственное место, где я не все осмотрел. Касаясь рукой гладкой стены, не то иду, не то плыву вдоль бункерного карниза. Направленная под ноги фара освещает черные ласты, сметающие осевший ил. Поиски начинают казаться мне жалким хлюпаньем в мелкой воде. Перед глазами все еще стоит потрясшая меня картина: голый склон и провальный зев ошеломляющей пустоты... Вдруг мои пальцы касаются чего-то упругого, скользкого, толщиной с руку. Содрогаюсь и резко поднимаю голову. Это «что-то» — вытянутое в мою сторону щупальце спрута!..

Кальмар смотрит темным немигающим глазом. Осклизлая кожа животного волнообразно меняет свой цвет: из темно-зеленого в красновато-коричневый. И я — невольный виновник этой красочной метаморфозы — не могу отвести взгляда от черного зрачка, загнипнотизированный его странным, осмысленным выражением, замер, не в силах пошевелиться.

Красные щупальца вдруг поднимаются все разом, играют кольчатými извивами. Мешанина теней удесятеряет количество «рук» подводного монстра, делая его похожим на клубок взбесившихся анаконд. Прямо на спрута, грозно блистая прожекторами, несется Манта... Завихрения воды сбрасывают меня с карниза. В тот самый миг, когда столкновение казалось неминуемым, Манта вдруг высоко вскидывает плавник и лавирует в сторону! Кальмар темнеет и разваливается дымообразными сгустками... Ага, про-

тивник просто-напросто сбежал, оставив нам похожий на себя чернильный макет. Он поступил так, как поступают спруты в минуту опасности. Но Манта!.. Я ожидал более трагической развязки. Значит, она не трогает тех, кто предпочитает уклониться от поединка?.. Забавно.

Через несколько секунд мы с Мантой оказываемся в таком густом облаке коричневого «дыма», что я подивился красящей способности кальмарьих чернил. Прожекторы машины направлены на меня почти в упор, но я вижу перед собой лишь два круглых зрачка, источающих слабое золотисто-янтарное свечение. Опасаясь, что чернильная жидкость может вредно подействовать на гидрокомбовые жабры, торопливо выплываю из облака к вершине бункера. Коричневая муть продолжает расходиться все дальше и дальше, заволакивая освещенные участки дна...

Мне известно, что станция расположена на дне глубокой седловины подводного кряжа, но, сколько я ни всматриваюсь в темень, не могу определить, в какой стороне возвышаются скалы. На расстоянии пятисот метров от станции, вниз по ущелью, должна находиться площадка комплекса добывающих агрегатов. Попастись туда легче всего, ориентируясь по силовому кабелю, проложенному от атомного бункера. Если я не найду Пашича там, можно быть уверенным, что мы не найдем его вообще... Я берусь рукой за трапецию, и мы с Мантой планируем на дно подалее от станции.

Со времени укладки кабель успел глубоко погрузиться в ил. Я нашел его довольно далеко от бункера. Мы с Мантой уверенно двигались вперед, куда вела нас эта путеводная нить толщиной в добрый обхват.

На песчаных проплешинах виднелись сифоны скрытых под песком моллюсков. Среди множества ползающих звезд, ракообразных и голотурий отсвечивали пурпуром и золотистой желтизной морские перья — словно кто-то в беспорядке натыкал в песок цветные флажки. Морские лилии облюбовали место на каменных глыбах, от малейшего движения воды

они покачивались на тоненьких ножках, притворяясь цветами. Трудно поверить, что это — животные.

Внезапно свет фар выхватил из темноты нечто огромное, утюгообразной формы. Поворотом рукоятки демпфера заставляю Манту сбавить скорость: на такой глубине можно встретить все, что угодно, и лучше вести себя осторожнее.

«Утюг» не выказывает ни малейшего намерения уступить нам дорогу. Иначе и быть не могло: вблизи я разглядел, что он прикован к одной из кабельных муфт массивной цепью; странный предмет оказался поплавковым понтоном. Очевидно, во время монтажа станции его использовали для плавного спуска кабеля на дно и почему-то решили оставить на месте. Потому, видимо, что, всплывая на поверхность с большой скоростью, он чего доброго мог угодить в днище монтажного судна. Такие случаи бывали.

Осматриваю ржавые бока понтона. Ничего интересного: обыкновенная цистерна с бензином, которая скоро потеряет плавучесть из-за разрушительного действия коррозии. Вдруг замечаю, что меня потихоньку относит к противоположному краю понтона. Оттолкнувшись от неуклюжей громадины ластом, отдаю себя на волю течению. Манта плывет следом. Голубоватые лучи буравят тьму, но дальше двадцати метров все равно ничего не видно.

Скорость течения ощутимо нарастает. Подводная река несет меня вдоль отвесной стены ущелья. Свет скользит по голым однообразным скалам, изредка выхватывая из темноты расселин одинокую офиуру¹, скромные цветы актиний. Не будь со мною Манты, я чувствовал бы себя здесь неудобно.

Конец ущелья, горло его — самая узкая часть. Обе стены стремительно сходятся и, едва не столкнувшись гранитными лбами, круто расходятся. В лучах прожекторов — синеватый и чистый, но еще размытый и зыбкий отблеск титана. Ближе и ближе —

¹ Офиура, или змеехвостка, — морская звезда с длинными тонкими щупальцами.

ясней очертания странной плотины, ажурной, двухъярусной.

Впрочем, плотина — сказано громко. То, что я здесь увидел, сначала показалось мне кладбищем затопленных подводных лодок. Добывающие агрегаты — аквалюмы — действительно напоминали разрезанные поперек корпуса субмарин. Каждая «половинка» оборудована глубоким раструбом, скошенным книзу, поверх которого и дальше вдоль аквалюма тянется киль. Нижняя батарея агрегатов на сваях, верхняя — на крестообразных опорах. Подбоченились, будто ковбои в широкополых шляпах, статуи резервуаров накопителей; от них к аквалюмам — система коленчатых труб. Круглые головы бездействующих прожекторов, непроницаемые тени и стайка черных глубоководных рыб. Мертвая техника, запустение, заброшенность...

Течение, очень быстрое здесь, норовит унести меня в пропасть ближайшего раструба — в глубине громадной воронки остро поблескивает бивень струйного рассекателя. Торопливо включаю плавник — быстрый, крутой и, должно быть, красивый вираж. Но, задев ногами край раструба, позорно, кувырком, вылетаю на палубу аквалюма. Плавник трепещет, бьет по металлу, меня швыряет то на спину, то на живот, рукам не за что схватиться на гладкой поверхности палубы — тащит вдоль киля, словно лягушку по спине кашалота. Как-то ухитряюсь выключить плавник и успеваю вцепиться в самую оконечность киля. Что-то блеснуло на закругленном боку аквалюма и кануло в тень, как в пропасть. Трогаю пустые ножны. Саднит плечо. Хорошо, что этого не видел Болл; единственный свидетель моей неловкости — Манта. Она грациозно лавирует по ниспадающей дуге и повисает прямо над головой. Без видимого напряжения ундулирует плавниками — миниатюрные волны пробегают по ним спереди назад, не достигая кончиков черных крыльев...

Потерянный нож я нашел под брюхом нижнего аквалюма на каменистом грунте. Чуть дальше — я не

сразу поверил своим глазам! — валялась металлическая клешня... Форма локтевого и кистевого сочленения, характерный серебристый блеск титаноиридис-того сплава позволяют мне уверенно определить: эта клешня вырвана из плечевого сустава глубоководного робота типа «Андр-4». Смотрю на цилиндры мощного гидропровода, торчащие из-под изуродованной муфты, и теряюсь в догадках. Случайно я вспомнил: при испытаниях на разрыв клешни андробатов выдерживали тяговую нагрузку до восьми тонн!.. Что же здесь произошло?

Внезапно вспыхивают все прожектора на площадке — светло, как днем. Это, конечно, Болл. Молодец, не теряет времени даром. В выбоинах дна белеет песок. На светлом фоне этих песчаных оазисов видны порхающие силуэты рыб.

Я осмотрел здесь, кажется, все: каждый камень, каждую трещину, каждую дыру. Абсолютно нет ничего такого, что могло бы привлечь внимание и направить поиски в нужную сторону. Следы ряби на песке от придонных течений, следы марганцевых конкреций — темные округлые пятна. И никаких следов того, кого мне нужно найти...

Толстые кабели, свисающие с аквалюмов, уходят куда-то в одном направлении — легкая дымка мешает мне видеть куда. Последние метры дна, тронутого цивилизацией... Плыву вперед, размышляя над близкой уже проблемой организации глубинных поисков. Я отдавал себе отчет в том, что мы с Боллом можем рассчитывать на собственные силы только в пределах трехкилометровых глубин — ниже этой отметки путь гидрокомбистам заказан. Но как велика акватория будущих поисков? Этого я пока не знал. Нужно будет подробно изучить батимальную карту.

И вдруг я увидел... Нет, это, конечно, не человек — люди не бывают трехметрового роста. Мощные плечи, маленькая голова, серебристый отблеск металла...

Робот стоит неподвижно, ссутулясь. Ноги полусогнуты, левая отведена назад. Неподалеку — еще

один, в такой же позе. Очевидно, момент отключения тока застал их на марше. Клешни у этих целы. Не дрейфь, ребята, скоро вы нам понадобится и мы вас разбудим.

Впереди какое-то сооружение. Странно похоже на гитарную деку. Здесь, в пронумерованных обоях, заканчивают свой путь кабели от аквалюмов. Высвечиваю фарой еще трех андробатов. Живописная группа. Двое из них в скорбном молчании застыли над роботом, стоящим на четвереньках. Впрочем, слово «четвереньки» вряд ли подходит: это именно тот робот, у которого оторвана клешня. Н-да, все же есть над чем призадуматься...

Выход из ущелья очерчен полукруглым обрывом — ни дать ни взять подводная бухта. Устраиваюсь на гранитном валуне, долго смотрю в глубь открытого океана. Манта дозором обходит новые владения. Медленно, с достоинством. Время от времени она замирает на месте, точно охотничья собака в стойке на дичь, и направляет свет прожекторов вниз. Там снуют какие-то белые тени, — должно быть, глубоководные акулы, — но близко не подходят.

Вглядываюсь в циферблат перстня-часов. Ого, девятый час на исходе! Сразу дает знать о себе голод, пора возвращаться. Соскальзываю с валуна — луч фары окунается в безмолвную темень пучины. И вдруг, словно в ответ, какое-то существо зажигает там свой крохотный ярко-красный фонарик. Я насторожился, как настораживается рыба, привлеченная мерцанием блесны. У глубоководников это бывает... Красный фонарик поблек, а скоро и совсем угас. Мне стало грустно. Я висел над бездной и думал о Пашиче, о его загадочном исчезновении в этом темном, суровом и в то же время чем-то привлекательном мире, и еще я думал, что эту загадку, вероятно, не просто будет решить — вопреки убеждению Болла, — потому что мир мокрого космоса не имеет для нас ни дна, ни конца, ни начала, а мы не имеем понятия, куда отправиться на поиски пропавшего в океанских глубинах товарища. Терпение, подумал я, не все еще поте-

ряно. В чем заключалось это «не все», я плохо себе представлял. Просто надеялся, верил... В глубине опять маняще вспыхнул красный фонарик. Мне оставалось воспринять этот привет из непроглядного мрака как своеобразное утешение...

На обратном пути мы с Мантой поймали прожекторами несуразную рыбу-большерота. Голова похожа на полураскрытый саквояж, глаза-бусинки, а тельце до смешного маленькое, тоненький хвост. Рыба зигзагами плывет вперед, пытаясь уйти от погони. Никто не думает ловить тебя, трусишка!.. А впереди уже маячит знакомое пятно ржавого цвета.

Манта пронесится мимо понтона, едва не задев его плавниками. Стоп!.. Бросаю Манту и возвращаюсь.

Может быть, это другой понтон — не тот, что я осматривал раньше? Но ведь я плыл к площадке строго вдоль кабеля и не мог не заметить вторую такую громадину! Нет, понтон, конечно, тот же самый... Но тогда откуда на нем появились эти большие корявые буквы?.. В свете фары внимательно разглядываю надпись. Жирные белые буквы (написано обломком мягкого известняка) составляют загадочное слово: АТГОЛ... Никогда еще я не испытывал такого полного недоумения.

Я осмотрел другие стенки понтона и даже нырнул под днище. Надписей больше не было, и я вернулся к скутеру. Выкручиваю демпфер до предела. Манта трогается с места рывком и несет меня куда-то. Плохо соображаю куда... Мысль о том, что здесь я не один, что рядом бродит кто-то, сделавший эту надпись, заставляет с тревогой всматриваться в темноту. И вдруг неожиданно для себя поворачиваю Манту обратно.

Странная надпись влечет меня какой-то устрашающей магической силой. Я еще не успел приблизиться к понтону настолько, чтобы видеть белые буквы, но уже знал, вернее, инстинктивно чувствовал, что мне предстоит пережить нечто необыкновен-

ное... АТТОЛ. Вслед за лучом невольно мой взгляд скользнул по буквам справа налево — ЛОТТА...

Опомнился я не раньше, чем увидел зарево от прожекторов станции. Возле четвертого бункера между двумя скутерами маячит черная фигура гидрокомбиста. Вот оно что!.. Наверное, весь гидрокомбовый ворс на моей оболочке встал дыбом от ярости.

Пловец приветствует меня взмахом руки. Я не могу узнать его в оболочке, да и безразлично мне, кто он такой: Болл или, может быть, Пашич. Заворачиваю ему локти назад и, сильно выгребая ластами, подталкиваю к решетке. Сначала он ведет себя спокойно. Оказавшись внутри подбункерного резервуара, предпринимает попытку вырваться. Тихо, «шутник»... Дергаю рычаги электропривода. Жужжат моторы, над головой расширяется светлый прямоугольник.

В бассейне плененный гидрокомбист пытается столкнуться со мной на языке жестов. Он хватается за плечо и показывает в сторону выхода. Поздно, плита уже поднималась. Из тонких отверстий проложенных на дне бассейна труб кверху бегут пузырьки кислорода. Давление падает. Оттолкнув гидрокомбиста — у меня уже почти нет сомнений, что это Болл, — взбираюсь по трапу и прыгаю в резервуар с растворяющей жидкостью. Едва зеленоватые волны смыкаются над головой, как резервуар превращается в кипящий котел — настолько бурно протекает химическая реакция. На ощупь ловлю петли телескопических стержней подъемника. Это нужно делать быстро, пока не появилось неприятное ощущение удущья.

Два пружинистых удилица выбрасывают меня прямо под горячие струи душа. Гидрокомбовая оболочка, уже полуразрушенная реактивами, под напором горячей воды отваливается лоскутами. Долой фару, ласты, пояс! Все на ощупь, все быстро! Респиратор — в ноздри и в рот. Ноги и руки — в петли «колеса обозрений». Переворачивает вниз головой и начинает трясти на пневматических амортизаторах, исхлестывая водяными бичами. Беспощадная тряска

удаляет большую часть легочного наполнителя. Следующий и последний этап — кислородная вентиляция дыхательных путей.

Я открываю глаза и первым делом оглядываю очерченное блестящим ободом соседнего колеса голое тело гидрокомбиста. Маленькое разочарование: да, это Болл.

Смахиваю с себя воду пушистым халатом, одеваюсь.

— Ты здорово напугал меня, — говорит Болл. — В какой-то момент мне показалось, что ты... — он спотыкается на слове, — чем-то взволнован.

— Спятил, — уточняю я. — Это вы хотели сказать?

Молча одеваемся и выходим из батинтаса.

ГЛУБОКОВОДНАЯ НИМФА

Есть мне уже расхотелось, но я заставил себя выпить две кружки бульона. На второе Болл вскрыл банку с яркой этикеткой, на которой значилось: «Пейт». Подозрительная на вид коричневатая паста была приятна на вкус. Я не заметил, как проглотил все без остатка. Разливая по кружкам дымящийся с запахом ромовой эссенции напиток, Болл осторожно полюбопытствовал:

— Что нового, Грэг?

— Ничего, Свен. Спасибо за свет на площадке. Кстати, один из андробатов потерял клешню. Вероятно, кальмары... Зачем вам понадобилось выходить в воду раньше срока?

Я заглянул ему в глаза.

— О, я начал уже беспокоиться! — оживляясь, сказал он. — В этой глуши без квантабера... Я уважаю вашу смелость, Грэг, но так рисковать, моему, не стоит.

— Н-да... И это все?

— Нет. Мне хотелось проверить работу механизмов четвертого бункера при внешнем включении и

понаблюдать за поведением скутеров. Но почему вы так настойчиво расспрашиваете меня? Что-нибудь произошло? Вы с такой поспешностью уволокли меня в батинтас... Я даже не имел возможности захватить обратно два квантабера, которые вынес из бункера.

В глазах Болла не было ничего подозрительного.

Полно, видел ли я эти буквы?.. Видел, конечно.

— ...Но вы меня абсолютно не слышите! — раздался над ухом возглас Болла.

— Что? Простите, Свен, я страшно устал и, кажется, задремал. Так что там с динамиками внешней связи?

— Провода этой линии были перерезаны ножом, — повторил он, — поэтому я не принял вашу морзянку и сам не мог ничего передать. Теперь все в порядке, повреждение устранено... Не обманывайте меня, Грэг, я вижу, ваши мысли заняты чем-то другим.

— Нет, нет, это любопытно! Кто же мог перерезать провода изнутри... в салоне то есть!

— Станный вопрос. Разумеется, кто-нибудь из наших предшественников. Дюмон, например.

— А-а-а... — разочарованно протянул я.

Разумеется, кто же еще?.. Нет, так не пойдет, сейчас я приму хорошую дозу снотворного — утро вечера мудренее.

— Хэлло, Свен. Где вы намерены спать?

— Мне все равно. Занимайте каюту Пашича.

Мне оставалось разыскать в аптечке коробку снотворного, взять свежее постельное белье и удалиться.

— Один вопрос, Грэг! — останавливает меня Болл. — Вы, случайно, не подскажите, что такое «аттол»?

Это как выстрел в спину. Ну что ж, мистер Болл, хорошее попадание... Наклоняюсь, чтобы собрать рассыпанные таблетки.

— Конечно, знаю. Плоский низменный коралловый остров кольцеобразной формы.

— Я не о том, — раздраженно перебивает Болл. —

Меня интересует «аттол», который пишется с двумя «тэ» и одним «эль».

— Та-ак... Вас удивила надпись на понтоне?

— Понтон?.. Какой понтон?! — Болл поднялся, отодвинул кресло в сторону. — Я обнаружил эту надпись на днище четвертого бункера. Вы были слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на мои попытки показать вам ее. Но договаривайте. Что вы увидели на каком-то понтоне?

— То же самое... Спокойной ночи, Свен.

— Нет, стойте! В конце концов, это нечестно!..

Я вошел в каюту. Щелкнул замок. О том, что это нечестно, я знал и без его напоминаний. А что было бы честным? Рассказ о моей способности читать наоборот? Или признание в том, что сделал злополучную надпись сам? Я рассмеялся. Впервые за много дней. Потом упал на диван и вдруг разрыдался.

Взяв себя в руки, я вытряхнул на ладонь из коробки две крошечные пилюли. Положил на язык, огляделся. Над панелью с датчиками температуры, давления, влажности воздуха — картина. «Царевна-Лебедь» Врубеля. Рамка укреплена прямо на жалюзи динамиков переговорного устройства.

Стол, два стула, диван, на котором я сижу, дверцы встроенного в стену шкафа, настольная лампа — вот и вся небогатая обстановка. Чисто, запах хорошего одеколona. Свет от лампы падает на серую обложку толстой книги. Том монографии Геккеля «Радиолярии». Из-под обложки выглядывает ручка перочинного ножа.

Мне известно, что в шкафу нет ничего, кроме добытых Пашичем образцов горных пород и минералов. Я открыл полированные дверцы. Среди образцов я увидел то, что хотел: белый кусок известняка-ракушечника. Известняк мягкий, пачкает руки. Куском такой породы можно писать на чем угодно и что угодно.

Раздается щелчок. Динамики... Я положил образцы на место, отряхнул руки.

— Вы еще не спите, Грэг? — спрашивает голос Болла.

— Нет. Но уже проглотил две пилюли снотворного.

Уменьшив яркость настольной лампы, я лег на спину и заложил руки под голову.

— Я хотел бы поговорить... — в голосе Болла раскаяние.

— Валяйте, — откликнулся я. Меня одолевала тяжкая дрема, я знал, что скоро усну.

— Дело в том, что я... — он запнулся, — виноват перед вами...

— Довольно, Свен, — перебил я. — Мне все понятно. Вы догадались прочесть надпись наоборот — получается «Лотта»... Вы тут же вспомнили бредни Дюмона, но не решились сообщить мне об этом. Ну что ж, лучше поздно, чем... Ладно. Теперь слушайте меня внимательно. Вы уже знаете, что я прочел таинственное слово, но вы не знаете другого: три-четыре часа назад на понтоне этой надписи не было.

— Как вы сказали?!

— Не было! — повторил я с ударением. — Если предположить, что надпись сделал я, то... Сами понимаете, чем это пахнет. И оставьте меня на сегодня. Мне нужно выспаться. А вот ружья... ружья мы с вами бросили, пожалуй, зря.

Я действительно сразу уснул. Не слышал ни слова из того, что ответил Болл.

...Сначала был мрак. Просто мрак и больше ничего. Потом возникли струи голубого огня. Струи расплывались, бледнели, осветляя пространство. Головокружительная беспредельность, насыщенная переменчивым блеском далеких миров и еще наполненная чем-то более сложным и емким. Наполненная пристальным взглядом двух человеческих глаз. Девичьих глаз... «Лотта!» — хотел прошептать ошеломленный странник, который уже потерял себя в этом преогромном пространстве. Но нечем было шептать, не было губ. Была только Мысль.

— Лотта!.. — прошептала Мысль.

— Лотта-а-а... — повторило эхо космический шепот.

— Ты узнал меня, странник? — спросили глаза.

— Я узнал бы тебя среди миллиардов! — ответила Мысль, и где-то обрушилась лавина грохота.

Тогда проступил бледный овал девичьего лица. Мысль напряглась, жадно вглядывалась в это лицо, полупрозрачное, словно мираж, и, может быть, не существующее вовсе, но такое нужное, необходимое той капельке еще живого, теплого, что оставалось среди руин давно утраченных надежд.

— Я — сон, я лишь мечта о несбыточном, — сказали губы, жемчужно-белые, чуть тронутые сожаляющей улыбкой.

— Я знаю, — ответила Мысль и закружилась в водовороте отчаяния. — Поэтому я не хочу просыпаться! Пусть этот сон длится вечность...

— Вечности нет! — загрохотало пространство, внезапно загораясь огнем. — Вечность кончается там, где умирает Мысль!

Вздрогнула девушка-тень. И, повернувшись, молча пошла туда, где на фоне кровавого зарева вырисовывались контуры гигантского спрута. Дрогнула Мысль и потекла, заструилась вдогонку.

Бронзовый спрут улыбнулся холодной, понимающей улыбкой. Его тяжелые щупальца подползли и обвили девушку-тень.

— Шарик есть, — раскатами прогремел бронзовый голос. — Шарика нет!

Щупальца разомкнулись и с металлическим лязгом опали. Девушка-тень исчезла.

Мысль разразилась отчаянным криком:

— Отдай!

— ...ай! ...ай! ...ай! — испуганно вскрикнуло эхо.

Десятирукый гигант снисходительно рассмеялся:

— Зачем тебе это? Она принадлежит мне, тебе принадлежат воспоминания.

— Кто ты? — спросила Мысль, присмирив от горя и страха.

— Время, — ответил бронзовый голос. — И я не умею возвращать.

Мысль не сказала больше ни слова. Проклятый идол был прав.

Над горизонтом поднималось белое солнце. Бронзовый спрут спокойно взглянул на пылающий шар, из его огромных неподвижных глаз выкатилась большая прозрачная капля. Потом еще одна и еще. Капли падали, выбивая мелодичную дробь. Тинь-тань.

Я проснулся весь в холодной испарине. Опустил ноги с дивана, сел. В динамиках переговорного устройства жалобно пищит морзянка. Минуту я озадаченно смотрел на Царевну-Лебедь, пытаясь разобраться в хаосе коротких и длинных сигналов. Передача велась неумело, в замедленном темпе, как будто на ключе работает новичок, выстукивая нечто совершенно бессмысленное.

Я вышел в тамбур и толкнул дверь в соседнюю каюту. Оглядел помещение, направился в салон.

В салоне звуки морзянки раздавались громче и явственней. Болла здесь не было. На столе — записка. Я взглянул на сигнальные огоньки пульта бункерной коммуникации, перевел взгляд на динамики внешней связи, и только теперь до меня дошло: передача велась извне... За стеклом акварина разрасталось облако потревоженного ила. В клубах слабо подсвеченной прожекторами желтоватой мути промелькнула водянисто-серая тень, округлая, с расплывчатым вырезом посередине...

«2-35. Вышел в воду. Вернусь через час. Болл».

Что это взбрело ему в голову?.. Я схватил карандаш и на обратной стороне листка стал набрасывать знаки морзянки. Чушь какая-то, он меня просто разыгрывает!

Внезапно бункер содрогнулся от гула. Морзянка умолкла. Я отшвырнул карандаш и бросился к акварину. Непроглядная муть. Внешняя сторона стекла будто оклеена плотной бумагой.

Гул нарастал. Работали компрессорные установки батинтаса. Я взглянул на часы, сверил их с салонным хронометром. Одно и то же: без десяти минут три. Значит, вел передачу не Болл! Часы и гудение ком-

прессоров определенно указывали на то, что он еще не успел выйти из бункера.

Регулятор громкости на усилителе звуковой передачи взведен до предела. Навалюсь грудью на пульт, я кричу в микрофоны что-то однообразное, жуткое. Зеленые мотыльки на сигнальных глазках подрагивают в такт моему надрывному крику.

— Пашич, вернись! Вернись немедленно! Ты болен, ты погибнешь, вернись!..

Я кричал в воду, кричал со слабой надеждой достигнуть криком безумца, дать почувствовать ему его одиночество...

Болл вернулся раньше обещанного срока. Не переодеваясь, устало завалился в кресло, сорвал с лица кислородную маску и бросил на стол. На макушке жалко топорщились мокрые волосы.

— Что-нибудь случилось, Грэг?

— Да.

Пожалуй, нужно сварить ему кофе.

— Рассказывайте, — сказал он с явным недобольством.

— Нет, сначала мне хотелось бы выслушать вас.

Болл закашлялся, яростно сплюнул в носовой платок остатки легочного наполнителя, ответил:

— В таком случае, идите ко всем чертям!

— Хорошо сказано, Свен. Будем считать, что мы наметили точки сближения в вопросах взаимного понимания. Но вы раздражены, устали... Отдохните, пока я приготовлю кофе. Вам с молоком?

— Нет, мне покрепче. Почему вам нужно, чтобы я рассказывал первый?

— Грамматика. Я спал, а вы были заняты делом. События имеют тенденцию развиваться последовательно. Может быть, я выражаюсь недостаточно ясно?

Болл уткнул лицо в маску и все то время, пока я был занят кофейными манипуляциями, дышал кислородом. Он явно поторопился покинуть «колесо обзрений».

Я разлил кофе и бросил на стол пакет с глюкозой. Болл жадно схватил свою кружку.

— Спасибо, Грэг, но знайте, что я все еще зол. На вас, на себя.

— Отлично. В нашем проклятом деле злость играет роль стимулятора. Пейте с глюкозой, вам необходимо подкрепиться.

— Вы оказались пророком... Квантаберов я не нашел.

Кружку, поднесенную было к губам, я бесцельно подержал на весу и медленно опустил на стол. Так...

— Продолжать поиски ружей не стал, — добавил Болл. — Решил вернуться.

И правильно сделал. Представляю, каково ему было слышать в воде мой отчаянный зов.

— Нет, не потому, — сказал он, перехватив мой сочувственный взгляд. — Просто понял, что искать бессмысленно. Ведь я выводил на поиски Краба. Это его работа... — Болл кивнул в сторону акварина.

Я обернулся. Облако взбаламученных осадков нисколько не поредело, пелена желтоватого тумана оставалась такой же плотной, видимость — нуль. Вспомнилась тень. Круглая, со светлым вырезом по середине.

— Скажите, Свен, как долго Краб занимался этой бесполезной и, судя по теперешнему состоянию дна, очень кропотливой работой?

— Я вижу, вас интересуют подробности... — Болл задумчиво покачал пустую кружку. — Зачем? Клянусь, я не видел и не слышал ничего странного. Кроме подводного крика, конечно. Кстати, что надумило вас орать на весь океан?

Я указал на динамик. Он, видимо, ничего не понял, но сказал:

— Ладно, тогда по порядку... По-моему, слишком прохладно, а? Вы не находите?

Он поднялся, включил электрообогреватели на полную мощность.

Ноги укутала волна теплого воздуха.

— Так вот, Грэг, вы ошиблись вчера, я ничего не

знал о бреднях швейцарца. Поэтому слово «аттол», даже прочитанное наоборот, оставалось для меня таким же загадочным. Вы уснули, бросив меня на растерзание вами же вызванных тревог. У меня крепкие нервы, но, согласитесь, ваше вчерашнее поведение могло сбить с толку кого угодно... Поразмыслив, я решил вернуть квантаберы в бункер. Я был уверен, что делаю это напрасно: пока Манты в воде, за сохранность ружей нечего опасаться. Ведь я умышленно не стал отзывать скутеры в ангарный бокс, чтобы какой-нибудь бродяга-спрут случайно не уволок опасную игрушку. Но сомнения не давали мне покоя. Лезть в воду самому не хотелось, и я сел за пульт. Подготовив программу для Краба, я дал приказ Мурене сделать все остальное. Запрограммированный ею Краб вскоре выполз из четвертого бункера. Он кружил в указанном секторе добрые полчаса. Наконец мое терпение лопнуло, и я его отозвал. Вышло, что нужно идти за ружьями самому. Я оставил переговорное устройство включенным на случай, если мне понадобится что-нибудь передать. Не успел я выплыть из-под бункера, как меня оглушил рев динамиков: «Пашич, вернись!..» От неожиданности я выронил взятый с собой квантабер. Мистер Соболев кричит во сне, подумалось мне. Я быстро сплавал к четвертому бункеру и убедился, что ружья действительно исчезли. Вы продолжали кричать, и я вернулся. Вот и все, Грэг.

— Н-да, мало... Вам еще кофе?

— Не откажусь.

Я налил.

— Ну, и как вы объясняете исчезновение квантаберов?

— Кальмары, — сказал Болл. — Больше никому. Прошу прощения, но ваша версия меня раздражает. Насчет безумца, который бродит вокруг станции.

— Я этого не говорил.

— Конечно, — согласился Болл. — Вы об этом кричали. Давайте разберемся как следует. По самым оптимистическим подсчетам, Пашич, если не по-

гиб — а я совершенно уверен в обратном, — должен находиться в воде уже около семи суток. Позволительно будет узнать: как он ест, как он пьет и где подзаряжает аккумуляторы?

Я признался, что эти вопросы занимают меня самого.

— Давайте посмотрим, на чем основана ваша гипотеза, — продолжал наступление Болл. — Во-первых, надписи. Та, которую видели вы, появилась внезапно, вдруг. А если этому не поверить? Я думаю, загадочные буквы остались нам в наследство от наших предшественников, просто вы раньше их не заметили. Во-вторых, исчезновение ружей. Конечно, Манты расстреляли бы любого кракена, попади он в зону действия локаторов. Но мы не учитываем длиннорукости спрутов. Какой-нибудь десятирукий вор мог запросто дотянуться до квантаберов, скрываясь за бункером. А больше, по-моему, ничего особенного не произошло.

— Произошло, — я протянул Боллу его записку.

— Это писал я, — сказал он. — Ну и что?

— Взгляните на обратную сторону листа.

Болл посмотрел.

— Не понимаю.

— Это морзянка, которую я принял перед тем, как вы услышали мое знаменитое обращение к Пашичу.

— Бросьте меня разыгрывать! — Болл побагровел. — Есть вещи, мистер Соболев, которыми не шутят!..

— А на кой черт мне вас разыгрывать! — выкрикнул я и хватил кружкой о стол. Жалобно зазвенели осколки.

Мы стояли друг против друга.

— Вы превосходный человек, мистер Болл, — сказал я, — но долгое общение с вами, очевидно, выходит за пределы моих возможностей.

— Я тоже думаю, что мистер Дуговский допустил ошибку, связав нас необходимостью совместных действий, — заявил Болл.

— Ну что ж, в таком случае я буду действовать самостоятельно, на свой страх и риск. И будь я проклят, если кто-нибудь сможет мне помешать!..

Первым опомнился Болл. Он сел и расправил смятую бумагу.

— Послушайте, Грэг, но это же чистейший абсурд. Может быть, вы знаете, на каком языке этот текст?

— Знаю. На русском.

— Чепуха! Я сумел бы прочесть любой русский текст, зашифрованный кодом Морзе.

Он с такой убедительностью сделал ударение на слове «любой», что я невольно простил ему все.

— Свен, — сказал я, пытаюсь говорить спокойно, — этот текст требует такого же необычного чтения, как и обнаруженная злополучная надпись. Читайте, Свен, наоборот — для этого достаточно перевернуть бумажку вверх ногами. Читайте вслух, потому что я хочу еще раз услышать то, во что мне трудно поверить.

«Я долго искала людей, я нашла...» — прочел Болл первую фразу и взглянул на меня. В его глазах блеснула насмешка.

— Читайте, Свен, читайте.

«Не покидайте меня, верните безличность, нет равновесия...»

Болл скомкал лист и, откинувшись в кресле, несколько раз подбросил его на ладони.

— Пришелец!.. — сказал он и громко рассмеялся. — Вернее, пришелица!.. С другой планеты! Нет, из антимира! Глубоководная нимфа!

Он хохотал. Я молчал, стиснув зубы.

Внезапно погас свет. Будто разом сработали все выключатели тьмы, мгновенно лишив пространство привычной трехмерности.

— Полетели предохранители, — услышал я голос Болла.

Скрип кресла, два громких щелчка — Болл вырубил из электрической сети систему обогрева. Лязг дверцы щита. Брызнула светом лампочка от аварий-

ных аккумуляторов и сразу угасла. Мрак стал плотнее.

— Проклятье! Где у нас запасные? Я где-то ви...

Болл не договорил, замер на полуслове. «Ти-ти-ти, ти-ти-та-ти... — пела морзянка. — Та-ти-та, та-ти-та-ти...»

Что с вами, коллега? Ведь вы никогда и ничему не удивляетесь: в конце концов «все объясняется очень просто». Может быть, вы испугались?

Громящая мебелью, Болл продирался к едва светившемуся в темноте аквариуму. Полно, коллега, в этом облаке ила все равно ничего не увидишь. Глубоководную нимфу тем более.

— Свен, дайте хотя бы фонарь! Так мы ни черта не запишем.

Мы не успели. Динамики умолкли до того, как Болл сообразил замкнуть клеммы отверткой. Плафоны вспыхнули, я оглядел учиненный Боллом разгром и остался доволен.

— Ну вот что... Сейчас мы посмотрим батимальную карту и я выйду в воду. С этим надо кончать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Болл, вытирая потный лоб.

— Собираюсь ловить. Я обшарю в окрестностях станции все уголки, обследую дно на доступных глубинах, но выслежу и поймаю безумца... или нимфу, если вы правы, а я ошибаюсь. Думаю, это будет не так уж и трудно: судя по всему, она предпочитает обходиться без скутера.

Болл поднял голову к потолку и стал к чему-то прислушиваться. Едва уловимый шорох, тихий скрежет. И вдруг — неожиданно громкий и звонкий удар. Затем еще один и еще...

— Колотит... — сказал Болл и глупейшим образом улыбнулся. — Прошлый раз тоже так было, но разве я мог предположить, что это не вы!..

Я вспомнил удары, которые слышал в воде. Болл перестал улыбаться, нахмурился. А я подумал, что у Дюмона, пожалуй, были основания для помешательства.

Все стихло. Но мы еще долго прислушивались, задрав подбородки кверху.

— Есть предложение, — сказал Болл. — Давайте плюнем на эту... на это... Ну, словом, начнем запуск добывающих агрегатов. Рано или поздно все решится само собой.

— Вот как! Плунуть, говорите?.. — Я схватил его за отвороты халата и, дернув к себе, бросил прямо в лицо: — Человек в беде! Он болен, гибнет! Понимаешь, чурбан ты этакий!..

Оттолкнув его, бросился к люку.

— Подождите! — выкрикнул Болл. — Во-первых, вы должны извиниться...

Крышка люка откинулась.

— Вы тяжело и совершенно напрасно обвинили меня!

— Да, обвинил. Могу добавить: я презираю подонков, которым на все наплевать. Если я раньше правильно понял вас, Пашич был вашим другом!

Физиономия Болла бледнела, вытягивалась и вдруг превратилась в багровую маску. Он двинулся на меня с кулаками, обрушивая по дороге стопки книг. Остановился в двух шагах — похоже на вызов. Но я уже не смотрел на него. Разбросанные книги, опрокинутые кресла — такой же хаос, как и в день прибытия... Но тогда я не был этим так поражен, как сейчас.

— Ладно, — сказал я. — Кулаки уберите, это я тоже умею. Будем считать: с первым пунктом нашей беседы покончено. Что во-вторых?

Болл выпрямился и жестом, преисполненным достоинства, но все еще обиженно посапывая, запахнул полы халата.

— Во-вторых... — он быстро овладел собой и говорил совершенно спокойно, — во-вторых, я хочу договориться с вами относительно будущих встреч под водой. Чтобы вы не принимали меня за кого-то другого, нам необходимо условиться...

— Хорошо. Пароль — тройное мигание фонарей, отзыв — двойное. И всегда выбирать пояса постоян-

ного цвета. Скажем, белый для меня, для вас — оранжевый.

— Запомню. А что касается ваших чудовищных обвинений... Будь я проклят, если заслуживаю подобное! Поймите, Грэг, я ни на пенс не верю, что Пашич жив. Мы имеем дело с чем-то другим...

— С кем-то другим, вы хотели сказать?

Болл не ответил. Значит, твердо решил настоять на своем. Странно... По-моему, ситуация предельно ясна: в этом спектакле участвуют всего три актера. Появление четвертого на такой обширной сцене, как абиссальная бездна Индийского океана, мне лично представляется невероятным. Куда ни поворачивай компас воображения, а стрелка все равно указывает в одном направлении: Пашич. И дико было бы думать, что здесь замешан кто-то другой... Впрочем, есть еще один вариант: в бункер колотят кальмары. Ну, скажем, тот, которого я встретил на карнизе... А передача? А надпись? Тоже кальмары?

— Свен, ради всего святого! — воскликнул я, в отчаянии сжимая ладонями голову.

Болл понял.

— Я не романтик, гипотез не измышляю, — сказал он, разводя руками. — Я только уверен в одном: это не Пашич. Это не может быть Пашич по чисто практическим соображениям.

Я свесил ноги в люк и задумался. С одной стороны, обстоятельства требуют немедленного выхода в воду, с другой... Болл только что был в воде и ничего не заметил. Я тоже находился в воде, когда впервые услышал загадочный стук. У меня буквально под носом расписали понтон. Безумец словно старался быть невидимым...

— Грэг, хотите хороший совет?

Да, я хотел. Хороший — тем более.

— Не торопитесь в воду. Нам с вами в конце концов необходимо нормально спать и питаться.

Это я знал.

— Утром обсудим план действий за картой. Думаю, следует выйти вдвоем. Я не буду мешать вашим

поискам, а вы поможете мне запустить агрегаты. Если, конечно, помощь потребуется.

Другими словами, целиком положиться на само-тек... Минуту я колебался. «Гипотез не измышляю!» Ньютон с жабрами, Лаплас двоякодышащий. Очевидно, «измышлять» остается мне.

Я ушел в каюту и лег на диван, взгляд — в потолок. Прислушался. Тихо. Как здесь невыносимо тихо! Идеальные условия для размышлений. Н-да, если знаешь, с чего начинать.

Все начинается с Лотты. У меня и у них. Дюмон и Лотта, Лотта и Пашич. Наконец, Лотта и я. Кажущаяся взаимосвязь имен и событий ложная, но тем не менее поразительная... Дуговский обмолвился вскользь, будто Дюмона преследует женщина. Судя по глагольным окончаниям, таинственный субъект, который вел передачу, тоже относит себя к женскому роду. И подкрепляет это свое утверждение надписью: «Лотта. Метровыми буквами... Все бы ничего, но эти факты прямо связаны с помешательством Дюмона. И логики-то в них ни капли нет. И, вероятно, не будет. Во всяком случае, у меня такое ощущение. Там, где скрещиваются пути двух сумасшедших, логики нет и не будет...

А если все-таки есть? Ведь Дюмона преследовало то, что преследует нас. Я лично не сомневаюсь, что это — деятельность Пашича, хотя и не в состоянии понять, какая это блажь могла прийти в его большую голову. Я плохо разбираюсь в разновидностях маниакально-депрессивного психоза. И Болл, наверное, тоже. А жаль... Быть может, имеет смысл запросить по радио мнение специалистов-медиков? Запросить...

Ну и как мне сформулировать запрос? «Зеркально мыслящий Пашич настойчиво напоминает нам о своем присутствии, но избегает попадаться на глаза. Прошу собрать консилиум психиатров и выяснить заочно, в чем заключается идея фикс пострадавшего». А что, и соберут. И будут выяснять, и надают массу авторитетных рекомендаций. Н-да...

Может быть, Болл прав и это не Пашич? Но тогда кто? Кто?.. Конечно, Пашич. Но почему он не желает пользоваться скутерами и вообще любым подводным реквизитом, если не считать похищенных квантаберов? Странная принципиальность... Правда, я видел какую-то тень, округлую, с вырезом посередине. Но если это не тень одной из проплывавших мимо акварина Мант, я отказываюсь понимать происходящее. **«Верните безличность, нет равновесия...»** Что правда, то правда — равновесия нет. Любопытно, кто из нас раньше свихнется, Болл или я? Наверное, я. У меня для этого больше причин.

Изучив потолок до мельчайших подробностей и сделав вывод, что результат моих размышлений самым недвусмысленным образом равен нулю, я поднялся и вышел в салон.

Перед сном Болл успел навести в салоне «порядок», и я потратил много времени, чтобы найти батильную карту.

Карта представляла собой шедевр картографической замысловатости. Пятнадцать глубинных ярусов — девяносто прозрачных пластин. Надежда на визуальный разбор сразу померкла: такие карты требовали компьютерной дешифровки. Я разыскал пестро разрисованный карт-бланк с пометкой «М-2» и направился в рубку.

В чреве пульта время от времени что-то негромко и мелодично позвякивало. Полупрозрачную толщу темной полусферы покалывали острые огоньки, мерцали пустые экраны. Выдвижной столик завален бумагами. Сверху — несколько исписанных от руки листов и графики. Почерк Болла. Я разложил бумаги по порядку и стал просматривать...

Умница, подумал я. Голова! И еще подумал, что я перед ним виноват. Но почему он молчал? Впрочем, виноваты мы оба. Взаимная подозрительность, обмен информацией сквозь зубы — вполне достаточно, чтобы извратить основной принцип разведки. Глупо. И самое глупое то, что мы оба знаем, как все это глупо, и ничего не делаем для большего взаимопонима-

ния... Болл догадался использовать наиболее доступный канал информации, а я узнаю об этом случайно.

Он исследовал память Мурены и на основе полученных данных вычертил графики. Получалось: добыча тяжелой воды резко упала за несколько дней до того, как Дюмон покинул станцию. Кривые на графиках имеют ступенчатую форму. И там, где «ступеньки», множество пометок Болла: «В программе не задано! Кто выключил агрегаты? Зачем?» Да, эти выключения явно неподконтрольны Мурене, потому что дальше — серия проверок исправности роботов и правильности их программ. Но это ничего не меняет — ступеньки, ступеньки... Любопытно, что последняя попытка стабилизировать добычу не доведена до конца — вообще прекратили подачу энергии на агрегаты. словно бы наши предшественники поняли бесполезность этой затеи. Или были заняты чем-то другим. Далее Мурена получает совсем уж необычные задания: составить программу для автоматического извлечения из атомного бункера небольшого количества радиоактивного изотопа тория! В огороде бузина, а в Киеве дядька...

Я машинально вытряхнул из футляра пластины батиальной карты и заложил их в приемный блок кодового устройства. Опустил в щель дешифратора карт-бланк. Мелодичный перезвон в чреве пульта украсился новыми тембрами. На экранах четкое изображение поперечного разреза нашего глубоководного поднятия. Минут пять я тупо смотрел на экраны, пытаюсь вспомнить, по какому азимуту задал Мурене разрез...

Боллу я оставил записку: «Очень сожалею о сегодняшнем инциденте. Еще раз приношу свои извинения: я не знал, что задуманный вами эксперимент с агрегатами настолько оправдан. Вышел в воду в 5-45. Вернусь через двадцать часов. Делайте все, что считаете нужным. Жму руку. Соболев».

«РЕКВИЕМ БЕЗДНЫ»

Из-за неровной линии горизонта поднималась луна. Горизонт слишком близок, а луна слишком розовая. Даже не луна, а какое-то новое ночное светило, потому что луна не бывает таких огромных размеров и, главное, розовой...

Мне вдруг пришло в голову, что мы, люди, до крайности утилитарны. Даже в вопросах творчества. Мы не можем позволить себе роскошь сосредоточивать усилия за пределами действия принципа целесообразности. Океан может, ему плевать на принцип целесообразности. У него хватило фантазии сотворить эту великолепную живую планету (почти целиком из воды), а мы, его прямые потомки, разинув от восторга и удивления рты, ломаем голову над вопросами «как» и «зачем». И страшно завидуем. В своих лабораториях пытаемся научиться такому же мастерству, разгадать, использовать, улучшить, применить. Иногда это удается, иногда нет. А вот завидовать, наверное, не стоит. Океану легче фантазировать на тему «Многообразие жизненных форм», в его распоряжении вечность.

Розовое диво волокно за собой длинный шлейф нежно светящихся щупалец, прозрачных и тонких до синевы. Имя этого грациозного существа я знал: тайра глобалос — недавно открытый вид глубоководных медуз-исполинов. Мало кому из людей доводилось наблюдать королеву медуз в естественной обстановке. Мне повезло, я мог считать себя счастливецом.

На фоне светлого шара контрастно отпечатался вдруг угольно-черный силуэт плавников-крыльев. Манта мигнула зелеными огнями глаз и, успокоенная, с презрительным равнодушием повернулась к тайре хвостом. Не обижайтесь, Ваше Величество, мой скутер плохо разбирается в тонкостях этикета и, понятно, не умеет держать себя в присутствии коронованных особ. Сказать откровенно, Ваше Величество, я очень боялся, что этому дурно воспитанному субъекту придет на ум огреть Вас электрической ду-

биной. При Ваших поистине королевских размерах такой исход дела был вполне вероятен... А сейчас до свидания, тороплюсь. Будем считать нашу встречу счастливым предзнаменованием...

Я лгал, торопиться мне было некуда. Мы слишком мало знаем, чтобы выработать правильную стратегию поиска. Почти ничего не знаем. Короче говоря, я вышел в воду с единственной целью стать приманкой для безумца.

Я пересек линию обрыва, включил плавник и быстро пошел в глубину. Вниз головой. Прожекторы Манты светили мне в спину. Темная сердцевина конуса пронизывающих воду лучей казалась горловиной бездонного колодца. Это моя тень.

Навстречу из тьмы полыхнула зеленоватая вспышка. Гораздо более мощная, чем рассеянный свет прожекторов. Я скомандовал Манте ультразвуком. Прожекторы погасли.

Внизу мерцали огни огромного города. Бархатная, усеянная звездами ночь и далекий, празднично иллюминированный город... По извилистым автострадам носились красные и лимонно-желтые огоньки, на площадях сновали толпы снежно-белых, голубоватых и синих. В облаках светящихся точек и черточек вспыхивали цветные огни светофоров, во всех направлениях словно большие пассажирские автолеры, двигались лиловые пятна, отдаленные фонари отливали перламутровым блеском, в туманной дымке мельтешили фантастические узоры реклам.

Скопление подводных светляков — зрелище отнюдь не редкое, но впечатляющее. И каждый наблюдатель видит это по-своему: россыпи драгоценных камней, млечный путь, созвездия, галактики. А мне почему-то видятся города, в огнях, с многочисленным населением. В городах кипит жизнь. Не такая уж загадочная для меня — многие из жителей хорошо мне знакомы. И может быть, поэтому я чувствую себя в какой-то мере приобщенным к тайнам подводного континента. Но чувствую и другое.

В воде я не совсем человек. Вернее, не просто че-

ловек — у меня много общего с рыбой. И не только то, что я дышу жабрами, пользуюсь плавниками. Всегда, когда я в воде и один, в тайниках моего подсознания просыпается что-то чужое и смутное... Пожалуй, это можно назвать пробуждением древних, очень древних, незнакомых людям инстинктов. Даже не инстинктов, а скорее отголосков инстинктов, полустертых, сглаженных на гончарном круге миллионов лет эволюции. Невозможно четко и связно рассказывать об этих своих ощущениях, да и бессмысленно пробовать. Это все равно, что пытаться проникнуть в область ощущений амебы, претерпевающей процесс очередного деления. Крайняя простота — и необычайная сложность, таинство — и примитив... Но так же, как, скажем, обертоны придают окраску звукам, эти тончайшие, едва заметные, но, повторяю, какие-то упрощенные нюансы психики накладывают странный отпечаток на чувства и поведение. Все это, очевидно, хорошо известно каждому глубоководнику. Отсюда и «ангелы тьмы» в противовес придуманным журналистами «ангелам моря».

Медики объясняют подводные «странности» воздействием внешней среды на психику акванавта. То есть, в сущности, не объясняют ничего. Все то, с чем сталкивается морская медикология вне сферы разума, находит временный приют под вывеской «глубинная аффектация». Боюсь, что этот туманный термин так и останется словесным пустоцветом, поскольку его изобретатели толком не осознали, что в условиях бездны человек потихоньку становится рыбой, в нем просыпается рыбий инстинкт. И нужно самому побывать в гидрокомбовой шкуре, чтобы это заметить.

Уходя в океан, акванавт рвет пуповину, соединяющую его с материнской сушей, и чем дальше от берега и чем глубже идет погружение, тем очевиднее этот разрыв. Вокруг вода, а внутри — сознание одиночества и своеобразная изоляция от привычного мира. По сути дела труженики бездны отданы на произвол стихии. Они остро нуждаются в обществе себе подоб-

ных, иначе им трудно сладить с тем, что называется «глубинной аффекацией». Их пока единицы. Потом их будут тысячи — окажется мало. Миллионы — капля в океане, потому что Земля на три четверти Океан. Нужны миллиарды. И еще гармония нужна, гармония в неминуемой эволюции гомо субакватикуса¹. Или равновесие — если угодно — между тем, что человек готовится приобрести в воде, и тем, что он уже имеет в себе после суши. А пока равновесия нет... Нет равновесия?! Стоп!..

Беспечность в воде обычно обходится дорого. Особенно при таком стремительном спуске. Мне повезло: я ударился грудью. Вспыхнули прожекторы, осветив шероховатую поверхность базальтовой глыбы. Пока нащупывал контактный диск, плавник сбросил меня со скалы, уволок к ее подножию и, завертев в неуправляемом штопоре, швырнул в оранжевые заросли прутовидных губок...

Я разглядывал свой трофей со смешанным чувством удивления и тревоги. Кирка, обыкновенная кирка, насаженная на металлическую ручку. Таким инструментом пользуются морские геологи. Я подхватил ее на песке где-то у подножия злосчастной скалы. Первые плоды тактики «свободного» поиска!

На карте эта терраса выглядела невзрачной ступенькой. А здесь... Насколько хватало глаз и позволял видеть свет, во все стороны простирался цветущий подводный оазис. Я стряхнул с левого лапа крупного рака — неимоверно длинные клешни! — и вернулся к подножию скалы, если скалой можно было назвать клумбу красно-желтых цветов.

Вершина утеса, вздыбленная над «клумбой», едва ли реже, чем подножие, облеплена колониями актиний и звезд. Я повел фарой вниз и осветил песчаную плешь. Призывно вспыхнул синеватый металлический отблеск...

Рядом с ружьями спал черный скат. Отогнав его,

¹ Гомо субакватикус — человек подводный (лат.).

я поднял квантаберы. Да, оба здесь. И оба в рабочем состоянии: на тыльной стороне прикладов мигали рубиновые глазки — индикаторы заряда. Кирка в одной компании с украденными ружьями... Моя версия получает веское подтверждение. Где ты, безумец, где?..

Один квантабер я повесил на грудь, другой — на плечо и всплыл на вершину. Сел на утес, обхватив каменный выступ ногами, задумался — «ангел тьмы» в позе роденовского мыслителя. Вокруг снова ла кормящаяся рыба мелочь. Любопытные мальки нахально теребили ворс на моих коленях. Манта неподвижно застыла над головой.

Итак, возвратимся к исходной точке. Во время удара об эту самую скалу я думал о «равновесии». Чего-то с чем-то. Меня поразило совпадение собственных мыслей с загадочным содержанием передачи. В каком-то маленьком пунктике, в микроскопической детальке, но все же... **«Я долго искала людей, я нашла... не покидайте меня, верните безличность, нет равновесия...»** В этом, казалось бы, совершенно бессмысленном обращении мне слышится отчаянный призыв. А если попробовать расшифровать? «Я долго ждал вас и дождался, теперь не покидайте меня; обреченный на одиночество, я потерял рассудок, утратив равновесие между человеческой сущностью и теми изменениями в психике, которые подарила мне враждебная пучина». Неплохо, совсем неплохо. Но как быть с включенной в текст безличностью? Ума не приложу... Как ни верти, а проклятая безличность никак не согласуется с тем, чего я, надеюсь, уже достиг, применив к этой детективной коллизии прославленную методику дедуктивного мышления. Не только не согласуется, но даже находится в противоречии. Н-да...

Манта мигнула прожекторами и подняла колонны света к зениту. Странно, кальмары никогда не атакуют сверху. На всякий случай я спустил предохранитель квантабера. Может быть, Манта почуяла кашалота? А что! Эти кишасщие спрутами места вполне

могут служить охотничьим угодем для зубастых китов, глубина позволяет. Конечно, было бы интересно понаблюдать за подводной охотой кита, но как быть, если придется стрелять? Нет, лучше уйти, не буду никому мешать. Стрелять в теплокровное животное просто рука не поднимается: как-никак, а все-таки мы родственники...

Я подозвал Манту, повесил ружья на трапецию и покинул террасу.

Голая угрюмая стена, кое-где покрытая сетью глубоких трещин, уходила в пропасть почти вертикально. Свет фары бледным пятнышком скользил по ее шероховатой, местами бугристой поверхности все ниже и ниже, в нескончаемую глубину. Мрачное однообразие...

Я сунул лезвие кирки в одну из трещин, отплыл подальше, чтобы свериться с компасом. Карбункул батиметра светился желтым огнем. Двухкилометровая глубина. Если батимальная карта не врет, где-то здесь должен находиться уступ. Может быть, ниже? Посмотрим...

Я вернулся за киркой. Из каменной щели вылез большой ярко-красный рак весьма симпатичной наружности. Я подергал его за усы — он погрозил мне зубастой клешней. Ладно, старик, извини. Просто я рад, что встретил тебя, мне здесь одному страшновато. Ухожу, ухожу. Вниз ухожу, туда, где раки зимуют. Ты случайно не знаешь, где раки зимуют?

Плавник тащит меня в глубину. Я чуть не прозевал предсказанный картой уступ, сплошь заросший губками, похожими на черные резиновые мячи.

Пока я осматривал этот странный «балкон», неизвестно как прилепившийся к отвесной стене, откуда-то приплыл чудовищный макрурус и очень недружелюбно поглядел на меня своими телескопическими глазами. Он обнюхал кирку, которую я протянул ему для предварительного ознакомления, и похлопал себя плавниками по огромному пятнистому животу. Макрурус, конечно, не акула, но его круглая собачья морда и оскаленная пасть с длинными загнутыми назад

клыками никак не внушали доверия. Мне вдруг захотелось прогнать его ударом лапы, как собаку, — пшел, дескать, вон! Но, памятуя о повадках самонадеянных дворовых псов, — клянусь, аналогия полная, — решил оставить рыбу в покое. Кирку я бросил на камень. Захватчу на обратном пути.

...«Балкон» остался где-то далеко наверху. Так далеко, что я боялся взглянуть на батиметр. Пока кристалл этого миниатюрного прибора сиял оттенками теплых цветов, я мог не обращать на него никакого внимания. Но если он начинал светиться зеленым... Я поднес руку к лицу. Да, он светился зеленым запретным огнем. Триста атмосфер давления, три километра глубины — «подвал», как говорят глубоководники, — предел погружения. Дальше человеку нельзя. Дальше опускаются трупы.

«Подвал» имеет три этажа. Их различают по цвету карбункула. Верхний — зеленый. Средний — изумрудно-зеленый. Нижний... Согласно спектральному ряду, нижний должен быть голубым — кристалл батиметра даже на это рассчитан. Но те, кто видел его голубым, навсегда остались в пучине. Кроме тех, пятаерых, — героев современной легенды. Легенды такой же странной, как и те обстоятельства, которые легли в ее основу.

Угрюмый вид голой скалы действовал мне на нервы. Изредка встречались большие темные трещины. Они уходили вниз почти вертикально и там, куда едва достигал свет прожекторов, давали начало гигантским расселинам. Я знал: в таких местах любят гнездиться кальмары. Прозондировать одну из щелей лучом? Луч осветил каменные внутренности мрачного коридора, за каждым выступом таилась черная тень. Кальмаров я не увидел, но рыбий инстинкт упрямо советовал: будь настороже.

Я вылез из щели и поплыл в открытый простор океана. Подальше от мрачной стены. Заблудиться я не боялся. Манта найдет дорогу назад: где-то вверху, на площадке добывающих агрегатов, непрерывно действовал ультразвуковой маяк.

Я плыл, не оглядываясь, словно торопился куда-то. Прожекторы Манти светили мне в спину. За пределами прозрачного светового конуса — крошечная тьма, будто пространство замкнулось само на себе. Заботиться сейчас о направлении не имело смысла. Чем хаотичнее мое передвижение, тем лучше: больше шансов привлечь к себе внимание безумца. Неужели не «клюнет»?..

Глазу не на чем остановиться в этой водяной пустоте. Стоит чуть усомниться в достоверности своих ощущений — и ты мгновенно теряешь ориентировку в пространстве. Я усомнился, когда заметил, что Манта плывет за мной как-то совсем необычно, боком: Я понимал, что скутер здесь ни при чем, — потерял ориентировку я сам. Два таких фундаментальных понятия, как «верх» и «низ», превратились в ничто. Противно до головокружения.

Трудно поверить, но где-то в трех километрах отсюда находится дневная поверхность океана и примерно на таком же расстоянии — дно. Меня окружала беспредельная, вечная вселенская тьма, и не было ей ни конца, ни начала, не было вообще ничего, кроме тьмы. Хранимый в воспоминаниях мир солнечной суши казался счастливым сном и только. Он был далеко — быть может, на другой планете. Доведется ли снова увидеть его?

Я вынул нож и двумя пальцами взял кончик лезвия. Тяжелая рукоятка указала мне направление к центру планеты.

Оказывается, это очень важно — знать направление к центру планеты. Теперь все стало на свои места. Я висел вниз головой над чернеющей бездной... И вдруг — по телу словно разряд нервного тока — в глубине, на одной вертикали со мной, вспыхнул бледный конус луча! Нет, даже не вспыхнул — скорее возник, потому что это далеко, где-то на пределе видимости...

Луч, непонятно играя, кружил. Призывно мерцал удлиненной пластинкой тонкого льда. Фара? Очень похоже. И в то же время как-то не очень... Вниз!

Луч описал дугу и погас. Мгновенно, как гаснет выключенная фара. Безумец! Стой! Ведь так мы никогда не сумеем настичь тебя и помочь! Я здесь уже, я рядом, быть может, это последняя твоя надежда!.. В ответ — летящая навстречу бездна мрака, иллюминированная горстью голубых огоньков. Быстрее вниз, быстрее — секунды решают все!

Когда уходишь вниз, пучина легко уступает. Горе тому, кто не сумеет вовремя остановиться...

Я сумел. Опомился и выключил плавник. Взглянул на батиметр. Изумрудно-зеленый... Баста. Подвал океана бездонный. Ты же знаешь: голубой этаж обрывается в небытие.

А ты уверен, что стоишь на последних ступеньках? Вот видишь, нет, не уверен... Но разве ничего не значит эта странная глухая боль в суставах рук и ног, в затылке, в бедрах, в позвоночнике? Значит, но только то, что я никогда не забирался так глубоко...

Сверху, по ниспадающей спирали, опускалась Манта. Луч прожектора больно ударил в глаза. Потуши свои лампы, дорогая! Спасибо, теперь хорошо... Густая вселенская тьма. И ничего похожего на бледный таинственный луч. Будто привиделся.

Еще с полсотни метров вниз — и хватит, пожалуй. Шутки с такими глубинами плохи: можно услышать «реквием бездны»...

«Реквием бездны»? Понятия не имею... Ну-ну, не надо лгать: лгать самому себе бесполезно. Вспомни: тех, кто слышал его и потом нашел в себе силы вернуться, можно пересчитать по пальцам одной руки. Да, я помню, конечно. Об этом дьявольском глубоководном наваждении рассказывают по-разному. Но только своим, и то не каждому, и только шепотом, на ухо, втайне от медиков. А это всегда впечатляет, когда не каждому и шепотом. Однако сначала я не поверил: мне казалось, что мнимая музыка больших глубин вряд ли способна ослабить волю подводника, но мне довелось побеседовать с гидрокомбистом, которого причисляли к знаменитой пятерке. Он расска-

зывал скупом и неохотно, и потому, наверное, его рассказ заставил насторожиться. В заключение он совершенно серьезно добавил: «То, что я слышал на голубом этаже, вполне может конкурировать с голосами сирен старика Гомера. И я отлично понимаю тех из наших парней, которые предпочли остаться в глубинах». И все, ничего более определенного я от него не узнал: он умолк, задумался и, глядя куда-то мимо меня, так загадочно улыбнулся своим воспоминаниям, что я почувствовал невольный страх...

Ладно, поехали вниз, немного, самую малость. Рискованно, знаю, однако иначе я не могу: луч не привиделся — был. Безумец здесь где-то рядом. Может быть, и не безумец вовсе, а просто несчастный, услышавший пение подводных сирен и не желающий поэтому вернуться?

В голове нарастал устрашающий гул. Ну вот, начинается... Стоп, дальше нельзя: кристалл батиметра отливает мягким бирюзовым сиянием. Но главное даже не в этом. Главное в том, что моя черепная коробка вырастает до размеров огромного корабельного трюма. Весь корабль гудит и качается от ударов злобных штормовых валов, каждый удар порождает в трюме странное дрожащее эхо. Ерунда, просто я ощущаю, как в висках тяжело пульсирует кровь. Теплая живая кровь — это реально, остальное — обман. Вот видишь, я все понимаю, все сознаю, всему нахожу объяснения. Значит, опасности нет, — можно чуть ниже... Где он, где этот «реквием»? Не слышал, не верю, дурацкие выдумки. Просто шум в голове, которому никак нельзя приписывать музыкальность.

...А в трюме звенит и похрустывает мелкое крошево стеклянных созвучий. Тихонько тренькают стеклянные струны, падают в темноту, и там разбиваются вдребезги стеклянные бусинки нот. Эта стеклянная суета начинает казаться забавной. И вдруг...

В настороженно-гулком пространстве раздается отчаянный, дикий, завывающий крик...

После первых мгновений жуткого оцепенения —

всеобщая тишина. Растаяли стены мрачного трюма, вернув ошеломленному узнику былую свободу и легкость движений. Кристалл батиметра горит спокойным бирюзовым огнем.

Где-то далеко-далеко — может быть, в центре вселенной — торжественно бьют мировые часы. Двенадцать тягучих ударов, и каждый из них — столетие. Последний удар долго звучит в ореоле дрожащего эха.

— Полдень?.. — вопрошаю пространство.

Внятный женский голос говорит за моей спиной:

— Ты ошибаешься. Полночь.

— Допустим, — неуверенно соглашаюсь я. — Но полночь сего? Эры, эпохи, тысячелетия?

— Полночь твоих желаний, — раздается в ответ.

Нет, это слишком!

— Откуда вам известно о моих желаниях, мадам?

Кто вы? Покажитесь!

Смех — и никакого ответа.

— У вас приятный смех, мадам. Но знаете ли, я не люблю быть обращенным спиной к собеседнику.

— Это неважно, — отзывается голос.

— Что неважно?

— Все, что ты говорил. Я — Тьма, понимаешь?

Этим все сказано.

— Н-да, пожалуй...

Я вслушиваюсь в раскаты одиноко бродящего эха. И ощущаю течение времени. Время течет, как вода. Я набираю его целыми пригоршнями, дивясь, что стал обладателем такого богатства. Когда-то давным-давно, в счастливую пору рождения детских, еще неясных желаний, я очень любил играть фонтанными струйками. Ловил прозрачную воду руками, стремясь задержать в мокрых ладошках это неиссякаемое увертливое сокровище. Так и теперь: мне кажется, я властелин никому не подвластного времени. Черпаю от его огромных запасов, небрежно проливая капли-минутки.

И снова где-то за моей спиной слышится смех:

— Я вижу, ты доволен подарком?

— Подарком?

— Бери, я дарю тебе вечность.

— Зачем мне вечность? — меня охватывает разочарование.

Голос медлит с ответом. Наконец говорит:

— Вечность — ведь это же так заманчиво!..

— Вечность — это небытие. Твой подарок лишен всякого смысла.

— Вот как! — удивляется голос. — Значит, боишься?

— Нисколько. Просто мне не нужна беспредельность во времени. Я знаю этому цену. Недостигаемый призрак, обман...

— И я беспредельна. Я тоже, по-твоему, призрак, обман?

В этом вопросе звучат лукавые нотки. Но я не колеблюсь:

— Да, тоже.

— Я — Тьма! — вскипает негодованием голос. — Беспредельная, вечная Тьма! Я существую!

И в негодующих возгласах мне чудится что-то наивное, до смешного похожее на женский каприз. Черт подери, я даже немного смущен.

— Вот видишь, — смягчается голос, — мне больно слышать дерзкие речи. Но я как женщина великодушна и прощаю тебя.

— Спасибо. Но тем не менее должен заметить, что власть твоя эфемерна. Ночь уходит с наступлением дня и тьма исчезает.

— День!.. — голос презрительно высокомерен. — Что есть день? Жалкий обман планетарных масштабов. Все остальное пространство — безграничная тьма. И ты смеешь возражать против этого?

— Смею. Тьма — обедненное светом пространство и только. Но стоит ли спорить об этом? Может быть, просто скомандовать скутеру включить освещение?

— Не нужно. Впрочем, попробуй. Я все равно останусь с тобой в другом качестве. Ты уже мой! Навсегда... Погляди: в твоих руках горит голубая звезда. Это судьба.

Бросаю взгляд на батиметр. Чистый голубой ого-

нек... В сердце вонзается жало веселого ужаса. Меня разбирает смех.

— Я не боюсь тебя, Бездна! Ведь это твое настоящее имя?

— Я не скрывала. Но ты слишком поздно догадался об этом.

— Не имеет значения. В конце концов я намерен взять у тебя интервью.

— Любопытно. О чем же ты хочешь спросить? Ах, я уже знаю! У него было странное имя — Вилем... Кажется, так?

— Верно. Ты буквально читаешь все мои мысли. Да, Вилем Пашич... Но почему же «было»? «Было» — очень нехороший симптом.

— Скверные предчувствия не обманули тебя. И довольно об этом.

— Продолжай! Хочу знать все о его таинственном исчезновении. Иначе я не поверю тебе. Слышишь, ты...

— ...Дорогая! Назови меня так хотя бы однажды, — раздается тихий и грустный смешок. — Какие вы странные, люди... Даже в объятиях Бездны вам обязательно нужно думать о ком-то другом.

И столько неподдельной тоски в этом признании, что где-то внутри все цепенеет от жалости. Удивительный голос. Голос сумеречного одиночества...

— Зачем тебе Вилем? Слышишь, я произношу это имя с презрением. Да, я ждала его, но все напрасну. Упрямец не желал познать беспредельность. И страшно наказан. Он спит и уже никогда не проснется. Зачем тебе он? Ведь ты не знаешь его! Вы ни разу не были вместе, как ты и я, как ты со мной!..

— Видишь ли... — прерываю поток быстрых, горячечных слов. — У нас, у людей, довольно обширная география. Но мы научились крепко стоять друг за друга. Жизнь научила... Впрочем, для тебя все это — китайская грамота.

— Не к месту, — возражает голос. — Опять ты насмешлив, как прежде.

— Что не к месту?

— Китайская грамота. Все, что угодно, только не

это. Я не впервые встречаюсь с людьми и могла бы похвастать знанием языков, о которых твои современники имеют очень смутное представление. Первые морепроходцы...

— О, я понял, довольно! От слов твоих веет ароматами кладбища.

— Но ты не обвиняешь меня?

— Нисколько. С точки зрения морского права твоя деятельность безупречна.

— Оставь иронию. Нам следует поговорить серьезно.

— Нонсенс!.. О чем серьезном можно говорить с тобой? Я не могу испытывать доверие к невидимому собеседнику. Даже с таким вот приятным и волнующим голосом.

— Ты ставишь условия? Впрочем...

Фраза не закончена. Молчание. За этой незаконченностью и молчанием чувствуется напряженная борьба непонятных мне решимости и опасений. С любопытством ожидаю финала.

— Впрочем, я не слишком упряма.

Ага, победила решимость.

Краешком глаза вижу: в стороне возникает темное вертикально-продолговатое пятно, окруженное призрачным сиянием. Где-то в отдалении начинают мелко бить барабаны — тягучий и однообразный ритм. Пятно растет, приближаясь, и теперь я могу разглядеть женскую фигуру, закутанную с головы до пят в черное, усеянное жемчужными брызгами покрывало.

— А вот и я, — говорит знакомый голос. — Ты удивлен? Ничего, это пройдет. Как тебе нравится мой туалет?

Удивлен! Мне кажется, это недостаточно точное слово для характеристики моего состояния.

Женщина в черном ждет ответа. Не вижу, но чувствую пристальный взгляд. Драгоценная ткань довольно прозрачна, и даже в тех местах, где она собирается в складки, просвечивает обнаженный торс

весьма совершенных пропорций. Края покрывала у ног обрамляет черная пена тончайших кружев. Лица не видно под черной густой вуалью, но я не сомневаюсь, что оно прекрасно.

— Эффектно... — говорю, принужденный ответить. — Очень эффектно. — И неизвестно к чему добавляю: — Мария Кристина Гонсалес!..

— Ты забыл мое имя? — смеется.

— Нет, представь себе, помню. Бездна Пучина Кальмарес и Тьма... Кажется, так?

— Не совсем, — что-то лукавое слышится в этих словах.

Две лампы источают спокойный фосфорический свет. Одна из них голубая, другая — бледно-лиловая. Это светящиеся глубоководные медузы. Меня искушает желание видеть лицо незнакомки, но свет «ламп» недостаточно ярк, чтобы пройти сквозь вуаль.

— Не совсем! — повторяет она торжественным тоном. — К перечню моих имен ты забыл добавить собственную фамилию.

— Польщен, мадам, но вы меня, признаться, озадачили...

Из-под черного покрывала медленно высвобождаются великолепные женские руки. Ложатся мне на плечи. Обнимают за шею. Где-то рядом неистово бьют барабаны.

— Свадебные барабаны, — шепчет она. — Пони-маешь?.. Ты мой!

Ощущаю трепет прильнувшего гибкого тела. Кружится голова. Кажется, я задыхаюсь!

— Оставьте, мадам! Все это вульгарно и глупо!

Пытаюсь стряхнуть с себя цепкие руки.

— Ты мой! — жарко шепчет в лицо через вуаль. — Мы связаны узами тайного брака. Обними же меня! Крепче, ну! Уйдет суета и тревога, остановится время. Во вселенной нет никого, кроме нас. Ты и я! И с нами полночь твоих желаний...

Прочь, все твои чары напрасны, я все равно не смогу быть с тобой, уйди!..

Объятия жарче, сильнее, шепот все ласковей и неразборчивей.

Полночь ли, полдень, свет или тьма, добрая, слегка ошалевшая фея со мной или красивая ведьма, жив или мертв... Стоит ли думать об этом? Может быть, просто взглянуть ей в лицо и забыть обо всем? Взглянешь — и крышка. Камнем на дно, как другие...

Срываю вуаль. А-а-а! Страшная карнавальная маска, мертвые дыры глазниц.

И снова где-то внизу, в глубине, завывающий крик. Отчаянный, дикий и жуткий в своем одиночестве...

Я уже не корчусь в объятиях — мне все равно. И вовсе это не руки, а змеи. Страшная маска — сама по себе, змеи — отдельно. Их много, отвратительно толстых питонов, я в центре клубка. Маска, оскалив светящиеся зубы, плавает рядом. За ней волочится длинный светящийся хвост.

В голове вскипает знакомый стеклянный шум. И вдруг словно пелена падает с глаз: я вижу хрустальный колокол света от прожекторов Манты. Ощущаю встречный ток воды, удушье проходит. Значит, идет декомпрессия, или, попросту говоря, я поднимаюсь. Нет, не я поднимаюсь — меня поднимают. Выше и выше. Со скоростью света. Это, конечно, гипербола, но как выразиться иначе, если голубой карбункул батиметра на глазах становится изумрудно-зеленым? Со скоростью цвета? Пусть так, а вот с головой у меня, должно быть, не все еще в полном порядке, иначе бы я догадался, кто меня тащит. Нет сил шевельнуться.

Змеи, питоны... А раньше были женские руки. Смешно! Можешь смеяться, последний раз в жизни, потому что это не змеи, не руки — щупальца это, громадные щупальца в бородавках-присосках, каждая из которых величиной с добрый кулак. А сзади — громадная скользкая туша, оглянись и увидишь. Зачем? Знаю и так: я в лапах гиганта. Жалкий цыпле-

нок в когтях у орла... Аднос амор¹, Бездна Пучинос и Тьма, — ты умеешь шутить, старая ведьма, умеешь, должен признаться... Ладно, прощаю, мужчины тоже умеют прощать...

Кристалл отливает зеленым сиянием. Потом постепенно желтеет. И вдруг — остановка: не чувствую тока воды. Все внутри холодеет: конец... Вижу затылком раскрывшийся клюв и нацеленный глаз. Примеряется, гад!.. Откусит голову? Или сразу станет терзать на куски? Лучше бы сначала голову: хрум, как орех, и жри...

Сдавленный кольцами щупалец, забываюсь в смертной тоске.

Сверху тихо и мягко опускается тайра. Поравнявшись со мной, подбирает края своей королевской мантии, втягивает тонкие щупальца внутрь полусферы. Королевский книксен... Спасибо, Ваше Величество, но я уже не верю в приметы. Ах, Вы пришли посмотреть, как палач приведет в исполнение приговор Бездны! Тысячу раз благодарен, Ваше присутствие скрасит несчастному страшную казнь... Чего же ты ждешь, многорукая тварь?!

Кракен словно раздумывал. Сплетал и расплетал кольца щупалец, трогал меня то одной «рукой», то другой, будто важно было знать ему: жив человек или мертв. Дотянуться бы мне до квантабера!.. Манта спокойно плавает рядом — ей плевать на хозяина. Что с ней? Почему не стреляет эта мнемотронная дура?

На меня с любопытством глядит безобразная маска. Та самая, которая так меня напугала. То, что мне показалось пустыми глазницами, на самом деле — большие глаза, обведенные светящимися кругами. Это какая-то рыба... Внезапно рядом с любопытной образиной появляется зверь пострашнее: рыба-труба. Не рыба, а плавающий мегафон с большим ярким голубым фонарем. Вот она, эта «фара», которая так меня обманула... Карнавальная маска откусывает

¹ Аднос амор — прощай, любовь (исп.).

хвост непрошеной гостье, величаво приближается к тайре. И гибнет, пораженная щупальцем, точно высоковольтным проводом. А я не хочу! Слышите вы, глупые твари, — я не хочу!!!

Мне удастся вырвать руку с ножом из железных объятий. На, получай! Клинок уходит в упругую мякоть толстого щупальца. По рукоять. Кракен, кажется, вздрогнул. Я тоже вздрогнул, ожидая конца... Он медлит с расправой, удивленный, должно быть, неслыханной дерзостью. Что значит эта колючая игрушка против тонны чудовищных мускулов!

Пьянея от ярости, бью и кромсаю ножом резину кальмарьего мяса. Я знаю, что это конец, до обидного глупый, нелепый, мне страшно и жалко себя, однако выхода нет. А каждый удар лишь способен ускорить реакцию демона смерти, но я продолжаю рубить и колоть, без цели, без милосердия и без надежды. И вдруг — о чудо! — кольца разжимают объятия, щупальца оставляют меня и разбегаются в стороны. И вот мы друг перед другом, глаза в глаза. Я — маленькая разъяренная оса, готовая жалить, он — могучий многорукий дух из царства умопомрачительных кошмаров, ни на что другое, лишь на самого себя похожий, и с никому не известными замыслами в темном зверином мозгу. Рожденный сушей, заманувшись ножом, с ужасом смотрит в черное око рожденного глубиной и видит — как это ни странно — выражение боли, упрека, испуга, и только... Иногда нечаянно подмеченный контраст ошеломляет так, как это бывает в минуту внезапного шока: зеркально чистый, острый блеск стального клинка — и темный, таинственный глаз, в котором, однако, не видно ни злобы, ни даже ответной угрозы. Беги, ненормальный, ведь это последний твой шанс! Включаю плавник, ловлю замирающим сердцем момент избавления. Бегу со всей доступной мне скоростью, гонимый взглядом подводной химеры...

Одна рука вцепилась в трапецию, другая — срывает квантабер. Над головой — широкие крылья машины, створки кабины открыты, — надежно, как броневая плита. А руки дрожат. Сердце наполняет

жестокая буйная радость. И гнев. Э-йе, десятирукая чернильница, теперь ты отведаешь луч!..

Уродливая голова спрута в перекрестье прицела. Щупальца — мощные корни какого-то странного дерева — шевелятся. Были грязно-зеленого цвета, становятся красными. Точно раскаленный металл. В центре — ощеренный клюв. И глаз. Немигающий, темный, живой. Смотрит... Опускаю квантабер. Я не могу в *это* стрелять...

Раскаленный металл остывает. И опять характерный для кракенов цвет — темно-зеленый. Значит, мой враг успокоился. Враг ли?.. Какого черта, стреляй!

Враг снова в прицеле. И снова краснеет. Постойка, дружок, ты, кажется, знаешь, что такое квантабер? А ну-ка, проверим еще...

Ствол вниз — грязно-зеленые корни. Ствол прямо — красный накал. Забавно, как в цирке! Кто-то всерьез занимался с тобой дрессировкой. И я, кажется, догадываюсь кто...

Послушай, образина, где твой укротитель? Жив или мертв?.. Молчишь? Быть может, ты его слопал? Нет, не похоже: с таким же успехом ты слопал бы и меня.

Я повесил квантабер на грудь, вцепился в трапецию и ультразвуком скомандовал Манте плыть на маяк.

ГЛИЭР И БЕНТАРКИ

Темно. Глаза различают только голубовато-призрачный овал акварина да горсть огоньков на пульте бункерной коммутации.

Сняв кислородную маску, устало перешагиваю свешенную снизу закраину люка и оцупью направляюсь в глубь салона. Будто в лес ночной. Неожиданно спотыкаюсь о какое-то препятствие и, не удержав равновесия, падаю в темноту. Искросыпительный удар виском — об угол стола. Поминая чертову род-

ню по шестое колено включительно, изучаю пальцами место ушиба. Потом ощупываю препятствие. Ноги!.. Безвольно вытянутые неподвижные ноги... Все внутри напрягается от предчувствия страшной беды.

Бросаюсь к пульта. Рубильник — рывком на себя до отказа. Вспыхнувший свет мгновенно возвращает утраченное было чувство реальности.

Болл лежит на полу, запрокинув голову в проем между ножками перевернутого кресла. Губы сомкнуты, на горле выпирает кадык. Разрываю свитер, чтобы выслушать сердце. Болл приподнимает голову и мычит что-то нечленораздельное. В нос ударяет тошнотворный ненавистный мне запах. Так, коллега тяжело, что называется, мертвецки пьян...

Я порылся в аптечке, зарядил пневмошприц и, с трудом преодолевая отвращение, бешенство, перевернул Болла спиной вверх. Вот уж никогда не думал, что здесь пригодится лекарство, нейтрализующее алкоголь! Быстро же мы обрастаем шерстью, господа...

Покончив с инъекциями, направляюсь в каюту Болла. Ударом ноги распахиваю дверь. Дверца шкафа открыта. На полке поблескивают три бутылки спиртного. В целлофановом кульке мелко наколотый сахар.

Бутылку за горлышко. Взмах... Осколки, груда осколков, лужа и этот проклятый запах.

Осколки последней бутылки сыплются на пол и, отзвенев свою стеклянную жалобу, замирают у ног, влажно поблескивая. Все... Владелец бара проснется начисто разоренным.

Вспышка гнева, совершенно обессилив меня, угасла.

Подхожу к столу и беру в руки то, что сначала показалось мне зеркалом. Это портрет. Превосходный фотопортрет молодой женщины, выполненный в технике гай-ки: темное, очевидно, загорелое лицо обрамлено волнами светлых, почти невидимых на снимке волос. Глаза глубокие, строгие.

Выходит, Болл не один...

Болл спал. Голая грудь мерно вздымалась. Я снял сиденье с кресла, положил под голову спящему. Не для него — плевать я на него хотел. Для той, которая на снимке.

У себя в каюте я запер дверь на внутренний замок. Постоял перед Царевной-Лебедем. Глаза большие, глубокие, и нет в них строгости. Скорее — печаль и детское любопытство. Я взял со стола нож, оставленный Пашичем, хотел обрезать провода переговорного устройства. Но не обрезал — вспомнил Дюмона.

Уснуть легче всего, если стараться некоторое время лежать неподвижно. Лежу, стараюсь. На столе — таблетки снотворного. Нельзя... Нужно уметь засыпать естественным образом. Даже в этой наглухо закупоренной консервной банке, называемой бункером. Консервированная тишина...

Мысленно пронзив потолок и толщу воды, я блаженно зажмурился. Потому что в безоблачной вышине, над безмятежно-голубой поверхностью океана жарко горело полуденное солнце... С тех пор как люди познали трехмерность планеты, проникли в недра ее и глубины, поверхность стала для них чем-то вроде Эдема. Там, наверху, всегда обязательно день, свежий ветер и солнце. Это просто необходимо, чтоб всегда обязательно солнце.

Внезапно, под действием какого-то внутреннего импульса, я широко открыл глаза и воззрился на холодно сияющий диск настольной лампы. Вот твоё солнце, приятель. А на поверхности сейчас, наверное, ночь, завывающий ветер, шторм... Повернул голову и взглянул на часы. Да, ровно двадцать четыре. Полночь. «Полночь твоих желаний...» Хм, надо же было придумать!

И завертелась чудовищная карусель зеркал, отражающих куски сегодняшних событий. Напряглись усталые мышцы, лоб покрылся холодной испариной, участились дыхание, пульс. Мозг раскручивал карусель на повышенных оборотах. Словно мотор, в обмотке которого подано больше, чем надо, энергии. На

таких оборотах запросто могут выйти из строя подшипники. Быть может, именно так и спятил Дюмон?..

Я сжал руками виски, громадным усилием воли заставил себя успокоиться. Видишь, все хорошо — удалось. Теперь попробуй уснуть. Ты должен уснуть, обязан. Не прибегая к снотворному.

И вдруг я понял, что эти мучения надолго. До тех пор, пока не домыслишь. Чего-то я не домыслил, не уловил, в водовороте недавних событий проглядел что-то важное... Важное ли? Появилась надежда: если решить, что неважное, — сразу уснешь. Только прямо и честно. Прямо и честно... Кретин!

Важно все: города светляков, стеклянный «реквием», Бездна, дрессированный кракен, пьяный Болл, фотопортрет, Царевна-Лебедь — множество мозаичных кусочков одной грандиозной картины, которую я напрасно стараюсь втиснуть в какую-то рамку. Каждый кусок имеет свой звук, цвет, протяженность и запах. И если все обобщить, получается что-то большое, без рамок. И центр всего этого — я. А центр меня самого — мои неумемные мысли. Беспокойный пульс бытия... Я и не знал, что понятие «мысль» имеет массу синонимов.

Машина времени, очевидно, один из этих синонимов. Можно думать о прошлом, жить настоящим, грезить о будущем, можно порознь, а можно вместе, одновременно. Этим мозг человека отличен от мозга животного. Мозговая работа животных однозначна по времени — куцый мир, картина в рамках конкретной реальности данных мгновений. Человеку просторней: он живет тем, что было, что есть и что будет. Жить с этим порознь легко, но сразу в трех временах — дьявольски трудно. Я живу по крайней мере сразу в двух: в настоящем и прошлом. Увязать настоящее с прошлым, осмыслить результаты этой увязки — значит проведать о будущем.

Я побывал на «голубом этаже», слышал «реквием бездны», был на грани потери рассудка. Это прошлое. Однако я жив — настоящее. Своим спасением обязан кальмару — резюме, так сказать. Итак, в бу-

дущее проектируется кракен... Ну что ж, возьмем это за основу вполне вероятных прозрений.

Кракен мог меня растерзать. Не растерзал. Не причинил мне ни малейшего вреда, хотя свободно мог свернуть мне голову одним движением щупальца. Случайность? Допустим. Теперь другое: кракен знает, что такое ружье. Расскажи я об этом кому-нибудь из подводников, меня засмеют. Болл просто лопнет от хохота. Но факты неумолимы: кто-то очень прилежно занимался дрессировкой глубоководного примата. Видимо, Пашич... Да, но с какой стати? Хобби морского геолога? Научный эксперимент? Или озорное желание мистифицировать своего напарника? Если это мистификация, то она ему, надо признаться, удалась... «Скажите, Свен, Пашич способен на это? Ведь вы его хорошо знаете». — «Нет, не способен. Пашич был достаточно серьезным человеком, мистер Соболев». Н-да...

Помнится, я где-то читал, что какой-то чудак-радиотехник учил шимпанзе стучать на ключе. Обезьяна умела выстукивать целые фразы. Где гарантия, что Пашич не мог обучить тому же кальмара? Только фразы наоборот, шиворот-навыворот. Так оригинальнее. Для людей, разумеется. А для кальмара порядок знаков не имел никакого значения — лишь бы запомнил последовательность продолжительных и коротких нажатий... Изобретателен, черт!

Теперь проще простого объяснить круглую тень в акварине. С вырезом посередине. Вероятно, я видел одно из щупалец кракена, свернутое в кольцо. Да, размеры вполне соответствуют. О, бездна! Неужели я обо всем догадался? Слишком легко и просто, чтобы это могло быть правдой...

«В конце концов любая загадка объясняется просто». Очевидно, вы правы, мистер Болл. Я никогда не верил в простоту объяснений, грешен... Даже сейчас сомневаюсь.

Но тем не менее гипотеза, которая все хорошо объясняет, автоматически возводится в ранг стопроцентной теории. Теория всемогуща, как Бог, — уни-

версальный ключ ко множеству секретных замков. Старина Саваоф тоже был чем-то вроде теории, универсальным ключом, — в оные времена завидно просто объяснялась даже вселенная. Мне предстоит объяснить куда более прозаические вещи. Например: почему не стреляла Манта?

Само собой разумеется, Пашич должен был как-то защитит от машины кальмара, с которым ему удалось подружиться. Дрессировкой здесь не поможешь, вопрос мог быть решен только техническим способом. «Органы чувств» машины хорошо мне знакомы. Во-первых, магнитный экстраполятор... Не в счет: кальмару пришлось бы таскать на себе электромагнит. Так же мало пригодны химический анализатор воды и устройство координации. Другое дело ультразвуковой приемник. Если «снабдить» кальмара миниатюрным передатчиком ультравысоких звуковых частот... В принципе это возможно, хотя и не просто. Погоди-ка, забыл радиометр... Ах, вот оно что!

Никуда не денешься, мистер Болл и мистер Соболев работают и думают все-таки сообща. Первым нащупал истину Болл — благодаря ему я узнал, что из атомного бункера кто-то извлек небольшое количество радиоактивного изотопа тория. И теперь я, кажется, догадался зачем... Мне следовало раньше посоветовать Боллу проанализировать с помощью Мурены программу активной обороны всех без исключения Мант, поискать изменения в этой программе. Я уверен, изменения были. Тогда, на карнизе центрального бункера, я стал свидетелем незавершенной атаки: локатор машины сразу «почувствовал» спрута, Манта пошла на сближение... и вдруг осечка, стрелять почему-то нельзя. Тогда я подумал, что Манта — машина, в программе действий которой нет ничего от наших человеческих эмоций.

Стрелять было нельзя, потому что стрелять в помеченного радиацией спрута запрещала программа.

Когда я был схвачен кальмаром, стрелять тоже было нельзя. Значит, кальмар тот же самый — дру-

гих Манта безжалостно уничтожала. Завтра надо взять радиометр и проверить эту догадку. Сегодня я просто не в состоянии заставить себя выйти в воду — я страшно устал. И не только физически.

...Мы с Мантой плыли в сторону маяка. Кальмар не желал отставать. Провожал нас до самой площадки. Он с чрезвычайной легкостью двигался в воде хвостом вперед. Словно ракета в безвоздушном пространстве. Или метла знаменитой бабы-яги. Я специально несколько раз менял направление, чтобы увидеть, как спрут поворачивает. Он выполнял повороты очень эффектно, отклоняя пучок щупалец в нужную сторону. Иногда он подплывал к нам подозрительно близко. Я готов был в любую секунду стрелять. Но кальмар не давал к этому повода. Во мне все более крепла уверенность: спрут знаком с человеком...

Если Пашич действительно мертв, мне неизбежно придется признать за кальмаром способность к искусству. Человекообразную обезьяну нетрудно заставить работать на каком-нибудь агрегате с несложным ручным управлением, но я никогда не читал и не слышал, чтобы низший примат был способен освоить хотя бы примитивную технику рисунка (не говоря уже о письме!). Правда, самые деятельные из них с удовольствием берутся малевать, но дальше абстрактных полос и пятен «творческие» возможности держащихся не простираются. Быть может, морские приматы, наоборот, феноменально талантливы? Как бы там ни было, загадочная надпись, внезапно возникшая на ржавом понтоне, заставляет думать, что натуралистам, вероятно, придется пересмотреть многие свои концепции относительно скрытых возможностей головного мозга гигантских цефалоподов¹.

Примерно такая же ситуация сложилась в недавнем прошлом, когда после тысячелетнего знакомства с дельфином вдруг выяснилось, что мы имеем дело с существом, способным сознательно имитировать го-

¹ Цефалоподы — головоногие (греч.).

лоса людей. Ученые были шокированы. «Кто ты, дельфос?» — вопрошали они и с непривычным для ученого мира смятением чувств величали дельфина «коллегой по совместным исследованиям». Загадка «морского сфинкса» взволновала умы. Армия исследователей тайн семейства дельфиновых стремительно пополнялась талантливыми и — что греха таить — бездарными экспериментаторами. Дельфин прошел по конвейеру человеческих рук. Они были разными, эти руки. Добрые, ласковые руки друзей; любопытные, умные руки ученых, грязные, жадные руки дельцов и преступные руки военных... Ну и что ты теперь о нас думаешь, дельфос? Вероятно, что-нибудь не очень скверное. Мы ведь в конечном итоге сумели хорошенько дать по рукам представителям зла.

Что думаешь о нас ты, гигант-архитевтист?.. Еще неизвестно. Мне стыдно оттого, что еще неизвестно. Люди пришли в океан под защитой стреляющих Мант и квантаберов. И надолго. Может быть, насовсем. Что сулят океанским глубинам пришельцы — мир или?.. Вот это «или» пугает. Проклятое «или» — отзвук трагедий всех континентов. Кроме Антарктиды, пожалуй. Пингвинов не тронули, им повезло — большое спасибо нам, человекам. Меньше везло бизонам, майгакам, бескрылым птицам моа. Повезет ли гигантским кальмарам — неясно. Люди, будьте к ним милосердны!..

Побежденный усталостью, я наконец задремал.

Мне казалось, я совершенно не спал. Просто минутное забытье. Однако, очнувшись, я почувствовал какое-то странное облегчение. Взглянул на часы и не поверил глазам. Мое «забытье» длилось четыре часа! С хвостиком. Значит все-таки спал...

Мышцы все еще усталого тела протестуют против любого движения. Мозг обладает меньшей инерцией. Ему бывает достаточно доли секунды, чтобы слуховой и зрительный центры вновь обрели состояние высшей готовности.

Широко открытые глаза не уловили никаких изменений в окружающей обстановке. Кроме нового

положения стрелок часов. Но уши отметили едва уловимое дополнение к той тишине, которая стала привычной в каюте, почти осязаемой. Что-то далекое, приятно знакомое и совершенно чуждое сиюминутному отрезку реальности... Память услужливо подсказала: это Глиэр.

Тишина — загадочная субстанция. Иногда она проделывает с человеком странные вещи. То кажется непомерно растянутой, необъятной, то спрессованной, сжатой до размеров бункерного пространства. Тишина способна обманывать. Вот и сейчас она притворилась концертом Глиэра для голоса с оркестром... Я жадно вслушиваюсь в переливы мелодии, хотя понимаю, что это обман, слуховая иллюзия.

Сама по себе иллюзия для меня значения не имела: в сурдокамерах¹, я знал это, вполне здоровым людям не раз доводилось «видеть» несуществующие предметы, «слышать» воображаемую музыку — специфические реакции человека на условия с ограниченным количеством внешних раздражителей. Один космонавт, например, во время испытания тишиной совершенно отчетливо «видел» гремучую змею, но, к счастью, понимал, что это нереально. Моя иллюзия, вероятно, вызвана едва уловимым на слух пением вентиляционной установки в соседней каюте: я с необыкновенной отчетливостью улавливал каждую музыкальную фразу. Сон наяву. Хорошо, что мне «приснился» Глиэр...

Люблю Глиэра. Он — один из немногих, кто умел создавать драгоценные сплавы чувства и музыки. И Чайковского тоже люблю, но по-другому. Чайковский слишком велик и необъятен, как необъятна Россия. Лиричен, да, но в широком смысле этого слова. Глиэр более «узок». В том понимании, которое определяет желание побыть одному. Или, сказать откровенно, вдвоем...

Это было давно... Впрочем, нет, совсем недав-

¹ Сурдокамера — звуконепроницаемая камера.

но — всего лишь два года назад. Тем, что мне довелось участвовать в работе международного конгресса океанологов в Санкт-Петербурге, я был обязан успехам нашей комплексной тихоокеанской экспедиции. Новые методы гидрофизических исследований... Доклад поручили сделать мне.

Из окна моего номера виднелся кусочек площади Космонавтов. Красивая площадь — великолепный монумент, зелень, фонтаны... Сегодня вторая половина дня свободна от заседаний, и я ломал голову над вопросом, как распределить свое время между тремя ответными визитами шведам, канадцам и англичанам. Кроме того, мне необходимо было встретиться с руководителем нашей гидрофизической секции Зенковским. Конец моим колебаниям положил Ваня Матвеев — ихтиолог, большой эрудит в вопросах прикладной гастрономии, весельчак и очень спокойный сосед по номеру. Едва переступив порог, он скороговоркой сообщил, что минуту назад говорил по телефону с Зенковским.

— Он хочет тебя видеть немедленно. Предстоит какое-то там обсуждение. Старик настолько любезен, что послал за тобой...

— Дилижанс?

— Странно, но ты угадал. «Меркурий», желтый такой. Через пять минут у подъезда.

Матвеев злорадно ухмыльнулся.

Я поправил галстук и сунул руку в рукав пиджака. Хотя бы и мотоцикл — какая, собственно, разница? В конце концов, я не страдаю чрезмерной щепильностью в выборе транспорта.

— Меня приглашают в институт бионетики, — тараторил Матвеев. — Хотел отказаться, но уж очень просили приехать. Как ты думаешь, зачем?

— Полагаю, очередная консультация о способах приготовления севрюги.

— Нет, кроме шуток? Администратор говорит, что звонили несколько раз. Последний звонок застал меня в вестибюле, голос женский и довольно приятный...

— Севрюга, брат, это вещь! Особенно заливная. Пока!

Я вышел из гостиницы и направился к автостоянке. Поискал глазами «Меркурий». Он уже здесь. Желтый, с коляской. Коляска в царапинах, вмятина на боку. Хорошо еще, что цело ветровое стекло.

Водитель — насколько позволяла видеть его великолепная экипировка — молодой симпатичный парнишка. Сапоги, кожаный костюм на «молниях», перчатки с крагами. И, разумеется, жесткий спортивный шлем, защитные очки в пол-лица. Затрещал мотор. Юнец сделал приветственный жест, указал на коляску и прощелбетал что-то, упомянув Матвеева.

— Да, да, мне передали! — крикнул я и сунул ноги в коляску.

Тесновато... Но ехать, видимо, недалеко. Я покровительственно шлепнул парнишку по кожаной спине:

— Пошел!

Мотоцикл рванулся с места. Скоро я убедился, что за рулем действительно первоклассный водитель. Мы пронеслись мимо новостроек северного района и вылетели на автостраду. Легкое недоумение. Старик Зенковский явно решил соригинальничать. Автострада уводила нас все дальше и дальше за город. Мелькали дорожные указатели с перечнем ближайших дачных поселков. Ладно, погода теплая, пропитаюсь озоном, а к шведам можно и завтра.

Столбик с отметкой «60 километров» заставил меня насторожиться. Куда же мы все-таки едем? Неужели в Приморск? Я довольно бесцеремонно толкнул водителя в бок и знаками попросил остановиться. Водитель отрицательно покачал головой и показал на солнце. Ага, времени маловато, спешит... Если и вправду нужно в Приморск, то зачем мотоцикл? На монорельсе я прикатил бы гораздо быстрее.

Наконец мы свернули направо и, разбрызгивая лужи, покатали по проселочной дороге. Совершенно пустынное место. Неужели Матвеев меня разыграл?.. Сегодня утром я нашел в столе кем-то забытый тубик

губной помады и употребил его на то, чтобы выкрасить диски матвеевской электробритвы «Массаж». Краска оказалась на редкость стойкой, ихтиолог долго не мог отмыть физиономию, и мы едва не опоздали к началу заседания... Нет-нет, он не стал бы мстить так жестоко, здесь явно замешан Зенковский.

Я тронул водителя за плечо и, рискуя повредить голосовые связки, осведомился, правильно ли мы едем. Юнец неопределенно махнул рукой. Это могло означать все, что угодно: скоро приедем, отстань от меня, сиди и не рыпайся...

Обширное озеро. Должно быть, холодное и глубокое. Красотища какая!.. Волшебный мир воды и неба, холмов, растений и воздуха. Я не жалею, что меня сюда занесло.

Мы нырнули в сырой и темный ельник, перемахнули через деревянный мост, под которым сердито шумела речушка, и неожиданно выехали к самому берегу озера.

У дощатого причала — небольшой катер. Выше по берегу — бревенчатый дом. Над крышей — антенна. Экзотика...

Мотоцикл остановился у крыльца, надоевшая трескотня умолкла, и я услышал ровный гул дизеля полевой электростанции. Все это, конечно, занятно, но я не вижу Зенковского.

— Уф... — с облегчением вздохнул водитель и звонким голосом сообщил: — Приехали!

— Отличная новость. — Я с удовольствием прыгнул на твердую землю и стал разминать затекшие колени. — Весь вопрос в том, куда мы приехали? Может быть, ты объяснишь мне, стервец?

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми девушками?

Я обернулся... и впервые взглянул в эти серые и какие-то очень внимательные глаза. Стоял, как столб, глядел и неизвестно чему улыбался. Казалось, вся озерная голубизна вдруг хлынула в грудь и утопила сердце в водовороте радостного изумления... Пройдут годы, мы станем ближе друг другу, роднее.

Но я навсегда сохраню в себе это радостное изумление ею...

Я перевел взгляд на брошенные в коляску шлем и очки, под которыми раньше не сумел угадать светлые волосы незнакомки и ее необыкновенные глаза. Вспомнил злорадную ухмылку Матвеева.

— Мадемуазель, — сказал я, — мой вопрос отменяется. Мне теперь все равно, куда мы приехали. Простите, я не знал, что вы — девушка.

— Глупо, — сказала она. — Бездарный юмор, мсье Матвеев.

— Глупо, — со вздохом согласился я. — Мы совершенно не понимаем друг друга.

Она швырнула перчатки в коляску и вошла в дом. Я последовал за ней. Хотя бы затем, чтобы объяснить, что я не Матвеев. На двери прибит кусочек картона, на котором мелким шрифтом начертана фраза: «НИИМБ, лаборатория самых туманных проблем».

В большой, уставленной какими-то приборами комнате — трое. Двое парней и девушка. Девушка в белом трико, парни в спортивных брюках. Один из них в майке, другой — без. Тот, который в майке, рыжеволос, как солнце; второй был мускулист, как Геракл. Все трое сидят на полу и молча разглядывают разобранный акваланг.

— Здравствуйте, — сказал я.

Три пары глаз. Самые любопытные у девушки в белом.

— Андрей, — ткнул Геракл себя в голую грудь. Указал на остальных: — Жора, Наташа. Но вы чертовски не вовремя... Присаживайтесь.

Забавно... Однако на меня уже никто не смотрел. Акваланг для них почему-то важнее. Я присел рядом с ними на корточки и стал ощупывать детали старенькой двухбаллонной «Ялты».

— Мембрана, — сказал я и вытер руки, испачканные смазкой.

— Труба? — спросил Андрей.

— Труба, конечно... Если нет запасной.

— Жора, если нет запасной... — Бицепсы Андрея угрожающе вздулись.

Жора тяжело вздохнул и подергал себя за вихор.

— У него нет запасной, — с тоской в голосе сообщила Наташа. — У него нет ничего запасного.

— А в чем, собственно, дело? — полкубопытствовал я.

— Расползаются... — тихо сказала Наташа.

Все трое повернули головы и как-то странно поглядели на дверь.

— Кто расползается?

— Бентарки, — нехотя ответил Андрей.

Я тоже взглянул в сторону двери.

— На дне, — пояснила Наташа. — Белковые лапиллаторы. Как голотурии, только большие. Солястер отключился, вот они и расползаются.

— Разберешься, — заверил меня Андрей. — Ты ихтиолог, тебе это будет легко. Бентарки выполняют функции голотурий. Только голотурии жрут для себя, а бентарки перерабатывают ил для других. Понял?

— Кое-что понял. Только я не ихтиолог и не Матвеев. Игорь Соболев, гидрофизик. Ошибка, так сказать. Маленькое недоразумение.

И снова три пары глаз. И самые любопытные у Наташи.

— Денек!.. — процедил сквозь зубы Андрей.

Из соседней комнаты вышла моя похитительница. Сейчас она, как и Наташа, в белом трико.

— Ло, познакомься, — сказал Андрей, все еще сидя на корточках. — Соболев Игорь, гидрофизик.

На лице девушки отразилось понятное замешательство.

Андрей повернулся ко мне:

— Лотта Кером, научный сотрудник лаборатории молекулярного синтеза. Все мы тут научные сотрудники. М-да...

Молчание. Лотта продолжала смотреть на меня.

— Она не виновата, — сказал я. — Просто неблагоприятное стечение обстоятельств.

В серых глазах промелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Я должна извиниться перед вами? — спросила она.

— Скорее наоборот. Это мне следует сделать попытку реабилитировать в ваших глазах моего незадачливого соседа по номеру.

— Хорошо, я постараюсь быть к нему снисходительной, — сказала она.

Ясно: ихтиологу пощады не будет.

— Денек! — повторил Андрей, поднимаясь во весь свой богатырский рост. — Ну и что теперь? Вызывать вертолет? Выручайте, дескать, коллеги! Аквалангу труба, поднять солястер не можем! Расползаются!

— А если за кабель? — уныло предложил Жора. — Помаленечку, а?

— За кабель!.. — тихо прорычал Андрей.

И Жорин огненный вихор поник.

Андрей показал глазами в сторону рации:

— Вызывайте Керома. Тупик.

Никто не двинулся с места.

— Шеф ответит: «Самое великое зло в науке — халатность и беспорядок», — доверительно сообщила мне Наташа. — Те, кому доводится это услышать, некоторое время пребывают в состоянии невесомости.

Я представил себе Андрея в состоянии невесомости.

— Вот что, ребята... Можно без акваланга, — сказал я.

— Можно, — мрачно согласился Андрей. — Если ты ныряльщик с Такароа или Мапуи.

Наташа рассеянно просвистела музыкальную фразу из «Искателей жемчуга».

— Тридцатиметровая глубина, — добавил Андрей. — Ясно?

— Ясно. Подыщите мне плавки.

— Пуп надорвешь.

— Мой пуп — мне и заботиться.

Андрей внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Ладно, — сказал он. — Что тебе для этого нужно?

— Я говорил: элементарные плавки. Желательно моего размера. Да, и еще груз — ну, гирию, что ли. Там есть за что зацепиться?

— На солястере? Есть. Кольцо для крюка. А гирию найдем. Все?

— Нет. Когда вернусь — горячий чай. Теперь все.

— Девчонки, на вашей совести чай. Жора, на катер. Пошли...

Когда мы высадились на плот, солнце уже касалось верхушек елей на противоположном берегу.

Плот закреплен почти в центре озера четырьмя растяжками на якорях. Посредине плота — грубо обработанный круглый вырез.

— Нырять туда, — показал мне на вырез Андрей. — Приземлишься где-то рядом с солястером. Кольцо наверху. Зацепишься — хадж в честь тебя совершу. Босиком, до самой Медины.

— Ладно, не ной. Расправь лучше бухту как следует. Будешь травить эту вервь с малым запасом. Жора, плавки!

Я разделся. Плавки оказались малы. Было смешно и хотелось ругаться. А где-то там, на дне, расползались таинственные бентарки... Не доверяя Жоре, я сам обвязал гирию веревкой так, чтобы крюк болтался на конце с трехметровым запасом.

— Хватит? — спросил я Андрея.

— Вполне.

Я склонился над вырезом и пощупал воду рукой. Холодная, бр-р-р... В воде плавали какие-то белые пузырчатые комочки. Продукция бентарков, догадался я. Сильно вздохнул через нос, для вентиляции легких, незаметно взглянул на Андрея. Спросил:

— А что, ваш строгий шеф — отец Лотты?

— Д-да, — Андрей удивился. — Да. Но какое это имеет значение?

Он, видимо, взволнован предстоящим аттракционом.

Я опустил гирю за борт круглого выреза, взялся рукою за крюк и скомандовал:

— Приготовиться!.. Внимание!.. Але.. оп!

Холодная вода ожгла, словно крапивой. Груз был слишком тяжел, и я погружался так быстро, что едва успевал совершать глотательные движения для компенсации нарастающего давления в ушах... Толчок — и я буквально воткнулся головой в холодный, мягкий ил.

Темно и страшно, как в глубоком колодце. В море немного приятней. Э, да что там, никакого сравнения!..

Копаюсь на дне, утопая руками в зыбкой массе мерзкого ила. Тут не то что солястер — затонувший корабль не найдешь... И вдруг руки натываются на какой-то странный удлинённый и теплый на ощупь предмет, покрытый мягкой щетиной. Предмет слегка шевелится, изгибаясь, точно громадная живая гусеница.

Я сразу понял, что это — биомашина, бентарк, но тем не менее отдернул руки и содрогнулся от отвращения. Сделал сильный боковой гребок. И налетел на солястер...

Вынырнул я неподалеку от плота, отдышался и скомандовал:

— Вира!

Пока я растирал тело мохнатым полотенцем, Андрей и Жора выбирали веревку. Наконец о настил плота брякнулась гиря и показался сам виновник сегодняшних треволнений. Красавец, ничего не скажешь, не зря дали имя «солястер» — действительно, формой похож на морскую звезду. Только весь черный, с глянцевым отливом. В воду свешивался кабель, который, как я догадался, уходил по дну к самому домику.

Андрей быстро свинтил какую-то верхнюю пробку и, сунув мизинец в отверстие, ловко извлек тонкий блестящий цилиндр. На его место вставил другой, точно такой же, затянул пробку ключом. И минуту спустя солястер благополучно вернулся на дно.

Я застегнул запонки, подтянул галстук и, набросив на плечи пиджак, подсел к Андрею. Он тяжело дышал.

Некоторое время мы сидели молча. Смотрели в закатное небо, на пылающее зеркало воды. Рядом, на катере, пытаюсь завести мотор, филином ухал несчастный Жора. Мотор чихал, но заводиться, видимо, не собирался.

— Приедем — ужинать будем, — сказал Андрей и кивнул в сторону домика. — Издалека чую: девчата рыбу жарят.

Я рассмеялся.

— Между прочим, я без всякого юмора, — обиделся Андрей.

— Прости. Это я вспомнил один разговор. Севрюга... и пятое-десятое.

— Севрюга? — Андрей фыркнул. — Свежей форели поешь — севрюгу забудешь... Ну и что там, на дне?

— Ничего. Ил, тьма крошечная. Бентарки твои ползают. Одного за щетину подергал.

Андрей вскочил как ужаленный.

— Врешь! — крикнул он, и я почувствовал неладное.

— Между прочим, без юмора. А в чем, собственно, дело?

— Ладно, — сказал Андрей, успокаиваясь. — Вижу, все обошлось. Я в том смысле, что совать пальцы в рот бентарку опасно. Забыл, понимаешь, сказать, вылетело из головы. Да я и не думал, что вам повезет там столкнуться рогами.

— Понимаю... Снимай башмаки и топай в Медину.

Я тоже поднялся, надел пиджак и стал расчесывать мокрые волосы.

Андрей зачерпнул пригоршней воду, дал стечь ей сквозь пальцы и показал мне белый комочек.

— Не жрет, понимаешь?

— Кто не жрет?

— Рыба не жрет. Мелочь пузатая... В аквариуме все было отлично: бентарки работали, гнали белок...

Рыбам — корм, нам — премиальные. Потом статья в академическом журнале, реклама до небес... Изобилие, дескать, промышленный потенциал! Ну, само собой, расширенный эксперимент, отдельная группа научных работников, благословение шефа и целый вагон пожеланий удачи. М-да... Третий день, как запустили бентарков вокруг солястера на полный цикл, и третий день ломаем головы: почему рыба шарахается от нашей продукции? В аквариуме были драки из-за каждой крошки, а здесь, видите ли, нос воротит.

— Может быть, исходное сырье другого качества?

— Ил? Тот же самый... Все то же самое, что было в аквариуме: ил, бентарки, солястер, рыбешка!

— Гм... Действительно, странно. Не знаю, что тебе и посоветовать... Видишь ли, я специалист совсем иного профиля.

Андрей посмотрел на меня с сожалением.

— Козьма Прутков любил говорить: «Зри в корень». Так вот, разглядеть сей каверзный корень нам мешает наш целенаправленный мозг. Твой мозг работает в другом направлении. Вот и взгляни. Со стороны, говорят, виднее.

— Может быть, подвела технология?

— Нет, не то... Мы тысячу раз проводили структурный анализ белка. Разницы с тем, что в аквариуме, нет никакой... Эй, Жора, ты собираешься здесь ночевать?

— Горючее кончилось! — бодро откликнулся Жора. — Сейчас взгляну, есть ли в канистре.

Андрей шагнул в катер. Суденышко резко накренилось. Я с непонятной грустью глядел в сторону домика. Освещенные окна манили уютом. Я изрядно проголодался, и мне казалось, что я действительно чувствую запах жареной рыбы.

На катере раза два чихнул мотор.

— Приехали, паря, — слышался голос Андрея. — Сымай порт-и.

— Зачем?

— Парус ладить зачнем.

— А-а-а... — и Жора храбро рассмеялся. — Бесполезно, дуновения нету.

— Плюновение есть, — мрачно заметил Андрей. Загрохотала канистра. — Переливай все до капли. Не хватит — на буксире потащишь. Вплывь...

И еще мне казалось, что я вижу сквозь окна мелькание белых фигурок. Одна из них — та девушка, которую я видел сегодня на фоне озерной голубизны...

Сзади подошел Андрей, и я почувствовал запах бензина.

— Ло — надежная девушка, — сказал он. — Только вот трудная она какая-то...

Я промолчал.

— Впрочем, попробуй с ней подружиться, подводник.

— Это мое дело, — сказал я. — Только мое и ее.

— Правильно, — одобрил он. — Вот возьми мои телефоны. Институтский и домашний. В институт не звони — не отвечу. Дома отвечу, но редко бываю, даже старики обижаются. Ладно, захочешь — встретимся. Поехали, катер завелся.

...Мы с Лоттой катили по ночному шоссе в Санкт-Петербург. На том же «Меркурии». Только мы поменялись местами: я — за рулем, Лотта — в коляске. Я все не мог привыкнуть к мысли, что гонщик-юнец, над которым я потешался, и эта светловолосая девушка, которая так странно взволновала меня, — одно и то же существо. И может быть, почувствовав женским чутьем мое едва ли не наивное смятение, она поехала со мной не в кожаных доспехах гонщика, а в белом спортивном костюме, накинув на плечи плащ.

Я вел машину на малой скорости и с величайшей осторожностью. Словно боялся, что та, которую я так долго и трудно искал и нашел наконец, может подобно легкой гриновской Фрези Грант неожиданно сбросить темное свое покрывало и упорхнуть от меня в блуждающую неизвестность. И я останусь один на дороге, терзая себя бесполезной тоской по несбывшемуся...

Я остановился, чтобы протереть забрызганную на проселке фару. Мы разговорились.

— ...Да, вероятно, вы правы. Но Андрей, по моему, упускает из виду то обстоятельство, что с изменением давления воды изменяется газовая насыщенность белка. Результаты структурного анализа гипнотизируют и, в конечном итоге, мешают понять, что здесь необходим анализ не только на молекулярном уровне...

Я проклинал себя, понимая, что болтаю что-то совершенно ненужное в эту теплую звездную ночь. И она понимала. Предупредив меня прикосновением руки, включила приемник.

— На ночь много нельзя о бентарках, — сказала она. — Могут присниться. Послушаем музыку. Это — Глиэр...

И она усилила громкость звучания.

Да, это Глиэр. Хорошо мне знакомый Концерт для голоса с оркестром. Лотта заговорщически прошептала:

— Говорят, что, если слушать его в одиночестве или вдвоем, он звучит по-другому...

— Сейчас мы это проверим, — тоже шепотом ответил я.

И мы убедились. Для тех, кто делит одну бескрайнюю звездную ночь на двоих, Глиэр звучит по-другому...

Я был счастлив тогда, и не знал, что мне суждено будет слушать Глиэра в ночном одиночестве.

Я поднялся и вышел из салона. Болл куда-то исчез. Вероятно, перешел спать в каюту. Ладно, потом уточним. Я поставил кресло нормально и направился в рубку.

— Я — «Бездна-1010», я — «Бездна-1010». МИО, «Колыбель», руководителю глубоководного сектора Леону Дуговскому. Десант на станции «Д-1010» продолжает работу. Прошу запросить все научно-исследовательские организации мира, имеющие отношение к любому виду работ на уровне высшего моделирования в области бионики и бионетики...

Я отключил микрофон, проверил качество записи. Незнакомый голос в наушниках ясно и четко повторил только продиктованный текст. Хорошо, автоматика третьего бункера действует безупречно. Я не знал, какова емкость записывающего устройства радиобуя, поэтому, прежде чем продолжить диктовку, постарался сложить текст в голове как можно более краткий.

«Содержание запроса: проводились ли за весь период деятельности вышеупомянутых организаций какие-либо эксперименты с гигантскими кальмарами рода архитевтис. И если проводились, то в какой именно форме и с каким результатом конкретно. Соболев, Болл. Конец передачи».

Я надавил клавишу «Всплытие РБ-Коралл» и отключил аппаратуру. Да, загадал я старику загадку. Не преждевременно ли? Вполне возможно, что преждевременно, но мне приходится идти на риск. Высшее моделирование... Эту гипотезу тоже нужно проверить... Хорошо, что мне «приснился» Глиэр.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ТАЛИСМАН

Дверь в каюту Болла оказалась незапертой.

Груда осколков и лужа, сильный запах спиртного, отчаянный вой вентиляторов. Тот самый вой, которому я был обязан своей музыкальной иллюзией. Автоматика бункера, растревоженная сигналами химических анализаторов, задала воздухообменным устройствам сумасшедшую работенку. Господам развлечение — слугам кручина.

Похоже, Болл сюда не заходил. Мне тоже здесь нечего делать. Уходя, возле двери я нажал зеленую кнопку. Маятником откачнулась заслонка, из санитарного шлюза одна за другой выползли три металлических черепахи. Механизмы-уборщики, деловито урча, выпивают лужу. Скрежещет стекло. Ненавижу скрежет стекла. Я прикрыл дверь и направился в душевую.

Включил холодную воду. Стоял под ледяными копиями струй, пока не замерз окончательно. Яростно тер полотенцем онемевшее тело. После холодной воды всегда ощущаешь здоровую твердость каждого мускула.

Вернувшись в салон, разогрел бульон и наполнил два термоса. Про запас. Открыл холодильник, извлек наугад какую-то банку. На этикетке — монолит лимонного кекса, изображенный по всем правилам аксонометрии. Однако содержимое банки вызвало тоску. Ужасно хотелось пожевать чего-нибудь зубами. Я многое бы отдал за обыкновенный сухарь.

Покончив с едой, не торопясь убрал посуду. Я был чем-то легко и непонятно встревожен. И поэтому делал все нарочно медленно. Такое ощущение, будто я делаю все это машинально и мне нужно делать что-то совершенно другое, но что именно — не пойму. Вокруг меня будто бы образовалась какая-то странная пустота. Иллюзия глубокого вакуума, подумал я. И направился к пульту бункерной коммутации.

Болла нет ни в одном из других помещений станции. Эту новость я прочел по узорам желтых огней на приборных панелях. Все люнеты задраены наглухо, воздухообменные устройства там не работают. И я прекрасно знаю, что Болл не должен находиться в воде. В его состоянии это было бы равносильно самоубийству. Спирт на такой глубине — губительнее самого сильного яда.

Остается одно: мезоскаф...

Вот видишь, ты испугался. Пока эта мысль таилась где-то в глубинных сферах мышления, ты был встревожен, и только. Теперь же, когда подозрение четко оформилось, ты испугался по-настоящему... Говорят, акванавтам страх не знаком. Это неправда, знаком. И больше всего боятся они одиночества. Я тоже боялся остаться один. Но больше всего я боялся признать Болла трусом.

Я подошел к аквариуму и прижался лбом к поверхности прохладного стекла. В кристально чистой воде на фоне светло-коричневого холмистого однообразия

порхала стайка черно-голубых изящных рыб с длинными плавниками.

— Он не мог этого сделать, — подумал я вслух.

— Мог, — прошептал за стеклом кто-то знакомый.

— Дюмон, — сказал я, разглядывая плавники изящных рыб. — Все мы люди, и всем нам иногда бывает страшно. Правда, с другой стороны, мы разные все по качеству нервной оснастки... Не знаю, какими нервами армирован Болл, но в том, что он честный малый, я не хочу сомневаться. Мезоскаф в ангаре, Дюмон.

— Не надо усложнять, — сказал Дюмон. — Не надо никого оправдывать. Страх есть пропасть. Над пропастью можно либо пройти, либо сорваться. Я тоже честно пытался пройти, но сорвался... Трудно держать равновесие там, где на каждый квадратный миллиметр твоих ощущений давят тысячи тонн холодной воды, а на каждый твой нерв приходится добрая сотня присосок чудовищных спрутов. И вовсе уж нельзя, невозможно держать равновесие, если в твой череп, словно змея, вползает цепочка невысказанных и нелогичных фактов, ключ к разгадке которых утерян. Потом — другая цепочка, бутылка виски, задранный люк мезоскафа...

— Цепочка предательств, — подытожил я. — Да, наверное, все так и было... Но в одном ты прав: наша обстановка как-то уж очень располагает к панике. И мне труднее, чем вам. Чем Пашичу, Боллу, тебе. Потому что вам всем наплевать на странное слово «Аттол», даже прочитанное наоборот, мне... У меня...

Я плотнее прижался к стеклу. Кому нужна моя жалоба?

— Дюмон, — сказал я. — Для того, чтобы выяснить, где мезоскаф, мне нужно просто пройти и увидеть ангар своими глазами. Но я не пойду проверять. Потому что твердо уверен: мезоскаф там, на месте. Болл не мог, не имел права быть трусом.

Пол под ногами дрогнул. Бункер наполнился

гулом: работали компрессорные установки. Я вздохнул с облегчением.

— Мезоскаф не всплывал, Дюмон. Болл возвращается в бункер.

Гул нарастал. Силуэты порхающих рыб с длинными плавниками исчезли. Я смотрел на опустевшее дно, пытаясь уразуметь, как и зачем проспиртованный Болл отважился выйти в воду. Еще меньше я понимал, как ему удалось оттуда вернуться... Конечно, я принял какие-то меры, но одной профилактической инъекции, право же, недостаточно. Ладно, главное — жив. Минут через восемь он будет здесь, и все объяснится.

Я поднял крышку люка и неторопливо зашагал по салону. От люка до пульта — шагов ровно шесть. На обратном пути я должен был сделать не меньше. Но сделал два... Над краем горловины люка я увидел черную лапу.

Это не лапа, это — рука. Между пальцами влажные перепонки. Пальцы судорожно ухватились за барьер, и на мгновение показался черный шар головы. Ворсистый с теслитовыми пузырьками глаз. Лязгнул металл, ствол квантабера вспыхнул удлинненным отблеском грани.

Я плохо соображал в эти секунды. Просто стоял и смотрел. Черные пальцы, царапнув барьер, соскользнули, закатился шар головы, гулко и страшно грохнули ступеньки трапа. Гремело все тише и тише, и, наконец, — мягкий, но слышный, с мокрым отшлепом удар. Все... Нет, не все, зазвенела струна, донесся ломкий треск, потом — замирающее шипение. Смолкло. Теперь все...

Два прыжка — и я у горловины люка. Нырнул. Завертелся штопором вокруг опорного стержня, спрыгнул на пол. Склонился над распростертым телом товарища.

Он лежал лицом вниз, уткнувшись в приклад дымящегося паром квантабера. Огромный, черный, неподвижный. Кончик спинного плавника жалко обвис, правый ласт полуоторван. Странное морское существо.

во, случайно извлеченное на палубу глубоководным тралом... Воздух пропитан запахом горелой краски: на дверце одного из сейфов — темный кратер от лучевого удара... Он стрелял, ему плохо. Ему очень плохо, раз он стрелял.

Рывком переворачиваю Болла на бок. Ч-черт, руку ожег о квантабер! Взваливаю тяжело обвисшее тело себе на плечо. Неудачно, головой вперед, и теперь мне мешает видеть плавник. Ладно, двигай быстрее!

Передвигаюсь почти вслепую. Зачем-то включился контакт плавника, и я получаю в лицо серию хлестких ударов. Не могу удержать трепещущий плавник одной рукой и, зверея, впиваюсь в упругую мякоть зубами. Губы и нос, разумеется, в крови, на языке — соль и горечь с неожиданно крепким запахом моря.

После трудного спуска в батинтасовый зал выхожу наконец на «прямую». Бегом к барьеру круглого резервуара. Только бы не поскользнуться! Только бы не... Так я и знал!

Спотыкаюсь в полуметре от цели. Однако удачно. Переваливаю барьер и с шумным всплеском погружаюсь в мутные зеленоватые волны. Последняя затрещина от плавника.

Жидкость мгновенно вскипает, накручивая пенистые водовороты. Задыхаюсь от едкого запаха, чувствую, как на мне расплзается одежда. Стараюсь держать Болла рядом — он скользкий. Все скользкое, все расплзается мягкими комками слизи. Как я намерен отсюда вытаскивать Болла? Конечно, за пояс, как же еще. Руки в петли подъемника, глубже, под самые подмышки. Так, теперь за пояс и прямо в горячее облако душа. Это счастье, что пояс нерастворим.

Большое, мертвенно-синее тело — страшно смотреть. Распято в «колесе обзрений», руки и ноги в пружинах, — тело убитого гладиатора. В каком это фильме? Не помню. Только и запомнилось: подве-

шенный вниз головой труп гладиатора — такое всегда впечатляет.

Скрипят и щелкают пружины, Болла трясет. Трясет беспощадно. Но я уже не смотрю — в лихорадочной спешке готовлю кислородный зонд. Нужна немедленная вентиляция легких, иначе — асфиксия, смерть...

Нажимаю педаль. Сверкающий обод «колеса» опрокидывается под раковину пневмостата. Стоп, что-то нужно еще... Ах да! Срываю ласты с неподвижных ног. Пояс срезаю ножом. Тем же ножом разжимаю плотно сжатые челюсти. Зонд!.. Мягкий, очень мягкий, плохо идет. Легче в движениях, легче! Как говорил наш одесский инструктор — «не применяйте грубую силу»! Когда учили, был манекен. «Это чтоб меньше эмоций, — ухмылялся инструктор. — Чем меньше эмоций, тем больше гарантий, что руки сами сделают все быстро и правильно. Если, конечно, придется». Вот и пришлось... Насчет «эмоций» — это вранье, но руки, действительно, действуют сами, легко и проворно, так, как учили. Готово, можно включать!..

Первый принудительный вздох. Шипит кислород. Голая грудь под прозрачными стенками раковины вздымается и опадает. Размеренно, как при естественном дыхании. На приборной шкале в такт маятникообразным движениям качалки меняют друг друга какие-то надписи. Что за слова — отсюда не видно. Должно быть, названия каждого такта: давление, атмосфера и вакуум.

Давление — атмосфера — вакуум... А мне кажется: смерть — равновесие — жизнь, смерть — равновесие — жизнь... Где остановится чаша весов?.. Нарастает тревога. Спокойней, с асфиксией можно бороться. Если это только асфиксия...

Включен ингалятор. В кислородный канал поступает аэрозоль сильно действующего лекарственного вещества. Его назначение — стимулировать работу сердечной мышцы. Самое трудное — ждать.

Проходит минута. Жду. Синеватые веки, щелки

чуть приоткрытых глаз. В щелках — фарфоровый блеск неподвижных белков. Смерть — равновесие — жизнь, смерть — равновесие...

Я делал все, как нас учили, — зонд, кислород, пневмостат, ингалятор... Наверное, плохо учили. Вторая минута уже на исходе, и я не знаю, что еще сделать. Мне нужно куда-то бежать, что-то искать, принести, на что-то решиться!.. Куда? Что? И на что? Мысли путаются, ноги слабеют, я не в силах тронуться с места. Впервые в жизни пожалел, что я не животное. Хотелось сесть на задние лапы и взвыть по-волчьи, жалобно и протяжно...

Стоп! Кажется, выть не придется!..

Я пропустил момент, когда Болл изменился. Минуту назад он был какой-то весь темный и деревянный, напоминал мертвеца. Сейчас он походит на спящего, расслабился, порозовел. Веки сомкнулись, белков не видно. Все правильно, все так и надо! Теперь я знаю, что делать.

Дрожащими руками удаляю зонд. Сейчас вполне достаточно обыкновенной маски. Откуда-то со стороны доносится громкий всплеск. Странно, что это там?.. Я уже, кажется, слышал какие-то всплески, но поглядеть не удосужился. Ладно, все другое потом... Выключаю приборы. Дыхание самостоятельное, пульс близок к норме. Укрепляю маску, осторожно перекладываю Болла на пол. Дрожь в руках почему-то трудно унять. Ничего, это пройдет, просто я перенервничал.

Я сполоснул лицо холодной водой. Саднили губы и нос. Кроме того, я испытывал странное неудобство, словно чего-то мне не хватало. Не сразу понял чего и несколько секунд усиленно соображал. Наконец догадался: одежды. Я был гол, как Адам, если не считать лохмотьев, которые остались от ботинок.

Надел халат и подошел к Боллу. Взвалить его на себя оказалось делом нелегким. Взвалил. Неудачно — ногами вперед, и теперь мне не видно, как держится маска. Пощупал — отлично, на месте. Поеха-

ли!.. Опять что-то шумно всплеснуло. Я повернулся к большому бассейну. И чуть не уронил Болла...

Я побежал. Бежал в сторону люка, не чувствуя тяжести ноши, не чувствуя вообще ничего, кроме безумного желания быстрее, как можно быстрее влететь в дверь. Взбежал по трапу. Дверь автоматически открылась. Потом автоматически закрылась. Но я уже падал на плиты круглого зала. Вместе со мной падал Болл.

Я приподнялся на руках и сел. Болл тоже сел. Сорвал маску, потрогал затылок.

— Будет громадная шишка, — сообщил он и закашлялся.

Я посмотрел на овальную дверь. Потом на Болла.

— Грэг, ради Бога... — начал было он и осекся.

Это он увидел мои глаза.

Я оставил Болла в каюте, вышел в салон. Быстро переоделся и направился в рубку. Сел за пульт. Представил себе, как сейчас эта тварь копошится в бассейне, и вздрогнул.

Что же в конце концов происходит? Здесь — кальмар, там — кальмар. Куда ни повернись — кальмар. Умный кальмар, знающий азбуку Морзе и русский алфавит. Его, кальмара, не трогают Манты. Он любит глазеть в акварин, плавать рядом с людьми, он боится квантабера, но не боится проникнуть в бассейн батинтаса. Остается махнуть рукой на условности и пригласить кальмара в салон. А потом познакомиться кальмара с Дуговским.

Есть другой вариант: взять квантабер и разом покончить со всеми загадками. Пока кракен в ловушке. Ну почему я не убил его раньше!

Я включил панель дистанционного управления и надавил розовую клавишу. Пол под ногами содрогнулся от гула. Гуд бай, десятирукий гость. Я не умею разгадывать загадки с помощью квантабера. Да и желаний нет.

Я спустился в салон и взял термос. Для Болла. С термосом подошел к акварину, взглянуть. В воде у

четвертого бункера плавали Манты. Друг за другом по кругу. Все три. Я задержался.

Кракен выплыл хвостом вперед, кирпично-красный, похожий на большую ржавую торпеду странной конструкции. Я следил за поведением Мант. Если кракен не тот...

Кракен был тот. Манты прошли над ним без единого выстрела и спокойно вернулись к четверке.

А если начать с того, что я ошибаюсь? Напрасно предписываю кракену то, чем он не обладает? Да, но кому-то надо приписывать. Сначала я думал, что все это — фокусы Пашича. Правильно думал. Эти события можно рассматривать только в связи с разумной деятельностью человека. Или неразумной — не важно. Важен сам принцип: участие человека. Пусть даже Пашич погиб, этот принцип остается фундаментом, на котором нужно строить все остальное. Заподозрив спрута, я начал строительство с крыши. Но крыша должна на чем-то держаться. А стен мы не видим. Бьемся об них, как слепые, а видеть — не видим. Дюмон разбил себе лоб и не увидел. Только Пашич, мне кажется, что-то нащупал. Во всяком случае, он догадался, узнал, где искать начало клубка. Запросить агентство... морских перевозок, что ли?.. Зато окончание последней записи Пашича я представляю себе достаточно ясно: *«Не могу в это поверить, но других объяснений нет!»*. Он не мог в это поверить. Так же, как теперь не могу в это поверить и я. А других объяснений действительно нет. Сжимая термос в руках, я стоял и бесцельно глядел в аквариум. Кракен уплыл, растворился в окружающей тьме. Манты лениво и плавно ходили по кругу. Вот так и мысли мои — по кругу...

Никуда не денешься, приходится признать, что наш кальмар — творение рук человеческих. Не весь, конечно, потому что хроматофоры¹, кожная слизь,

¹ Хроматофоры — особые клетки в коже спрутов, содержащие пигмент. Благодаря этим клеткам спруты обладают способностью, подобно хамелеонам, изменять окраску тела.

чернила, глаза... особенно глаза, вернее, их выражение... — невозможно было бы наделить всем этим биомашину. И, главное, незачем. Проще вмешаться в работу мозга спрута. Повлиять, перестроить, запрограммировать. Любопытно, как у него там устроена вся эта музыка?.. А если никак? Если кальмар настоящий от кончиков щупалец до синапсов¹? Ну, скажем, вполне естественный продукт какой-нибудь там аномально-спорадической мутации?.. Чепуха, внезапным наследственным изменением свойств мозгового аппарата нашего головоногого приятеля нельзя ничего объяснить. Точка. Участие человека — вот единственно верная формула, стержень, фундамент. Мы наблюдаем результат какого-то чудовищного эксперимента из области молекулярной бионетики. Объект эксперимента — мозг спрута. Или мозг для спрута, еще не знаю... Надо думать, мне одному этого и не понять. Здесь нужен специалист-бионетик. Я правильно сделал, что отправил запрос. Будем думать, что правильно...

— Я думал, ты вышел в воду, — сказал Болл, как только я появился в каюте.

Болл полулежал, откинувшись на подушки. Даже успел одеться. Я отдал ему термос, сел рядом на край дивана. Болл отвинтил крышку и жадно прильнул к соску.

— Грэг, зачем работал батинтас? — спросил он в перерыве между глотками.

В каюте чисто. Запах какого-то цветочного экстракта. Очень легкомысленный запах. По-моему, жасмин.

— Пришлось смыть то, что ты приволок за собой из воды.

Судя по его заинтересованному взгляду, он ровно ничего не помнил. Ладно, пусть сначала поест.

Я кивнул на фотопортрет и спросил:

— Это кто?

¹ Синапсы — области соприкосновения разветвлений отростков нервных клеток.

— Барбара, — ответил он и бросил есть.

— Жена?

— Нет... Еще нет. Десять лет ни да ни нет.

Мы помолчали. Болл поставил термос на стол. Понизив голос, сказал:

— Актриса!..

Странная интонация. Не то наигранный восторг, не то досада. Скорее всего и то и другое вместе. Может быть, он приглашает меня порыться в памяти? Рыться в памяти почему-то не хотелось, и я осторожно спросил:

— Голливуд?

— Бродвей, — ответил Болл и добавил: — Театр. Какого-то там нового направления... Красивая, верно?

— Красивая, — ответил я. В равной степени это могло быть и правдой и ложью.

Болл помрачнел и потянулся за термосом.

— Десять лет, Грэг. Иногда бывает невыносимо трудно. Хоть в петлю...

— Мне тоже, Свен. Иногда.

— Скажи мне откровенно, Грэг, ты... ты очень несчастлив?

— Очень, — сказал я откровенно.

Болл быстро взглянул на меня и некоторое время молча тянул бульон. Потом заговорил:

— Было время, коллега, я тоже хотел застрелиться.

Он тоже!

— Мысль о самоубийстве казалась мне чрезвычайно заманчивой... Пережили, как видишь. Мне в голову пришла другая мысль: человек именно для того и создан, чтобы жить.

«Бодрая мысль, — подумал я. — Ну-ну...»

— Сотни тысяч, миллионы поколений наших предков жили и умирали для того, чтобы мы с тобой, Грэг, стали такими, какие мы есть. И мы не имеем права уходить из жизни просто так, ничего не оставив потомкам. Мы в ответе за будущее. Мы — преемники будущего. Мы должны понять, наконец, какое

бремя ответственности несем за тех, кто будет после нас. И от того, как живем мы, зависит то, как будут жить они...

— Зачем ты вышел в воду до моего возвращения? — спросил я. — Да еще в таком состоянии?

— Ты не вернулся, — ответил Болл. И, заметив мое недоумение, добавил: — Ты не сумел уложиться в двадцатичасовой срок.

— Неправда. Я вернулся на два часа раньше, чем обещал.

Болл удивился.

— Точнее? — спросил он. — В котором часу?

— В двадцать три пятнадцать.

— Сегодняшней ночью?

— Ну, разумеется! Что за вопрос!

— В этом все дело, Грэг... — Болл взглянул на часы, осторожно потрогал затылок, спросил: — А где ты, извиняюсь, был вчера?

— Не понимаю...

— Я тоже... Грэг, давай разберемся. Какое сегодня число?

— Двадцать девять... То есть уже утро тридцатого.

— Тридцать первое, Грэг!

— Тридцать... Что?!

Я привстал и впился глазами в циферблат хронометра. В календарном окошке красовалась цифра «31». Я произвел в уме несложный расчет, и мне стало ясно, что я невзначай потерял где-то целые сутки! Если, конечно, хронометр не врет.

— Хронометр не врет, — сказал Болл. — Можешь сравнить его показания с календарной шкалой на пульте «Мурены».

Я сел и задумался. Странно, каким это образом мне удалось заблудиться во времени? Непостижимо! Хотя...

— Свен, я слышал «реквием бездны».

Болл вздрогнул.

— Вот оно что... — тихо сказал он и нахмурился.

— Свен, я наткнулся на кирку, нашел украден-

ные ружья. Кирка была рядом с ружьями. Понимаешь? Либо — Пашич, либо — тупик. Сейчас я так не думаю, но тогда у меня не было другого выбора... Увлёкшись поисками, я забрался в «подвал». И мне показалось, что там, в глубине, мигает фара. Вспыхивает, гаснет, опять зажигается... Я пошел вниз и «сорвался». Глупо, конечно, никого там не было. Кроме полипуса¹ и двух светящихся медуз. Зато потеряны целые сутки, хотя мне казалось, что я пробыл на «глубом этаже» не более часа. Вот такая история...

— А для меня твой «час» длился целую вечность... — Болл опять потрогал затылок, спросил: — Где ты встретил меня?

— В салоне.

— В салоне?!

— Да. Ты сам пришел из воды. Появился из люка как был: в оболочке, с квантабером в руках. Потом пересчитал ступеньки трапа сверху вниз и открыл стрельбу в круглом зале.

— Черт! — изумился Болл. — И ты... меня...

— Ну, конечно. Пневмостат, ингалятор... Как себя чувствуешь?

Болл не ответил. Понурившись, думал о чем-то.

— Грэг, — сказал он. — Я нашел твою записку и сразу занялся делом. Решил запустить агрегаты. Я дал на площадку сигнал опасности на случай, если ты окажешься там. Все шло превосходно. Андробаты поставили ланжекторные замки, сменили муфты уплотнителей в обоймах. Потом началось...

— Знаю. Смотрел твои графики. А что на экранах?

Болл помедлил с ответом.

— Тучи кальмаров, Грэг. Я никогда и ничего подобного не видел!

— Большие?

— Большие. Но дело не в этом. Один из них примерно таких же габаритов, как тот — помнишь? —

¹ Полипус — головоногий моллюск (греч.).

который смотрел в акварин. На экране я видел только участок площадки, но я уверен, что замки снимает именно этот кальмар.

— Ну и что?

— То есть как «ну и что»?! — опешил Болл. — Снять замок нужно уметь!

«Замок, — подумал я. — Что такое замок для этого кракена».

— Рассказывай, Свен. Рассказывай, как было дальше?

— Дальше? — переспросил Болл. — Дальше... Гм, я нашел в своей каюте виски. Вероятно, Дюмон... Но, как бы там ни было, это показалось мне кстати. Потом... Потом истекли твои «двадцать» часов. Сначала я не очень волновался. Ну, думаю, задержался в воде, мало ли что... Даже вздремнул. Проснулся от стука.

— Какого стука?

Болл указал на потолок.

— Но тогда мы слушали это вдвоем... Я решил выйти в воду, проверить. Ничего особенного я не заметил, вернулся в бункер и... — Он замялся.

— ...Продолжал наполнять себя виски, — закончил я за него.

— Да, Грэг, шел двенадцатый час с того времени, когда ты должен был вернуться. Постепенно мной завладело подозрение, что ты уже никогда не вернешься... И опять этот проклятый загадочный стук! Дурацкая ситуация, думал я под звон потолочных ударов, начинаем искать сами себя. Я с ужасом смотрел на динамики, зная, что они в любую минуту могут выдать очередную порцию телеграфной абракадабры. Самое скверное то, что я был один, и я бы сошел с ума, если бы не был чудовищно пьян... Не помню, сколько времени я пролежал в забытьи. Очнувшись, сделал себе инъекцию и выскочил в воду. Куда ты уплыл — неизвестно, поэтому мне было все равно, в какую сторону отправиться на поиски. И я решил сначала осмотреть площадку. До площадки не до-

плыл. Не помню, когда я потерял сознание, ничего не помню. И не понимаю, как мне удалось вернуться...

— Это я тебе объясню. Ты в состоянии идти?

— Почему бы нет?! — воскликнул Болл и поднялся. — Но куда?

— В батинтас.

Он вскинул бровь:

— Ну, если так нужно...

Мы стояли у барьера большого бассейна и молча разглядывали кривую белую жирную надпись на темно-синей стене. Кое-где еще виднелись длинные полосы непросохшей слизи.

— Зачем ты его выпустил? — спросил наконец Болл.

— А что я должен был делать?

— Н-да... Любопытно, чем он писал?

Я показал на белый обломок на дне:

— Вон, видишь, у самой стены.

Болл разделся, взмахнул руками и нырнул в воду. Было видно, как он опустился на дно, подхватил обломок и стал всплывать. Поверхность воды взволновалась кругами, бросая на дно зыбкие кольца преломленного света.

— Такой же, — сказал Болл, протягивая мне подводный трофей. — Точно такой же, как в коллекции Пашича. Известняк, очень мягкий, можно писать.

Болл сполоснулся под душем, оделся.

— Грэг, — сказал он. — Я и не подозревал, что Пашич был великолепным дрессировщиком. Но факты налицо. Этот десятирукий артист заслуживает того, чтобы мы познакомились с ним поближе. Часа через два я буду вполне подготовлен для выхода в воду, и мы вдвоем проверим твое предположение по поводу радиоактивной защиты кальмара... Кстати, это не ты обронил?

Я обернулся. Болл протягивал мне на ладони блестящий комочек.

— Что там?

— Какой-то кусок оплавленной пластмассы. — Болл улыбнулся. — Я было подумал, что это — твой

амулет. Наш брат любит играть во всякие там талисманы. И у меня есть такая игрушка. Помнишь синюю бусину?

Да, я вспомнил... Этот завернутый в бумагу комочек я нашел на столе Пашича. Помню, хотел его выбросить, но машинально сунул в карман. Сам не знаю зачем.

— Где ты его подобрал?

— Он застрял в одной из ячеек настила под душем.

— А-а... Это когда я «купался» с тобой в растворителе. Вода смыла остатки одежды, а для этой штуковины ячейки под душем оказались малы... Можешь выбросить, я не суеверен. Хотя, погоди... Ты не мог бы определить, в каких приборах или изделиях употребляется этот пластик?

Болл повертел комочек в пальцах, попробовал на зуб, пожал плечами.

— Довольно тверд... — пробормотал он. — Может быть, эта пластмасса и употребляется в каких-то приборах, но я не могу вспомнить, в каких именно. А то, что она идет на изготовление блистеров и окон для эйратеров, это, пожалуй, можно сказать более уверенно... Но что с тобой, Грэг? Ты побелел...

Да, я был потрясен! Потому что в голове у меня как-то вдруг легко и неожиданно прояснилось. Запросить агентство воздушных сообщений!.. Эйратер!.. Га... Вероятно, часть от названия стратосферного корабля. Не могу поверить, но других объяснений нет!

— Дай сюда, — прошептал я и забрал у Болла блестящий комочек. — Свен, ты знаешь, что это такое?

Болл растерянно молчал.

— Это брешь! — выкрикнул я. — Брешь в стене! О которую мы столько времени напрасно бились лбами. Это наш с тобой талисман! Вот что это такое...

— Грэг, я не совсем понимаю...

— Ты все поймешь, Свен, ты обязательно пой-

мешь, я расскажу. Но сейчас иди и готовь батимальную карту! Срочно, немедленно! Прошу тебя, Свен!..

Болл, вероятно, напуганный моим необычайным возбуждением, торопливо покинул батинтас. Я поднял белый обломок, размахнулся и зашвырнул его обратно в воду. Обломок плюхнулся у противоположной стенки бассейна, окатив брызгами надпись, которую нам оставил кальмар. Буквы, корявые, разные по величине и наклону, да еще в зеркальном начертании. Болл так и не понял, что здесь написано. И я сначала не понял. Потому что буквы, вдобавок ко всему, латинские. Однако, если внимательней приглядеться, то и без зеркала можно разобрать слово «Sariens». «Мыслящий»... Я прочел это, когда Болл нырял за обломком.

ЭТОГО НЕ ПРОЩАЮТ, ДЮМОН!

Отраженным светом лоснятся бока аквалюмов. Свет переменчив по яркости и направлению, будто источники его установлены в огромных качелях. Лучи покачиваются вправо и влево, вверх и вниз. И так же покорно и плавно меняют свою геометрию тени. Это покачиваются на шарнирах круглые «головы» прожекторов, точно игрушки-болванчики: одни согласны кивают «да-да-да», другие все отрицают — «нет-нет». И тени, гонимые светом, не могут найти себе места: то расправляют длинные крылья, то прижимают их к гладким телам аквалюмов. Свет окаймляет раструбы верхнего ряда машин снежно-белой каемкой, по контуру.

Я помигал фарой Боллу. Болл помигал фарой мне. И я вдруг подумал, что дороги наших подводных поисков, куда бы в конечном итоге они ни вели, всякий раз неизменно проходят через площадку. Жабры — жабрами, плавники — плавниками, но все-таки мы больше люди, чем рыбы...

Манты стоят неподвижно, против течения. Только вибрируют их плавники. Вспыхивая в лучах про-

жекторов, мимо плывут светлые точки — хлопья взвешенного ила. Течение мощно и плавно несет свои бесконечные миллионы кубометров воды. Это сырье, это дейтерий и тритий — это энергия... Кубометры сырья без пользы проходят внутри аквалюмов, раструбы-рты разверзнуты в равнодушном зевке, агрегаты бездействуют. Мертвая техника... Здесь, в окружении техники (пусть даже мертвой), мы чувствуем себя уверенней. По крайней мере вокруг не шершавые темные скалы, а гладкий, приятный на ощупь металл. И богатырские фигуры андробатов. Они бредут к аквалюмам вразвалку, раздвигая воду плечом — такие похожие на людей в жестких скафандрах, — о, если бы это были люди!..

Рядом со мной на трапеции белеет матовый шар радиометра. Время от времени зачем-то трогаю его рукой. А Болл все время поправляет висящий на груди квантабер. Должно быть, немного нервничает... Мы первый раз в воде по-настоящему вместе, и я незаметно наблюдаю за ним. Он, конечно, чувствует это и потихоньку наблюдает за мной. И в этом нет ничего предосудительного, если не считать предосудительным любопытство.

Колеблются тени и свет. Я смотрю на закраину ближайшего раструба, и мне видится там что-то чуждое техническому пейзажу. Толком разглядеть это «что-то» не удастся: оно выползает, когда сгущаются тени, и исчезает, едва успеваешь к нему приблизиться луч. Странная закономерность... Выхватываю нож, отпускаю трапецию и, включив плавник, устремляюсь к машине.

Ток воды мягко, однако настойчиво прижимает меня к стенке громадного раструба. Я с опаской заглядываю внутрь. Тронутый лучом, вспыхивает кончик бивня струйного рассекателя. Затем вижу: из глубины темного кратера поднимается грозное щупальце. Изумленный, смотрю, как оно, напряженно покачиваясь, тянется ближе и ближе... и вдруг, коснувшись луча моей фары, ускользает во тьму.

Я знал, что головоногим свойственно занимать

под жилые любые брошенные под водой резервуары. Квартирный кризис, так сказать. Но чтобы спрут поселился в машине, которая во время работы гудит и вибрирует!.. Есть вещи трудно вообразимые, и это, кажется, одна из них.

Свешиваюсь через закраину раструба. Луч уходит во мрак, и внезапно полость огромной полированной чаши озаряется яркими полукругами отблесков.

Кальмар хорошо освещен. Он покраснел, но не шевелится. Чудовищный глаз — добрых полметра в диаметре — смотрит по-звериному дико, испуганно. Не глаз, а большой рубиново-красный фонарь — так странно преломляется луч где-то на дне кальмарьего глазного яблока. Толстое и бугристое, как старая лиана, щупальце обвито вокруг блестящего бивня. Остальные скручены в кольца, присосками наружу. Вид грозный, ничего не скажешь, — попробуй-ка тронь! Трогать тебя, дорогой, я, конечно, не стану. Но и тебе советую вести себя благоразумно и не делать лишних движений. Так будет лучше для моей нервной системы. Для твоей, разумеется, тоже...

Я вдоволь нагляделся на спрута и подумал, что тащить сюда радиометр не имеет смысла. Кракен другой, это ясно: он превосходит размерами нашего знакомого. Я спрятал в ножны свое смехотворное оружие, убрал локти и, лавируя в быстром потоке, направился к Боллу.

Болл, комфортабельно расположившись на трапедии и пошевеливая лапами, наблюдал за действиями андробатов. Четыре металлических гиганта работали четко, размеренно, хотя стороннему наблюдателю могло, пожалуй, показаться, что он присутствует на рыцарском турнире: романтический блеск доспехов, мельканье длинных теней, таинственно блуждающий голубоватый свет и странно замедленная эскапада хорошо отработанных приемов рукопашного боя. Глубоководные роботы прямыми сверкающими мечами полосовали друг друга и все, что ни попадалось вокруг. И пусть это просто лучи обыкновенных фар,

скрещивались они гораздо эффективней настоящих средневековых мечей. Неподалеку от места «схватки» вертелась парочка каких-то угреподобных рыб.

Но что это? Спотыкаясь, падая на колени и снова поднимаясь, идет... нет, скорее, ползет еще один андробат. За ним волочится кабель. Раненый рыцарь (я узнал однорукого) торопится на поле брани. Трубите славу, герольды!

Трубы молчат. Но раздается мелодичный звон струны, будто кто-то тронул клавишу рояля. Ослепительно брызнула вспышка электрозамыкания. Вернитесь в конец двадцатого века, милорды: кабель перебит лучом, прекратился доступ энергии, и однорукый робот падает в песок. Болл опускает квантабер.

Один из андробатов бережно поднял товарища и унес куда-то в темноту. Вернулся он, держа в клешнях какой-то длинный стержень, похожий на коленчатый вал. Вероятно, это и есть ланжекторный замок. Через минуту стержень исчез в специальном отверстии под брюхом аквалюма. Аквалюм загудел. Болл поднял над головой квантабер и, повернувшись ко мне, энергично потряс им. Все в порядке, ол райт, агрегат заработал! Я просемафорил Боллу вспышками фары: с-т-р-е-л-я-т-ь в к-р-а-й-н-е-м с-л-у-ч-а-е. И показал рукой в сторону раструба. Закрайна раструба обросла шевелящимися щупальцами. Но спрут не думал сдаваться без боя.

И грянул бой...

Андробаты скрестили лучи, ярко осветив это кошмарное диво глубин. Тот, который ближе к раструбу, чем остальные, хватает гиганта клешнями за щупальце. Спрут в замешательстве. Сначала он просто пытается вырвать у робота свою конечность и спрятать ее подальше от беды. Не тут-то было. В плен попадают еще две кальмарьих руки. Спрут отчаянно упирается, но роботы тянут его, стараясь вытащить наружу. Щупальца бешено молотят воду, сплетаясь в замысловатые спирали, — двое андробатов валятся с ног. Спрут мгновенно белеет и скрывается в огромном об-

лаке чернил. Но течение быстро уносит «дымовую завесу», — хитрость не удалась. Тогда обезумевшее от ярости и боли животное переходит в атаку.

Роботы, кабели, щупальца, красное тело спрута — все вплетено в большой шевелящийся ком. Бездушный металл мертвой хваткой впивается в живое трепещущее мясо, рвет и терзает. Вниз по течению, от места борьбы и дальше, вода обретает чудный нежно-голубой оттенок. У кальмаров кровь голубая...

Я наблюдаю возню гигантов, не в силах отвести глаз. Я потрясен. Но потрясен не потому, что стал свидетелем мучений ни в чем не повинного животного. Вернее, не только потому. Меня поражает внезапная мысль, что все рычаги, управляющие кровавым столкновением, находятся не здесь. Они находятся в полукилометре отсюда — в центральном бункере, в рубке под индексом «Мурена-2». Битвой управляет машина — черная полусфера с радужными разводами. Богатыри андробаты — руки ее. Нежные, тонкие лучики — нервы. Нежные, тонкие... Однако умеют решать довольно сложные задачи. Например: как превратить гиганта-спрута в бесформенный, окровавленный ком. Да, мы, люди, невероятно изобретательны, мы наделяем машины умением разбираться и действовать в самых необычайных для них ситуациях. Вот наподобие этой. Мы только упускаем из виду, что раструбы аквалюмов просто можно было бы оградить защитной решеткой. Мы многое упускаем из виду. Или не знаем. Поэтому сходим с ума, терпим убытки, смущенно любимся чудесно-голубой окраской воды. И даже иногда стреляем. Это очень нехлопотно — любить природу с квантабером в руках. Безопасно. Особенно когда «любить природу» помогают машины. А мы проявляем эмоции...

Глубоководный робот «Андр-4» весит около тонны. Но забываешь об этом, если приходится видеть, как двое из них, увитые гибкими кольцами, повисают в лапах спрута наподобие елочных украшений. Взмах щупальца — и первый бедняга, сверкнув лучом, кувыркком пролетает по ту сторону аквалюма.

В авиационной практике подобный трюк называется катапультированием.

Через воду доносится металлический лязг. И следом — волнующий голос рояльной струны. Болл понял, что это и есть «крайний случай». Верно... Иначе, черт побери, останемся без андробатов.

Я обследовал радиометром все десять щупалец убитого кракена. Так, для очистки совести. В матовой толще прибора нечасто мелькали красноватые вспышки. Естественная радиоактивность донных пород, ничего интересного... Я укрепил на поясе конец капробикордового троса и знаками потребовал у Болла выключить аквалюм.

Гул прекратился. Я отдал Боллу трос, свернутый в бухту, и нырнул в темный зев раструба. Внутренняя поверхность металлического кратера вдруг озарилась ярким сиянием: Болл направил сюда прожекторы Манты. Трос он травил неумело, рывками.

Я с любопытством разглядывал прикрепленную к стенке гроздь больших пепельно-черных колбас. Это яйца спрута, его сокровенная тайна, которую он нам позволил узнать только через свой труп... Я срезал ножом одну из «колбас», чтобы показать Боллу, и рывками подал сигнал. Трос натянулся.

Болл осмотрел мой трофей и кивнул. Он тоже все понял.

Мы заглянули в каждый из раструбов. Обнаружили еще пятерых гигантов, озабоченных судьбой своего еще не вылупившегося потомства. Не агрегаты для опытной добычи дейтерия, а подводный роддом! Как вам это нравится, коллега?..

В упряжке четверо: две Манты, я и Болл. Мы с превеликим трудом тащили мертвого кракена к краю обрыва. Огромная туша, перевитая тросом, медленно ползла по песку. Манты клевали носом от чрезмерной нагрузки. Мы помогали им нашими плавниками.

Сначала мы сбросили щупальца — они повисли над пропастью, словно издохшие анаконды. Потом, стараясь не пачкаться слизью, мы столкнули с обры-

ва хвост, оперенный ромбическим плавником. И туша спрута, потеряв равновесие, канула в пучину.

При помощи фар мы с Боллом обменялись мнениями относительно дальнейших действий. Болл намекнул, что, поскольку первая часть нашего плана провалилась, надо приступить к выполнению второй. Предложение было разумным. Расчет на то, что наш загадочный кальмар приплывет на площадку, как только начнет работать агрегат, не оправдал себя, и теперь нам не остается ничего другого, как довериться случаю... Две обширные террасы, которые мы, изучив батимальную карту, намеревались обследовать, расположены по ту сторону гряды. Болл предлагал плыть над массивом — километров пять по прямой. Я предложил спуститься ниже и пересечь массив по ущелью. Этот путь в два раза длиннее, но зато перспективнее в смысле возможных находок. Болл согласился с большой неохотой. Он мало верил в находки.

Мы оседлали трапеции Мант и начали километровой спуск.

Появились акулы. Это было совсем некстати. Я выхватил нож. Но белые бестии старались держаться за пределами освещенной воды, и скоро я потерял их из виду. Поведение хищниц показалось мне странным: они зачем-то крейсируют здесь, тогда как на дне их ожидает великолепный завтрак. Быть может, они уже пообедали? Что-то не верится. Сытая акула — явление почти невероятное.

Наконец в глубине забрезжили отсветы прожекторов. Лучи осветили наклонную каменистую осыпь. Среди камней выделялась размерами и диковинной формой серая глыба. Это мертвый кальмар. Тусклые линзы огромных неподвижных глаз... Еще недавно они казались мне рубиновыми фонарями.

Лучи прожекторов обеих Мант одновременно метнулись в сторону. Я оглянулся и увидел нечто такое, что впервые заставило меня вспомнить о существовании кабинки скутера: на фоне освещенных скал, судорожно вздрагивая, медленно поворачивалась

какая-то красноватая и на первый взгляд бесформенная масса. Кроме переплетенных в змеиных извивах щупалец, кошмарная химера не имела ничего общего ни с одним из известных мне морских животных. Только потом я разобрал, вернее, догадался, что это — два спрута, сцепившиеся в смертельной схватке.

Разъяренные чудовища с остервенением обкусывали друг у друга щупальца и тут же пытались их пожирать! Причем разобрать здесь, где чьи конечности, было явно невозможно, но это обстоятельство, по моему, ничуть не смущало бойцов. Щупалец много, и половина из них, естественно, принадлежит врагу. На вкус они одинаковы, а в остальном — как повезет.

Над скалами промелькнули жуткие силуэты еще нескольких спрутов. Я заметил, что Болл неоднократно вскидывал квантабер, но стрелять не решался. Тоже понял наконец, что это, в сущности, нелепо... Манты равнодушно следили за маневрами кальмаров, провожая их лучами прожекторов. Перед выходом в воду мне с трудом удалось уговорить Болла перестроить программу активной обороны Мант так, чтобы грозное разрядное устройство приводилось в действие вручную или ультразвуковым сигналом. И сейчас я подумал, что это была очень удачная мысль.

Исчерпав резерв неповрежденных щупалец, спруты-забияки решили прекратить дуэль. Разомкнув объятия и выпустив густое облако чернил, враги ударились в бегство. Нам тоже вряд ли следовало мешкать, и я направил Манту в обход утеса, памятного мне по прошлому посещению. Но едва лучи прожекторов раздвинули тьму в том направлении, я заставил скутер остановиться...

Сзади надвигались огни скутера Болла. Я сделал предупреждающий знак рукой, указал на кабину и ультразвуком скомандовал Мантам выключить свет. Наступила глубокая тьма. Будем надеяться, что у Болла хорошая реакция и что он так же, как и я, лежит сейчас в тесной кабинке, сжимая левой рукой рукоятку разрядника. Ну вот, подумал я, начинается

веселая игра «Угадай, кто?». В глубоководном варианте эта игра обещает быть намного забавней. Кругом скалы — справа скалы, слева и сзади. А перед носом — лес копошащихся гигантских щупалец. И какое-то из них радиоактивное, в этом густом ухоженном лесу. Отступать некуда и незачем. Надо угадывать. Кругом — непроглядный мрак. Такой непроглядный, что больно глазам. Ничего, пусть привыкают. Я знаю, что слизь на теле кальмаров светится в темноте. Знает ли Болл?..

Я услышал тонкий свист. Не тонкий, а тоненький, как острие иглы. Это заработал инжектор — вода в кабинке обогащается кислородом. Надежная машина, умная. Вот только напрасно мы доверяем машинам оружие. Лучше, когда рукоятку разрядника держит рука человека. Даже если человек этот немного взволнован, потому что он видел в нескольких метрах отсюда, у самого дна, стаю спрутов, шутить с которыми просто опасно.

Впрочем, здесь не так темно, как раньше казалось. То есть, конечно, темно, но эта затемненная до полной невидимости среда прозрачна для малейших проблесков света, а мрак перестал быть сплошным — что-то мерцало и зыбилось в мягких перламутровых тонах. Будто брошенная на черный бархат горсть мелкого жемчуга. При свете луны жемчуг мерцает таинственно и тревожно. Здесь нет луны, нет жемчуга. Только мерцание. Таинственное и тревожное... Привыкали глаза — яснее становилась картина. Там, где минуту назад в лучах прожекторов проступали тяжелые объемы скал, теперь на фоне угольно-черных пространств повисла кружевная сеть робко светящихся цветов. Опаловые лепестки невиданных и явно неземных растений...

В кружевные узоры странного пейзажа гармонично вписывались голубые фонари. Тускнеющие в их неверном сиянии, неуклюже ворочались огромные серовато-зеленые призраки. Фонари беспокойно блуждали с места на место. Будто бы духи пучин проверяли сохранность несметных сокровищ.

Один из фонарей покинул орбиту своего движения и закачался на волнах голубого огня в каком-нибудь метре от Манты. Осторожно открыв створки кабины, взглядевшись, я узнал карликовую акулку. Брюшко этого прелестнейшего существа источало такое яркое голубое сияние, что я без труда мог разглядеть отдельные ворсинки на черных пальцах моей руки.

И вдруг — внезапный и сильный толчок. Манта вздрогнула всем корпусом, резко накренилась. Я поймал рукоятку разрядника и завертел головой, пытаюсь выяснить, что происходит. Прямо на скутер из темноты наплывала огромная серо-зеленая масса. Скутер мелко дрожал, силясь восстановить потерянное равновесие. Ну-ну, вырваться из щупалец кракена не так-то легко...

Необычайно ярко, до боли в глазах, вспыхнули прожекторы. Манта выпрямилась: ошеломленный спрут отпрянул, вскинув кверху грозные дуги бородавчатых рук. Умница, понял, что эта странная добыча не по зубам.

Где-то рядом ударила молния. На мгновение толщу воды всколыхнула синяя судорога. Я оглянулся. От скутера Болла улепетывали два здоровенных спрута. Каждый превосходил машину размерами раза в четыре. Здесь нашего кальмара нет, подумал я и рванул Манту вперед. Следом круто разворачивал машину Болл.

Вспарывая тьму лучами прожекторов, мы бреющим полетом неслись над местом кальмарьего сборища. Внизу — багровые тела спрутов, разбросанные щупальца, жуткие взоры ослепленных глаз. И вдруг (это было так неожиданно, что мы с Боллом, не сговариваясь, резко снизили скорость) весь видимый участок дна за клубился темно-коричневым дымом. Многотонные живые торпеды одна за другой взмывали вверх с легкостью фейерверочных ракет и, развернувшись верным строем, улетали во тьму. Десять, двадцать, может быть, тридцать. Великолепный по своей стремительности старт!.. И я ощутил в себе

странную смесь восхищения, горечи и чего-то еще, похожего на жгучее чувство стыда, неловкости и обиды. Вот так — подальше от людей, от синих судорожных линий, от непривычно яркого света этих непобедимых и смертельно опасных пришельцев.

Океан свидетель: я не желал быть смертельно опасным! Но где проходит в этом новом для нас удивительном мире граница зла и добра, жестокости и великодушия, необходимости и бессердечия? Какими мерами какой морали оценивать в крошечной тьме неизмеримых бездн свои желания, поступки, совесть, намерения? Свое отчаяние? Обиду? Стыд? И кто мы здесь? Пришельцы? Завоеватели? Хозяева? Или просто чернорабочие нашей сухопутной цивилизации? Сотни болезненно острых вопросов...

Манта продолжала идти вдоль террасы малой скоростью. Я выбрался из кабины и плыл на трапеции, едва не задевая ластами за выступы обросшего губками дна. После феерического бегства кальмаров неприятное ощущение опасности забылось. Поэтому я сильно вздрогнул, когда почувствовал, что кто-то дернул меня за плечо. Фу, пропасть... Я спрятал выхваченный было нож. Болл показал квантабером куда-то в сторону. Я поднял голову и увидел кальмара...

Тот кальмар или не тот? Что-то мне подсказывало: тот. Те же размеры, то же странное предрасположение плавать рядом с людьми... Я взял радиометр и направился прямо к животному. Не оборачиваясь знал: Болл держит спрута на прицеле.

Кракен вытянул вперед четыре щупальца, и матовый шар осветился частыми вспышками красных огней. «Ну, разумеется, — подумал я. — Радиоактивную ампулу легче всего «вмонтировать» в чашку присоски».

Кракен парит в воде, точно аэростат на привязи. Вода, непрерывным потоком омывающая жабры спрута, колеблет края мантийного воротника. Подплываю к голове гиганта. Он вздрагивает, когда я осторожно беру его за щупальце. Спокойнее, мое сокровище, я собираюсь почесать тебе за ушками, и

только... Вглядываюсь. Ну, так и есть! Вынимаю нож и кончиком лезвия выковыриваю из присоски комок голубой мастики и чашечку свинцового экрана. Шар радиометра загорается устойчивым алым огнем. Искать другие «запечатанные» присоски нет смысла.

Возвращаюсь к Боллу и показываю свою находку. Мы разламываем голубой комок на две половинки. В середине комка поблескивает металлический пенал. Моя догадка подтвердилась, коллега: несколько щупалец кракена помечено радиацией. Болл энергично кивает.

Теперь мы плыли вдоль террасы уже впятером: я, Болл, две Манты и спрут. Обтекаемое тело кальмара, продолженное узким пучком плотно сомкнутых и как бы пристегнутых друг к другу щупалец, скользило в воде с какой-то нематериальной, призрачной легкостью.

Избегая прямых лучей прожекторов, кракен плыл хвостом вперед, придерживаясь полутени на границе света и наползающего сзади мрака. Я то и дело оборачивался, словно боясь, что он исчезнет, и сразу успокаивался, как только в ответ на огонь моей фары кроваво-красным рубином вспыхивал огромный глаз. Но чаще оборачивался Болл. И я следил за ним едва ли не внимательней, чем за кальмаром. Болл держал наготове квантабер.

Круто обогнув встречный утес, терраса сузилась. Некоторое время ее жалкие остатки лепились вдоль стены, затем — наклонный обрыв и лестница уходящих в глубину уступов. Привычно вертикальная стена накренилась и неожиданно свернула вправо. Перед нами — темная пропасть, украшенная лазурно-голубыми куполами крупных медуз. Мрачная глубина, угрюмые скалы и... дивной красоты изделия из мягкого живого хрусталя. Ну что ж, подобная контрастность в этом ошеломляющем мире — явление обыденное. Мы тоже повернули вправо.

Я отлично помнил это место по карте — широкий иззубренный полукруг. Далее, в километре отсюда,

начиналось ущелье, а здесь, охватывая подводную лагуну полукольцом, должна тянуться сплошная стена — во всяком случае, такой она выглядела на экранах дешифратора «Мурены». Поэтому я удивился, увидев темный вход в ущелье раньше времени.

Спокойствие, никакое это не ущелье. Просто жалкий разлом или трещина — слишком мелкомасштабная деталь для батимальной карты. И не будь с нами кальмара, мы, пожалуй, проплыли бы мимо: насколько я помню, сегодня мы не собирались совать нос в каждую трещину. Но если кракен и был чем-нибудь озабочен, то меньше всего стабильностью наших сегодняшних планов. Резко увеличив скорость, он метнулся к разлому. Помедлил у входа, словно чего-то выжидая, развернулся головой вперед, поиграл кольцами щупалец, выпрямил их и юркнул в темноту.

Я, не долго раздумывая, направил Манту следом за ним.

Болл, очевидно, замешкался, сбитый с толку моим неожиданным маневром, иначе сзади уже набегали бы отсветы прожекторов. Но как бы там ни было, он меня одного не оставит.

Каменный коридор то сужался на поворотах, то расширялся, уходя в неясную перспективу. На стенах однообразный горельеф изломов, дно усеяно скальными глыбами, которые с трудом угадывались под куполами илистых шапок.

Угнаться за кракеном скутер не мог. На каждом повороте я встречал облака потревоженного ила, но самого животного не видел. Меня заносило, иногда я задевал ногами о выступы скал, но мной овладело возбуждение, и в пылу этой сумасшедшей гонки я не сразу заметил, что каменный коридор расширяется кверху. Поднявшись чуть выше, я мог бы гораздо свободнее «резать углы». Но это было уже некстати, потому что навстречу выплывала из тьмы большая белая надпись... Дальше, на более гладком участке стены, возникла другая — всего из трех букв. Потом еще одна и еще...

Сами по себе подводные надписи — с тех пор, как

я научился их читать, — уже не вызывали трепетного изумления, граничащего с чувством ужаса перед явлением загадочным, необъяснимым. Ошеломляло другое — то, что им тут не счесть числа. Буквы — уроды, буквы — чудовища, монстры... Внезапно они исчезли, и я с тревогой глядел на унылые стены. Затем появлялись опять, заставляя меня еще и еще раз читать их, справа налево. Не покидала надежда все же выявить причину их сотворения. Надписей много, но слов — всего только три: SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ. Сигнал бедствия, женское имя и что-то смутно знакомое, словесный футляр какого-то далекого и в то же время приятного мне своей хотя бы и второстепенной близостью понятия, сущности которого я, как ни старался, вспомнить не мог. Три зеркально перевернутых слова повторялись много раз, в разных вариациях, вместе и порознь: SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ...

С каждой следующей сотней метров коридор расширялся и становился прямее. Подчиняясь какой-то странной закономерности, изменялись и надписи, но, так сказать, в обратной пропорции. Чем шире коридор — тем мельче и правильней буквы... Сверху тихо упали призрачные колонны света. Это Болл, успел подумать я и выпустил из рук трапецию.

Помятый, разломленный надвое корпус, безобразно покореженные листы обшивки, иллюминаторы... Мертво и тускло мерцает отраженным светом серебристая плоскость. Отдельно валяются многобаллонное шасси, обгорелый киль с правым форсаж-мотором, пластмассовый панцирь носового локатора. Там, где должна находиться кабина пилотов, зияла темная дыра, через которую свисали наружу вырванные внутренности пульта... Сверхзвуковой стратолет, или, как его еще называют, — эйратер.

Печальные останки некогда красивой и гордой машины припорошены илом. Будто стая ворон, над обломками кружат траурно-черные лентовидные рыбы. И еще какие-то сиреневые рыбы с огромными пастями и развевающимися фалдами плавников.

Вверху, на границе света и тьмы, парит спрут. Наш загадочный спрут. Щупальца скорбно приспущены вниз.

Я поплыл вдоль хвостовой части корпуса, сметая руками осевший ил. Болл опустился в разлом, и в иллюминаторах забрезжил свет его фары. Я взглянул в выбитый иллюминатор и увидел ряды чудовищно разбухших кресел. Это был пассажирский эйратер...

Скоро Болл выбрался наружу и сделал руками жест, который я отлично понял без слов: трупов, погибших при катастрофе, он не нашел. Да и не было смысла искать: морская вода и бактерии уничтожают их в течение нескольких недель... Я показал Боллу очищенный мною от ила участок. На серебристой поверхности — темно-синие буквы. Если забыть про белые надписи и читать по-русски нормально, получается: «ЛАДОГА». Вот так, коллега, этот эйратер носил русское имя «ЛАДОГА». А теперь гляди сюда и постарайся запомнить номер машины.

Мы облазили погибший эйратер вдоль и поперек. И постепенно перед нами стала вырисовываться картина давней катастрофы. Сначала, видимо, взорвался один из топливных баков. Больше всего поврежден левый борт, а от левой несущей плоскости мы не нашли ничего, даже обломков. Сильно обгорела хвостовая часть фюзеляжа. Нос корабля изуродован, очевидно, ударом о воду. Все остальные разрушения — результат хаотического лавинообразного падения эйратера вниз по каменистому крутому склону ущелья. Наверное, человеческих жертв не было вообще, потому что корабль выполнял какой-то специальный рейс. В заднем салоне, в грузовых отсеках и гардеробах мы не нашли ничего, что могло бы напомнить о пассажирах. Правда, в переднем салоне нам попалось несколько вещей из тех, которые люди по старой привычке еще берут с собою в дорогу. Однако на месте четырех кресел зияли отверстия люков. Заглянув в отверстия, мы убедились, что в нижнем отсеке не хватает четырех спасательных капсул — в момент катастрофы люди успели катапультироваться. Но ус-

пел ли катапультироваться экипаж корабля, оставалось неясным: в бывшей кабине пилотов царила такая хаотическая мешанина из разрушенных приборов, сорванной облицовки, раздавленных пластиков, в которой было бы трудно разобраться даже многоопытному эксперту. Во всяком случае, кресел мы там не видели и сочли это за добрый знак.

Версия о том, что «Ладога» совершала не пассажирский, а какой-то специальный рейс, возникла после того, как мы нашли в салоне «четырех» странную и довольно большую конструкцию неизвестного мне назначения. Судя по тому, как пожимает плечами Болл, такой прибор (я называю эту штуковину прибором чисто условно) ему тоже приходится видеть впервые. На массивном основании покоится прозрачный с закругленными ребрами куб. Внутри куба на общей оси две зеленоватые полусферы, одна из них чуть больше другой. Полусферы могут вращаться относительно друг друга, образуя полную сферу и напоминая тем самым детали хитроумного механизма древних астрологов. Если большая полусфера имела совершенно гладкую полость, то меньшая внутри была устлана множеством белых и мягких сосочков.

Сняв с основания боковую крышку, мы осветили фарами внутренность стального пьедестала и увидели там невероятное количество полупроводниковых конверсоров, собранных отдельными блоками. Внизу, утопленные в желобах магнитных регистраторов, поблескивали кассетные ампулы. Я вынул ампулы, и первое, что мне бросилось в глаза, — это красные штампы на них: «Сенсолинг-4».

Сенсолинг!..

Мало-помалу я пришел в себя от изумления. И снова где-то на дне моей памяти замерцал неясный крохотный огонек. Но, как и прежде, огонек лишь поманил воспоминания и нехотя угас.

Сенсолинг... Стены в надписях, красные штампы. Лотта, мыслящий кракен, эйратер. Сигналы бедствия, ампулы магнитных регистраторов, отключен-

ные агрегаты. Верните безличность. Нет равновесия... Узел? Конечно. Один или несколько? Будем считать, один. Нам хватит одного. С избытком.

Болл где-то нашел и приволок пустую дорожную сумку. Я машинально сложил в нее ампулы. Зачем-то подергал основание странной машины. Прибор был наглухо привинчен к стене, как раз в том месте, где обычно крепятся люльки для самых маленьких пассажиров воздушного лайнера. Счастье, что не было их в трагическом рейсе... На стенках прозрачного куба шевелятся тонкие щупальца двух молодых офиур.

Выбираясь наружу, Болл долго и осторожно лавировал среди металлических заусенец пролома. Мне надоело ждать, и я нырнул в открытый люк грузового отсека. Проскользнув над верхушками донных камней под брюхом эйратера, я уж было совсем собирался покинуть это кладбище обломков, но мое внимание привлек какой-то черный предмет, похожий на ласт. Предмет валялся у нижнего края оторванной и почти вертикально поставленной плоскости эйратерного крыла. «Эйратер и ласты, — подумал я. — Для полного комплекта несуразностей не хватало разве что ласт...»

Я опустил рядом с этим черным, похожим на ласт предметом. Тронул рукой. Замер. Это был настоящий ласт... Рядом — другой. Настоящие ласты на двух настоящих ногах...

«ОН! — крикнул во мне мой изменившийся голос. — О-О-ОН!!!»

Мелькание ласт, плавников, мелькание света. Мелькание теней. Нас двое, а кажется — десять. Третий лежит неподвижно под серебристой плоской колонной — надгробной плитой для него. Навались! Ну же, еще чуть! Пошла... Заводи в сторону, эк...

Скрежет и гулкий грохот пустого металла, илистый дым... Мы склоняемся над трупом подводника. Зачем-то поправляем сползший на грудь белый пояс. Не верится. Тот, кого мы так долго искали. Пашич...

Поднимаем жесткое деревянное тело и перекла-

дываем на гладкую поверхность поверженного крыла. Сдвигаем в сторону, потому что этот участок гладкой поверхности исцарапан ножом. Два слова: «Прощай, Ружена!» Восклицательный знак и запятая на своих местах. У него было время тщательно вырезать надпись и позаботиться о знаках препинания...

Все просто и страшно. Он выходил через люк грузового отсека и попал в западню. То ли от его неосторожного прикосновения, то ли по какой другой причине, но вздыбленная плоскость крыла внезапно осела. Лежа на спине, он пробовал высвободиться. Снизу — режущие грани донных камней, сверху — тяжесть металла. Это был конец, но он еще не верил: где-то рядом кружила обеспокоенная Манта.

Он долго и бесполезно ковырял ножом рваную закраину крыла. Потом понял, что может надеяться только на помощь Дюмона, и стал подсчитывать, сколько времени нужно Дюмону для поисков. Он не знал, что Дюмон обрезал провода и мечется в салоне, опрокидывая мебель. Не мог знать, что мезоскаф готовился всплыть без него.

Помощь запаздывала. Он лежал, считал минуты и думал. У него было время подумать. Сутки, двое, может быть, трое. Потом он вырезал надпись. У него еще было какое-то время, чтобы надпись углубить, сделать отчетливой. Время вышло, когда разрядились аккумуляторы...

Этого не прощают, Дюмон.

Впереди, освещенная прожекторами, летела чернокрылая Манта с телом погибшего. Быть может, та самая Манта, которая ждала, но так и не смогла дожидаться хозяина у обломков эйратера. Мы с Боллом, словно боясь хоть на миг упустить из поля зрения свою ужасную находку, плыли следом. Вдвоем на одной машине, плечом к плечу. Поодаль — горизонтально удлинённый силуэт спрута.

Стены ущелья раздвинулись и утонули во мраке. Всплыв над провалом, мы взяли курс прямо на станцию, на главный ультразвуковой маяк. Вернее, не мы, а Манти, потому что только они умели правиль-

но ориентироваться в этом огромном и темном пространстве, пронизанном неслышными для нас сигналами маяков.

Мы плыли высоко над массивом. Панорама подводных гор скрыта от наших глаз величественным занавесом тьмы. Лишь изредка лучи проскальзывали по макушкам скалистых утесов и на мгновения в безднах мрака возникали странные миражи. Будто бы мимо плыли не громоздкие глыбы, отделенные лучами от своих невидимых фундаментов, а совершенно невесомые архитектурные детали каких-то сказочных воздушных замков... Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь привыкнуть к постоянному ощущению неправдоподобности этого мира. Наверное, нет. Это как сон, в котором ты — участник удивительных, порою драматических событий. Рыбий сон. А рыбы спят с открытыми глазами. И нужно быть действительно хотя бы наполовину рыбой, чтобы уметь отчетливо распознавать в прозрачных водах полусна хищный плавник всегда готовой скверно подшутить реальности. Парящие в пространстве скалы — мираж, сновидение. А Манта, которая несет в последний раз тело погибшего хозяина, — это реальность. И в эту реальность не хочется верить. Но разве я не представлял себе такой финал, когда получил задание от Дуговского? Конечно, нет. Вопреки здравому смыслу, я надеялся увидеть Пашича живым... Наверное, я рыба меньше чем наполовину. Мне явно не хватает хладнокровия.

Я даже не представляю, как он выглядел в жизни. Не знаю ни его лица, ни голоса, ни жестов, ни манер. Зато я знаю: он был умным человеком, смелым, опытным глубоководником. Держал в руках разгадку тайны мыслящего кракена. И вот несчастье... Маленький просчет, ошибка — и уже ничем нельзя ему помочь. Ему не повезло — его напарник оказался предателем, трусом. Мне вот повезло: рядом — плечо надежного товарища. Не выдаст.

Вилем, ты был один. Один в воде — все равно что нуль. Это неписанный закон бездны, Вилем. И океан

подвел под этим законом черту... Я тоже был один. И едва не погиб. Спасибо кракену — выручил. Тебя почему-то не выручил. Должно быть, не знал, не заметил беды... И вообще, в воде человек ничего не может один. Даже если он наполовину рыба... Теперь мы с Боллом вдвоем. А двое на такой глубине — это целый отряд. Вдвоем мы все можем. Не можем только вернуть тебе жизнь. Плыдем следом и смотрим: встречный поток колышет твой безжизненный плавник. Ты мертв, как бывает мертва насмерть загарпуненная большая рыба. Нам очень больно, Вилем, — твоим товарищам. Нам так хотелось увидеть тебя живым!.. И еще больнее будет твоим родным и друзьям, когда узнают. Когда узнает Ружена.

Скутер с телом Пашича влетел в оскаленную пасть четвертого бункера. Болл сунул мне квантабер и тоже надолго пропал в ангаре. Я вынул из кабины сумку с трофейными ампулами, отпустил Манту. Где-то сзади полыхнула ядовито-малиновая зарница. Обернувшись, я чуть не выронил сумку из рук. Прямо передо мной, освещенная прожекторами, неподвижно висела красная туша кальмара. Это было неожиданно, потому что спрут исчез, как только мы приблизились к станции.

Сначала мне показалось, что ловкие щупальца кракена держат большой ватербол — водный мяч, какие часто можно видеть на курортных пляжах. Потом на фоне ярко-желтых полос я разглядел черные цифры, лопасти двух моторных винтов. В глаза опять ударила малиновая вспышка невероятной яркости. Этим и знамениты автономные радиобуи типа «Коралл». Всплыв на поверхность и выполнив программу двусторонней радиосвязи, «Коралл» опять уходит в глубину, ложится на дно где-нибудь недалеко от маяка, посылая в темноту мощные световые сигналы. Встречайте, дескать, почтальона — вам письмо. Любопытно, что ответил Дуговский...

Я воткнул квантабер в ил, а на его приклад повесил сумку. Из бункера выплыл Болл. В руках у него пояс Пашича и ласты. Увидев кракена, он уложил

всю эту амуницию на камень, и, прикрывая глаза от пронзительных вспышек, направился к радиобую. На квантабер он даже не взглянул. Люди быстро осваиваются в самых необычных ситуациях. И быстро смеются. Я прямо-таки замер, когда он с непринужденностью хозяина отстранил мешающее ему щупальце. Гигантский спрут малым ходом послушно отработал в сторону, а Болл величественным взмахом руки призвал меня к себе.

Мы отбуксировали радиобуй на вершину третьего бункера. Бережно опустили в люк.

КРИК В БЕЗДНУ

— Тебе не кажется, Грэг, что кракен специально привел нас к обломкам эйратера?

— Нет, — сказал я. — Не кажется. Это совершенно очевидно.

На столе перед нами длинный водолазный нож и черные ласты. Ласты мокрые — не успели обсохнуть. Кончик ножевого лезвия притуплен. «Вот и все, — подумал я. — Нашли... «Прощай, Ружена!»

Мы с Боллом долго и нехотя глотали осточертевший бульон, избегая смотреть друг другу в глаза. Как будто мы в чем-то виноваты перед бывшим владельцем этих ласт... Я чувствовал невероятную усталость.

Болл наконец поднялся, тяжело, но уверенно. Взяв ласты и нож, хмуро оглядел салон и направился к шкафу, в котором хранилась одежда. Я понял, что он собирается делать, и тоже поднялся. Он приложил оба ластика к пластмассовой стенке и, взмахнув ножом, одним ударом пригвоздил их к матово-белой поверхности. Отступил назад. Салютуя, поднял над головой кулаки. Я тоже поднял. Традиция... Глубководники с почтением относятся к своим традициям. Ласты, пронзенные ножом, будут висеть до тех пор, пока мы не отправим тело погибшего товарища на поверхность. Я сочувственно посмотрел Боллу в затылок.

лок. Для него это не просто традиция. Ведь он знал Пашича раньше.

Болл долго стоял неподвижно, ссутулившись. Думал о чем-то своем. Я тронул его за плечо.

— Ты очень устал, старина?

Болл взглянул на меня отсутствующими глазами.

— Грэг... — сказал он хрипло. — Грэг! Дюмон — обыкновенный трус. Он не выходил на поиски Вилема.

— Знаю, Свен...

— Раньше я сомневался, но теперь для меня все ясно, как день!.. Мне стыдно, Грэг, я тоже чуть тебя не проспал.

— Но ты все-таки вышел... Хотя понимал, что шансов вернуться из воды у тебя было немного. Но довольно об этом. Послушаем лучше Дуговского.

— А, да, «Коралл». Ты отправлял Дуговскому рапорт?

— Запрос. У нас с тобой осталась неразгаданной еще одна загадка, — я кивнул в сторону аквариума. — Кракен...

Болл открыл было рот. Ничего не сказал, только провел ладонью по лицу.

— Да, Свен. Это — не дрессированный кракен.

В глазах у Болла появилось выражение настороженности.

— Постой-ка, Грэг!.. Хочешь сказать, что Пашич дал спруту радиоактивную защиту всего за пять дней до нашего прихода?

— Вот именно. Хотел бы я взглянуть на дрессировщика, который смог бы за пять дней... Ну, в общем, это не кальмар. Вернее, кальмар, но... Я не знаю, что это такое.

Болл опустил в кресло. Неуверенно спросил:

— Биомашина?

Я не ответил. Он видел кракена, и такие вопросы вроде бы ни к чему.

— М-да... — пробормотал Болл, покусывая ноготь. — Конечно, нет... — Рывком поднялся, пересел в кресло за пультом. — Но почему же эта тварь не вырчила Вилема? Чем Вилем хуже нас с тобой?

— А ты заметил, с каким беспокойством кальмар кружил над нами, когда мы выволокли Вилема из-под крыла?

— Припоминаю... Значит, он привел нас к эйратеру не потому, что Вилем... Послушай-ка, Грэг, ты знал об этом давно?

Растопыренные пальцы Болла задержались над клавишами.

— Нет, Свен, ничего я не знал. Просто у меня зародилась смутная догадка, как только ты сказал, что эта пластмасса... — я вынул из кармана оплавленный комок и положил на пульт, — эта очень твердая пластмасса идет на изготовление блистеров и окон для эйратеров. Но, посылая Дуговскому запрос, я уже был уверен, что мы имеем дело не с обычным кальмаром. Кстати, ты не смог бы мне объяснить значение слова «сенсолинг»?

Болл нажал подряд четыре клавиши и, откинувшись в кресле, впери́л глаза в потолок.

— Сенсолинг... сенсолинг... — повторял он, наморщив лоб. — Понимаешь, где-то что-то читал... Не могу припомнить. А в чем, собственно, дело?

Я подошел к сумке, которая стояла в лужице натекшей из нее морской воды, выбрал ампулу с наиболее ясным отпечатком, показал Боллу. Он долго и глубокомысленно разглядывал штамп. Зачем-то посмотрел ампулу на свет, потряс ее, пожал плечами и вернул мне со словами:

— Занятная вещица. — Заметив мое удивление, добавил: — Ты думал, что это — обыкновенная кассета для регистраторов магнитозаписи? Посмотри-ка на свет.

Я посмотрел. Сквозь толщу синеватого стекла я не увидел привычных глазу завитков изящной клазотроновой спиральки. Ампула наполнена какой-то мутноватой жидкостью. Если встряхнуть, можно заметить мелкие белесые хлопья. У торцов стеклянного баллона поблескивали металлические волоски.

Вывалив ампулы из сумки прямо на пол, я тороп-

ливо проверил на свет их все до единой. Та же картина...

Раздался щелчок, и кто-то кашлянул в динамике. Я замер на полу, обхватив руками колени. Голос Дуговского произнес:

— Я — «Волна», я — «Волна». «Бездна-Д-1010», Соболеву, Боллу.

Пауза. В динамиках плескался отдаленный и неясный гул. «У них штормит, — подумал я. — И крепенько, слышать, штормит».

— Отвечаю на ваш запрос. Прежде всего дословно передаю радиограмму из Санкт-Петербурга. «Кроме изучения и моделирования физиологического механизма автотомии¹ осьминогов октопус дефилиппи, никаких других исследовательских работ с крупными моллюсками не проводили. Санкт-Петербургский институт молекулярной бионетики. Руководитель отдела высшего моделирования Кером». Точка. Аналогичные сообщения поступили к нам из всех остальных научно-исследовательских организаций этого профиля, и ни в одном из них не упомянуты кальмары рода архитевтис. На всякий случай передаю сообщение из Хьюстонского института морской биологии. В океанарии на острове Инагуа под руководством Геры Фуллер проводятся эксперименты над гигантским кальмаром по кличке Тарзан, род архитевтисов. Программа этих экспериментов ничем особенно не отличается от обычных программ биологических исследований морских животных. В настоящее время экспериментальные работы Фуллер находятся в стадии завершения. Точка. Благодарю, желаю успеха. Леон Дуговский. Конец передачи.

Все. И никаких дурацких вопросов.

¹ Автотомия — способность некоторых животных самопроизвольно отделять части своего тела в минуту опасности. Так, например, ящерица, спасаясь, оставляет противнику хвост. Осьминог октопус дефилиппи — одно из животных, в совершенстве обладающих автотомированием.

Болл пробежался пальцами по клавишам и непонятно по какому поводу изрек:

— Разумно...

Я уткнулся подбородком в колено, пытаюсь собраться с мыслями. Сообщение Дуговского, конечно, не в состоянии пошатнуть мои предположения. Но концы с концами явно не сходятся. Нить, которая соединяла кракена с людьми — создателями этой твари, каким-то образом оборвалась. Какая нить, когда оборвалась и как?.. Затонувший эйратер?..

— Там, наверху, ничего не знают о существовании спрута, — сказал Болл. — Что ты об этом думаешь, Грэг? По-моему, единственным светлым пятном во всей этой темной истории является эйратер. Не понимаю, почему мы медлим с запросом? Ведь даже в последней записи Пашича...

— Что ты имеешь в виду, наделяя «пятно» эпитетом «светлое»?

— О, это чисто фигуральное выражение. Правду сказать, я не вижу никакой взаимосвязи между авиационной катастрофой и странным поведением спрута. Все дело в том, что нам просто не за что больше зацепиться...

Мы помолчали. Болл, облокотившись на пульт, выстукивал пальцами барабанную дробь.

— Свен, судя по толщине илистых наносов, эйратер пролежал на дне что-то около четырех лет. Может быть, пять. Каков, по-твоему, возраст нашего кракена?

Барабанная дробь прекратилась.

— Думаю, тоже что-то около этого: года четыре... — Болл вместе с креслом повернулся ко мне. — Но это совпадение нам вроде бы и ни к чему.

— Ну вот. А ты говоришь — «светлое», «зацепиться».

— Выходит, эйратер здесь ни при чем?

— Не знаю. Но Вилем, кажется, знал... Или догадывался.

Мы одновременно взглянули в сторону одиноко

чернеющих ласт. На тёмном фоне контрастно выделялась белая рукоятка ножа.

— Свен, — сказал я. — Поднимай «Физалию».

— «Коралл» надежнее. «Физалию», боюсь, оборвет.

— Попробуем, не все же время там у них штормит.

— Ладно, рискнем.

Я разложил ампулы на столе. Их было ровно тридцать штук, этих загадочных ампул. Пасьянс, который не сходится...

— Крутит, — сказал Болл. — Идет неплохо, но с вращением.

Я подошел к пульту взглянуть на счетчик глубин. Пятьсот пятьдесят. С этими глубинно-лифтовыми радиобуями всегда морока: то крутит при подъеме, то обрывается кабель, то не желает всплывать на поверхность антенна. Одним словом — физалия¹.

Болл внимательно следил за шкалами натяжения и деформации кабеля — пальцы на клавишах. Я тронул его за плечо:

— Свен, а все-таки эти проклятые ампулы — касеты регистраторов.

— Ну и что? Там нет клазотроновых элементов, — он даже не обернулся.

— Да. Но их функции выполняет мутная жидкость и хлопья. Не будем забывать, что в наш век электроники и кибернетики существует и такая наука, как бионетика. Свен, эти хлопья содержат в себе информацию...

— Ближе к делу, Грэг. Сразу говори, чего ты хочешь?

— Вот если бы «Мурена»...

— Я так и знал. «Мурену» я тебе не дам. И не

¹ Физалия, или португальский кораблик — сифонофора, внешне похожая на медузу. Держится у поверхности воды с помощью особого плавательного пузыря. Щупальца тонкие, нежные, свешиваются вниз на глубину 20—30 метров, перекручиваются между собой от малейшего движения воды.

только потому, что это совершенно бесполезно, — мы все равно не сможем разобраться в специфике основного кода. Но еще и потому, что я не знаю, как повлияют на память машины комбинации алгоритмов, составленные бионетиками... Это же сумасшедшая наука, Грэг! Не буду слишком удивлен, если, получив заложенную в ампулу информацию, «Мурена» вообразит себя каким-нибудь сенсолингом. Или, чего доброго, затонувшим эйратером.

Или кальмаром по имени Лотта, подумалось мне.

— Тридцать метров, — сообщил Болл и стал набирать на клавишах очередную команду. — Грэг, кажется, все обошлось, антенна всплывает.

Динамики ожили. Сквозь шорох, треск и свист радиопомех мы услышали музыку. На волнах замысловатой мелодии плавал в эфире тонкий, задумчиво-нежный голос певицы. Маленький белый цветок на фоне тропической зелени... Я задержал руку Болла.

— Калькутта, — сказал он.

Не все ли равно — Калькутта, Джакарта, Тананариве. Мир поет — тем и прекрасен. Тем и дорог для нас, тружеников бездны. Отчужденно немой, чернеющей и холодной...

Мелодия тихо угасла, голос растаял в эфире. Я спохватился, выпустил руку товарища. Болл с виноватой улыбкой протянул мне микрофон.

— Я — «Бездна-Д-1010», я — «Бездна-Д-1010»... Вызываю на связь «Волну» — борт «Колыбели», Дуговского. Вызываю на связь... «Волна», как слышите меня, «Волна»? Отвечайте. Прием.

В динамиках цикадами трещали радиопомехи. Я повторил позывные. И наконец сквозь шум прорезался невнятный замирающий голос:

— Я — «Волна», я — «Волна»... «Бездна-1010», слышу вас плохо. Дайте настройку счетом. Дайте счетом... Прием.

— Один, два, три, четыре, пять. Пять, четыре, три, два, один. Я — «Бездна», я — «Бездна»... Как слышите меня, «Волна»? Прием.

— Я — «Волна», — внезапно рывкнули динами-

ки. Болл уменьшил громкость. — «Бездна», слышу вас хорошо. Передаю микрофон Леону Дуговскому. Прием.

— Здравствуйте, шеф. Как там у вас погода? Прием.

— Здравствуйте, Игорь, здравствуйте, Свен... Погода отличная, за «Физалию» не беспокойтесь — при таком волнении не оборвет. Я слушаю вас, ребята... Прием.

Я помедлил, сжимая микрофон до боли в пальцах, взглянул на Болла. Он молча кивнул.

— Снимите панаму, шеф... Мы нашли того, кого искали... и прокололи ласты ножом. Того, кто всплыл, мы обвиняем в трусости. Мы выражаем этому человеку наше презрение.

Болл сидел неподвижно. Шевелилась только рука на клавишах пульта. Шея медленно багровела.

— Запуск агрегатов намечаем на завтра. Агрегаты в порядке — просто в раструбах аквалюмов поселились спруты. Будем ставить решетки. Два из пяти андробатов серьезно повреждены, требуется полная замена... Самочувствие хорошее, продолжаем работу. Прием.

Длительная пауза. Динамики потрескивали рядами атмосферных помех. Наконец дрогнувший голос Дуговского:

— Это был один из лучших гидрокомбистов нашего института, ребята... Гордость глубоководного сектора. Я до сегодняшнего дня не верил... Как это произошло?

— Он погиб, выполняя свой долг! — выпалил я напрямую, пренебрегая правилами радиоэтикета. — Мы искренне соболезнуем вам и разделяем ваши чувства. Мы продолжаем работу, которую он не успел завершить. Кстати, запросите агентства воздушных сообщений: когда и по какой причине на акватории нашего квадрата затонул эйратер «Ладога» под номером... — я дернул Болла за рукав и назвал номер. Болл утвердительно кивнул. — А также как можно подробнее выясните: откуда, куда и с какой целью совершала «Ладога» этот спецрейс. Прием.

— Ваш запрос записан и принят к срочному исполнению.

— Послушайте, шеф, вы не подскажите нам, что такое «сенсолинг»?

— Повторите.

Я повторил. И еще раз — по буквам польскими именами.

— Впервые слышу... Отправим дополнительный запрос, если не удастся найти в энциклопедических словарях нашей фильмотеки.

— С нетерпением ждем на вашей волне ответа на запрос. Соболев, Болл. Конец передачи.

— Сделаю все, что возможно. Конец передачи.

Я отдал микрофон.

— Шеф опять ничего не спросил, — проговорил Болл, почесывая переносицу микрофоном.

— На то он и шеф... — ответил я, прикинув, сколько времени понадобится Дуговскому на связь с центральными аэроагентствами материков. Выходило в лучшем случае около часа. — На то он и шеф, чтобы не тратить время на пустую болтовню в эфире... И знаешь что, Свен, мне кажется, прозрачный куб той штуковины на эйратере похож на аквариум. А все это вместе с полусферами и ящиком, набитым электронными приборами, — какой-то хитроумный контейнер для перевозки спрута.

— Спрута?! — ошарашенный Болл нервно глотнул что-то мешавшее в горле.

— Ну да. Не взрослого, конечно, — юного. Может быть, новорожденного. Вспомни: возрасты затонувшего эйратера и этого кальмара мы нашли примерно одинаковыми.

Болл вздохнул с облегчением.

— Нет, — сказал он. — Мы же выяснили: ни одна научно-исследовательская организация...

— Погоди, — перебил я, — бионетики могли не знать, что имеют дело с детенышем гиганта-архитев-тиса. Насколько мне известно, существует несколько видов этого рода, а многие из них отнюдь не гиганты. Но это во-первых...

— ...а во-вторых, — продолжал Болл, — посту-

пившие от Дуговского сведения могут оказаться неполными. Так?

— Верно.

— Тогда мне остается привести другой, я думаю, более веский довод. Прозрачный куб мало похож на аквариум для транспортировки спрута.

— Почему?

— Головоногие, Грэг, очень чувствительны к химическому составу морской воды, к изменению ее газонасыщенности, температуры.

— Понимаю. Но может быть, белые сосочки внутри полусферы и есть следящие датчики? Они ведь все соединяются с приборным ящиком спиральками проводов.

— Не слишком ли много для таких не очень мудреных замеров? Но дело даже не в этом. Я не видел ничего похожего на трубопроводную арматуру для обновления воды. Нет емкостей и насосов. Это все, что угодно, Грэг, только не аквариум.

Ну что ж, доводы веские. Он прав, это, очевидно, не аквариум. Это — картофелеуборочный комбайн, станок для печатания фальшивых денег, электромузыкальный автомат. Или — ближе к истине — сенсолинг. Но почему мне кажется знакомым это странное, верткое, неуловимое в памяти слово?..

«Ти-ти-та... — внезапно и громко запищала морзянка. — Ти-та-та-ти-ти...» Я с изумлением поднял глаза на динамики. Но Болл догадался сразу — смотрел не мигая в сторону акварина.

— Грэг, это он, — произнес хрипло, вполголоса. — Почерк его.

По стеклу скользило на приплюснутых присосках щупальце...

Я шагнул к пульту и рванул рукоятку рубильника. Салон мгновенно погрузился в густую мягкую тьму. Морзянка умолкла. Во мраке бесстрастно сверкали квадратики пультовой сигнализации. Я на секунду включил освещение, выключил опять. И так несколько раз. Потом оставил рубильник включенным и бросил к акварину. За стеклом метался кальмар.

Именно метался — точнее не скажешь! Уплывал, возвращался, беспокойно рыскал в воде, будто разыскивал что-то потерянное, и вдруг с непонятной, пугающей яростью бросался на акварин, облепляя поверхность стекла эластичными чашками присосок. Отскакивал, судорожно выгибая щупальца дугой. При этом быстро и хаотично менял окраску тела в невероятно широком диапазоне светло-оранжевых и буро-красных тонов.

— Он чем-то страшно возбужден, — сказал Болл. И не то спросил, не то предположил: — Уж не твоей ли сигнализацией, Грэг?..

Постепенно спрут успокоился, начал бледнеть. Одним из щупалец присосался к стенке бункера, остальные безвольно свесил вниз. Теперь он стал бесцветным и полупрозрачным, как матовое стекло. В центре туловища смутно обозначилось пятно чернильного мешка.

— Свен, — сказал я. — Окажи мне любезность: сходи, пожалуйста, в инструментальную кладовую и принеси глицерин.

Болл взглянул на меня исподлобья, внимательно. Спросил:

— Может быть, скажешь — зачем?

— Скажу. Мне пришла в голову мысль попробовать обменяться с кальмаром кое-какой информацией.

— Странная мысль...

Не знаю, достаточно ли она странная для того, чтобы оказаться еще и счастливой. Однако попробовать стоит...

— Кстати, захвати там какую-нибудь неглубокую, но широкую посудину. А я пока подготовлю все остальное.

Пожав плечам, Болл ушел из салона.

Я вынул из шкафа черный свитер и принялся резать его на полоски, не забывая поглядывать в акварин. погоди, мой хороший, не уплывай! Ты мне нужен сейчас для одного отчаянного эксперимента...

Вернулся Болл. Принес бутылку глицерина и кювету для промывки мелких механических деталей.

Стоял — руки в карманы — и молча смотрел на растерзанный свитер. Я вылил глицерин в кювету и бросил туда же нарезанные лоскуты. Руки дрожали от возбуждения.

Внезапно Болл сорвался с места, бросился к пульту. Щелкнул рубильником. Свет за стеклом акварина угас. Болл приволок длинный цилиндрический футляр и вынул из него рулон белой бумаги. Понял...

Я выловил из кюветы две черные пропитанные маслянистой жидкостью полоски и выложил на стекле акварина первую букву. Примитивно, конечно, но что поделаешь — некогда. Завтра придумаем способ общения посовременней... А, черт, в спешке забыл, что надпись следует делать прямую, с той стороны акварина она будет выглядеть так, как удобно кальмару: наоборот.

Готово! Два коротеньких слова: «Кто ты?» Теперь лист бумаги для контрастного фона. Ну, мой хороший, давай!..

Прошла минута. Динамики молчат. Вторая... Ни звука. Провал?.. Смешно и обидно. Для смеха повода лучше и не придумать. Я оглянулся на Болла.

Болл не смеялся. Крутил пальцами карандаш и сосредоточенно глядел на динамики. Я снял бумажный лист, скомкал, отшвырнул прочь. Приплюснув нос к стеклу, затенил ладонями отсветы. Едва различил во мраке неясные контуры щупалец кракена. Кто ты?..

— Грэг, — сказал Болл. — Для него это слишком светло. Он ослеплен и абсолютно ничего не видит... Попробуем убавить освещение.

Он ушел к пульту, и свет в салоне померк.

— Хватит, — сказал я, уже почти не видя в полумраке собственных рук.

Болл включил настольную лампу, накрыл ее полотенцем, оставив себе узкую полоску света. За акварином — кромешная темь. Кто же ты, никому не ведомое, неразгаданное существо?..

Внезапно в тишину, словно в живое тело, вошла короткая очередь тире-точек. Так-так, мы начинаем понимать друг друга.

— «Аттол»! — крикнул мне Болл и тут же попра-

вился: — То есть, «Лотта», конечно. Сыщики-гангстеры! Грэг, это уже настоящий ответ!..

В лихорадочной спешке я лепил на стекле новую фразу, смеясь про себя и чуть не плача одновременно. Я уже не верил в это, я знал, что все напрасно, что ничего не получится — мистика это, смех сквозь слезы, чепуха и нелепость! Новая фраза, против моих намерений, вышла забавно галантной: «Прошу поподробней». Едва я закончил, динамики выдали новую порцию знаков.

— *«Была человеком... стала...»* — Коллега запнулся. — Грэг, мне с этим текстом не справиться.

Я подскочил и выхватил у него из рук бумагу. Потом карандаш. Машинально прочел ему текст в английском переводе:

— *«Была человеком. Стала подводным кошмаром. Теперь я больше животное. Животный инстинкт побеждает. Я не могу. Не хочу. Верните безличность. Если возможно. Боюсь невозможного. Лучше не быть. Хотелось быть. Искала способ. Вернуться. К людям. Ошибка».*

Бумажный лист выпал из рук и лег на стол. Я рванул ворот свитера.

— Без паники, Грэг!

Я задыхался. Закружилась голова. Сквозь зеленую дымку надвигалось что-то большое, ужасно громоздкое и неуклюжее — сверху. Как днище океанского корабля...

Болл, словно откуда-то издалека, встревоженно:

— У тебя слишком богатое воображение, Грэг. Слишком. Будем работать? Или будем друг друга пугать ненормальными взглядами?

— Будем работать, Свен, будем...

Я ободряюще похлопал его по спине и мужественно улыбнулся. Моя улыбка почему-то испугала его еще больше.

Разбрызгивая глицерин, накладываю на стекло черную мозаику букв. Верный, но дьявольски медленный способ. Придумай быстрый. Ну, не сегодня, завтра. И завтра новым способом ты сможешь выудить у этого спрута еще одну порцию странного

брета. Ведь это все-таки животное. Животное, на мозг которого влияет (или повлияло) что-то человеческое. И совершенно естественно, что зверь испытывает беспокойство от тяжести чуждого его природе груза в мозговой коре. Беспокойство и, может быть, даже мучения... В одном теле — по-своему сильном и ловком — заключены два противодействующие друг другу начала: интеллект и животный инстинкт. Интеллект не может победить, потому что он должен во многом уступать звериному инстинкту самосохранения: тело спрута живет в первобытно-диких условиях борьбы за существование. Но разум не может и уступать бесконечно, на то он и разум. В конце концов возникает дилемма: либо как зверь, либо... никак. *«Хотелось быть. Искала способ вернуться к людям, но выбрала этот способ ошибочно. Лучше не быть».*

Обрадовались: ах какое удивление — мыслящий цефалопод! Дрессированный, приученный, разумный! Познакомились ближе — волосы дыбом... Ну кто из нас способен измерить глубину его страданий, вызванных какой-то непоправимой ошибкой?! Сколько дней, месяцев, лет он одиноким призраком бродил в холодных пучинах, пугая братьев по образу. Но только по образу! Он не был подобен ни одному из жителей бездны.

Один... Для всех чужак. Ни человек — ни спрут... Разум хотел возвращения к людям — спрут опасался. Разум настаивал — зверь бунтовал. И разум понял наконец. И снял осаду. Но вот люди сами пришли. Из тлеющей искры выросло пламя надежды, зверь отступил. До поры. Люди грозили квантаберами, травили Мантами — близко не подпускали. Выдержал. Вошел в доверие, добился дружбы, получил охранную грамоту — пеналы с радиоактивным веществом... И все напрасно: все развеялось, как облако чернил. Пришли другие — пугались, кололи ножами. Потом успокоились. Но ничего не поняли, как и те, которые были до них... Темный, было придавленный зверь поднимал голову, щетинясь инстинктами. Интеллект — на грани поражения: *«Теперь я больше*

животное, чем мыслящее существо, — животный инстинкт побеждает». Заламывая щупальца, молил: «Верните безличность. Нет равновесия!» Не понимали ни те, ни другие... Опять повторял: «Верните безличность, если возможно. Иначе будет плохо зверю и мне. Я боюсь, что погублю и его, и себя. Я больше так не хочу, не могу!»

И погубит, если мы не сумеем вернуть хозяину его загадочную «безличность». Но что говорить там о чем-то другом, если мы не знаем даже «хозяина». Тело одно, мозг, очевидно, один — и мы не в состоянии понять, кто же кричит из кальмарьего мозга, требует и умоляет — вынь да положь ему какую-то «безличность»... Да и возможно разве отделить от живой материи мозга мыслящую субстанцию! Ведь это же абсурд!

Нет, что-то здесь имеется в виду иное...

И, наконец, еще одна прелюбопытная деталь. Эта «мыслящая субстанция» говорит о себе в женском роде и даже называет имя: «Лотта». (Да, очень знакомое и дорогое мне женское имя, но сейчас — ради всего святого! — не стоит об этом...) Стало быть, Лотта-кальмар, так сказать, всеми десятью руками расписывается в том, что она есть личность. Но «личность» — понятие, во-первых, неотделимое от совершаемых «личных» поступков. А этого добра за Лоттой-кальмаром числится предостаточно! Та-ак... Теперь она возжелала «безличности». Выходит, она стремится каким-то образом (не будем размышлять сейчас каким) вернуть себя в первичное, предшествовавшее теперешнему, состояние. И это она называет «безличностью». То есть — состояние, при котором не совершаются «личные» поступки!.. Вот и попробуй решить этот ребус... Поистине, чтобы не совершить ни одного поступка, нужно быть без рук, без ног, без туловища, без головы! Нет, голова, пожалуй, нужна даже при таких курьезных условиях — иначе не будет мыслящей Лотты. Та-ак... Значит, понятие «безличность» деликатно отождествляется с понятием «обособленный мозг». Искусственный, ес-

тественный — безразлично, — но обязательно отделенный от живого организма, вне его...

Есть такая игра: кто-нибудь что-нибудь ищет, а другие суфлируют: «холодно», «тепло», «еще теплее», «горячо». Мы начали эту игру, едва переступив порог станции. Мы прошли все этапы до «очень горячо». Теперь я почувал паленое... Я никогда не слышал, чтобы искусственный мозг — даже самый совершенный, на молекулярной основе — мог подняться до высот понятия «личность» или «безличие». Лотта-кальмар поднялся. Отсюда сами собой напрашиваются выводы, предположения. Начнем с предположения, что та штуковина на эйратере — действительно контейнер. Для перевозки «обособленного мозга», а не детеныша спрута, как мне подумалось вначале. Но это был какой-то супермозг. Не по размерам, а по начинке, разумеется. Во время катастрофы его предоставили самому себе, и он благополучно затонул на двухкилометровой глубине. Но не разбился. И рассмеялся: «Так вот в чем прелесть полетов в небо...» Питательный физиологический раствор ему заменила морская вода, насыщенная кислородом и органическими веществами. Возможно, он и создавался с целью использования в какой-нибудь биомашине для исследований океанских глубин. Возможно, он был даже оснащен плавничками-ресницами. Но ползать на обломках эйратера скоро наскучило. К тому же, привыкший к оживленным сутолкам в громадных лабораториях, он тяготился безлюдьем. Поразмыслив своими синтетическими извилинами, он решил раздобыть себе что-нибудь вроде ездового коня. Выбор пал на кальмара. Полонив детеныша гиганта-архитевтиса, супермозг «Лотта» каким-то образом связал себя и развивающийся мозг кальмарчика нейронными канальцами едва ли не на уровне синапсов. Своеобразный симбиоз живого с синтетическим. Кальмар «умнел» буквально не по дням, а по часам, таскал наездника по океанским безднам, и оба были довольны. «Наездник» перестроил нервный аппарат «коня» по своему подобию, однако в зеркально отраженном виде отдал ему все знания, опыт, перелил, образно выражаясь,

всю информацию из своих хранилищ в чужие, и, самое главное, **передал ему свою индивидуальность**. Это и была та самая **ошибка**... Кракен превратился в мыслящее, но глубоко несчастное существо...

— Грэг, — окликнул меня Болл. — Ты, кажется, решил переделать вопрос?

— Вопросов не будет. Наоборот, я собираюсь кое-что посоветовать кракену.

— Вот как! — изумился Болл. — Сыщики-гангстеры! Нам никогда не простят, если мы не выпотрошим до конца говорящего спрута.

— Он уже так выпотрошен, что мне его становится жалко. Я хочу его успокоить. Или убить... Смотря как он отреагирует на мой совет.

— Грэг, я должен подробно записывать все, что сейчас происходит. Это очень любопытная вещь для науки.

Я прилепил последнюю букву и вытер пальцы.

— Пиши, Свен. Диктую: «Не обманывай себя: теперешнее состояние необратимо».

Динамики выдали несколько знаков и смолкли.

— Ну, что там, Свен?

Молчание.

Я обернулся. Болл снимал с настольной лампы затемнение. Наконец ответил:

— Ничего. «Я ушла» — и больше ничего.

— Как ушла?

— А вот так и ушла. Пора бы знать, что женщины не любят опрометчивых советов.

— «Бездна-Д-1010», вызываю на связь. Я — «Волна», я — «Волна», вызываю на связь. Прием...

Я подошел к микрофону. Взял. В руках — неприятная дрожь.

— Я — «Бездна», я — «Бездна»... «Бездна-Д-1010» слушает «Волну». Прием...

— Доброе утро, ребята! — бодро приветствовал нас голос Дуговского.

Я с тоской посмотрел на залепленный буквами акварин и дернул рубильник внешнего освещения. На фоне вспыхнувшего жемчужного зарева черные буквы казались траурной вороньей стаей.

— Доброе утро, шеф. Что нового? Прием.

— Четыре года назад «Ладога» совершала спецрейс из Санкт-Петербурга в Мельбурн, имея на борту контейнер для транспортировки биоаналоговой системы «Сенсолинг-4». Кроме сопровождавшей контейнер группы научных работников, на эйратере находился руководитель отдела высшего моделирования Александр Кером...

У меня зарябило в глазах, ноги подо мной ослабели, и я вынужден был сесть в кресло. Больше я не слушал Дуговского. Я вспомнил.

...На песчаной дорожке колыхалась тeneвая сеть тополиной листвы. Парк наполнен мириадами летающих пушинок. Без устали кружатся, кружатся, сбиваясь в рои и сугробы, срываются с места вдогонку за легким капризным хозяином-ветром, несутся куда-то, не зная куда и зачем.

Я снимаю пушинку у Лотты с волос и сдуваю в общий хоровод.

— О чем ты думаешь, Лотта?

Помедлив, отвечает:

— О тебе, о себе... О нас с тобой. И еще немножко об отце.

Вздыхнула... Она всегда почему-то вздыхает, когда говорит об отце.

— Ты сегодня поссорилась с ним?

Молчит. Значит, поссорилась.

— В институте?

Кивнула. Значит, расскажет.

— Понимаешь, Игорь, у него опять неудача. Как только биоаналог — так неудача...

— Если дело касается биоаналогов...

— Нет, нет, погоди! Я и без тебя знаю, что бионетика топчется в этих вопросах на месте. Но отец предполагает, что только он и Алан Чэйз из Мельбурна близки к решению этой проблемы. Сегодня он предложил мне стать прототипом своей пятой системы.

— Но ты, я вижу, не согласна, — рассеянно заметил я.

Меня удивительно мало волновали проблемы

бионетики даже мирового значения. Особенно сегодня, когда пушинки тихо садились на волосы Лотты.

— Да, я отказалась. Они так страшно молчат...

— Кто?

— Биоаналоги. После наложения матрицы прототипа они почему-то замыкаются в себе и отказываются выполнять задания экспериментаторов. Может быть, оттого, что они начинают чувствовать себя живыми? Отец говорит, что это неправда, что искусственный мозг остается просто машиной, но я уже не верю ему... Мне кажется, что сенсолинги — так называет их отец — это совершенное подобие живого мозга. Три года назад с меня снимали матрицу для сенсолинга номер четыре... Сегодня я хотела взглянуть на него, однако отец решительно воспротивился. И я не знаю, чем объяснить...

Я посмеялся над страхами Лотты и закрыл ей рот поцелуем...

— Прием, прием!.. — выкрикнул Дуговский. — «Бездна», почему не отвечаете? «Бездна»... Прием!..

— Конец передачи! — крикнул я и ударил по клавишам.

Подбежал к аквариуму и с силой смахнул пропитанные глицерином буквы. Едва взглянул поверх пустынного дна, бросился к пульту.

Это было последнее, что я отчетливо помнил на станции...

Микрофон раскачивался перед лицом, как воротник огромной кобры. Быть может, это не он раскачивался — я сам. Раскачивался и кричал. Дрожал от крика, безумствуя горлом:

— Лотта-а-а, верни-и-сь!!! Лотта!!! Лотта-а!..

И все нашаривал пальцами регулятор громкости.

— Лотта-а! Лотта-а-а!!! Верни-и-сь!!!

Кажется, плакал.

Болл поволок меня в каюту. На диване я, уткнувшись в подушку, утих. А где-то внутри — раскатами:

«Ло-о-о... Го-го-о!!! Верни-и-сь... Го-го-го!!!»

Вскинулся пружиной, выскочил в салон. И — прямо в люк... Сорвал одежду, растерзал пакет... Давление вминает ребра.

Вода освещена прожекторами. Кружатся, точно хоровод огней. И Манты кружатся — пушинки тополиные... А я, как сорванный кленовый лист, падаю в темные бездны. И вокруг грохочет, не утихая:

«Лотг-а-а-а!!! Верни-и-и-сь!!! Ого-го-о-о!!!»

Будто бы голос Болла слышу. Не будто бы, а реально. Говорит кому-то:

— Ничего страшного, за него я спокоен. Заработался, двое суток не спал.

Ему резко ответили:

— Я врач, и в ваших советах, мистер Болл, совершенно не нуждаюсь. — И кому-то другому, тоном ниже, но повелительно: — Перенести больного в изолятор!

— А я сказал: оставьте здесь! И улетучивайтесь из моей каюты!

Молодчина, Свен! По-товарищески...

Я открыл глаза и, свесив ноги с койки, сел. Значит, он приволок меня в бункер, сделал усыпляющий укол и поднял в мезоскафе... Ну что ж, все как будто бы правильно. А вот и Дуговский... Я поднялся навстречу.

Дуговский обнял меня и, не обращая внимания на присутствующих, потащил из каюты. Где-то крикнули:

— «Роланд» подходит!

Все заторопились на корму.

Люди что-то кричали и махали огромному белому кораблю. А я стоял и, не отрывая глаз, смотрел себе под ноги. На аккуратно сложенные щупальца и неживые тусклые глаза...

Кто-то сказал:

— Сегодня утром загарпунили. Всплыл под самым бортом. Тонны полторы — не меньше...

Я опустил на колени и погладил холодную, скользкую руку гиганта, защищенного радиацией.

— Это он... — сказал подошедший Болл.

Нас обступили.

— Интересуетесь? — спросил высокий синеглазый человек. — Хороший экземпляр. Препарировать будем.

Болл крепко держал меня за запястье.

Я высвободил руку, поднялся. Сказал синеглазому:

— А мозг постарайтесь не повредить. Передайте его в Санкт-Петербургский институт бионетики, Керому. Это мозг его дочери... Очень любопытная вещь для науки.

Повернулся и пошел прочь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отпуск я решил провести в Санкт-Петербурге. Хотелось посетить знакомые и очень памятные мне места. Рисовал в своем воображении, как я, уставший от одиночества, растворяюсь в толпе занятых собственной жизнью людей, ни с кем не заговаривая, не встречаясь, бреду по набережным, мостам и проспектам, перечитывая строки архитектурных поэм огромного и всегда необычного города...

Однако отпуск начался по-другому. В первый же день мой гостиничный номер был атакован отрядом наших и зарубежных корреспондентов. Я отправил Керому ампулы от регистраторов сенсолинга, сопроводив посылку запиской с кратким перечнем обстоятельств находки, и пересехал в загородный кемпинг. Но тайна моего нового убежища была раскрыта журналистами так быстро, что я пожалел: напрасно не принял приглашение Болла провести отпуск вместе с ним на безлюдных озерах северной Канады. И совсем неожиданно в кемпинге появился Кером.

Я вышел из палатки, повесил у входа табличку «Свободно». Обернулся и увидел его, идущего по хвойному насту, поставил у ног саквояж, подождал. У меня в кармане был билет на самолет в Варшаву, до отлета оставалось три часа.

Кером приближался неторопливо, прихрамывая. Высокий, как всегда респектабельный, с горделивой осанкой. Ослепительно белый костюм, белая шляпа и неизменный светло-розовый галстук. Пристальный взгляд серых внимательных глаз, седина на висках, загорелые скулы... Обнял меня, тяжело навалившись грудью. Сказал:

— Прости, мой мальчик. Я за тобой. Самолет на Варшаву сегодня уйдет без тебя.

Я смотрел в его по-стариковски жесткие усталые глаза. Хотел и не мог ничего возразить...

— Мы занимаемся этим не ради праздного любопытства, — говорил Кером, вышагивая по голубому ковру своего кабинета. — Мы уверены, что поиски молекулярных инструментов для овладения процессами старения человеческого организма вообще, и мозга в частности, дадут эффективный результат. Исследования последних лет позволяют ожидать крупных событий в этом секторе знаний. Нам удалось вырвать... да, вырвать проблему старения мозга из области эмпирики и поставить ее на прочную фактическую основу. Изучение вредных возрастных изменений мозга на всех этапах его индивидуального развития, поиски средств, могущих влиять на этот процесс, — генеральная линия нашего института...

По-утиному звонко закрикал гудок вызова. Кером нажал клавишу селектора:

— Алевтина Ивановна, предупредите сотрудников, что я очень занят.

— Александр Карлович, — возразил женский голос. — Прошу извинить, но в приемной вас ожидают гости из Англии. Профессор Мерих...

— Виноват, — перебил Кером, — миллиард извинений, но даже для Мериха я сейчас не мог бы сделать исключения. Придумайте способ занять англичан на тридцать-сорок минут. И отключите, пожалуйста, все мои телефоны.

— Так вот, — продолжал Кером, глядя куда-то в пространство поверх моей головы, — именно ради этой гуманной, благородной цели мы вынуждены создавать в своих лабораториях биоаналоги мозга реально существующих людей...

— Да, — сказал я. — Существуют живые люди и существуют гуманные цели. И еще существуют средства для достижения этих целей. Кто дал вам право выбирать средства, руководствуясь лишь собственными, возможно, неверными соображениями?

— Никто. Занимаясь этой проблемой, мы вторга-

емся в бездну неведомого, идем впереди собственных знаний. Идем иногда почти вслепую. Естественно, правовой аспект наших исследований пока скрыт в тумане неведения. И если не считать философских концепций, поступающих из ведомств научной фантастики, мы не представляем себе, какая система общечеловеческих взглядов утвердится по результатам наших работ.

Он прав... К сожалению, наверное, прав...

— Результаты ваших работ уже ощущаются даже на дне океанов. Вас это не настораживает?

— Очень волнует. Мы получили доказательство того, что биоаналоги организованы на порядок выше обычных моделей мозга, построенных на белковой основе. Кто мог предполагать, что они способны проявить такую самостоятельность в действиях!

— Иными словами, случайно вы создали нечто такое, что выходит за пределы вашего разумения...

— Положим, не совсем случайно... Как это часто бывает в науке, отвоеванные в борьбе с неведомым крупицы знаний не только не становятся решением проблемы в целом, но расширяют и углубляют ее. И даже открывают перед исследователями одну или несколько новых проблем. Вдруг выясняется способность биоаналогов самостоятельно передавать заложенную в них информацию другим белково-мозговым системам!.. Мы это обязательно используем.

Я вздрогнул.

Возбужденно лавируя между разноцветными мягкими креслами, Кером нечаянно задел и опрокинул одно из них — белое. Быть может, Лотта любила сидеть именно в нем...

— Вы, — сказал я, — уже собираетесь использовать то, чего еще не успели толком осмыслить. В таком случае, будьте готовы к тому, что я постараюсь вам помешать. Я подниму на ноги мировую прессу и заставлю ее дебатировать этот вопрос. Думаю, общественность планеты заинтересуется тревожными предупреждениями очевидца. Вы вправе возразить, что закрыть уже открытое невозможно. Но это и не входит в мои намерения. Просто я хочу, требую, умо-

ляю: не забывайте хорошенько обдумывать и обсуждать возможные последствия ваших чудовищных экспериментов. Во имя памяти вашей дочери, Кером!

Я поднял кресло и поставил на прежнее место. Кером, казалось, о чем-то думал, глядя себе под ноги. Внешне он был спокоен. Но крылья ноздрей его орлиного носа нервно подрагивали.

— Ты и я, — сказал он, — мы оба потеряли самого близкого нам человека. Не знаю, кому тяжелей, тебе или мне... Я стар, мой мальчик, и уже не дождусь решения проблемы долголетия. Однако пока я дышу, не оставлю эту работу — дело всей моей жизни. Не мог бы оставить, даже если б хотел, и ты, конечно, понимаешь, почему... Моя работа перешла в такую стадию, когда необходим расширенный эксперимент. Да, с участием человека. Этим человеком буду я, потому что эксперимент может закончиться для подопытного мозговой катастрофой... Нет, нет, помолчи, дай мне сказать все до конца. Математические и белковые модели в этом отношении не могут соперничать с живым человеческим мозгом, и пусть мой маленький секрет останется строго между нами... Так вот, во имя памяти Лотты я предлагаю тебе союз. И даже шире: во имя идеи.

— Это будет странный союз... Я не враг вашим идеям, но то, что я сказал, остается в силе.

— Ты сказал: «Обдумывать и обсуждать последствия...» Много ли проку, если обсуждать и обдумывать будут сами экспериментаторы? Почти никакого. В науке много горячих голов. Вроде моей. Ты прав, назревает необходимость как-то согласовывать направленность наших экспериментов с общечеловеческой моралью. В связи с этим предвижу возникновение новой научной дисциплины. Я бы предложил назвать ее «этической эргономикой»¹. Дисциплина, надо прямо сказать, эвристическая...

Я слушал Керома со все возрастающим удивлением. Он совершенно очевидно подсказывал мне путь к

¹ Эргономика изучает всевозможные системы «человек—машина».

практической реализации того, что стихийно зрело в моей голове. В замкнутый круг лабораторных исследований подключаются звенья эт-эргономики. Это отдушина, через которую узкоспециальная идея подготавливаемого эксперимента становится достоянием самой широкой общественности, фокус, в котором сосредотачиваются мнения, отклики и пожелания относительно этики этих идей. И наконец, это авторитетный орган, которому предоставляется право последнего слова для этической характеристики того или иного научного замысла. В заключение Кером сказал:

— Я развиваю эту мысль не потому, что считаю этический контроль над моими работами приятной необходимостью. О нет, я преследую другую цель. Становится понятным, что научный прогресс в области моих исследований без дальнейшего развития пока еще односторонней человеческой морали просто невозможен. Близится время, когда мы будем в состоянии искусственно создать сложноорганизованное живое существо. К сожалению, эта перспектива шокирует не только дилетантов. Даже в среде ученых процветают враждебные настроения. Я очень надеюсь, что эт-эргономика, занимаясь вопросами этического планирования наших работ, тем самым будет способствовать возникновению и утверждению новой человеческой морали. Как видишь, я не колеблясь готов отдать в руки наших оппонентов довольно грозное оружие. И мы — я имею в виду бионетиков — заранее честно предупреждаем, что собираемся использовать это оружие в своих целях. Игра в открытую. Будущее покажет, кто победит. Лично я не сомневаюсь в исходе поединка.

«Ну, это еще неизвестно». — подумал я. Вслух сказал:

— Спасибо за лекцию. Ваша откровенность пригодится мне в сегодняшней беседе с журналистами. Эт-эргономика, этический контроль... Очень неплохая идея!

— Своевременная, — подтвердил Кером. И неожиданно добавил: — А первым эт-эргономиком в

штате нашего института я хотел бы видеть тебя. Блюститель старой человеческой морали и основоположник новой... Каково!

— Меня эт-эргономиком?..

— Да, именно тебя. Соглашайся. — Кером невесело улыбнулся. — Более удобного случая свести счеты с бионетикой не представится.

— Хорошо... я подумаю.

— И последнее, — сказал Кером. — Прежде чем ты уедешь в Варшаву, я просил бы тебя составить подробный письменный отчет о твоих наблюдениях за поведением этого... ну... разумного кальмара, что ли. Возможно, мне понадобится этот материал для разработки плана нового эксперимента.

Ну вот, подумалось мне. Эт-эргономика, где ты?..

В Варшаву я сумел вылететь только через неделю. Все эти дни меня не покидало странное ощущение, будто я стою на берегу огромного океана, ошеломленный неотвратимо надвигающимся грозным приливом. Хозяин этого океана — Кером. На правах хозяина он вторгается в бездну неведомого, в абиссальную глубь загадок и тайн искусственно творимой им живой материи. А я, омытый с головы до пят первой приливной волной, стою и не знаю, что будет дальше. Будет ли соблюдена гармония и человечность...

Из международного аэропорта Варшавы я, не задерживаясь в городе, направился в аэропорт внутренних линий. В справочном бюро узнал, что самолет на Сопот уходит через несколько минут. «Сегодня вы еще успеете на пляж. Желаем вам приятного отдыха!»

В Сопоте лил дождь.

Я купил в аэропортовском киоске плащ-куртку из какого-то мягкого полупрозрачного материала. Куртка была тесновата в плечах. Я поднял воротник и вышел на стоянку таксомотора. Открыл дверцу первой попавшейся машины, плюхнулся на желтое сиденье.

— Вам куда? — спросил водитель, дожевывая бутерброд.

— Все равно. Я здесь впервые.

— Мое дело маленькое, но если у вас нет знакомых в «Мимозе», советую прямо в «Патроль». Это немного на отшибе, зато великолепный дикий пляж и свежее пиво с самого утра.

У меня не было знакомых в «Мимозе», и я ничего не имел против свежего пива с утра. Наш розовый в шашечку «Хиум» с огромным никелированным бампером вылетел на автостраду, ведущую к морю.

Мы неслись вдоль побережья, обгоняя двухэтажные пассажирские автооллеры. На крышах автооллеров, под дисками ночных светильников и прямо на бетонных плитах шоссе пестрели надписи, буквы которых кричали о близком уже дне открытия Сопотского фестиваля песни. Водное пространство Гданьской бухты было скрыто завесой дождя.

«Латерна» — легли поперек шоссе метровые буквы.

«Самое популярное в Сопоте танц-кафе» — это по обочине.

А дальше совсем уж интригующе:

«Подумай и остановись!»

Я, не раздумывая, попросил водителя остановиться. В незнакомых местах это иногда бывает даже интересно.

«Хиум» подвернул к обочине, замер у одной из бетонированных тропок, ведущих к большому сооружению, похожему на покосившуюся, готовую упасть стопу тарелок. С фасада эту стопу подпирал стеклянный сегмент, а сверху вместо крыши нависал огромный изогнутый «ласточкин хвост».

Я оставил свой визит-бланк водителю и выразил надежду, что он сумеет устроить мне номер с видом на море.

— Нет ничего проще, — заверил он, — в «Патроле» работает мой двоюродный брат. Я сам отнесу ваш багаж прямо в номер.

— Ну, если вас не затруднит... Один момент: этот сверток я захвачу с собой. До свидания.

Людей в кафе было много. И даже, по-моему, слишком много. Преимущественно молодые и почти

все в таких же плащ-куртках, как у меня, только с рисунками. Танцевали, курили, за стойками пили что-то из высоких бокалов через соломинки. Я протолкался к стойке, спросил сухого шампанского и парочку груш. С детства питаю слабость к этой разновидности фруктов и сейчас с удовольствием съел бы их больше, но грушам был не сезон, а эти были явно оранжерейного происхождения. Как-то неудобно обращать на себя внимание завсегдатаев кафе, лопая у них на глазах лакомства, стоимость которых на фоне остальных цен казалась, мягко выражаясь, чрезмерной.

Я доедал последнюю из двух, когда вдруг рядом сквозь музыкальный шум услышал: «Наглец!» и беглый треск пяти или шести пощечин.

— Эй, парень, — сказал я. — Оставь-ка девушку в покое.

Музыка как раз умолкла, и мои слова прозвучали, видимо, громче, чем нужно. Вокруг меня стало заметно свободнее: кто ступил шаг назад, кто просто отодвинул локти, нашлись такие, кто даже слез с табурета. В общем, стало гораздо просторней, я понял почему, но не успел насторожиться: на опустевший табурет взобралась девица с фиолетовыми волосами, каждый локон которых уложен был тщательно, не без изящества, но как-то уж очень по-кондитерски — гладко и клейко.

— Спасибо, друг, — сказала она, подмигнув мне подкрашенным глазом.

— Пожалуйста. Только, наверное, не за что.

Плащ-куртка ее густо разрисована космическими кораблями и звездами. Кораблей, по-моему, больше.

— Со мной тебе бояться нечего, — заявила она. — Гек вспыльчивый парень, но если я захочу, он ходит на полусогнутых.

— Я не боюсь. Как тебя зовут?

— Ирена. А тебя?

Я сказал. От нее исходил сладковатый, приятный запах духов.

— Груш хочешь? — спросил я с надеждой.

Мне хотелось груш, а вместе с девушкой я свободно мог себе это позволить. Ирена согласно кивнула.

Лакомиться грушами на глазах у вспыльчивого Гека — в этом было что-то от старояпонского хакакири. Ирена, наверное, не знала, что такое хакакири, но что такое женская месть она понимала отлично.

Мы пили тативак — довольно крепкий коктейль, который пьют одновременно из двух бокалов через две соломинки. Ели груши и переглядывались. Ирена заговорщически улыбалась.

— Тебе нравится тативак?

Да, мне нравился тативак.

— А я тебе нравлюсь?

— Конечно.

Я сказал правду. Кроме тативака и груш, мне нравятся девушки, которые умеют ответить на грубость пощечиной. И вообще, мне нравился сегодняшний день. Потому что такие безмятежные дни выдаются не часто. И еще потому, что я знал, вернее, предчувствовал, что этот день окончится вовсе не безмятежно. Из-за свертка, на который я опирался локтем...

— Ты неплохо говоришь по-польски, — сделала мне комплимент Ирена, который, впрочем, я вряд ли заслуживал. — Ты из «Аквариума»?

— Да, что-то в этом роде.

— Как ты находишь Бегги Флор?

— Она восхитительна.

— Фи, у нее слишком худые и длинные ноги.

— Да, есть немного... — пошел я на попятную.

Я никогда не видел Бегги Флор, но слишком худые и длинные ноги мне в самом деле не нравились.

— А-а, догадалась! — Ирена хлопнула в ладоши. — Ты летчик лунной флотилии. Не спорь, это тебе не поможет!

Я спорить не стал. Изобразил на лице готовность быть кем угодно.

— Потанцуем? — спросила Ирена. — Ты умеешь ба-да?

Я посмотрел в зал: танцевали попарно, взявшись за руки, на прямых, как ножницы, негнущихся ногах.

— Пойдем. Это я сумею.

Мы танцевали, пили тативак и опять танцевали.

Ба-да — примитивный танец, но было весело. Потом кончился дождь, и народ повалил из кафе. За опустевшей стойкой мы с Иреной выпили еще по бокалу шампанского и тоже направились к выходу. У выхода нас встретил Гек. Один. Я почему-то думал, что он будет поджидать меня со своими друзьями.

— Иренка, — сказал Гек. — Иренка, с кем ты связалась... Я узнал его, — он ткнул в меня пальцем, — это человек-каракатица.

Такого оборота я не ожидал. Наверное, Гек читает газеты, и наверное, ему попадались газеты, в которых был помещен наш с Боллом «семейный» портрет, а под портретом... Чего там только не было, под этим портретом.

Веселье кончилось, на меня смотрели любопытные глаза Ирены. Лучше бы Гек затеял драку.

— Я кое-что забыл в кафе, — сказал я Ирене. — Подожди меня, если хочешь, я скоро вернусь.

Сверток лежал на стойке рядом с пустыми бокалами. Я хотел спросить двойную порцию коньяка, раздумал и выпил шампанского.

У выхода, как это и должно было быть, меня уже никто не ждал. Я подошел к обочине шоссе и стал высматривать такси. Меня окликнули сзади — голос похож на голос Ирены. Оглянувшись, я увидел, что это не Ирена. Незнакомая девушка сунула мне в руки бумажный листок и молча удалилась. У нее были длинные, но вовсе не худые ноги.

Я взглянул на листок. Записка: «Новая, 77, квартира 9. Ирена». Подкатило свободное такси.

Я сел на заднее сиденье, сказал: «Поехали прямо». Разорвал записку на мелкие кусочки, снял трубку радиотелефона и набрал номер.

— Слушаю, — ответила трубка мужским баритоном.

— Это институт архитектуры?

— Да, это институт архитектуры.

— Мне нужен отдел экспериментального строительства.

— Телефон, номер которого вы набрали, как раз

находится в этом отделе, — терпеливо пояснил баритон.

— Простите, я не был в этом уверен. Мне нужен один ваш сотрудник...

— Нам просто повезло, что вам не понадобились сразу все, — иронически заметил баритон.

— Успокойтесь, — ответил я, — вам это не угрожало. Мне нужна Ружена Ковальская.

— Ружена?..

— Да.

Пауза затянулась. Было слышно, как в трубку дышит человек.

— Сейчас, — сказал баритон. И, обращаясь уже не ко мне: — Тебя тут спрашивают.

— Слушаю, — сказал приятный женский голос.

Я почему-то растерялся. На секунду, не более. Наверное, было в этом голосе что-то такое, отчего я растерялся, но что именно, я не мог уловить.

— Ружена Ковальская у телефона.

— Здравствуйте, Ружена... Мне нужно с вами поговорить. Но не по телефону, и... как-то иначе.

— Кто вы?

Я назвал себя. Пауза. И наконец, как эхо, ответное:

— Соболев...

Это было произнесено без восклицания и так тихо, что я почти не услышал окончания своей фамилии. И вдруг:

— Игорь Соболев?

Голос разительно изменился. Это было так, словно неподвижно сидевшая птица вдруг встрепенулась. Теперь я понял, отчего растерялся вначале: в интонациях голоса меня поразило неестественное, глубокое, как океанская бездна, спокойствие.

— Да, он самый. Я хотел бы встретиться с вами.

— Я сейчас... быстро... — Голос стал порывистым и торопливо-ломким. — Я через несколько минут... Но где?

— Где вам будет удобно.

— Я не знаю, где вы есть!.. Вы далеко от приморского парка?

— Не имею понятия... Впрочем, в моем распоряжении машина, я найду.

— Ждите меня у фонтана Жемчужная раковина.

— Хорошо. До встречи...

Фонтан Жемчужница венчал широкую каменную лестницу, ведущую на набережную и дальше, прямо к воде.

Отсюда открывался великолепный вид на залив, усеянный белыми парусами яхт. Я смотрел в зеленоватый морской простор и думал, что она вот так же стояла на верхней ступеньке, глядя на море с тяжелым предчувствием, упрямо ждала. И не дождалась...

Фонтан бездействовал. В чуть приоткрытых мраморных створках Жемчужницы тускло мерцал металлический шар. Пасти четырех дельфинов, откуда когда-то били упругие, твердые струи воды, покрыты ржавым налетом. Я гладил дельфинью лобастую голову, пытаюсь составить в уме удобные фразы из обтекаемых слов. Фразы не складывались, слова расплзались, как этот ржавый налет, и нарастала смутная уверенность, что любые слова утешения здесь ни к чему и что вообще я приехал сюда не для этого. А для чего — никто не мог бы ответить, даже я сам и даже самому себе. Просто я должен был приехать сюда, увидеть ее, о чем-то поговорить. О, бездна, если бы я знал, для чего и о чем!..

От фонтана веером уходили в глубину парка аллеи. Там над кронами деревьев возвышались башни строительных кранов и новые здания, сверкающие огромными проемами стекла. Строгое изящество архитектурных линий, устремленность ввысь. И было в них что-то от готики старинных польских костелов. Плоды архитектурного эксперимента... Плоды, которые, возможно, помогала вырастить Ружена. И мне вдруг пришло в голову, что эти странные здания и безлюдье старого парка как-то связаны с тем обстоятельством, что она назначила встречу именно здесь; и я уже видел в своем воображении бледную строгую даму в длинных и черных одеждах, вуаль на лице, в мраморно-белой руке янтарные четки... Стоп! А эти

дельфины, лестница к морю, вид на залив? Ну вот, а ты — «вуаль, янтарные четки»... Наваждение рассеивалось. Я ведь заранее знал, что эта встреча потребует известного нервного напряжения, и не то чтоб я струсил, но в последний момент мне стало чуточку не по себе, вот и все. Это пройдет.

Из боковой аллеи торопливо вышла молодая, элегантно и просто одетая женщина. Глянцевито-черная плащ-куртка, закрытый ворот летнего свитера, маленькая сумка — ремень через плечо...

Заметив меня, она сразу остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду, потом пошла навстречу, с каждым шагом все увереннее и быстрее. Подойдя ко мне, машинальным движением руки поправила сбитые ветром коротко стриженные темные волосы. Взглянула. Черные, умные и словно бы чего-то напряженно ждущие глаза...

— Здравствуйте, — сказала она. — Ружена Ковальская — это я.

— Здравствуйте.

Я взял ее руку и прикоснулся губами. Рука едва заметно дрогнула.

— Что вы, Игорь, у нас так давно не делают.

— Это... ну, словом, не потому, что я вспомнил старый польский обычай. Просто... так.

— Я понимаю... И благодарна вам. Я очень рада, что вы решили повидаться со мной.

— Иначе я не мог, — ответил я.

Опять этот чего-то напряженно ждущий взгляд.

— Не мог... — как эхо повторила она и добавила: — Вы тоже несчастливы...

— Дело не в этом, Ружена. Впрочем... может быть, именно в этом, не знаю.

Мы помолчали. Мимо нас быстрым шагом прошли парень и девушка в одинаковой форме яхтсменов. Парень нес на плечах длинные весла. Уже спускаясь по лестничным ступеням, девушка вдруг обернулась и крикнула нам:

— Эй, вы! Это счастливое место! Не вздумайте ссориться здесь!

Оба они рассмеялись и побежали вниз, к берегу.

— Расскажите мне все... — с заметным усилием произнесла Ружена. — Все, как это было. Можно по-русски, я понимаю.

Я стал рассказывать, как это было. Я рассказывал долго, подробно. Ружена слушала не перебивая и, казалось, совершенно безучастно. Но это только так казалось, потому что иногда она поднимала руки к лицу и сжимала щеки ладонями, словно сдерживая вот-вот готовый вырваться горестный возглас. Я рассказывал, не скрывая и не смягчая абсолютно ничего, не щадя ни ее, ни себя, — я хорошо понимал, что сделаю доброе дело, если сумею погасить в ее глазах это странное ждущее напряжение, и смутно догадывался, что если этого не сумею сделать я, то этого не сможет сделать никто никогда...

Незаметно подкрались сумерки. В аллеях парка зажглись гирлянды лампионов. На каменных в античном стиле парковых скамьях сидело несколько парочек. Слышался приглушенный смех. Люблю такие места, где не слышно гитарного звона и воя транзисторов... Высоко над фонтаном ярко вспыхнул голубовато-белый диск. Химический свет мгновенно изменил тональность естественных красок. Лицо Ружены — словно арктический снег, залитый светом полярной луны. Веки опущены, губы дрожат...

— Вот и все... — закончил я, сделав на последнем слове рассчитанное заранее затяжное, но твердое ударение.

— Вот и все... — чуть слышно сказала она, повторив мою интонацию.

Я протянул ей сверток. Белые пальцы Ружены безразлично ощупали целлофан.

— Что здесь? — спросила она.

— Ласты. Его... Это традиция.

Она помолчала.

— Игорь, — сказала вдруг. — Вы опытный врач. Вы хирург. Это было очень больно, но сразу и... видимо, навсегда.

Она все поняла: мой приезд, мое намерение объяснить все до конца и ей, и себе, мой умышленно беспощадный рассказ и даже заранее рассчитанное уда-

рение... Что ж, быть может, так лучше. У нас у обоих возникла необходимость переступить чудовищную грань по эту сторону непоправимого. Но я сделал это чуточку раньше, она же делает это сейчас. И я пытаюсь помочь. Я знал: такие тяжелые раны умеет лечить только время. А я — лишь в роли его ассистента...

— Смотри, Томашек! — раздалось где-то рядом. — Они еще стоят! Я говорила, что это счастливое место!

Зазвенел, удаляясь, девичий смех.

Смеются... И правильно делают. Для них мы с Руженой — просто влюбленные. Они и не знают, что между нами лежит океан человеческих судеб. И хорошо, что не знают... пока. Потому что у них тоже будет свой океан. И мне хочется, чтобы в этом их океане было поменьше штормов, ураганов, а больше попутного теплого ветра, счастливых свершений. И если в безднах новых миров у них появится надобность в крике, то пусть этот крик будет криком победы и торжества. Им дано все: суша и море, планета, солнце, вселенная, мир, ошеломительно большой, глубокий, беспредельный. Так не забудьте же собственных слов: «Это счастливое место! Не вздумайте ссориться, люди!...»

Я взглянул на Ружену. Она смотрела в вечернюю мглу над заливом. Там плыли огни уходящего в море пассажирского лайнера. Я с грустью подумал, что вот сейчас должен оставить ее и уйти.

— Игорь, — сказала она. — Расскажите мне о себе...

Чердак Вселенной

Глава 1

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли кони?

Настороженное фырканье коней, звон сбруи. Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу! Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг как выстрел:

— Не торопитесь, шевадье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженого на скаку коня.

— Граф де Ботрю?

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпенья!

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь. Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевадье. Глеб посмот-

рел на часы — было половина третьего ночи условно-го времени околосолярных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, натурально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофонора. Звук и запах исчезли. Глеб уронил голову на упругое изголовье, отвернулся к стене.

— Вставайте, сэр, — пробормотал, закрывая глаза, — вас ждут великие дела на чердаке Вселенной...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое значение. Он знал почему, но сразу припомнить не мог. И не старался. Он опять засыпал, а во сне меняется соразмерность вещей и понятий...

Он будто бы брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это не туннельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туннели из черного альфа-стекла, очень странные, с арочными сводами. И все-таки это «Зенит»...

Он брел в поисках выхода, сворачивая в боковые проходы направо, налево, — сумрачно вокруг и пусто... Выхода не было. Туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, кончилась гладкая черная облицовка, потянулись грубо обработанные стены в толще ожелезненных недр. Он понимал, что идет куда-то совсем не туда, что пора подниматься в диспетчерскую, однако выйти из бесконечного лабиринта туннелей не мог.

Наконец он входит в зарешеченный зал — какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный, — и узнает виварий. Не слышно обычных шороха, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с большими круглыми головами. Кто это?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинуты вверх, из гермошлемов блестят настоороженные глаза. Это Клаус и Поль — два подопытных шимпанзе, те самые Клаус

и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на станцию «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, шелкает, а на тонкой цепочке — фигурная гиря. И вдруг открывается маленький люк, и забавная птичка шипит и жалобно стонет: ку-ку, ку-ку... Великий космос, это часы!

Стрелки анахронического механизма показывают время начала эксперимента. Пора... Ну-ка, ребята, марш в лифтовой тамбур, да поживее!

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, и гиря на длинной цепочке волочится следом. Зачем тебе это, старик? Брось их!..

Клаусу жаль расставаться с часами, но ничего не поделаешь, надо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль беспокожно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен. Он стар, и у него необычные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, почесывая затянутой в перчатку лапой затылок шлема. Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от великого беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте.

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается вход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозитации. Клаус, обеспокоенно вытянув губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит. Что же вы, ребята, оробели? Давайте я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое слабо вогнутое альфа-зеркало на тубусной подставке. Клаус медлит. Смелее, старик! Тебя нервирует Поль, понимаю: ты

привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, таковы условия эксперимента. Ты у нас ветеран, и кому же, как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров! Передай привет ребятам с «Дипстара»!

Предупредительный гудок, броневая плита идет на подъем. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спиной мертвая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт: кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Где-то там, далеко в-вышине, прозвучал вой сирены, и вдруг стало тихо. Ну-ну, не надо паники! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Отзвенели стартовые сигналы. Мягкий толчок и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозиции, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикали, медленно поворачивается на тонкой оси... Со скрипом и гулом... Ужасно медленно и тяжело...

Вверху опять завывла сирена. Кажется, все обошлось, и можно поздравить себя: устоял! Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно, главное — устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода, и видно, как в голубоватом объеме этой потерны сгущается туманное облачко пара... И сразу — нехорошее предчувствие.

В камере тумана не было. Он успел осесть на стенах белыми искрами инея. А на полу, обрызганном заледеневшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?... Нехорошее что-то к горлу подкатывает. Да, это Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат почему-то незавершенной транспозитации.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю когертона, жалобно стонет: ку-ку, ку-ку...

Вот тебе и ку-ку!

Высоко над головой — глянцево-черные арки эрмножителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов, до свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит», — подумал Глеб. И вдруг отчаянно закричал, проклиная себя, «Зенит» и всю эту неудавшуюся затею с транспозитацией.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом потянулся до боли в суставах, сел, зевая и потирая голые плечи. «Опять не выспался...» — с тоской подумал он, мрачно оглядывая кабинет времен французского абсолютизма. Немного бестактно — сидеть неглиже в приемной у кардинала, но Ришелье был явно не в духе, Глеб — тоже, и обоим было наплевать на соблюдение условностей. Глеб задел ногой ребро брошенной с вечера возле дивана кассеты, зашипел от боли и спрятал ногу под себя. Настроение катастрофически падало. Состояние духа, более созвучное ночному кошмару, просто трудно было себе предста-

вить. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб вернулся в каюту. Людовик Справедливый, беззвучно открывая рот, топал ногами в покоех своей августейшей супруги. Санитарный шлюз был открыт, механические мыши-уборщики разбежались под кружевными подолами фрейлин. Глеб покосился на пунцового от гнева короля, оделся и вышел в туннель.

Ревнителю технической эстетики перемудрили, решив использовать для облицовки круглого туннеля люминесцентный пластик, и с тех пор туннель не туннель, а светящийся призрак — дыра в ослепительно белом тумане. Очень тихо, очень светло, прохладно и не очень уютно.

Глеб постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались...» — подумал он. И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористее наших сверхгениальных идей. Или не понимает?..

Наверху зашелестел вентилятор. Глеб зябко пожегся и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на Землю, менять профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?..

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Шеф повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на

прощание что-то трогательно-благородное, отчего глаза у шефа становятся влажными...

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях, — вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются...

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но, вспомнив о чем-то, вернулся. Он вспомнил, что сегодня ему нужен клайпер.

Глава 2

Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно: на часовом табло светилась четверка с точкой и двумя нулями. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги, — значит, нужно искать ее голый пяткой. Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Фишера:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать, — бодро откликнулся Коля. — Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательно пить молоко.

— Я помню: питание прежде всего. Ульрих Иоганнович, вы где находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчаса.

Взрыкнув ногами, Коля скатился на пол и не-

сколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуте. Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, склонился над изголовьем. Снежно-белая простыня, точно так же, как и вчера утром, была припорошена угольно-черной пылью.

— Елки-финики... — пробормотал он, удрученный открытием.

Беспокоила Колю, однако, вовсе не черная пыль — он уже знал, что она собой представляет. Беспокоила полнейшая необъяснимость ее ночного появления на простынях...

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Недоуменно моргая, он смотрел на подушку, основательно припорошенную каким-то темным веществом. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова, — был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он сразу вспомнил, как однажды, месяца два назад, проснувшись после ночного дежурства, он с величайшим изумлением обнаружил, что подушка и простыни пропитаны кровью. Никаких сомнений относительно того, что это была настоящая кровь, у него, студента Института экспериментальной биологии, не возникло ни на одну секунду. Помнится, он так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшноватое зрелище! — и терялся в догадках. Наконец, решив, что это его собственная кровь — ну, скажем, во время сна лопнул в носо-глоточной полости какой-нибудь кровеносный сосудик, — он старательно уничтожил все следы этого неприятного происшествия, чтобы не давать повода буквоедам из медицинского сектора станции поговорить о «хлипком здоровье современной студенческой молодежи, которую тем не менее Земля

почему-то считает возможным посылать в космос на стажировку». Однако личные неприятности сразу забылись, как только Коля узнал от Ульриха Иоганновича, что в этот день с их любимцем шимпанзе Эльцебаром случилось непоправимое несчастье. У ТР-физиков что-то там не сработало, и в результате беднягу Эльцебара вывернуло наизнанку... На языке ТР-физиков это называется «монополярным вывертом».

Они оправдывались тем, что Эльцебар-де в «момент транспозиции спрыгнул вдруг с когертона». Иоганнович был безутешен, и Коля, сам опечаленный до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь эта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет — просто микроосколочки альфа-стекла. Но объяснить появление альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился или не пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только у дядюшки Ульриха случалось время подолгу беседовать с молодым помощником о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганнович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Коля проявил упрямство и, засев в кафетерии, пил молоко до тех пор, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константинович с видимым отвращением цедил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дерьмо, станция — для дураков, эр-позиция к звездам — дохлый номер и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретиниз-

мом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал, но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Что именно, он придумал не сразу. Первым его побуждением было: выпросить у механиков электродрель и с ее помощью перемонтировать крепления для дивана подальше от неприятного места. Однако он тут же вспомнил о добром десятке дистанционных переключателей, вмонтированных в изголовье, которые связаны кабелем с общей линией электрокоммуникаций... Тогда он просто-напросто решил лечь спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до колен. Для него начиналась пора невольного экспериментирования по принципу «хочешь не хочешь». Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

Чтобы отделаться от этих размышлений, возмевших над ним странную власть, Коля издал жизне-радостный крик гиббона, попрыгал на одной ноге и бросился в душевую.

Он вернулся в каюту мокроволосый, продрогший, мельком взглянул на часы, надел брюки и пулей вылетел в туннель, натягивая куртку на ходу.

В этот ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет; ~~рас~~совал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался в лифтовый тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Шеф рассказывал, что раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Да и сама станция, пока проводи-

лись начальные эксперименты над объектами неживой материи, мало походила на теперешнюю. Но позже, когда физикам удалось проникнуть в самую суть транспозиции предметов через гиперпространство, «Зенит» основательно модернизировали. Но и тогда вивария еще не было: несколько десятков белых мышей и морских свинок находились в четырех стеклянных ящиках в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ГР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозиции высших приматов, выяснилось, что напряженности естественного поля не хватает. Пришлось в срочном порядке строить установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что заодно уже решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько их можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, сложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа, гравитронная установка, напротив, работала бесшумно. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействий полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем

лучше. Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария ощущали на себе: во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами. После этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение. Это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория эксперимента окажется вдруг неотработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом странные

ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца, — поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежному Колиным: «А что это?» или «А на каком принципе это работает?».

Ворвался он в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей природы: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял, улыбаясь одними глазами, дядюшка Ульрих.

Впрочем, это был уже не дядюшка Ульрих. В рабочее время этот седоволосый, очень подтянутый, строгий на вид человек был шефом. Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганнович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда шеф счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега, — сказал шеф. — Мне интересно узнать ваше самочувствие.

— Хорошее, спасибо, — солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готовы?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест. — Торопитесь входить. Сегодня вы совершать очень трудный работа.

Вслед за шефом Коля переступил невысокий комингс отсека, и белая стена неслышно съела проем за их спинами.

Шеф деловито осмотрел рабочее место и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал неуверенность. На поворотном круге станкорамы, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежала молодая горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный шефом, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался, потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал шеф, действительно не из легких. Напаялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам — очень не просто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Станкорاما ходила ходуном, скрипела, однако бурный натиск гориллы выдержала. Скоро Буту устал и стал сопротивляться меньше. Шеф и помощник, манипулируя захватами, быстро делали свое дело.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекомпрессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не поплатился за это укусом в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина... — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! — сказал шеф. — Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился. Шеф кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина, — скомандовал шеф.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения, — бесстрастным голосом доложил помощник. — Бета-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Периодичность кардиального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Шеф одобрительно кивал.

— Гут, — сказал он. — Прошу нести скафандр.

Глава 3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивного ТР-перелетчика освободили от захватов станкорамы и заботливо препроводили в мягкое кресло со спинкой управляемого наклона.

Фишер еще раз лично проверил скафандровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал он. — Вы, коллега, ждать сигнала и проводить Буту в камера. Ауфвидерзеен! Я иметь работа в виварий.

Шеф опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул, захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь, — подумал Коля. — Будешь рыпаться, нажму на кнопку и — аувидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — щелк, и пальцем в кнопку, дистанционный выключатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Шеф как-то умел ладить с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутанги — нет... «Это потому, что у меня молодое лицо, — печально подумал Коля. — Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже».

Наверху завывала сирена, — приглушенный расстоянием вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него. Как ни надежны крепкие замки, которыми этот «парень» пристегнут к спинке и подлокотникам кресла, упускать гориллу из поля зрения не стоит... Ох, и долго же тянется время, когда ожидаешь сигнал из диспетчерской!

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. «Странно, — подумал он. — Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют.

Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...»

Стоп! Коля шлепнул ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Что, не согласен?

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы, — сообщил ему Коля.

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдалось. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко — только сопровождая настоящий ТР-запуск, — пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

— Второй вариант объяснения предпочтительнее, — пояснил Коля и спрятал палец в кулак. — Потому что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли — с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно!) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не понимаю...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространстве дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая

тяги». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не может сдвинуться с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозитации. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неуемное, жгучее любопытство.

«Это что же получается? — думал он. — Получается, что на малой тяге возникает не только главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее, туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана, — но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

→ Чуть, — пробормотал Коля. — Или не чуть?

Внезапно Буту задергался — очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: «Чтоб тебя монополярно вывернуло!..» И, устыдившись, подумал: «Ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзиному племени не везет — слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...»

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело повращал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитое кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется. Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это срочно необходимо выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно, поверят не сразу. Смеяться будут.

Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иоганновича... Может быть, туннельчик этот — какая-нибудь опасная пакость! Может, именно из-за него погиб Эльцебар...

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту. Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свертываясь в рулон, уползла кверху гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение, Коля шагнул в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту, — сказал Коля сквозь ограждение. — И совсем не дурак. Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчерской и шаровидной комнаточки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айс-

бергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, просто так получилось. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей.

Вместо однообразных прямоугольных стен под огневыми ножами камнерезов стала вдруг возникать музыкально-плавная асимметрия абстрактных форм. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты, облицованные сахарно-белой самосветящейся стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали казаться полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). И все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и, вопреки логике, плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтическая деталь пейзажа представляет собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской вообще едва угадывался.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо ко входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резво проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которые он

испытывает во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля, — он хорошо помнил место, где находится тот самый, заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом. «Елки-финики, — подумал Коля, — куда же мне теперь с этим голодным пугалом?..»

Голодное пугало присело отдохнуть. Угрожающим рычанием оно дало понять, что увести его от заветного люка дальше, чем оно это уже позволило, будет не так просто. Ну и пусть сидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия (хотя отлично знал, что это бессмысленно) и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий. Благо вход уже близко — рукой подать.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно, — какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

- Дежурная Квета Брайнова.
- Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.
- Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... — растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду. — А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно, — сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо. — Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Красивое имя, Квета... Если перевести на русский — Цветочек, верно? Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует, уважаемая Квета-Цветочек, это вопрос: что делать с гориллой? И вопрос второй... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для ампула ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела на «Мираже» прошлым рейсом, — ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в ампула ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы, — сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

Квета забавно вытянула губы и широко открыла глаза. Поморгала. Спросила:

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эпсилон-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю, — смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела. — Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— ...больше не буду, — подсказал Коля.

— Минуточку!.. — вдруг насторожилась Квета и повернулась к собеседнику в профиль. Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывающая выход, оставалась неподвижной.

— Я отключила сирену, — сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием. — А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо, — пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются, — сообщил

он. — И в такие минуты бывают опасны. Кстати, ваша дверь тоже на автоматическом замке?.. Ну, тогда ладно.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык, — сказал он. А про себя пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок. — Все, можете выходить.

— До свидания, — сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было.

Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, машинально собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер обрывался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

— Мер-р-рзавец! — простонал он и бросился вдоль туннеля.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью ветра и, поравнявшись со входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета... — тихо сказал он, прерывисто дыша. — Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть горилла? Нет. Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй, там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочно спускайтесь в вакуум-

створ! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

-- Задержи свою бабушку, — посоветовал бас. — А еще лучше — спускайся сюда и сам его тут задерживай. Безобразие! У меня «Мираж» на подходе, а людей — никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?.. Немедленно!

Ошалело натыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон порван, а из прорехи свисал подол оранжевой рубахи. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там, — сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. И помчался в указанном направлении.

Карлсон заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо, — штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот, — где именно, мешали понять горы ящиков и раскатистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не наскочил на стоящего за углом че-

ловека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье. — Почмокал губами, добавил: — Вишневое. Добрался-таки, мерзавец, до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает.

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка, — сказал Коля, — помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две и, надкусывая с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасный компот. И, очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком, в узкие щели проходов.

Коля оценил обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности. Оставалось надеяться только на «профессиональный навык», которым он хвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул он. — Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, но ничего дельного в голову просто не приходило... И вдруг за его спиной что-то обрушилось: на штабель влезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишне-

вым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот... — сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы пролетел ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. «Ему сегодня не везет», — подумал Коля. И еще почему-то подумал, что в этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», — и мгновенно образовалась чуча мала.

— Трос! — закричал Коля. — Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами тронулся с места. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками. Коля успел подумать, что это, наверное, шеф...

Угол обрушился.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно, — мягко остановил его женский голос. — Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился мужской голос. — Ну-ка, покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пшезальского.

— Ян Казимирович, — сказал Коля. — Чувствую

себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пшезальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо шефа.

— Ульрих Иоганнович... — Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбегал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут, — сказал шеф. — Вы скорее выздоравливать!..

— Достаточно, — сказала Франсуаза. — Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините, — мягко остановила его Франсуаза. — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О, да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер проси-

тельно заглянул в темные и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел в лифтовый тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

Глава 4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые «окна» экранов, вспыхивали и угасали табло. Стен в зале не было: вместо них вплотную друг к другу стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы были даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал телескопический подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посередине, огражденная низкими бортами. За пультом сгорбившись сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал, не отрывая лица от нарамника экспонира.

Глеб сбежал по трапу на нижний причал и оглушительно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока гость устроится в кресле напротив. Потом выложил перед ним на пульт бутерброд в целлофане, показал глазами на кофейник. Бж-ж-ж-ж, клац-клац... — кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Томит меня предчувствие еды. — Глеб сорвал с бутерброда обертку. Громко спросил: — Как дела?

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам гравифлаттер. Стряслись пластины дозаторов активной эпиплазмы.

Глеб сочувственно поцокал языком и откусил от бутерброда. Бутерброд был с сыром.

— Один гравитрон закашлялся насмерть, — сообщил Ильмар. — Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так тебе говорю... между прочим.

«Мне все известно, — подумал Глеб. — Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны — в конце концов, достаточно трех, если точнее подсчитать напряженность эрполя. А для перелета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех на десять в двенадцатой степени».

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткнул пальцем в желтую кнопку на пульте и посмотрел вниз.

Глеб тоже посмотрел. Где-то там лязгнул металл, но сначала ничего не было видно. Потом в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездообразный торец гравитрона.

— Я так и думал, — пробормотал Ильмар. — Из новых...

— Из тех, что прибыли на «Мираже»?

— Те, что прибыли на «Мираже», НЗ. — Вашему брату ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

«Нашей сестре», — мысленно поправил Глеб. Вчера на калькуляторе работала Квета. По этой причине нужно было менять тромб-головку в блоке локального счета. Сменить, конечно, не долго, но вот когда на калькуляторе работал Захаров... Глеб вздохнул.

— Нам бы ваши проблемы, — сказал он, покачивая в руке пустой кофейник. — Кстати, ты не забыл

записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

Ильмар пошарил у себя в нагрудных карманах, затем в боковых. С озабоченным видом стал ощупывать брюки — казалось, его костюм состоял из одних карманов. Наконец, в руке гравитроника блеснула небольшая плоская кассета.

— Вот, — сказал Ильмар. — Точность подсчета плюс-минус ноль пять килограмма. Но это вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два.

— Ясно, — сказал Глеб. Повертел кассету и отдал Ильмару.

— Ну хорошо, — сказал Ильмар. — Как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет нам избавиться от гравифлаттера?

— Может быть, — не совсем уверенно ответил Глеб. — Спасибо. Ну, я пойду... Еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну, чего ты на меня уставился?

— Ничего... — Ильмар вздохнул. — Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Помрачневший Глеб перекинул ремень от футляра через плечо.

— Сядь, — сказал Ильмар. — У нас на «Зените» очень глубокие залы. И самый глубокий из них именно этот.

Бж-ж-ж-ж... — кабина поехала к трапу, — клац-клац... Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на «чердаке»? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время

хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф оттягивает похороны... А так — все нормально!

— Все нормально? — зло удивился Ильмар. — Эх вы!.. А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр, — напомнил Глеб. — Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком смысле?

— В физическом...

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр, а результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь не хочешь — придется это переварить. И тебе заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по ступенькам.

...Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш», — подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро, — вежливо сказала Квета.

— Салют, — буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Посвистел. Зеленоватые глаза, казалось, внимательно осматривали все вокруг — но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня, — сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

«Девочка, — подумал Глеб. — Восторженный птенец». Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

«Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...»

Глеб настроил клайперный шуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер завыл.

«...А на Земле ей будет казаться, что отпуск тянется подозрительно долго. Сначала она будет как-то сопротивляться этому своему ощущению. Но в один из безоблачных полдней, устав разглядывать солнечный диск через очки-светофильтры, она заявится в бюро меркурианской связи в курточке с эмблемой «Зенита» на рукаве и потребует тридцать служебных секунд межпланетки. И ей дадут тридцать секунд. Не потому, что обязаны, а потому, что привыкли оказывать внимание тем, что с «Зенита». «Мне нужно, — скажет она в микрофоны очень взволнованно, — просто необходимо вернуться досрочно. Я вас прошу!...» Через шесть с половиной минут поступит ответ. Шеф, как всегда, будет краток: «Да, разрешаю», и безразлично добавит для буквоедов из службы Контроля: «В связи с необходимостью». Невероятно скучный перелет Земля — Меркурий, Меркурий — «Зенит», и

вот она является на астероид с большим букетом сирени, счастливая, что наконец вернулась. Вернулась на круги своя... Четыре пульта вокруг квадратной ямы, однообразие экспериментов, тоска по далекой Земле, слезы в подушку, огромный шар пылающего Солнца...»

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро сунул руку в недра пульта, нашарил нужный ряд тромб-головок. Квета, следившая за последовательностью ремонтных операций, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто будет третий?

— Третий будет лишний, — рассеянно ответил Глеб. Он выдернул испорченную тромб-головку из гнезда, зачем-то потер о рукав и посмотрел прозрачную колбу на свет. — Хотите, я почитаю вам старых поэтов?

— Нет, я серьезно... — Девушка зарделась от смущения.

— Третий будет Ваал. Четвертый, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко, — терпеливо пояснил Глеб. — Сокращенно — Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро, — поздоровалась Квета.

— Утро!.. — Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку. — Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники, — сказал Валерий. — Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут. — Глеб выключил клайпер. — Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю. Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульту и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать «до свидания».

— Я не буду делать большие глаза, — возразил Глеб. — Я буду делать большой и, по возможности, громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки, вроде меня, после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным и глупым названием «Дипстар»¹. Вот, кажется, и все, с чем нас можно поздравить. — Носком ботинка Глеб отшвырнул тромб-головку к стене.

— Насчет трубы я уже слышал, — напомнил Валерий.

— Слышал звон...

— Вот именно.

Валерий сел в кресло и повращался на винтовом сиденье. Похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке востор-

¹ «Дипстар» — «Звезда глубины» (англ.).

га. Эн минус два года назад мы передали собаку, ма-
каку и трех шимпанзе. Потом человека...

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне
удар. Удар пришелся по шее.

— Прости, немного не рассчитал...

— Я не злопамятный.

— Но больше всего тогда, по-моему, досталось
шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали
всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень
низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали
еще пятерых.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет, — сказал Глеб. — Просто из наших буй-
ных голов улетучились флюиды восторга. Наступила
пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-пере-
дач и комплекс идей Калантарова — наших идей!
С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жут-
кая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Пря-
мой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыс-
лам... А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого
дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тро-
пинках сверхдальних планет... Новая эра! Земля
гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

«Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — вре-
мени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают.
Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умеща-
ются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, ко-
нечно, забросить «Дипстар» за орбиту Плутона еще
на эн миллионов километров. А дальше что? Тупик,
теорема Топаллера... Те, кто бредил о транспози-
ции к звездам, успешно и быстро прошли курс лече-
ния, выверяя правильность неуязвимой теоремы.
Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипста-
ре», осталась кучка маньяков, которым до смерти хо-
чется пробить головой непреступную стену. Она не-

приступна, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно, — произнес Валерий и медленно поднялся. — Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте, Квета. Это очень серьезно, мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал, — сказал Глеб. — Я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал, — и ты, и я, и Туманов, и сам Калантаров... Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик-приемник и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну, еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра Системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела... вот так! — Глеб провел ребром ладони под подбородком.

— «Здравствуйте, дни, голубые, осенние...» — задумчиво продекламировал Валерий. — Ну, мне пора. Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога взвыл и запрыгал на одной ноге к ближайшему креслу.

— Ваал, — сказал он, снимая ботинок, — при ноль восьми земного тяготения ты ничего не потерял. В смысле живого веса... Кто мне подскажет, как называется этот расплющенный палец?

— Указательный, — подсказал Глеб.

— Ваал, ты отдал мне указательный палец на левой ноге.

Валерий выглянул из коридора:

— Ладно, старик, будешь иметь компенсацию.

— Банку салаки. Пряный посол. Знает, шельмец, мою постыдную слабость.

— Идея. А вам что достать, задумчивая Квета? Не стесняйтесь, у меня в снабженческой среде широкие связи.

— Спасибо, ничего... — сказала Квета. И, вспых-

нув, тихо добавила: — Подскажите, пожалуйста, шефу, что один человек на «Зените» очень нуждается в отпуске.

— Гм... — произнес Валерий. Убрал голову, и створки дверей с шипением захлопнулись.

Гога не произнес ни слова. Он пристально взглянул на Глеба — гораздо пристальнее, чем обычно, — и сунул ногу в ботинок. Глеб почувствовал потребность срочно провалиться сквозь астероид.

«Плохи мои дела, — думал он. — Очень плохи, если даже это хрупкое существо с ботаническим именем начинает проявлять опасную инициативу...»

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуум-стор, — сказал Гога, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу. — Говорят, есть человеческие жертвы... Туманов не заглядывал?

— Туманова не будет, — угрюмо ответил Глеб.

— Ты что... серьезно?

— Вполне. В нашем секторе эклиптики сохранится сухая, жаркая погода. Протонный ветер, слабый до умеренного. Глубокий вакуум... Гога, Ваал обозвал меня дезертиром...

— Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже. Ваал в какой-то мере прав.

Глеб на минуту задумался.

— В какой? Это важно.

— В той мере, которая определяет дезертирство если не в кинетическом смысле...

— ...То уж во всяком случае в потенциальном, — закончил Глеб. — Ясно, можешь не продолжать.

— А я особого энтузиазма и не испытывал.

— Ну и напрасно. Ведь разговор не только обо мне. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но замахнись мы хотя бы на альфу Центавра, нам понадобится

иметь в своем распоряжении общую массу шестидесяти таких планет, как Юпитер! Или иметь возле альфы Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того ни другого. Понимание этого называется дезертирством.

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами — по одному с каждой из четырех сторон против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приближит звездный час человечества... — Глеб показал половину мизинца, — хоть на полстолько.

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета, — сказал он, — объясните этому субъекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие мы все у-умные! — покачав головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональности. — Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Ведь разговор, по существу, идет о переоценке результатов многолетней работы. Самоанализ — это хорошо, это психологически оправданно. А самобичевание — плохо, потому что больно и унижительно, стыдно... Простите, если я сказала что-нибудь не так.

— Так, Квета, так. Здравствуйте! Прошу простить за опоздание, меня задержала связь с «Миражом». — Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пультам.

Он всегда был изящным, от самой макушки до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны. — Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир, — сказал Глеб, — пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил желание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывает, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако... В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги! — Туманов солидно откашлялся. — Этот день войдет в анналы истории.

— Слышу торжественный шелест знамен, — доверительно сообщил Гога.

Глеб тяжело смотрел Туманову в затылок. Молчал.

Туманов щелкнул пальцами и резко повернулся на каблуках:

— В общем, так: будем готовить ТР-передатчик к работе. Шеф решил отправить в гиперпространство двух ТР-летчиков, методом параллельно-сдвоенной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет...

— Шутишь!.. — выдохнул Гога.

— Сегодня нам не до шуток, коллеги.

«Сон в руку, — подумал Глеб. — Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравитроны, бедный Ильмар, несчастная Квета, несчастный тромб-стиггерный блок. Великий космос, до чего же все надоело!..»

Из коридора послышалось дребезжание зуммера.

Это сигнал службы вакуум-створа: к астероиду причалил «Мираж».

— Калантаров, — подняв брови, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица, — добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно, — ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

Глава 5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты считалось правилом хорошего тона.

Переключая клавиши с бесстрастием автомата, Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было уже безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других.

У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось. В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали эритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, не поворачивая головы, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!..

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну, вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

— Верю, Глебушка, верю. Слышишь, как кто-то жалобно воеет там, за дюнами? Слышишь?..

— Это какой-нибудь зверь. Потерял след на охоте.

— Красиво здесь... Будто бы на краю звездной пропасти. Темно, красиво и жутко.

— Я рядом. А то, что жутко, где-то в песках, далеко...

Да, верно, тогда он был рядом. И казалось, так будет всегда, но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и остальным) шершавую колкую ветку акации — мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях. А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начал ее ждать. Работал до полного изнеможения и отчаянно ждал. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее, а значит, и для него, все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. Остается одно: жалобно взвыть. Это финал потерявшего след на звездной охоте...

— Глеб Константинович Неделин, — негромко позвал Туманов. — Я прошу вас очнуться, коллега, и посмотреть, что происходит на вверенном вам участке эр-позиции.

Глеб улыбнулся — так сначала всем показалось.

Но вот он поднял голову, и сразу стала понятна разница между улыбкой и судорогой лица. Рванувшись из кресла, он вскинул кулак над хрупкой клавиатурой...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб медленно разжал кулак и, пошатываясь — будто с тяжелого сна, повернулся к пульту спиной. Встретил глаза цвета раннего утра, покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой, сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом» — и протянул руку. У незнакомца — молодое белое лицо. Одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем Фортепиано, вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил. Валерий помалкивал, Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова. Астра и Квета оживленно о чем-то беседовали с чернобородым. Чернобородый сиял и смущался. Глеб медленно приходил в себя.

— Вот, собственно, и все... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю, — сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина, — пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал

проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну хорошо, — вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю. — Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович, — мягко остановил его Калантаров. — Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну... — Туманов пожал плечами, — я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Передают Неделину восторженные поздравления. Дальше?

— Шеф, это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав, — тихо сказал он. — К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет, — сказал он. — При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятая, не правда ли? — В глазах

Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость. — После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляется только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти, не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства, — высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» только сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Взгляните сами, — Гога показал язык.

— Я не специалист, меня вполне устроила бы более популярная форма ответа.

— Минуту назад мсье Дюринг осмотрел эту деталь моего ротового отверстия и весьма остроумно заметил, что молодцы, подобные мне, в прошлом предпочитали службу в лейб-гвардии. Что такое лейб-гвардия, шеф?

— Кажется, род опереточных войск. Ты не в духе сегодня?

— Нет, у меня все нормально... — Гога показал глазами на Глеба: — А вот ему плохо. Очень плохо, шеф...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, по-

брел к выходу. На лице Калантарова проступило выражение озабоченности.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение. Гога чувствовал себя несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Ровно через час проведете эр-позитацию на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

Глава 6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета, с той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонь-

ко звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И всегда у кого-нибудь возникала Идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен...

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек, — мягко окликнул Дюринг. — Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность.

— А подите вы... — прошипел Глеб.

— Не надо, — приятно улыбаясь, сказал Дюринг.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... Та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох... раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ниче-

го, сначала это немного трудно, потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю, — у Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо. — Как самочувствие?

— Не знаю... — Глеб подвигал плечами. — Наверное, все в порядке.

— Плохо ощущаете пластику мышц? Это ненадолго, пройдет. — Врач выхватил из кармана салфетку, промокнул лицо. — Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо, — ответил Глеб. — Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удастся?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за десять секунд ухитряетесь... фьють... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось. — Дюринг вежливо улыбнулся.

— Но все равно мне нужен отпуск, — сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности — море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы...

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы теплая звездная ночь...

— И жалобный вой за этими дюнами.

Глеб вздрогнул.

— Да... Или звуки фортепиано.

— В миноре, — добавил Дюринг, засовывая салфетку в карман. — Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это... — Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист. — Дюринг заторо-

пился. — Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо... — пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел шефа.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Дела как у бабушки, шеф. Которая села в экспресс-вертолет, да не тот.

Шеф растерянно поморгал. Нервически дернул щекой и медленно пошел навстречу:

— Притчами заговорил, мальчишка...

Глеб устало сказал:

— Шеф, давайте в открытую?

— Давно пора! То, что ты разобрался в теоретических выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что ты раскис по этому поводу...

— Нет, шеф, не по этому. Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не создавай кумира.

Глеб покачал головой:

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах. А после трех-четырех уравнений Топаллера вы растерялись.

— Очень заметно?

— Не надо, шеф. Ведь мы договорились — в открытую.

Калантаров задумался.

— Ладно, — сказал он. — Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И никакая техника здесь не поможет.

— Ну хорошо. — Калантаров вздохнул. — Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ГР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной Системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства Вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Вашей теории, шеф. Скажите откровенно, что вы собираетесь делать?

— Работать. Разве не ясно?

— Ясно. Но как?

— Головой, разумеется.

«Ему зачем-то очень нужно вывести меня из равновесия», — подумал Глеб. Спросил:

— Что имеете вы предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру. — Калантаров пожал плечами. — Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ГР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрацию наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бородкой...

— Да. Представитель техбюро. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на

Луне. А затем... Я точно не помню намеченной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым трапам и лайнерам непременно...

— Простите, шеф! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы. Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов, — деловито стал объяснять Калантаров. — Ну и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникает острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк. Продолжать не было смысла. То, чего он намеренно добивался, свершилось: зеленатые глаза лучшего оператора экспериментальной станции «Зенит» помутнели от бешенства.

— Вот что... — задыхаясь, произнес Глеб. — Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мсье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший шеф не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». Орэвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж, дело твое, — сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился — к шефу вполборота. Спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли... — Калантаров взглянул на часы. — Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И, пока не поздно, хотелось бы

выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал, — глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. Но вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гирями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я в основном занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметные полосы размыва пульсации поля... А затем, будто бы эхо, — девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. В результате я получаю пинок от начальства и репутацию скверного оператора. Знать бы, за что?

— Страдалец, — посочувствовал Калантаров. — Ты искал причину перерасхода энергии только поэтому?

— Нет, скорее из спортивного интереса. Таким уж, простите, мама меня родила. До неприличия любопытным.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что... — Он оглядел потолок: — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего, — возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой, — нам вовсе не мешает проветриться.

Идти куда-то принимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе не ощущал, но сопротивляться было бы еще глупее. Тем более что Калантаров явно спешил и вид имел весьма озабоченный.

Глава 7

Они шли по кольцу вдоль туннеля, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел.

— Вот, — сказал Глеб, — здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две другие...

— Нет-нет, — перебил Калантаров. — Именно эта. Лифтовый люк мы миновали, а впереди — вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены. — Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончалась воображаемая вертикаль. — Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово, — сказал он. — Мой шаг точно равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ? — не понял шеф.

— Которым копать. Во всех приключенческих книжках клады копают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно, — сказал Калантаров. — Но Кидд подождет. Место, на котором ты стоишь, отметь чем-нибудь.

Глеб вынул из кармана носовой платок и бросил под ноги. Калантаров поднялся и отряхнул ладони.

— Шеф, — сказал Глеб, — я понимаю, у вас сегодня игривое настроение. Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен — вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он заморожено смотрел на черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству, — в обе стороны своего продолжения. словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. «Ток увлажненного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб. — Но тогда почему стена запотела не против решетки, почему далеко в стороне?..» По примеру шефа Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался налет черного порошка.

— Понял? — спросил Калантаров.

— Понял. Процесс шелушения... Удивительное дело!

— М-да... — Шеф помолчал. — Но самое удивительное... Ну ладно, время у нас еще есть, и теперь ты можешь мне рассказать о кладях злополучного Кидда.

— Нет, не ладно! — Глеб побледнел. — Вы забыли мне объяснить, зачем вам то и дело нужно было поминать мой эр-феномен?

— Ах да!.. Сушная безделица. Я не был уверен, что это мое объяснение разбудит в тебе любопытство.

Глеб сжал зубы до боли в скулах и тяжело задышал через нос.

— Вот так-то лучше, — сурово сказал Калантаров, — когда без этих штучек типа «орэвуар!» и прочих аксессуаров воинствующего малодушия. Говорят, дурной пример заразителен, но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он ушел потому, что почувствовал слабость в коленках, и я его не обвиняю. Он понял, что сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел, потому что знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит —

перестал понимать. Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной Системы. А на звезды ему всегда было наплевать... Да, после Топаллера порешили наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Но посмотри, кто остался, не говоря уже о нашей группе! Шубин остался, Майкл Нейдл, Сикорский, Крамер, Бютуар! Ядро, вокруг которого постепенно соберется зубастая молодежь. Зело труден орешек межзвездной транспозиции, и для его счастливого разгрызания нужно будет много и оригинально шевелить мозгами. Такая перспектива тебя устраивает?

— От работы я никогда не отказывался, — хмуро напомнил Глеб. — Я полон нетерпения оригинально шевелить мозгами. Может, сразу начнем? Проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм Вселенной?

— Ты опоздал, — возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

Глеб тревожно задумался над сообщением шефа.

— Ладно, — сказал он. Вскинул руки над головой. — Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-феномен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать. И прежде всего меня насторожил его спорадизм. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энергии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев, — просто математический опус...

— Неправда, — сказал Калантаров. — Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранный контура не есть математический

опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что «дальше»? — зло удивился Глеб. — Я уже поднял руки перед вашей пронизательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца, — спокойно ответил шеф. И вдруг, багровея на глазах собеседника, захрипел, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Щенок! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозиции! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане! Самонадеянно полагает, что мне зачем-то понадобилось загонять его в угол!..

Глеб смотрел на Калантарова с настороженным любопытством.

Шеф взял себя в руки, довольно быстро успокоился.

— Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рождаем некую общую мысль и облакаем ее в математическую формулу. Я узнаю об этом минуту назад и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен за счет появления линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост. Ты заложил руки в карманы и прошел мимо открытия. А все почему? Потому что — согласно теории Калантарова — эр-поле не может возникнуть вне условия альфа-экранировки. Калантаров, понимаете ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите, — перебил Глеб. — Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указа-

тельный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотетической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус» должен находиться в трех метрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг оживился: — Шеф, вчера ко мне подходил какой-то букварь... кажется, кто-то из лаборантов биологического сектора, и что-то чирикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то... — Калантаров поморщился. — Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый букварь, у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эpsilon-шесть отменяется. Горилла сбежала и, говорят, слегка порезвилась, кажется, в вакуумстворе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно! Поэтому я пропустил его сообщение мимо ушей. Ведь в прошлую ночь автоматы гоняли ТР-установку на малой тяге.

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — пона-

блюдаем визуально... Потом разделяемся с транспозитацией Алексеенко и Ротановой на «Дипстар», проводим восвосяи представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры вокруг этого участка туннеля и в каюте чудака-лаборанта, если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завывала сирена. Шеф показал на стену и крикнул:

— Я наблюдаю за ней, а ты — вокруг и в общем Понял?

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Вернее, не было такого мягкого толчка, какой ожидался. Было нечто, очень похожее на оплеуху. Затем — молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Падать, благо, было невысоко, но, как и при всяком падении, больно. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Он крикнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крикнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами и широкими потернами, распахнутыми на причальную площадку. По ту сторону потерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь

гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром как снег на голову сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона, теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи, — оборвал его бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на «чердаке»... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После ихних экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и начинаешь соображать.

Глеб переглянулся с Калантаровым. Физиономия шефа действительно выглядела очень забавно. Раньше Глеб никогда не видел его таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь?

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там, — кивнул Глеб, — наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, опасно перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз едва виднелся между нашлепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон. — Вам нужна наша помощь?

— Нет, — отозвался Глеб, потирая ушибленный

локоть. — Мы отдыхаем. Было бы кстати, если бы кто-нибудь принес шахматы.

— Потрясающе!.. — произнес шеф. — Микродис-танционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло, — мрачно заметил Глеб. — Будь эта микродис-танция чуть подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крякнул, потер бедро.

— Порядок, — сказал он, странно улыбаясь. — Между прочим, я впервые побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже, — сказал Глеб. — И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Проверяя ноги, сделал несколько приседаний. Пощупал грудь, плечи и спину, решил, что с такими ушибами жить еще можно, крякнул на-верх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же, — пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон. — Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов.

— Ну вот, — сказал он Калантарову. — Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений предосторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Со стороны могло показаться, будто бы Калантаров внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской, — тихо напомнил Глеб.

— М-да, — пробормотал Калантаров. Взглянув на часы, поднял брови, повертел головой: — М-м... всегда забываю, где тут выход на лифт.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось. Сама по себе транспозитация не произвела на него особого впечатления, и он не совсем понимал наивную взволнованность Калантарова: на физиономии сего ученого мужа, ранее являвшего собой образец солидности и хладнокровия, легко можно было прочесть плохо скрытую ошеломленность. В другое время это позабавило бы Глеба, но сейчас он подумал об Астре, и сразу же возникло тягостное ощущение неуверенности, если не сказать — досады. Обстоятельства требуют как можно быстрее разделаться с ТР-запуском, который нужен только для «просто Федота», и вот — поди ж ты! — среди ТР-летчиков оказалась именно Астра... Ни встретиться, ни поговорить нормально не сумели. Все вышло как-то глупо и бестолково.

У входа в кольцевой туннель шеф обрел наконец свою обычную самоуверенность.

— Как настроение, оператор? — спросил он, останавливая Глеба за рукав. — Конечно, сегодняшний ТР-запуск — это своего рода формальность, однако нужно, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим надо считаться. Многое зависит от тебя.

— Я бы сказал, что многое еще зависит от эр-эффекта.

— На стартовой тяге эффект не наблюдался ни разу.

Глеб усмехнулся. Аргумент шефа был явно слабоват, хотя какие-нибудь полчаса назад показался бы Глебу решающим.

— Мы имеем дело со спорадической эр-позитацией, — напомнил Глеб. — Нужно ли...

— Нет, — перебил Калантаров. — Просто нужна рабочая гипотеза абсолютно нового направления. Направления, которого не коснулся Топаллер.

«Странно, — с удивлением подумал Глеб. — Либо шеф считает меня скудоумным, либо не доверяет самому себе. Или то и другое вместе. Нет, решительно, мы перестали понимать друг друга с полуслова!..»

— Согласен. Что за гипотезу предлагаете вы?

— Выбор невелик, — уклончиво ответил Калантаров. — Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— ...Или тем, что где-то в глубинах Галактики работает чужая ТР-установка.

Калантаров медленно поднял на собеседника изучающий взгляд.

— Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие, — устало пояснил Глеб. — Могу добавить, что о ТР-установке внеземного происхождения я догадался несколько раньше. Но это была невероятно фантастическая мысль, и к ней надо было привыкнуть. Однако кувырок в вакуум-створ убедил меня окончательно. Я понял, что это — попытка межзвездного ТР-перехвата. Я даже понял, почему перехват не удался.

— Почему? — спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и очень размытая фокусировка чужого эр-поля.

— Видимо, так... — Калантаров вздохнул, озабоченно пошевелил губами. — Кстати, тебя по-прежнему одолевает искушение слетать на Землю? Я имею в виду отпуск, который давно тебе обещал.

— Который давно мне положен. — Глеб тоже вздохнул. — Ну какой теперь отпуск? Меня одолевает искушение заняться наконец стоящим делом. Я имею в виду межзвездную транспозитацию.

— Тс-с-с!.. — Калантаров предупреждающе поднял палец. — Пока это только наша гипотеза.

— Вот как? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните на синяки, которые оставила эта гипотеза на ваших начальственных бедрах.

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло,

пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кощунственное. Горячка первых минут удивления миновала, и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской, чтобы снова увидеть тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона... — не совсем уверенно произнес Калантаров. — Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу. Вам, наверное, показалось. И потом, здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился шеф.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозиции непременно сопровождалось появлением запаха серы.

Со стороны центрального входа слышались шаги. Шагало несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафандре. Потом показалась Астра, тоже в скафандре. Шествие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Гле-

бом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скафандра: «Счастливой транспозиции!» Встретив просительный взгляд Глеба, согласно кивнул.

— Только недолго, — сказал он. И, не оглядываясь, зашагал вдоль туннеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза цвета раннего зимнего утра стали доверчиво-робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем... Я понимаю».

«Я благодарен тебе. Ты всегда меня понимала. Жаль, что ты улетаешь...»

«Я тебя очень люблю!»

«...Ты так далеко от меня улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится, — сказал он. — Мы нащупали новое направление, которого не предвидел Топаллер. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд.

— Миры на ладонях?.. — тихо спросила она. — Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкновенно.

— Пока это еще никак. Это всего лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра. Звезда... Я очень хочу, чтобы эта звезда была для меня счастливой.

— Будет, — просто сказала она. — До свидания, Глебушка!.. Ждут меня, понимаешь!

У открытого люка молчаливым изваянием застыл ТР-летчик в скафандре. Старт-инженер многозначительно поглядывал на часы. Дюринг кивал головой, улыбался, всем своим видом давая понять, что все

идет отлично, все так, как надо, и даже лучше, чем можно было предполагать.

— Понимаю, — сказал Глеб. — До свидания. Счастливой транспозитации.

Глава 8

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эритронов, огни на пультах. Калантаров стоял, склонившись над пультом управления, остальные сидели. Квета — рядом с Тумановым, Гога — напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной, Гога — задумчиво-настороженным. Федот Казура ерзал в кресле, изнемогая от любопытства.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни. «Начальство раздражено», — подумал Глеб, перебирая в уме возможные неприятности.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров. — Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение шефа адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии, — добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента, — хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил шеф. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхода. — Насмешливо, зло посмотрел на Туманова. — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия — это было заметно.

— По-моему, звезд было девять, — неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему, — сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веру в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться!

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак, — сказал он, — эксперимент триста девятого эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-восемь. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, — кисло произнес Казура. — На случай непредвиденных осложнений.

— Весь наш инструктаж состоит из одного-единственного пункта, — сказал Глеб. — Дышите глубже и старайтесь не прозевать чего-нибудь интересного.

— Есть вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно. — Калантаров пощелкал клавишами связи. — Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспече-

ния Воронин, — громко ответили скрытые в пультах тонфоны. — Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнал.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эpsilon-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энергочучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю, шеф.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-створе, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермоштиты перекрыли доступ в потери; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стало отваливаться от причальной площадки, осветив теневую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан, — позвал Калантаров, — дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и, по мере исполнения маневра «Миражом», плавно

поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на ограненный кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом возшло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо, — сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение угасло. Шеф постоял, изучая узоры пультовых огоньков, кивнул операторам:

— Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завывала сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести — инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозитации. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением приемной установки. В вакуум-створах «Дипстара» ждали стартового сигнала космического катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность, — распорядился шеф.

Голос Астры: «Готова».

Голос Валерия: «Готов».

— Внимание! — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта.

Жужжание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпульсовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх. Туманов взглядом дал Квете понять, что объясняться не собирается.

— Это я виновата, — торопливо призналась Квета. — Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом, — на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой. Через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых ускорителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему удалось... Однако серия резких толчков выдала его операторский промах.

Снова явились белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... «Тройка в квадрате!» — подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устремительно высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но жизнеспособную, точную схему эр-позитации на основе заданного режи-

ма. Наконец последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением стихии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратимо прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Труднообразимое нечто, скрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений... Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным, нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!».

— Я прав, — нарушил молчание Гога. — Звезд было девять.

— Три, потом девять, — добавил Глеб. — Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате... — пробормотал Туманов. — Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Нет, — сказал Глеб, — это сигнал не с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущению чего-то непоправимого. У шефа было незнакомое и страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо быстропеременными волнами оранжевого и пронзительно-голубого сияния.

— Это не видеосвязь, — жестко сказал Калантаров. — Вернее, не только видеосвязь. Это единственный мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустил в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы транспозитацию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозитацию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль, — пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почувал неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момента включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. «Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..»

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что шеф вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит... И, может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Впрочем, из пятерых — Казура не в счет. Коллектив сужается и расширяется, шеф, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..

— Принимаем вызов, — сказал Калантаров. — Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульта дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозиции, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в руки эту фантастическую возможность, пепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съезжился и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящийся мениск пульсировал. На первый взгляд пульсация была нормальной. Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно — их надоедливый звон нормально сместился в диапазон ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускнело. Через девять-десять секунд все будет ясно...

— Пять. Шесть. Семь! — четко скандировал Гога. — Восемь. Девять! Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

— Есть первая очередь! — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озерцо, осветив Калантарова снизу. «Борьба! — сообразил Глеб. — Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге!» Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура Казуры оставалась недвижимой и, словно в награду за это, была украшена двойным ореолом.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова... Хуже всех приходилось шефу — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный шеф снова стал к пульту, переключил командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — сдавленным голосом сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, шеф, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники, — возразили тонфоны. — Вы берете на себя всю мощность меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве. Надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя. — Шеф согнутым пальцем надавил кнопку связи. — Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова

врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. «Конец гравитронам!..» — подумал Глеб и, на секунду зажмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и попытался сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждая клавиша — звездный рукав Галактики.

Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнувшего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позиции помогла удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме.

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях шефа. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. «Пошла энергия! — мелькнула мысль. — Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс... выстрел в неизвестно куда...»

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом чреве разбилось что-то стеклянное.

Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломленный тишиной и замирающим звоном осколков. Под куполом медленно наливался желтоватым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив отстегивал ремни шеф.

Глеб для разминки дошел до Гогиного кресла и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпринять, и увидел, что лежит Гога. Гога шевельнул ногой, и это было хорошим признаком. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку встать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что?.. — насторожился Глеб. — Не можешь подняться?

— Сначала его, — посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замковых петель, крепивших его персональное кресло к пяточку, отведенному для наблюдений. Казуре повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сиденья и подлокотников представитель техбюро грохнулся в стену с комфортом, какой только можно было ему предоставить в подобных условиях.

Убедившись, что представитель техбюро был лишь слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет, — сказал Гога, — оставь меня здесь. Понимасшь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспозитация удалась?
Глеб промолчал.

— Зачем она плачет?

— Нервы, должно быть.

— А... Ну, это ничего. Для разрядки... И вообще, шел бы ты к шефу. Я потерплю.

— Потерпишь?.. — усомнился Глеб.

— Конечно. Иди, иди!

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул Калантаров.

Никакого внимания.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где его поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Шеф с треском переключил командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился шеф.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить распоряжение шефа.

Квета перестала плакать — судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез пальцы. Глеб машинально поискал в кармане носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборное табло, медленно опустился в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась, — с облегчением произнесли тонфоны. — Ну, как вы там? Я уже беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники? Да у вас жаростойкая облицовка расплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо, уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. «Он еще на что-то надеется, — понял Глеб. — Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...»

Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова?..

— Да. Это ее масса... в скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддергивая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы, — рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, обогнул угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши:

— Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозиция, — устало ответил Глеб. — Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова. Глеб увидел, что Квета уже хлопчет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно, — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия, — сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар», — сказал Калантаров. — Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эpsilon-восемь. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Шеф откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым он почему-то чувствовал огромную вину, и это его угнетало.

— Ну вот, — произнес Калантаров, сжав кулаки. — Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой ценой...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитроны? Заменяем. На неделю работы, от силы — на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует... — пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил. Постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет, — сказал он, — она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозиции. Как Захаров. Или, скорее, стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется, шеф. Непременно вернется. Иначе... — Глеб понизил голос почти до шепота, — иначе и я, шеф, и вы, и все мы — просто безмозглые черви. Мы взяли за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно, — произнес Калантаров, разглядывая темные ряды погасших индикаторов. — Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Kontakta. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности вос-

принять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда познаний, — квинтэссенция природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минуту допустим, что этот икс — негуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это облако получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. А мы получаем десяток-другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электромагнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне! Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы себя к иному и не готовили. Забрались на чердак Вселенной, самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Шеф, — тихо сказал Глеб. — Человек, которого я люблю, затерялся в Пространстве... Туманов получил психологическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто не обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но уж если мы забрались на чердак Вселенной, вряд ли кто из нас пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова. Я, например, не намерен. А вы?

Калантаров молчал.

— Шеф, я жду ваших распоряжений.

Неуловимый Прайд

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ЧАНТАРЕ И БЕЛОЕ НА ЗЕЛЕНОМ

Глава 1

Воздух с шипением наполнил надувные полости защитного комбинезона, и Леонид почувствовал, как натянулись привязные ремни.

— Вам удобно? — спросил тихий голос фоностюарда.

Леонид шевельнул пальцами ног и локтями.

— Да, — сказал он и равнодушно подумал, что этот тихий вкрадчивый голос ему не нравится.

Со стороны изголовья показался и осторожно стал наползать край серого диска («зеленый помощник» для тех, кто с трудом забывался во время чудовищных перегрузок). Леонид смотрел, как диск наползает, и ему удивительно явственно представлялось, что эта круглая штука непременно должна задеть его по носу. И как всегда, стоило только подумать — нос отчаянно зачесался.

Диск вспыхнул спокойным зеленым огнем. Леонид смежил веки.

— Старайтесь думать о том, о чем вы обычно думаете перед сном, — посоветовал голос. — Какая степень альбастезии вам больше по вкусу?

— Четвертая, — сказал Леонид. Сквозь веки проникал зеленый свет.

— Первые три достаточно хорошо повышают выносливость к перегрузкам разгона, маневра и торможения, — напомнил голос.

— Четвертая, — повторил Леонид.

Наступила зеленая тишина. Сквозь воздушные

полости комбинезона ощущалась дрожь легкой вибрации.

«А действительно, — подумал Леонид, — о чем это я обычно думаю перед сном? Кроме Проекта, конечно?.. И кроме Нади?»

Казалось, времени прошло совсем немного. Леонид вынырнул из темно-зеленого омота забытья. Вибрации не было.

— Все, — сказал голос. — Можете встать.

Леониду вставать не хотелось, но он пересилил себя и поднялся.

— Планета необитаема, — предупредил голос. — Последние колонисты покинули ее в начале сезона.

Лязгнули механизмы люка, тяжелые илиты двойных дверей контейнера вывалились наружу, оседа мостиком. В люк пахло смешанным ароматом трав, свежих яблок и горьковатого дыма.

— Не забудьте свои рыболовные принадлежности, — напомнил голос. — Приятного отпуска.

Леонид взял на плечо рюкзак, сунул под мышку удлиненный чехол со спиннингами и еще раз сделал попытку себе уяснить, отчего ему не нравится этот голос. Не уяснил и, зацепив котелком за окраину люка, вышел наружу.

Планета была земного типа. Совершенный аналог Земли. То есть настолько совершенный, что совершенно не верилось, что планета необитаема. Леонид постоял, разглядывая залитую солнцем местность. Золотистое поле гречихи, дорога, которая огибала ужасно запущенный яблоневоый сад. Деревушка с островерхими домиками, серо-зеленая лента деревьев, обозначивших русло невидной отсюда реки, желтые плавни с зеркальными пятнами чистой воды, темная зелень лесов. Было часа три пополудни.

В спину ударил вихрь нагретого воздуха. Громкий хлопок. Леонид обернулся. Там, где должен был находиться контейнер, ничего уже не было, кроме примятой травы. Леонид поднял голову кверху, однако и там ничего уже не было. В глубокой голубизне мирно таяла белая змейка инверсионного следа.

Он сел в траву и разулся. Один... Абсолютно

один на безлюдной планете. Редчайшая, почти невозможная роскошь. Отпуск обещал быть приятным во всех отношениях.

Он шагнул, утопая по щиколотку в теплой дорожной пыли. Сад тянулся до поворота в деревню, ветви яблонь ломились от изобилия шафрановых плодов. Он сорвал несколько штук, бросил за пазуху. Одно яблоко надкусил — не столько для еды, сколько для того, чтобы полнее почувствовать яблочный запах. Солнце щедро освещало фруктовую плантацию, и все же сад почему-то казался угрюмым. Леонид невольно прислушался. Сад молчал. В саду не было птиц. Стояла глубокая, насыщенная солнцем тишина. «Ну что ж, такая планета, — решил Леонид. — Тихая такая, специально для рыбной ловли».

За поворотом грунтовая дорога разветвлялась на три асфальтированные шоссе. Налево — скотоводческая ферма. Длинные одноэтажные строения. А дальше за ними — белый купол энергетической станции. Прямо — деревня.

Правая шоссе была короткой и упиралась в деревянную ограду кошары. Леонид поравнялся с оградой. На территории овечьего загона полное запустение. Красные от ржавчины подвесные ковши кормораздатчика, ржавые секции автопоилок, кучи свалывшейся шерсти. Квадратные двери хлева заколочены досками крест-накрест. Недалеко за пределами загона лежали наваленные в беспорядке бидоны и возвышался двугорбый холм, накрытый обветшалой пластмассовой пленкой. Над «холмом» лениво поднималась в небо струйка сизого дыма. Странно было видеть движение дыма и ощущать одиночество. Очень странно...

Похрустывая яблоком, Леонид прошел вдоль деревенской улицы — кстати, единственной здесь, если не считать асфальтированных проездов к гаражам. Двухэтажные дома, которые издали казались ему очень нарядными, смотрели поверх одичавших палисадов пустыми глазницами окон.

За деревней дорога забирала влево и терялась в

холмах. Леонид оглянулся. Одинокая струйка дыма уводила взгляд высоко в пустынное небо... Леонид прикончил яблоко, бросил огрызок, поправил на спине рюкзак и зашагал к реке напрямую.

Продираясь сквозь кустарник, он, видимо, уклонился от нужного направления — шел довольно долго, а реки все не было. Кустарник высокий, но светлый, солнце пронизывало кружевную сеть ярко-зеленой листвы. Изредка Леонид останавливался на полянах. Его уже не радовала здешняя тишина — молчание зарослей невольно обращало на себя внимание. Ни насекомых, ни птиц... Что ж, он хотел тишины, и он ее получил...

Впереди он заметил темно-зеленые верхушки леса, взял правее и скоро вышел к реке.

Это место сразу ему понравилось. Он сбросил рюкзак и стал не спеша распаковывать спиннинги. Берег дикий и очень удобный. Если поставить шалаш у подножия косогора, то в случае непогоды даже сильный ветер не страшен. Кругом защита: с одной стороны горбатый каменистый мыс, с другой — цепочка отмелей, густо поросших кустарником и камышами, с тыла — кустарник и непроницаемо-темная чаща высокого леса. Пышные кроны деревьев нависли над берегом, закрывая полнеба.

Песчаного пляжа здесь, к сожалению, не было. Зато прямо к воде спускался мягкий травяной ковер. А песок можно будет найти за каменным мысом. Или на островах. На реке целый архипелаг довольно плоских островков с песчаными пляжами. Только на противоположащем острове горбились тяжелые и почему-то голые холмы с охристыми обрывами.

Леонид выбрал самое прочное удилище, свинтил его, приладил катушку. Разделся, взял сетку для рыбы и, держа удилище на весу, побрел по берегу к мысу. Излучина этой протоки нравилась ему изрезанностью берега. Многочисленные заливчики позволяли надеяться, что здесь есть глубокие омуты. Будут омуты — будет и рыба. Взмах удилищем — и

блесна, сверкнув золотистой капелькой, нырнула в воду. Зажужжал электропривод катушки...

Оранжевое солнце низко повисло над голыми холмами острова. Рыбы не было.

Вернувшись к рюкзаку, Леонид вывалил его содержимое в траву, отшвырнул в сторону спальный мешок, топор, лопатку, пакет с санитарными принадлежностями, порылся в поисках коробки со светящимися блеснами. Не все еще потеряно. Будет рыба. Стемнеет немного — тогда посмотрим...

Наматывая на катушку леску, он взглянул на посеревшую поверхность речного плеса слева от острова и увидел на горизонте сизую тучу. Приладив катушку, он отложил спиннинг, подхватил топор и направился в кустарник.

Через четверть часа шалаш был готов. Леонид покрыл его водонепроницаемой пленкой, со стороны косогора защитил ровиком для стока дождевой воды, край пленки придавил пластами дерна. Потом он натаскал сухих сучьев, расчистил место для костра и навесил на перекладину котелок с водой. Для уверенности, что уха все-таки состоится.

Ничто, кроме тучи, не предвещало ненастья. Солнце скрылось за вершинами холмов — тень от острова легла на протоку, и вода у берега стала черной, хотя было еще довольно светло. Леонид взял спиннинг, сетку и подошел к береговой кромке. Неподалеку торчал из воды огромный полузатопленный комель рогатой коряги. Леонид взобрался на комель. Взмахнул удилицем. Блесна со свистом улетела в сторону острова.

Сильный рывок согнул удилице. Леонид спустил с катушки почти всю леску и, ощутив слабинку, дрожа от азарта и нетерпения, стал вываживать добычу.

Это была большая и неутомимая рыба. Несколько раз Леонид подтаскивал рыбину к самой коряге, видел, как она мечется в глубине, но каждый раз, опасаясь, что рыба сорвется в последний момент, спускал натянутую леску.

Увлеченный борьбой, он не сразу заметил, что

цветовая гамма вечернего освещения несколько усложнилась. Лазоревые краски, отражавшиеся в зеркале воды, быстро меркли, уступая место более яркому розовому свечению. Это свечение не могло быть отражением заката — солнце ушло за холмы высокого острова, но не успело спуститься за горизонт, и небо над плоскими островами еще отливало голубоватой эмалью. Виновницей неожиданного розового свечения была туча. Она приближалась, тяжелая, грозная, обведенная по краю зловеще-лиловой каймой. Ветра не было — по-прежнему стояла тишина...

Леонид наконец справился с рыбиной, поднял отяжелевшую сетку, затянул горловину шнуром. В сетке вспыхнули два голубых фонаря. Несколько этим озадаченный, Леонид тронул добычу рукой и, получив сильнейший электрический удар, сверзился с коряги на мелководе. Он выловил сетку и оглушил рыбу ударом о сук. Голубые фонари угасли.

Среди разбросанных вещей Леонид разыскал большой нож со складным лезвием и пакет с зажигательными патронами. Свернув головку воспламенителя, он сунул патрон в кучу хвороста под котелком.

Спокойствие предгрозовых вечерних сумерек нарушил резкий щелкающий звук. Звук шел со стороны леса. Леонид взгляделся в темную чащобу и заметил созвездие крохотных огоньков. Огоньки забавно суетились, передвигаясь резвыми прыжками...

От костра повалил дым. Хворост источал приятный аромат сосновой смолы с осязаемой примесью запаха лаванды. Леонид подбросил в огонь несколько толстых сучьев и направился чистить рыбу.

Отполированная поверхность коряги вполне заменяла разделочный стол. Соблюдая предосторожности, Леонид убедился, что рыба мертва, и вытряхнул ее из сетки. Сверкнув радугой боковых плавников, полуметровая рыбина шлепнулась на корягу. Она была очень похожа на земную форель. За исключением того, что на жаберных крышках нелепо торчали два матово-голубых нароста величиной с абрикос. Этакая электрическая форель... Любуясь добычей,

Леонид открыл нож, срезал наросты и бросил их в воду. Потом он сделал все остальное, прополоскал тушку и подумал, что мяса слишком много и варить его придется в два приема. Резкие шелкающие звуки опять заставили обратить на себя внимание.

В лиловом сумраке густые кроны деревьев сливались в сплошную темную массу, и там ничего не было видно, кроме суетливых огоньков. Горсть огоньков сорвалась вниз и, лавируя в замедленном падении, стала приближаться. С приближением светлячков усиливалась странная трескотня. Леонид успел подумать, что это напоминает треск кастаньет, и только он об этом подумал, как инстинктивно втянул голову в плечи и даже присел: над головой промелькнула большая черная тень, иллюминированная огоньками. Тень снизилась над головой и, помахивая огромными перепончатыми крыльями, полетела в сторону острова. Леонид проводил ее взглядом, наклонился к воде и машинально вымыл нож. Весело пылал костер, глянцевая поверхность пленки на шалаше отражала дрожащее пламя. А вокруг шалаша лежали, сидели, стояли пятнистые львы...

Он смотрел на них, они смотрели на него. Их было около десятка, этих больших пятнистых львов с красноватыми гривами, — целый прайд, по-хозяйски расположившийся по берегу. Жаркий костер и голый растерянный человек, стоящий по пояс в воде, как видно, производили на зверей слабое впечатление. Львы сохраняли относительную неподвижность и будто ждали чего-то. Леонид подумал о галлюцинациях, но тут же решил, что в его положении сомневаться в реальности прайда было бы слишком рискованно.

Блеснула первая зарница, с бархатным добродушием проворчал гром. Сразу стало темнее. Лес огласился жуткими воплями, треском, гуканьем, свистом и расцвел букетами фосфорических огней. Изредка в темных глубинах чащобы возникали и угасали сполохи голубого свечения, ярко вспыхивали разноцветные фонари. Сказочный, необыкновенный пейзаж...

Но пейзаж портили львы. Хотя львы тоже не были обыкновенными. Когда самый рослый — очевидно, вожак — приблизился к береговой кромке и стал лакать воду, Леонид смог рассмотреть зверя вблизи. Грива была не очень густая и начиналась далеко на затылке, но это не было следствием старческого облысения, потому что пятнистая шерсть на спине лоснилась драгоценным блеском, а под шерстью упруго и грозно переливались отнюдь не дряхлые мускулы. На «лысом» темени зверя беспокойно опалесцировали полусферические наросты, обращенные мерцающими выпуклостями вперед. На островерхих ушах торчали кисточки, как у рыси. Хвост неприятно отсутствовал. Во всяком случае, жалкий дрожащий обрубок, который его заменял, был явно в ущерб respectableй внешности льва.

Утолив жажду, вожак прошел по мелководью к самой коряге. Леонид следил за его приближением, слабо надеясь, что торчащие во все стороны рога коряги не благоприятствуют прыжку. Зверь выбрал сук потолще и стал чесаться об него, довольно урча. Коряга заколебалась, побежали кругами мелкие волны. Леонид попятился, перекинул нож из левой руки в правую. Лев холодно взглянул на человека большими, плоскими, как у совы, глазами, отвернулся и вышел на берег.

Оставленный без присмотра прайд резвился. Две молодые львицы, кружась и приседая на задние лапы, с рычанием вырывали друг у друга рюкзак. Молодые самцы были весело заняты спальным мешком. Потом один из молодых вошел в шалаш и, очевидно из чистой любознательности, стал искать выход там, где его никогда не было. Хрупкое сооружение распалось, а сам исследователь, накрытый пленкой, испуганно заметался в кругу собратьев. Пожилой лев-ретроград, во имя спокойствия, поставил на место зарвавшегося юнца увесистой оплеухой. Вожак раздраженно напряг спину, пригнул к траве тяжелую голову и огласил окрестности таким могучим рыком, что лес на несколько мгновений притих.

Прайд тоже притих. Леонид машинально пересчитал всех членов львиного сообщества, почему-то заранее ожидая, что их — девять. Львов было действительно девять... Вожак повернул голову к берегу, коротко рыкнул и вонзил голубые лучи своих фонарей в густившийся сумрак. Прайд завыл. Лес ответил печальными воплями. Львы потянулись к береговой кромке, освещая пространство вспышками фонарей. Леонид с сомнением посмотрел на черную воду, взял нож в зубы и поплыл в сторону острова. Не оглядываясь, знал, что львы спрыгнули в воду и плывут следом. Слышалось возбужденное фыркание, голубые лучи фонарей тонули в судорожных мельканиях небесных зарниц.

Положение было опасным. Точнее — очень опасным. Еще точнее — просто критическим. Отпуск, уха у костра!.. Ведь это только вообразить себе: отпуск в электрических джунглях планеты Чантар!.. Но кто виноват? Надо было раньше догадаться, что это — Чантар.

Он плыл в сторону острова, яростно сжимая нож зубами. Нож и плавки — это все, что у него имелось в противовес опасностям Чантара. За спиной пронзительно орал и сыпал многоцветными огнями сумасшедший лес...

— Разгон окончен, — внятно сказал тихий голос. — Альбастезию снимаю. Надеюсь, вам было удобно и вы безболезненно перенесли перегрузки?

Глава 2

Леонид обалдело повел глазами, шевельнул онемевшими пальцами рук. От запястий к плечам распространилась волна щекотливо-колючей боли.

Фоностюард настаивал:

— Надеюсь, вам было удобно?

— Да, — сказал Леонид, — спасибо.

Это нужно было сказать. Если ответа не будет,

автомат поднимет на ноги всех стюардесс и медиков на борту «Ариадны».

— Лежите спокойно и ждите звонка.

Леонид оглядел розовый эллипсоид каюты. Сначала он не хотел прислушиваться к своим ощущениям. Потом прислушался и удивился: чувство растерянности улеглось. На этот раз удивительно быстро.

Включили музыку, в каюту хлынул поток дребезжащих созвучий. Какая-то странная стилизация под старинный ноктюрн. Леонид потянулся, насколько это позволила раздутая оболочка комбинезона. Оцепенение прошло. Хотелось встать, однако придется еще полежать — замки привязных ремней отпустят не раньше, чем прозвучит звонок. Было такое полезное правило: держать пассажиров «на привязи» пока экипаж проверяет исправность систем жизнеобеспечения корабля. После длительных перегрузок предосторожность не лишняя.

— Уберите звук! — не выдержал Леонид. — Будьте любезны.

Музыка смолкла. Очень милый девичий голос вежливо осведомился:

— Простите... Вам не нравятся произведения маэстро Лайнуса Брэнча? Включить вам музыку другого композитора?

— Я обожаю музыку Лайнуса Брэнча, — сказал Леонид (маэстро Брэнч мог спать совершенно спокойно). — Однако включите мне тишину. Каюта номер двадцать один, не ошибитесь. И простите за беспокойство.

— Ну что вы! Наша обязанность... Всего вам приятного.

— Будьте здоровы.

— Благодарю вас. Если что-нибудь понадобится — вызывайте. Я постараюсь сделать для вас все возможное.

— Спасибо, я знаю. Мне ничего не нужно.

— Я могу отключиться?

— Да. Впрочем... — Леонид знал, что то, о чем он собирается спросить, спрашивать бесполезно, од-

нако не стал противиться искушению. — Кстати, как вас зовут?

— Кариола.

— Красивое имя. Позвольте задать вам два-три вопроса, милая Кариола?

— Я внимательно слушаю вас.

— Вы случайно не знаете, что такое Чантар?

— Чантар?.. Кажется, это название дерева. Но я не уверена.

— Ясно, — сказал Леонид. — Зумма, Куласс, Амбатарес... Эти слова ничего вам не говорят?

— Нет... Я впервые их слышу. Но я могу навести для вас справки.

— Не надо, — сказал Леонид. — Это не обязательно.

— Много времени это не займет.

— Я должен ценить ваше время.

— Я не смогла ответить на ваши вопросы. Мне очень жаль.

— Не огорчайтесь. Вопросы были не слишком простые. Мне даже совестно, что я решился задать вам такие странные вопросы. Ну хорошо... Я задам вопрос, на который вы сумеете ответить наверняка. Скажите мне, Кариола, вы пользуетесь той же степенью альбастезии, что и мы, пассажиры?

— Да. Но только альба-сеансы для членов экипажа заканчиваются немного раньше.

— Вы помните свои ощущения во время альба-сеанса?

— Конечно.

— Какие у вас ощущения?

— Ничего особенного... Такие же, как у всех.

— А именно? Пожалуйста, расскажите.

— Ну... Сначала все зеленое. Потом все становится белым, и я как бы сжимаюсь в маленький плотный комочек... Потом белое распадается на отдельные пятна, и сквозь облако белых пятен проглядывает зеленое. Вот и все... Заканчивается альба-сеанс, я прихожу в себя и чувствую, как у меня онемели руки. У всех так бывает. Разве у вас бывает не так?

— Нет. Кроме того, что сначала я тоже вижу зеленое.

— А потом?

— А потом я улетаю в отпуск на незнакомую планету.

Послышался сдержанный смех.

— И чем вы там занимаетесь?

— Это смотря какая планета. Сегодня я ловил рыбу. А меня ловили бесхвостые львы. Но рыбу я, в общем, поймал.

Кариола смеялась. Ей было очень весело, и Леонид спросил:

— Смешное занятие, правда?

— Нет. Я тоже люблю ловить рыбу. В следующий раз пригласите меня. Вы очень веселый. Сколько вам лет?

— Нет еще сорока. И я очень скучный.

— Вы такой... высокий брюнет? Угадала?

— Нет, у меня русые волосы.

— Глаза голубые?

— Глаза? Гм... Цвета волны беспокойного моря. В пасмурный день. Взгляд пристальный, умный. Подбородок мужественный. Уши, к сожалению, обыкновенные... Простите, вас, кажется, вызывают.

— Да. Вызов из тридцать пятой каюты, мой сектор. Извините. Всего вам приятного. До встречи на незнакомой планете.

— Будьте здоровы. На незнакомых планетах бывает небезопасно.

— Тем интереснее. До свидания. Придется вам еще немного полежать. Мы задержали звонок, потому что техники нашли неисправность в системе освещения портоментала. Ничего не поделаешь, придется вам потерпеть.

— Не беспокойтесь, я потерплю.

Раздался мягкий щелчок и стало тихо. Разумеется, только в каюте номер двадцать один. В других каютах пассажиров развлекало дребезжание, сотворенное гением Брэнча.

Леонид спокойно смотрел в потолок: По темным

водам Чантара плыли странные львы с электрическими фонарями...

Сначала все зеленое. Потом все становится белым. Потом белое на зеленом, пробуждение и онемевшие руки. Стандартный набор ощущений во время стандартного альба-сеанса. Так бывает у всех. Но только не у него, пассажира каюты номер двадцать один. Вернее, было и у него, когда он летел на «Калькутте» маршрутом Юпитер — Земля. Теперь он летел маршрутом Земля — Юпитер на «Ариадне», и у него, вместо белого на зеленом, появились темные воды Чантара и странные львы с фонарями...

С начала этого рейса четыре раза он надевал защитный комбинезон, когда «Ариадна» брала разгон от Земли, совершала маневр, тормозила у станции «Гранд-астероид», опять разгонялась, и четыре раза, очнувшись после альба-сеанса, он плавал в холодной испарине и обалдело тарашил глаза. Зумма, Куласс, Амбатарес, Чантар... Откуда?! Если б что-то попроще, скажем — Плутон, было бы как-то понятнее и поспокойнее. Да мало ли развлечений в нашей Системе? За орбитой Сатурна лежит почти неизведанный край — Зона Неясности, как говорят космогенологи. И вдруг, извольте знакомиться, — Зумма, Чантар, Амбатарес, Куласс... И даже больше: реки и джунгли Чантара, слизевые леса Амбатареса, болота Зуммы, туманные пески Куласса. Причем (вопреки мнению доктора Балмера) живая реальность альба-картин как-то не оставляет места подозрениям, что «альба-фантомы — явление чисто галлюцинаторного порядка». На слове «чисто» Балмер делал упор, хотя было ясно, что этому слову он тоже не доверяет. Скорее всего он вообще не верил в альба-фантомы, этот блестящий знаток современного психоанализа. Играя блестящей цепочкой ключа от пульта диагностической аппаратуры, он, ознакомившись с обстоятельством дела, произвел на свет очень красивую длинную фразу, смысл которой сводился к тому, что вся эта альба-фантомная чушь ни в какие ворота не лезет.

А на темных водах Чантара лучились девять пар живых фонарей...

Леонид подумал, что цифра «девять» каждый раз повторялась. Правда, на первом сеансе он не считал шерстокрылов Куласса и точно сказать, сколько их было, не мог. Теперь он уверен, что шерстокрылов было именно девять. Неуклюжие, как высохшие бычьи шкуры, они перепрыгивали с бархана на бархан, иногда планировали и тяжело плюхались в красный песок; стоял густой туман, но его плотную пелену пронизывал сильный золотистый свет, сияющие верхушки барханов просматривались довольно далеко, и это казалось немыслимым...

На Зумме шел дождь вперемешку с мокрым снегом, и колченоги тряслись от холода. Жалкие существа на высоких ходулях. Устрично-скользкие, сплошь покрытые белыми лишаями, они вызывали чувство тоскливого омерзения. Их было девять. Они с печальным скрипом бродили по болоту и что-то шарили хоботами в мелких озерах. Нет, болота Зумы — это, пожалуй, на очень большого любителя...

Полужидкие слизевые заросли на Амбатаресе были гораздо привлекательнее. Днем, когда небо этой планеты (кстати, необычайно красивое небо) полыхало ярко-зеленым огнем, бугристое скопище слизняков оплывало и склеивалось в тестообразную слоистую массу, изрезанную кое-где глубокими извилистыми бороздами, которые тоже постепенно склеивались, придавленные тяжестью оплывающих бугров. В сумерках, после проливного, но кратковременного дождя, слизняки засветились и стали вспучиваться сверху длинными пузырями. По мере того как пузыри вытягивались в колонны, слизняки отклеивались друг от друга и начинали светиться очень разнообразно: голубым, розовым, желтым, красным, зеленым и всеми оттенками этих цветов. Чем тоньше были колонны, тем выше они вырастали, потом они изгибались под собственной тяжестью и оседали плавными дугами или восьмерками, а на верхних изгибах дуг и восьмерок вспухали новые пузыри, и все повто-

рялось. Переливы нежного света, однообразный круговорот пластических форм... Покой, нирвана, усыпляющее блаженство полного умиротворения, и трудно было представить себе, что где-то постукивал пульс иного образа жизни. Однако пришли круглотелы, и стало жутко — от них почему-то весьма ощутимо веяло скрытой опасностью. Было неясно, какую опасность таили в себе существа в виде черных шаров с толстыми валиками по экватору, но жуть нарастала, и все остальное уже не имело значения. Круглотелы грубо ломились сквозь заросли, раздавливали слизняков и с жадным чмоканьем высасывали лужи светящейся жидкости. Их было три, и они сначала были довольно медлительны, потом каждый из них разделился на три шара поменьше, и эти шары стали носиться со скоростью пушечных ядер. Трижды три — опять-таки девять...

Долгожданный звонок наполнил кабину мелодичной трелью. Открылись замки ремней, воздух с шипением вышел из комбинезона. Леонид встал и потоптался на месте, разминая затекшие ноги. «Нет, — думал он, — Балмеру этого не понять. До тех пор не понять, пока сам не шлепнется в болота Зуммы...»

БАЛМЕР, ЛИКУЛА И ТРИ МИЛЛИОНА «МАМОНТОВ»

Глава 1

Космолайнер «Ариадна» относился к разряду самых крупных и комфортабельных планетолетов Солнечной Системы, хотя построен был по старой классической схеме обычных «трубчатых» кораблей. Схема довольно проста: три вложенные друг в друга трубы разных диаметров и воронка фотонного отражателя. Главная из труб — средняя — высокопрочный корпус, хребет корабля, несущий на себе всю массу корабельных конструкций. Внешняя труба — защитный корпус планетолета, внутренняя — легкий корпус, или, как его именуют монтажники, «ложный».

Это — общее, что объединяло типы «трубчатых» кораблей; и еще, конечно, сам принцип движения, фотонная тяга.

Разумеется, каждый из таких кораблей имел свои отличительные особенности, зависимые от его размера, давности постройки и рабочего назначения. По величине, добротности технического оснащения, удобствам в эксплуатации фотонный левиафан «Ариадна», лайнер километровой длины, превосходил любой из «трубчатых» планетолетов.

Если бы кому-нибудь, кто плохо знал устройство «Ариадны», понадобилось обойти цилиндрическое пространство между защитным и несущим корпусами по всей длине корабля, он, пожалуй, блуждал бы несколько суток. Грузовые трюмы, палубы вакуум-створов, ангары орбитальных катеров, цистерны, большие и малые танки для жидких грузов, склады, холодильники, погрузочно-разгрузочные механизмы, пневматические трубопроводы, насосные агрегаты, разветвленная сеть биозащитного комплекса, множество специализированных отсеков — от аккумуляторных до скафандровых и ремонтных. Как правило, во время крейсерского хода это царство автоматики было безлюдным. Зона обитания простиралась внутри несущего корпуса. Между несущим и «ложным» корпусами располагались семьсот пассажирских кают, две независимые друг от друга системы жизнеобеспечения, аварийный энергоблок, девяносто кают для экипажа и большое количество служебных помещений. Командный пост занимал носовую часть корабля: центр дальней связи, навигационный центр, штурманские и ходовые рубки. Топливо, группа главного двигателя и моторная группа маневровой тяги заполняли объемистую муфту на корме у самого основания зеркала отражателя.

Труба «ложного» корпуса, которая на большинстве «трубчатых» планетолетов представляла собой лишь туннельный коридор, идущий вдоль осевой линии корабля, на «Ариадне» имела такой огромный диаметр, что это позволило создателям лайнера обес-

печить пассажиров и экипаж максимально возможными в условиях космического перелета удобствами. Продольная палуба делила внутрикорабельную полость на два колоссальных полуцилиндра: так называемые верхний портоментал, пассажирский, и нижний — служебный. И здесь, в период строительства «Ариадны», было где развернуться специалистам по художественно-техническому оформлению и вопросам комфорта...

Из верхнего портоментала в нижний, служебный, можно попасть или по движущимся тротуарам террас и дальше — по эскалатору, или по винтовым трапам соединительных шахт. Леонид покинул каюту слишком рано — сразу, как только освободился от комбинезона, — тротуары еще не работали, было сумрачно, светились лишь синие орнаменты на бортовых ограждениях террас, оранжевые стрелы указателей, цветные диски сигналов. У входа в ближайшую шахту сигнал светился красным запретным огнем, и Леонид подумал, что запрет придется нарушить. Вспыхнул розовый овал двери — открылась чья-то каюта. Овал отразился в одном из зеркал противоположной террасы, угас, по мягкому тротуару неслышно двигалась фигура в белом. Леонид уже сошел на первые ступеньки трапа, когда фигура в белом стремительно пронеслась мимо. Кто-то из самых нетерпеливых пассажиров торопился в плавательный бассейн.

Служебный портоментал был уже освещен. По сравнению с верхним он выглядел строже. Здесь не было зеркальных простенков, изящных орнаментов, не было «зимних» садов и бассейнов. Широкие террасы простирались вдоль стен двумя ярусами. Внизу, на самом дне этого металлического ущелья, глянцево блестели четыре ствола путеводов. Сквозь прозрачные стенки стволов хорошо просматривались светлые шары — кабины, деловито снующие вдоль осевой линии корабля. Очевидно, шла смена вахт. Леонид засмотрелся на путеводы и едва не уехал обратно наверх — он спрыгнул с движущейся ленты тротуара,

когда она уже начинала горбиться ступеньками эскалатора.

У входа в медицинский сектор Леонид замедлил шаг, оглянулся через плечо. Людей на террасах было немного, никто не смотрел ему вслед, однако он почему-то испытывал чувство неловкости и неудовольствия. Заходить к Балмеру не хотелось, но идти на пятый не позволяло данное Балмеру обещание.

Балмер стоял перед шахматным столиком. Заложив руки за спину, изучал расположение фигур. Лицо у него было большое, тяжелое и казалось чуточку высокомерным. Он заметил вошедшего Леонида, но отвлекся от своего занятия не сразу.

— Ну и как? — спросил он. Голос мягкий, доброжелательный.

— То же самое, — ответил Леонид.

Балмер внимательно посмотрел на него.

— Мне кажется, эффект «ощущения себя» значительно усилился, — добавил Леонид. — Логически это выглядело безупречно.

— Вы потребовали дать вам четвертую степень альбастезии?

— Я делаю все, что вы советуете, Балмер.

— Ну что ж... Прошу вас в диагностический кабинет.

Леонид вошел в уже знакомое ему помещение, разделся и сел в диагностическое кресло. Снял с подлокотника эластичную шапочку, усеянную внутри металлическим бисером датчиков, подумал, что все равно придется ее надевать, и надел. Окинул взглядом помещение. Кресло, ребристые серые стены и пульт в углу — больше ничего здесь не было.

Вошел Балмер.

— О, вы уже вполне освоились с оборудованием. Похвально.

Он поправил шапочку на голове пациента, прилепил к его голой груди, рукам и ногам несколько мягких присосок.

— Вы прекрасно сложены, Русанов. В античных

пропорциях. Не помню, говорил ли я вам это в прошлый раз?

— Кажется, да. Но я не в претензии.

— Вы хорошо переносите комплименты.

— У меня к ним врожденный иммунитет.

— Ну, это совсем ни к чему. — Балмер изменил наклон кресла, и Леонид почувствовал себя в нем удобнее. Руки удобно лежали на разведенных в стороны подлокотниках. — Да, не усложняйте. Пользуйтесь тем, чего вы пока заслуживаете. Лет двадцать спустя это пойдет на убыль.

— Комплименты или пропорции?

— То и другое. Хотя комплименты, как правило, обладают несколько большим запасом живучести.

Балмер ушел за пульт, вставил ключ в гнездо на панели и чем-то там громко пощелкал. Ребристые шторы с шуршанием взлетели кверху, обнажив скрытую в стенах аппаратуру. Помещение стало неузнаваемым.

— Расслабьте мышцы, Русанов. Старайтесь глубоко дышать и думать о чем-нибудь постороннем. — Лицо Балмера приняло профессионально озабоченное выражение.

Балмер склонился над пультом. По щекам поползли разноцветные зайчики. Волосы у него были темные с проседью.

Леонид перевел взгляд в потолок и подумал, что все это зря. Балмер настроен скептически и, вероятно, тоже считает, что все это зря. И он не так уж не прав, потому что альбастезия прекрасно работает на скоростных кораблях, и за год (то есть с тех пор как ее вообще применяют на межпланетных маршрутах) в психиатрической практике не было альба-фантомного прецедента...

— Вот и отлично, — сказал Балмер и опять что-то громко переключил.

— Это все? — спросил Леонид.

— Нет, мы повторим запись. На повторную запись уйдет больше времени. Так где вы на сей раз бывали? Вы понимаете, о чем я спрашиваю?

— Да, — сказал Леонид. Помедлил. — На сей раз я побывал на безлюдной планете Чантар. Занимался там рыбной ловлей, и меня преследовал прайд электрических львов.

— Гм... Электрических?

— Я называю их так по аналогии. Ведь есть электрические скаты, угри. Что здесь удивительного?

— Решительно ничего... Вы могли бы рассказать подробнее?

Леонид рассказал подробнее. Балмер, сидя за пультом, внимательно выслушал странную исповедь.

— Так... — подытожил он. — Значит, раньше вы ощущали себя просто зрителем, а теперь вы — деятельный участник альфа-фантомных событий... — Балмер что-то сделал на пультовой панели, подошел к Леониду. — Это прогресс, — сказал он, снимая присоски.

Леонид взглянул ему в глаза.

— Видите ли, Русанов. Когда я советовал вам четвертую, высшую степень альбастезии, я полагал, что нашел радикальный метод лечения... — Балмер запнулся. — Впрочем, вернее будет сказать, метод устранения вашего... гм... заболевания. Результат оказался прямо противоположным.

— Я могу одеваться? — спросил Леонид.

— Да. И подождите меня в приемной. — Балмер снова ушел за пульт, но ничего там не делал, только сидел и смотрел, как Леонид одевается. — Значит, львов было девять? Шерстокрылов, львов, круглотелов и...

— Колченогов, — сказал Леонид.

— Скажите, Русанов, вы не могли бы припомнить какое-нибудь не слишком ординарное событие в своей жизни, как-то связанное с этой цифрой? Подумайте.

Леонид добросовестно думал минуту.

— Нет, — сказал он. — Цифра «девять» не вызывает у меня никаких отчетливых ассоциаций. И нечетливых тоже. Мне можно идти?

— Да. Подождите в приемной, пока я здесь не-

много поработаю. Если меня кто-нибудь спросит, передайте, что я очень занят.

Леонид вышел.

В приемной никого не было. «Все правильно, — подумал Леонид. — Я ведь единственный шизофреник на корабле». Он побродил по салону. Остановился у шахматного столика и посмотрел расположение фигур. Партия отложена с перевесом черных на одну пешку, но если белый слон пройдет на с6, играть черными станет неинтересно. Леонид сел в глубокое кресло, развернул иллюстрированный журнал.

В приемную вошел знакомый пилот из экипажа «Ариадны».

— Балмера нет?

— Балмер здесь, но просил передать, что очень занят.

— Жаль... — Пилот бросил взгляд на шахматный столик. — Мне скоро на вахту, и Балмер прекрасно знает об этом.

— Черные все равно проиграли, — сказал Леонид, листая журнал.

— Ты думаешь?

— Посмотри сам. Если белые пойдут слоном на с6, черные проигрывают ферзя.

Пилот посмотрел и спросил:

— А если Балмер так не пойдет?

— А что ему помешает?

Пилот не ответил. Леонид перевернул страницу.

— Да, пожалуй... — сказал пилот после минутного размышления. — Ну, я пойду. Перед вахтой надо побриться. И зачем я взял эту пешку?..

— Балмеру что-нибудь передать?

— Передай, что в конце моей вахты начнется этап последнего торможения. Ну, будь здоров.

Леонид не ответил. Пилот посмотрел на него и ушел. Леонид листал журнальные страницы, но думал теперь о другом. Об этапе последнего торможения, о Дальнем, о Надии и о ребятах из Проекта «Эхо Юпитера». Львы были где-то совсем далеко и уже не мешали. Мешал журнал, который бесполезно шелес-

тел в руках, и мешала смутная цель ожидания Балмера...

Вошел Балмер. Опустился в кресло напротив, изящно-небрежным движением набросил цепочку с ключом на мыс подлокотника. Сидел он удобно откинувшись и имел вид человека, которого принудили выполнить бессмысленную работу, и вот он только что ее блестяще выполнил.

— Поговорим, Русанов?

Леонид отложил журнал в сторону.

— Поговорим.

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь.

— Настолько я безнадежен?

— Да, если хотите. В том смысле, что вы не представляете для меня интереса как пациент. Вы совершенно здоровы.

Балмер соединил вместе кончики пальцев и некоторое время задумчиво их разглядывал. У него были большие красивые руки. Он ждал, когда Леонид что-нибудь скажет. Леонид молчал.

— Сегодня я провел сравнительный анализ диагностических записей. Серьезный, комплексный анализ. Кстати, я даже затребовал видеокопии ваших записей из медархива Управления космических отношений. Под грифом «Пригоден к любому виду работ на внесемельных объектах» стоят подписи трех светил современной психоаналитики. Сравнительный анализ меня успокоил. Состоянию вашей психики можно позавидовать.

Балмер снял ключ с подлокотника и поиграл цепочкой. Разговор в принципе был окончен. Во всяком случае, его официальная часть

— Признаюсь вам, — сказал Леонид, — я был уверен, что здоров.

— Абсолютно. Здоровее не бывают. Если бы вы были здоровее, чем вы есть, я бы подумал, что это ненормально.

— Вы очень любезны.

— Я пошутил. И кажется, не совсем удачно, простите.

— Вы меня не поняли, Балмер. — Леонид подался вперед. — Я был убежден, что мне не нужна медицинская помощь.

Балмер взглянул на него.

— Для чего вам понадобилась медэкспертиза?

— Для вас. Для того, чтоб убедить вас подойти к делу с другой стороны. А еще лучше — со всех мыслимых и доступных нам с вами сторон.

— «Мыслимых» еще не значит «доступных». — Цепочка змейкой обвила запястье. — Вы хотите, Русанов, чтобы я затеял поиски вне сферы психиатрии. Но я уже говорил, что ничем не смогу вам помочь. Этот случай выходит за пределы моей компетенции.

— И моей тоже, — сказал Леонид.

— Так чего же вы все-таки добиваетесь?

— Видите ли, Балмер... Я ученый и очень ценю свою принадлежность к миру ученых. Со мной произошло и продолжает происходить нечто весьма необычное. И я не могу, не даю права оставлять это в себе. Для себя.

— Вы хотите отдать себя в руки экспериментаторов?

— Нет, как раз этого я не хочу. У меня нет для этого времени.

— Я так и подумал.

— Отлично. И заодно мне любопытно узнать, что вы думаете по поводу альба-фантомного прецедента. Разумеется, если вы согласны на полную откровенность.

— Ничего не думаю, — сказал Балмер. — У меня нет никакого фундамента для размышлений. И я с вами совершенно откровенен, Русанов. Давайте в конце концов проясним ситуацию. Прецедент есть прецедент, и никуда от него не денешься, он существует. Существует де-факто, хотя де-юре вроде бы не имеет на это прав, потому что по логике вещей должен быть связан с альбастезацией и аномальным состоянием вашей психики. Как специалист по психоаналитике я утверждаю, что последнее отпадает. А что касается альбастезии... Ну знаете ли!..

— Да, — Леонид кивнул. — Альбастезия стандартна для всех пассажиров и экипажа этого корабля. Белое на зеленом...

Она стандартна для всех дальнорейсовых кораблей космофлота Системы.

— Однако специалисты по психоаналитике на «Калькутте» и не подозревают о существовании альбафантомного прецедента. Он возник на борту «Ариадны».

— Что ж, на «Калькутте» вы еще не умели впасть в забытье во время альба-сеанса. На «Ариадне» вы научились. И вам стали сниться роскошные сны.

— Вот видите, Балмер, у вас уже появилась гипотеза. Осталось развить ее и понять, почему роскошные сны снятся мне одному. Вы хорошо знаете альбастезию?

— Гм... в пределах своей специальности, разумеется. Но с какой стати вы устраиваете мне дилетантский допрос?

— Во всяком случае, не для того, чтобы вас позабавить. Я очень рассчитывал на вашу снисходительность.

— О, вы ужасный хитрец! Нет, Русанов, вы просто блестящий дипломат! — Балмер посмеялся. Он умел смеяться с закрытым ртом, и это выглядело так, будто во рту у него что-то было и он боялся это выронить. — Сдаюсь, не выдержав натиска. Что вас интересует конкретно?

— Альбастезия.

— Жаль, что вас не интересует, скажем, шахматная игра.

— Игра меня тоже интересует. Но в первую очередь альбастезия. Я не против, если изложение будет в популярной форме. Для дилетанта.

Балмер стал популярно рассказывать об альбастезии. Он явно не видел в этом большого смысла и, играя цепочкой, небрежно выкладывал то, о чем его настоятельно попросили. Леонид смотрел ему в переносицу и думал, как трудно расшевелить человека, у которого умный, но закоснелый в будничной ра-

боте мозг. Леонид вообразил себе его мозг и вместо серого мягкого вещества очень живо увидел крупный желтоватый хрящ... Чтобы избавиться от наваждения, стал смотреть на руки рассказчика. Они все время двигались, и за ними было приятно следить. Блеск тонкой цепочки дополнял приятное впечатление.

— В принципе альбастезия — одно из рядовых достижений космической медицины. — Цепочка блестящей струйкой вытекла из ладони и закачалась в воздухе. — Строительство крупных научно-исследовательских баз в лунных системах Юпитера и Сатурна привело к резкому увеличению количества и дальности космических маршрутов, что — в свою очередь — послужило толчком буквально к революционным преобразованиям в области производства и эксплуатации космотранспорта. — Цепочка описала в воздухе круг. — В частности, намного возросли скоростные характеристики дальнорейсовых трампов и лайнеров. Однако если рост скорости крупнотоннажных грузовиков, танкеров и пилотируемых станций специального назначения с хорошо подготовленным экипажем не вызывал особенных осложнений, то увеличение скорости пассажирских кораблей сразу поставило перед космической медициной проблему так называемого «барьера выносливости» нетренированного пассажира к перегрузкам разгона, маневра и торможения. — Цепочка стремительно обвилась вокруг пальца блестящей спиралью. — Методом проб и ошибок удалось наконец найти, что болезненные ощущения при перегрузках, как ни странно, можно значительно снизить, если поместить пассажира в переменное поле искусственной гравитации. Несколько позже было замечено, что положительный эффект усиливается, если генерировать поле в режиме «растянутой синусоиды». Кому-то в голову пришла удачная мысль модулировать поле. Кто-то другой использовал для модуляции исследовательские записи гравитационных полей Вселенной...

Леонид, разглядывая верткую цепочку, выразил

мнение, что все это весьма интересно и поучительно. Не помнит ли Балмер, записи каких именно гравитологических станций были использованы?

— Для модуляции поля первоначально были использованы исследовательские материалы с гравитологической станции астероида Торо. Небольшой такой астероид, член резонансной системы Земля — Луна — Торо... Ах, вам это известно. Тем лучше... Гравитологов, помнится, немало позабавил интерес космической медицины к их исследовательским материалам. Однако для тех, кто занимался проблемой «барьера выносливости», записи Торо явились сущей находкой. Проблема была решена. В принципе, конечно, потому что альбастезия продолжает совершенствоваться и дальше. Но что характерно: ни добровольцы, на которых ставят эксперименты по отработке методов альбастезии, ни пассажиры межпланетных лайнеров, вынужденные участники массовых альбастезиансов, не имеют об альба-фантамах никакого понятия. Вы, Русанов, имеете. Более того — активно себя проявляете в альба-фантомных событиях. Тот поразительный случай, когда все, кроме одного, идут не в ногу!..

— Послушайте, Балмер, — сказал Леонид. — Я понимаю ваше негодование, но мы слегка уклонились от темы. Вот вы говорите, гравитологические записи Торо были использованы «первоначально». Значит ли это, что в настоящее время для альбастезиансов используют какие-то другие записи? А если да, то откуда они?

— Откуда угодно. — Балмер поднялся, отошел в угол к цилиндру пневмораздана. — Не имеет значения. Ведь техника альбастезии от этого не меняется. Какая, собственно, разница — меньше белых пятен на зеленом фоне или больше? — Он тронул кнопку возле прозрачной муфты раздана. Цилиндр повращался. Муфта подпрыгнула вверх, и внутри цилиндра возник на подставке стакан, круглый и радужный, как мыльный пузырь с отрезанной верхушкой. В стакане было что-то бесцветное.

— Да, — сказал Леонид. — Особого значения не имеет...

— Вот именно. Пить хотите? Я принесу.

Стакан был холодный, и у негогнулись стенки, если нажать на них пальцами. Леониду пить не хотелось, но держать в руках эластичный холодный стакан было приятно.

— А вам как нравится, Балмер? Когда пятен больше или когда их меньше?

— Мне лично все равно. — Балмер снял с подставки стакан для себя. — Пожалуй, приятнее, когда меньше.

— Вы знаете, откуда запись на «Ариадне»?

— Кажется, от гравитологов станции «Зодиак». Виноват, это было в позапрошлом рейсе. — Балмер сделал глоток и подумал. — Тиджан ведь говорил мне, откуда... Ах, ну конечно! Он выудил ее... Ну, словом, у одного из тех, кто занимается проблемами Юпитера.

— Вот как? — Леонид поставил стакан на подлокотник. — Я знаю многих, кто занимается проблемами Юпитера. Почти всех.

— Тогда вы должны знать Маккоубера. Он руководитель исследовательской группы Ю-Центра, которая разработала в Дальнем проект «Эхо Юпитера». Или только разрабатывает, точно не знаю. Я видел Маккоубера мельком, но мне запомнилась его манера теревить себя за ухо во время беседы. Вам интересно?

— Мне еще никогда не было так интересно. — Леонид залпом осушил стакан. — Так вы говорите — Маккоубер?..

— Да. Он разрешил Тиджану покопаться в исследовательских материалах этой группы, и тот выбрал какую-то запись для применения в альбастезии. Она оказалась эффективнее прежней. Немного, но вы понимаете — в этих делах важна каждая доля процента.

— Я понимаю, — сказал Леонид.

Балмер на него посмотрел и спросил:

— Вы хорошо знаете Маккоубера?

— Мы хорошо знаем друг друга, поскольку работаем в одной группе.

— Ах, вот как! — Теперь у Балмера был озадаченный вид.

— Пожалуй, мне пора. — Леонид поднялся. — Я и так отнял у вас массу времени.

Балмер молчал. Он пребывал в замешательстве.

— Будьте здоровы, — сказал Леонид. До свидания. Кстати, заходил один из пилотов и просил передать, что в конце его вахты начнется этап последнего торможения.

Глава 2

Водяная планета Ликула, спутник синего солнца, — почти сплошной океан. Поверхность океана была спокойной и гладкой, как голубое стекло, и казалась вогнутой, как чаша, по причине сильной атмосферной рефракции. Края океанической чаши тонули в лиловой дымке, и там, где дымка переходила в облачный слой на горизонте, неожиданно празднично и легко поднималась и шла изгибом через весь небосвод ослепительно белая двойная дуга, — планета имела двойное Кольцо, украшение неба и океана... Плот застрял на краю илистого озолоида. Вода вокруг озолоида была мутно-зеленого цвета, и от нее исходил гнилостный запах. Языки мутной воды, точно реки пролитой краски, вливались в голубую гладь океана, и там их закручивало течение. Озолоид был очень большой, но плоский, едва выступал над водной поверхностью, и только в центре время от времени вспучивался полужидкий вал¹ кратера. В кратере что-то долго шипело и булькало, потом раздавался раскатистый грохот, и в небо взмывал фонтан коричневой грязи. Озолоид кишел разнообразнейшей живностью, однако всего любопытнее были баллудии. Колония из девяти баллудий парила над илистой топью —

¹ Сальза — грязевый вулкан (геол.).

огромные мертвенно-синие пузыри, обросшие седыми бородами корней...

— Торможение окончено. Альбастезию снимаю. Надеюсь, вам было удобно и вы безболезненно перенесли перегрузки?

Леонид пришел в себя и с тихой ненавистью слушал голос фоностюарда.

— Лежите спокойно и ждите звонка. Через несколько минут наш лайнер прибудет на орбитальный рейд Дальнего. Ждите звонка. К выходу вас пригласят.

Оцепенение сразу прошло. Леонид с удовольствием потянулся. «Вот мы и дома...» — подумал он, и эта приятная мысль пробудила чувство нарастающего нетерпения. В такие минуты всегда казалось, будто звонок ужасно запаздывает, хотелось вскочить, сбросить с себя привязные ремни, приготовиться к выходу. Леонид крепко зажмурил глаза. Звонок не запаздывал — нетерпение было огромным.

«Странная штука — нетерпение, — размышлял Леонид. Постоянно живет в человеке эта маленькая дикая кошка, и на нее обращаешь внимание только тогда, когда она превращается в леопарда...»

Он уловил в каюте движение, открыл глаза и увидел Балмера.

— Вот так сюрприз! Вы ко мне с ответным визитом?

— Как самочувствие, Русанов?

— Отличное, Балмер. И если вы освободите меня от ремней, тонус моего настроения, поверьте, сразу удвоится.

Балмер сунул руку под изголовье и что-то там сделал. Ремни опали, воздух с шипением вышел из комбинезона. Леонид вскочил.

— Ну что же вы стоите, Балмер? Присаживайтесь. Мне не терпится рассказать, какой роскошный сон я только что видел. Вы не против, если во время беседы я займусь кое-какими делами?

Леонид, рассказывая про голубую Ликилу, аккуратно сложил противоперегрузочное кресло (стюар-

дессам меньше работы), отжал остатки воздуха из полостей комбинезона — опавшая ткань стала блестящей и жесткой, как алюминиевая фольга. Балмер сидел и внимательно слушал. Вид у него был угрюмый, но очень заинтригованный.

— Вот и все, — закончил рассказ Леонид. — Потом меня разбудил голос фоностюарда.

Балмер встал и прошелся взад-вперед по каюте. Снимая комбинезон, Леонид наблюдал за Балмером в зеркало.

— Так, Русанов... Значит, эффект «ощущения себя» на этот раз ничтожно мал?

— По сравнению с тем, что я испытал на Чантаре? Да, никакого сравнения.

— Хотите знать, почему?

— Любопытно.

— На этот раз я распорядился дать вам вторую степень альбастезии. — Балмер ходил по каюте, как маятник.

— Понимаю... И если это хоть что-нибудь прояснило...

— Ничего это не прояснило. — Балмер остановился. — Может, следует потянуть за ниточку, которая ведет к Маккоуберу?

— Вас поразило совпадение, что мы с Маккоубером работаем в одной группе?

— Да. И над одним проектом. В чем суть проекта, Русанов?

— Вы регулярно следите за всепланетной информацией, Балмер?

— А вы?

Леонид рассмеялся.

Прозвучал звонок. Было слышно, как на привязных ремнях бесполезно щелкнули замки. Шурша, раздвинулись гардеробные створки. Леонид взглянул на часы, прикинул поправку для местного времени и, немного поколебавшись, выбрал вечерний костюм.

— Проект довольно сложен, — сказал он и вынул костюм из чехла. — Слишком долго объяснять.

— Долго не надо. Коротко, самую суть.

Балмер сел в кресло, откинулся, вынул цепочку, взглянул на нее и спрятал обратно. Леонид видел все это в зеркале и подумал, что объяснить все же придется.

— Вы что-нибудь знаете о проекте «Мастодонт»? — спросил он.

— Очень немного. В основном только то, что два «Мастодонта» погибли в средних слоях атмосферы Юпитера, после чего проект был отвергнут.

— Ну, не совсем... Остальные шесть «Мастодонтов» были просто подняты выше. Теперь они продолжают давать чисто «атмосферную» информацию, и ребята, изучающие атмосферу Юпитера, — на нашем жаргоне «АЮ-научники», — получили невероятно комфортабельные внутриатмосферные базы. Не было бы счастья, да несчастье помогло... Но дело не в этом. Дело в том, что провалилась идея глубокого зондирования с помощью «Мастодонтов». И поскольку нам все-таки очень хотелось разведать поверхность грозной планеты, мы, Ю-научники, лет пятнадцать назад разработали новый проект «Эхо Юпитера». Основой Проекта была идея Иванова — Маккоубера погрузить на самое дно газовой оболочки планеты особые светодатчики, способные пронзить плотную облачность ударом луча-рапиры и таким образом доставить нам информацию о самой поверхности. Светодатчикам дали название «Мамонты».

— Ах, вот вы о чем! — оживился Балмер. — Так это — те самые «пульверизаторы»...

— Да. Когда хотят оскорбить нас, сотрудников Ю-Проекта, наших очаровательных «Мамонтов» называют «пульверизаторами», «самоварами» и — со-вестно произнести — «плеваками».

Леонид придирчиво оглядел себя в зеркале. Костюм ему нравился — короткий черный колет с узкими рукавами, украшенный на манжетах зеркально-блестящей решеткой, и черные узкие брюки с такой же решеткой на поясе. Правда, смущала пышность белой сорочки, мерцающей голубыми и розоватыми

блестками, — по мнению Леонида, было слишком много кружев на груди и вокруг шеи. Но приходилось мириться — согласно традиции все, кто возвращается в Дальний, должны быть одеты по последней моде Земли. И потом, сегодня юбилейное торжество: двадцать лет со дня основания Дальнего — одного из крупнейших базовых городов внеземелья...

— Так на чем мы остановились? Ах да!.. Мы обсуждали вопрос: можно ли называть пульверизатором устройство, объем которого превосходит сумму объемов этой каюты и вашей прием... — Леонид замер на полуслове: он случайно взглянул на Балмера в зеркало и сразу осекся.

— Простите, — сказал Леонид. — Я, кажется, зарвался.

— Я рад, что у вас отличное настроение, — ответил Балмер. — Я понимаю: близость дома, семьи, предвкушение скорой встречи с друзьями... Это всегда возбуждает.

— Да, — сказал Леонид. — Дикая кошка нетерпения...

Балмер кивнул на соседнее кресло.

— Присядьте, прошу вас. Времени еще достаточно, и мы успеем немного поговорить. Во-первых, кратко опишите мне устройство... э-э... светодатчика «Мамонт».

Леонид послушно присел.

— «Мамонт» — шар объемом в сотню кубических метров. Несколько оболочек. Верхняя, броневая, отлита из модифицированного металлостекла, которое по прочности и термоустойчивости превосходит все известные ныне материалы. Внутри шара — плазменный реактор и большой запас специального металлического сплава. В нижнем сегменте — устройство для кодовой записи информации, поступающей извне. В верхнем — мощная светопушка... Я забыл сказать, что шар имеет пять небольших выступов. Четыре внизу — мы их называем «еловые шишки», один наверху — мы называем его «помидор». Сквозь «помидор» проходит канал световода — очень тон-

кий канал, не пролезет даже мизинец. Вот, в основном...

— Ну хорошо. «Мамонт» погружается в атмосферу, садится на гипотетическую поверхность. И что же дальше?

— А дальше «Мамонт» начинает действовать автономно. «Еловые шишки» собирают информацию об окружающей среде. Реактор и специальное литейное устройство вырабатывают полуметровые металлические стержни толщиной с грифель карандаша. Кодированное устройство записывает полученную информацию по всей длине стержня, потом этот стержень закладывается в лучемер светопушки и выстреливается вместе с лучом за пределы атмосферы. Нам остается выловить стержень и получить у него сведения о том, что делается в глубине Юпитера.

— Должно быть, очень трудоемкое занятие?

— Вы имеете в виду ловлю стержней? Да, искать и ловить стерженьки над планетой дело нелегкое. И, пожалуй, этот наш Ю-Проект отвергли бы как бессмысленную затею, если бы не идея Маккоубера. Его идею можно выразить одним словом — «количество». Он предложил такое, что поначалу даже нам, его коллегам, единомышленникам и товарищам, показалось, что он хватил через край... Он предложил сбросить в Юпитер три миллиона «Мамонтов».

— Н-да, многовато... — пробормотал Балмер. — Я помню, лет пятнадцать назад этот проект вызвал большой резонанс в среде космогенологов.

— Шестнадцать, — поправил его Леонид. — Я был еще зеленым студентом, но уже тогда идея Иванова — Маккоубера захватила меня...

Маккоубер сумел организовать жесткое сопротивление оппонентам, а затем, заручившись поддержкой влиятельного круга ученых, перешел в наступление и быстро добился от Совета Системы санкции на осуществление Проекта «Эхо Юпитера». «Проект потребует слишком много средств и усилий», — твердили оппоненты. «Зато мы будем знать о Юпитере все!» — ликовали энтузиасты. «Земля и районы ос-

военного вземелья не смогут выделить вам для этого достаточное количество производственных мощностей». — «Мы создадим нужную нам производственно-техническую базу в лунной системе самого Юпитера!» — «Проект морально нерентабелен». — «Проект морально рентабелен, потому что Юпитер — это фундамент будущности всего вземелья!» Ну и так далее...

— Однако год спустя, если не ошибаюсь, ажиотаж вокруг Проекта угас, — напомнил Балмер.

Леонид вздохнул и сказал:

— Энтузиасты много шумят, когда берутся за дело. Взвзявшись — помалкивают. Кончив дело — или шумят, или помалкивают. В зависимости от полученного результата.

— Значит ли это, что результат вашего Ю-Проекта еще не ясен?

— Как вам сказать... Видите ли, Бармер, сложность в том, что идея Маккоубера — это, образно выражаясь, молочная ферма Проекта. Ферма создана — полумиллионное стадо «Мамонтов» пасется в просторах Юпитера и «дает молоко» — ежечасно за атмосферу выносятся полмиллиона стержней. Казалось бы, нам остается собирать стержни и потреблять заложенную в них информацию. На первых порах мы так и делали. Орбитальные тральщики типа «Муфлон» снабжали уловом спецлабораторию на Амальтее. Там информация снималась, и данные поступали в Ю-Центр, на Европу¹. И уже на основе полученных данных в Ю-Центре мы строили математическую модель планеты. Есть у нас такая Ю-моделирующая установка «Магистр»... Как видите, цепочка длинная: «Мамонт», стержни, «Муфлон», Амальтея, Ю-Центр и «Магистр»...

— У вас возникла мысль укоротить цепочку, не так ли?

Леонид посмотрел на Балмера с уважением.

¹ Европа и Амальтея — спутники Юпитера.

— Верно. Старый способ обработки Ю-информации надо было менять. За пятнадцать лет постоянно растущее стадо «Мамонтов» произвело на свет многие миллиарды стержней. Мы вывели на орбиты маневровые гравитационно-импульсные устройства типа «Слон» и с их помощью собрали основную массу летающих вокруг планеты стержней в компактное облако. Вот тут-то и возникла мысль избавиться от посредничества «Муфлонов» и Амальтеи. Как бы это вам лучше объяснить?.. Поскольку я сравнивал скопище стержней с молочным морем, то, продолжая образную аналогию, я назову сливками информацию, которая на этих стержнях записана. До сих пор мы снимали сливки, перекачивая молочное море к сепараторам. Смысл нашей новой идеи заключался в том, чтобы сделать все наоборот. То есть поместить какое-то подобие сепараторов прямо в облако стержневых носителей Ю-информации и направить информационные сливки в Ю-Центр непрерывным потоком.

— И ваша поточная линия Ю-информации себя оправдала?

— Ну... во всяком случае, мы уже проводили эксперимент перед моим отлетом на Землю. Результаты хорошие.

— В техническом отношении это было очень сложно?

— Конечно. Рассказывать об этом проще. Мы поместили в облако стержней несколько специально запрограммированных автолабораторий типа «Физлер». Они-то и выполняют роль сепараторов. Пропуская стержни сквозь дешифрующее устройство, «Физлеры» считывают информацию и пересылают ее в приемники Ю-Центра. Таким образом, установка «Магистр» создает и совершенствует математическую модель Юпитера непрерывно. Разумеется, Балмер, все это я излагаю очень схематично. Я обрисовал вам суть Проекта и надеюсь, что вас это как-то устроит.

— Спасибо, Русанов. — Балмер кивнул.

— Собственно, не за что. Я понимаю цель ваших расспросов... Но могу лишь посоветовать вам выяснить, какие именно исследовательские материалы специалисты по альбастезии заполучили у Маккоубера.

— Я выяснил. На борту «Ариадны» для альба-сенансов используют запись «гравитационного мерцания ЭЮ-объекта».

— Да? — Леонид задумался.

— ЭЮ-объект — это, как я понимаю, облако стержней. А вот насчет мерцания...

— Попробую вам объяснить. Видите ли, после того как стержни были собраны в облако, это облако приняло форму круглой плоской подушки, из-за чего мы иногда называем его «камбалой». Однажды кто-то заметил, что внутри нашей «камбалы» то и дело возникают области довольно интенсивных завихрений. Кто-то другой неожиданно вспомнил, что нечто подобное наблюдается в Кольце Сатурна, причем именно в тех его зонах, где сосредоточен наиболее мелкий обломочный материал. Догадку решили проверить. Так появилась запись «гравитационных мерцаний». Но, по-моему, до сих пор никто не удосужился обратиться за консультацией к сатурнологу-кольцевикам. Записи «мерцаний» Маккоубер держал у себя, и они как-то перестали попадаться нам на глаза.

— Благодарю вас, Русанов. — Балмер поднялся. — Разрешите пожелать вам всего доброго. Впрочем... последний вопрос: вы возвращаетесь из отпуска?

— Нет. Я участвовал в работе Конгресса космогеологов. Этим должен был заниматься Маккоубер, но в последний момент он изменил свое решение и в качестве представителя от нашего Ю-Проекта отправил на Конгресс меня. В то время я был очень занят обработкой экспериментальных данных первого запуска «Физлеров», однако Маккоубер настоял, и мне пришлось прервать работу. Я полагал, что это ненадолго. К сожалению, обстоятельства сложились так,

что это затянулось на три месяца. И вот наконец возвращаюсь...

— Ну что ж, — сказал Балмер. — Успешного вам продолжения. Чрезвычайно рад был познакомиться с вами.

— Я тоже. Будьте здоровы, Балмер. Если у вас возникнут какие-то новые соображения по поводу альба-фантомного прецедента, я думаю, вы найдете возможность проинформировать меня об этом.

— Непременно. Полагаю, что вправе ожидать того же от вас. Дело весьма любопытное... Будьте здоровы, Русанов. До встречи.

Балмер покинул каюту. Леонид постоял у двери в глубокой задумчивости. Альба-фантомы, запись «мерцаний», Маккоубер... После бесед с доктором Балмером романтический блеск альба-фантомных событий слегка потускнел, но по-прежнему Леонид не знал, что и думать. Его начинало тревожить неясное и нехорошее предчувствие.

— Наш рейс окончен! — жизнерадостно сообщил знакомый голос Кариолы. — Пассажиров приглашаем к посадке на орбитальные катера. Не забудьте набрать свой багажный индекс на лицевой панели информатора. До свидания. Всего вам приятного!

НАДИЯ, КРАМЕР, КРУШЕНИЕ «ФИЗЛЕРОВ» И РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Глава 1

Орбитальный полет продолжался недолго, и Леонид понял, что посадка будет на территории главного космопорта Европы.

Катер мягко сел на платформу, и платформа втянулась в заиндевелую трубу кессона. Поток подогретого воздуха растопил иней, труба открылась с другого конца, катер медленно въехал в большой, освещенный желтым сиянием зал, остановился перед широким лестничным маршем перрона. Пассажиры «Ари-

адны» встали с кресел, нетерпеливо сгрудились у дверей.

Встречающих было много. Гораздо больше, чем обычно.

Леонид пожимал протянутые руки, здоровался, улыбался, кивал, отвечал на вопросы, прощался с попутчиками и все время шарил глазами в толпе.

— Ищешь кого-то? — спросил знакомый пилот-шахматист с «Ариадны».

— Нет, — сказал Леонид.

— Ну-ну... — Пилот был заметно расстроен. Его, наверное, тоже не встретили. — Мне показалось, что ищешь.

— Нет, — повторил Леонид, все еще вглядываясь поверх голов.

Надии не было. Сквозь вакуум-защитный купол глядел Юпитер, и на фоне его огромного диска пульсировали красные огни на мачтах и чашах антенн дальней связи главного космопорта. Значит, у нее дежурство, решил Леонид, выбираясь из толпы. Если бы не дежурство, она непременно пришла бы... Он вспомнил, что забыл попрощаться с пилотом, обернулся и помахал рукой.

Пилот смотрел ему вслед.

Спустившись на эскалаторе к трубе пневматической дороги, Леонид постоял на платформе в ожидании поезда. Подошел поезд, открылись прозрачные двери, выпустили и проглотили нескольких пассажиров, и поезд ушел. Леонид зачем-то еще постоял, потом вернулся на эскалатор, спустился на ярус ниже. Среди встречных почти никого знакомых не было, но он заметил, что все на него смотрят. Он не сразу понял, почему на него так смотрят, а когда понял, то мысленно обругал свой новомодный костюм и тут же об этом забыл.

Все кабинки видеотекторов были заняты. Леонид выбрал крайнюю и подождал. Сквозь стекло он видел ярко освещенное лицо человека с густыми пшеничного цвета усами. Человек улыбался и часто кивал

изображению на небольшом экране, потом заметил ожидающего Леонида, закончил разговор и вышел.

— Вам придется все время давить на рычаг, — сказал он. — Там ослабла пружина и контакт иногда прерывается. Вы с «Ариадны»?

— Да, с «Ариадны», но сейчас мне ужасно некогда.

Незнакомец одобрительно пошевелил усами, отступил от двери, и Леонид подумал, что усы очень идут этому человеку. Человек был молод и весело щурил глаза. Молодой усатый человек представился:

— Юрий Двинский.

— Леонид Русанов, — представился Леонид.

— До свидания, Леонид. И не забудьте давить на рычаг.

— Спасибо, я не забуду. Всего хорошего, Юрий.

Леонид прикрыл за собой стеклянную дверь, набрал на пульте нужную комбинацию цифр и надавил на рычаг. Яркий свет ударил в глаза, вспыхнул экран.

Он увидел ее лицо. Оно было задумчивым и немного усталым. А когда она увидела Леонида у себя на экране, ее лицо просветлело, и он понял, что она ждала его вызова. Она была занята на дежурстве, но не могла не знать, что он прилетел, и находилась возле видеотектора, чтобы сразу ответить на вызов.

— Здравствуй, Надия! — хрипло сказала он.

У него не было времени попрощаться с ней перед отлетом, он очень спешил — «Калькутта» уже закрывала вакуум-створы, и его доставили на борт спецрейсовым катером. В радиограмме с Земли он обещал ей вернуться на месяц раньше, но не сумел выполнить обещания, потому что Маккоубер неожиданно и самовольно сложил с себя полномочия, все перепуталось и нужно было что-то решать...

— Ты должна взять меня в руки и приучить наконец к дисциплине, — сказал он. — Ну куда это годится — я самый недисциплинированный человек в системе Юпитера!

— Юпитера?.. Бедный мой! Ты хотел сказать: в нашей Галактике!

— И за ее пределами, — охотно согласился он.

— Не подлизывайся ко мне. Ты хоть раз вспомнил меня за все это время?

— Не надо, родная! Это слишком злая штука — так говорить! Ты постоянно была со мной, я ни минуты не жил без тебя. Ни секунды...

— Хотелось бы в это поверить, — сказала она. — Но ведь я тебя знаю, ты постоянно занят, тебе всегда недоставало времени для меня...

— Да, — сказал он. — Я постоянно занят, но все мое время — твое. Без тебя мое время было бы мне, наверное, и не нужно. Это было бы страшно пустое время... Я даже боюсь себе это представить.

— Я тоже боюсь... — тихо сказала она, и он вздохнул с облегчением.

— Все будет у нас хорошо. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы у нас все было отлично. Верить?

Она молчала, и он подумал, что не расслышал ее из-за плохого контакта, и налег на рычаг.

— Повтори мне, пожалуйста, что ты сказала, Надия.

— Кажется, я ничего не сказала... Прости, я немного задумалась.

— Можешь не говорить. Если веришь мне, просто кивни. Веришь, да?

Она испуганно и торопливо кивнула.

— Я верю, что у нас все будет отлично, — произнесла, как произносят формулу заклинания. — Я тоже буду стараться. Это значит, что я должна быть готова снова и снова ждать тебя месяцами...

Он этого не ожидал и не сразу нашел что ответить.

— Что нового у тебя? — спросила она.

— Особенного ничего. — Он пожал плечами, надеясь, что это получилось у него естественно и беспечно. Новым было то, что он вернулся руководителем Проекта, вместо Маккоубера, но все это было так

сложно, что говорить об этом сейчас не хотелось. — Ничего нового, кроме костюма.

— Красивый костюм.

— Тебе нравится, правда? Я надел его для тебя. Иначе бы я не решился.

— Очень красивый костюм. В нем ты просто неотразим... Почему ты держишь так руку? Твой роскошный манжет закрывает мне четверть экрана.

Он объяснил ей про контактный рычаг.

— Как твои дети? — спросил он.

— Я сегодня немножко устала. Группа выросла до двадцати малышей. Очень милый, но беспокойный народец.

— Второе дежурство подряд? Ну, признавайся.

— Да... Но это для того, чтобы у нас был сегодня свободный вечер. И завтра.

— Спасибо, родная. Сегодняшний вечер будет прекрасным. Но в другой раз не надо, побереги себя.

— Скоро малышки отправятся спать, и я сумею освободиться. Ты поедешь оттуда прямо домой?

— Нет... Я хотел бы зайти ненадолго в Ю-Центр.

— Хорошо.

— Если ты не хочешь, я не пойду.

— Нет, почему же, иди. Правда, так будет лучше. Я ведь тоже должна приготовиться к вечеру.

— Ну хорошо. Я зайду за тобой.

— Не нужно. Я сама зайду за тобой. И оттуда мы отправимся праздновать.

— Да. Танцевать, пить шипучее аллизо и здороваться с друзьями. Нас ожидает чудесный вечер, верно?

— Я скоро зайду за тобой. — Она кивнула. Экран погас.

Леонид снял руку с контактного рычага, провел по глянцевой поверхности экрана, уперся лбом в кулак. На мгновение ему показалось, будто у него кружится голова...

Пневматический поезд с шумом влетел на станцию «Площадь Согласия». Леонид не собирался здесь выходить — ему нужна была следующая стан-

ция, но он уже стоял на перроне, а поезд ушел. Ждать другого поезда не имело смысла, потому что небоскреб, в котором размещался научный центр космологических проблем Юпитера, стоял на этом перроне, и отсюда было до него не намного дальше, чем если идти к нему с другой стороны.

Поднимаясь на эскалаторе, Леонид смотрел в лицо каждому встречному, приветливо кивал, если видел знакомого. Он надеялся встретить кого-нибудь из Проекта, но так и не встретил.

Площадь Согласия — самая большая в Дальнем, и даже после земных городов она производила внушительное впечатление. Она была необыкновенно красива. Просто изумительно до чего хороша — синее-синее стеклянное озеро с идеально гладкой поверхностью, на которой все отражалось. Город охватывал озеро-площадь подковой — высотные здания, очень легкие, будто сооруженные на воздушных спиралях. К открытой стороне подковы примыкал зеленый лес — гордость и предмет неустанных забот жителей Дальнего. Это был настоящий лес. Не парк, не дендрарий, не роща, а именно лес, в совершенно естественном виде, хотя все, что питало, обогревало и освещало его, было искусственным. Лес молодой, но в нем уже высились молодцеватые клены, которые здесь росли почему-то быстрее, чем любые другие деревья, — недаром на гербе Дальнего вместе с Юпитером изображен кленовый лист. В лесном массиве не было никаких сооружений, кроме Дворца детей. Багровый свет искусственных солнц отражался в стеклянных гранях Дворца, и где-то там, в одном из «дворцовых покоев», Надия укладывала спать строптивую малышню. Спи, глазок, спи, другой!.. Все четыре солнца работали в режиме вечернего освещения.

За лесом пылал закатным пожаром нацеленный в черные небеса длинный и узкий кристалл здания «атмосферников». На верхушке его блестящего шпиля судорожно мерцал полярный диск системы ЭСАП — системы стабилизации атмосферного поля. Над городом возвышались несколько дисков ЭСАП, и все они

были на разных высотных уровнях: чем дальше от городского центра, тем ниже, вплоть до живописных вершин кольцевого хребта кальдеры ледового кратера — естественной границы самого города и воздушного пузыря искусственной атмосферы над ним. Но мерцал только полярный диск, и если пристальней взглядеться в зенит, можно было увидеть, как этот диск излучает концентрические волны слабого сияния и как они, расширяясь, скользят вдоль ионного пограничного слоя воздушного купола. Скользят и скользят неустанно, денно и ночью — пульс, атмосферное сердцебиение города...

Людей на площади было немного, и Леонид уже не надеялся встретить кого-нибудь из Проекта. Возле гигантского блюдца Форума он поднялся в лифте на эстакаду, и дальше его понесла лента движущегося тротуара. Здесь было ветрено — неподалеку работали воздухообменные башни. Ветер дул в спину до поворота на главную магистраль.

Магистральные тротуары, разрисованные красно-белыми полосами, двигались вдвое быстрее, но Леониду этого казалось мало — он быстро шагал по ходу движения, нетерпеливо поглядывая в сторону здания Администрации. Когда красно-белая лента движущейся дороги наконец обогнула многоступенчатый цоколь этого здания, из-за его выпуклого фасада выплыл и, заслоняя полгорода, стал надвигаться огромный стеклянный парус Ю-Центра. И рядом с ним округлой горой выпирал, охватывая четверть горизонта, край полосато-разноцветного Юпитера. Закутавшись в шубу густой атмосферы, Юпитер глядел на Центр своих проблем сонно и равнодушно. «Нет у него никаких проблем, — подумал Леонид. — Это у нас проблемы...»

Глава 2

Вестибюль тридцатого этажа был пуст. Леонид посмотрел на закрытую белую дверь рабочего зала, пересек вестибюль и заглянул в салон совещаний.

В салоне — глубокая тишина, никого здесь не было, экраны экспресс-информаторов были зашторены. Леонид пересек вестибюль, распахнул белую дверь и еще с порога увидел Крамера. Крамер стоял к нему спиной перед пультом вспомогательного моделирования, облокотившись на спинку операторского кресла. Он что-то жевал, и у него двигались уши. На нем было темно-синее трико в обтяжку, и в этой одежде он выглядел очень тощим. Он обернулся на звук шагов, узнал Леонида, медленно выпрямился.

Они обнялись, похлопали друг друга по спинам. Крамер был буквально пропитан кофейным ароматом, и глаза у него были страшно усталые и воспаленные. Он отступил, прощупал Леонида взглядом, сказал:

— Что ж, добро пожаловать, принц Датский...

— Ты чем-то опечален, Улаф? — спросил Леонид.

— Ладно, — нехотя ответил Крамер, — не все сразу. Ты-то как?

— Я бы чего-нибудь пожевал. И заодно поговорим.

Они взобрались на высокие табуреты у откидного столика пневмораздана, и Крамер стал извлекать из цилиндра чашки, ложки, блюдца, термокофейники. Последней появилась на столе прозрачная тарелка, наполненная до краев чем-то очень похожим на ворох пожелтевших и полусвернутых листьев березы.

— Тебе с молоком или сливками? — осведомился Крамер.

— Пожалуй, я выпью черного, — сказал Леонид, разглядывая содержимое тарелки с некоторым сомнением. В каждый листочек было завернуто что-то наподобие большой розовой гусеницы.

Крамер отправил два молочника обратно, разлил по чашкам черный кофе, аккуратно взял один листочек за черенок, положил в рот. Ел он без удовольствия, нижняя челюсть и уши мерно двигались. Леонид колебался. Крамер взял с тарелки еще и, посмотрев на Леонида, сказал:

— Что, принц? Размышляешь, брать или не брать? Бери, не стесняйся. Новая продукция наших изобретательных кулинаров. Необыкновенно вкусно.

Леонид осторожно попробовал. Было действительно вкусно. Он принялся за еду всерьез, ел молча, ждал, когда Крамера наконец прорвет, и поглядывал в зал.

Зал был большой, круглый. Посредине светился сигналами накрытый дымчатым стеклянным колпаком центральный пульт «Магистра», а вокруг — дюжина мезопультов, тоже накрытых дымчатыми колпаками, но там ничего не светило, и колпаки казались непроницаемо-серыми. Над пультом вспомогательного моделирования голубел длинный прямоугольный экран. Вернее, сам экран был густо-фиолетового цвета, почти черный, а голубели на нем столбцы расчетных формул, таблицы и схематический чертеж — нечто вроде узорчатой трехлепестковой розы. Плоскость экрана виделась отсюда под острым углом, и Леонид не мог уловить смысл чертежа. За исключением чертежа, здесь за три месяца ничего не изменилось.

— Безлюдно сегодня.

— Я всех разогнал, — сказал Крамер.

— Конечно. Праздник.

— Не поэтому, — сказал Крамер, схватил кофейник и долил себе. Хотел долить Леониду, но чашка была полной, и он небрежно поставил кофейник. У него тряслись руки. — Я разогнал всех еще позавчера. И жалею, что не сделал этого раньше.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Леонид.

— Превосходно. Я просто немного устал.

— В это можно поверить. Иди-ка ты, наверное, спать...

— Зря, что ли, я ждал тебя? Я знал, что ты непременно примчишься сюда прямо из космопорта.

— Мог ли я догадаться, что ты, бодрствуя, ждешь меня с позавчерашнего дня?

— Много чести, экселенц. Просто обстановка та-

кова, что до твоего приезда я не имел права чувствовать свою усталость.

— Теперь имеешь. Отправляйся-ка ты в самом деле спать, дружище.

— Для этого из меня придется выкачивать кофе.

— В ближайшие дни постараюсь спровадить тебя в длительный отпуск.

Крамер перестал жевать и угрюмо покосился на Леонида.

— Только попробуй.

— А что? Ты не смеешь противиться мне. Между прочим, я принял скипетр верховной власти.

— Я знаю. Следовало ожидать. Уходя, Маккоубер заявил руководству Ю-Центра, что Проект вступил в новую стадию технологической эволюции и что теперь командовать Проектом можно доверить лишь разработчикам системы «Физлер».

— Что он еще говорил?

— Когда он зашел попрощаться перед отлетом на Землю, он подергал себя за ухо и сказал... Хочешь, повторю дословно, что он сказал?

— Давай дословно.

Крамер, мастерски копируя жесты Маккоубера и его интонацию, произнес раскатистым баритоном:

— Ну что ж, дорогие мои «свистуны»¹. Пробил час... Да. Час пробил. Ухожу. Чувствую себя виноватым, но ухожу. Я сделал все, что должен был сделать. И даже то, чего делать был не должен. Да... Я очень устал. Очень... Мы породили Ютавра. Может быть, не Ютавра... В общем, странную штуку мы породили. Вы и я. Не знаю, как вы с ней справитесь. Да. Не знаю.. Но так или иначе, желаю вам успехов. Будьте мужчинами. Рад был знать вас и с вами работать. Да. Общий салют!..

Крамер умолк. Леонид смотрел на него ошара-

¹ Физлер — свистун (англ.). Маккоубер употребляет слово «свистуны» в значении: разработчики системы «Физлер».

шенно. Крамер бросил пустую тарелку в раздан. Сказал:

— Представляешь себе? Он стоял вон там и все это нам говорил. А мы сидели за пультами и, открыв рты, все это слушали. И пока мы переваривали сказанное, он помахал нам рукой и вышел. Больше мы его не видели. Потом мы узнали, что Земля его отозвала и он улетел на «Анарде». Ты разминулся с ним где-то, должно быть, в районе марсианской орбиты.

Леонид заметил, что давно уже держит чашку кофе в поднятой руке, и залпом выпил крепкий напиток. Спросил:

— Что он имел в виду?

— Я бы и сам хотел это знать. Сейчас мне кажется, что он имел в виду Рой.

— Облако стержней? У тебя есть основания так думать?

Крамер, глядя в чашку, молчал.

Теперь Леонид был совершенно уверен: что-то произошло. Что-то такое, что угрожало разработанной системе «Физлер», нормальной работе группы, лично ему и коллективному делу. И, может быть, даже Проекту в целом. Спрашивать прямо он почему-то боялся.

— Как прошел Конгресс? — любопытствовал Крамер, не отрываясь от созерцания чашки.

— Довольно спокойно. За исключением того, что много шумели меркуриологи, а в стане пространственников случился крупный раскол. По Юпитеру все прошло удивительно гладко.

— Гладко было на бумаге... Еще кофе?

— Давай. Конгресс благополучно закрыли, и не успели отзвучать фанфары финального торжества, как поступило сообщение из Ю-Центра о самоотставке Маккоубера. В Управлении никто ничего не понял. Послали в Дальний запрос, требуя разъяснений... По-моему, ты злоупотребляешь крепким кофе, Улаф.

— Разве? — Крамер заглянул в пустой кофейник. Отправил его в раздан. Он явно не находил, чем

бы занять свои руки. Это означало, что он напился крепкого кофе до судорог. И еще означало, что чем-то очень занята его голова. — Надеюсь, им не пришлось на ум заодно потребовать разъяснений и от тебя?

— Нет. К тому времени я успел удрать в Большой сибирский заповедник. Мне уже оформили зеленый литер на любой из ближайших рейсов в сторону Дальнего, и я решил подышать таежным воздухом перед отлетом. Подышать мне не дали. Я застал Комиссию в полном составе. Никогда прежде я не встречал такого представительного скопления бывших Ю-центровцев. Не постеснялись потревожить даже старика Иванова. Когда старик узнал о самоотставке Маккоубера, ему сделалось нехорошо. Это он предложил утвердить отставку, а самого Маккоубера срочно отозвать на Землю. Потом потянулись дни бесконечных совещаний. Проект разобрали по косточкам, обсудили со всех возможных сторон, задним числом одобрили разработку нашей системы, слегка поругали систему «Магистр», предложили еще раз продумать процесс Ю-моделирования, с тем чтобы дать дорогу новым идеям по его конструктивному улучшению. Насилу я оттуда ноги унес...

— Это неважно, — рассеянно заметил Крамер.

— Не понял, — сказал Леонид. — Что неважно?

— Все неважно. Комиссия, «Магистр» и ноги. Хорошо, что ты унес оттуда голову. Твоя голова нам еще пригодится. Мне, ребятам, Проекту. Это просто очень кстати, что ты унес свою голову...

— Бред собачий, — сказал Леонид. — Иди и пропись.

— Если б ты знал, как не хочется мне портить тебе настроение в праздник... — Крамер поморщился. Занятие для рук он нашел, пытаясь завязать ложку узлом. — Ты только не очень волнуйся.

— Выкладывай, — сказал Леонид, отобрал у Крамера ложку и зашвырнул ее в раздан.

— Не вели казнить...

— Выкладывай, — повторил Леонид. Крамер все

еще колебался, и Леонид тихо добавил: — Я сейчас так тряхну тебя, ходячий кофейник...

— Не надо, — серьезно сказал Крамер. — Ты сделаешь это после... После того как узнаешь, что система «Физлер» не работает...

Леонид взялся руками за край стола и медленно стал подниматься. Стол затрещал.

— Ты только не волнуйся, — быстро заговорил Крамер. — Ну что ты, в самом деле! Ну временно не работает. Все наладится, ты только не волнуйся! — Он суетливо убирал посуду. — Система будет работать. Мы заставим ее работать.

— Давно не работает?

— Кто не работает? Система?

— Да, система.

Крамер опустил руки.

— Давно.

— Почему не сообщил? Я бросил бы все и вернулся.

— Там с тебя сняли бы голову, и ты вернулся бы к нам без головы. А руководителем Проекта был бы назначен кто-нибудь посторонний. С головой или без, но суть даже не в этом. Зачем нам нужен руководитель, который не смыслит в Проекте ни уха ни рыла?

Леонид сел.

— Стратег, — сказал он. — Ну, допустим, ты прав. Но почему не работают «Физлеры»?

— Не знаю. — Крамер устало провел ладонью по лицу. — То есть я знаю, почему не работают «Физлеры». Потому что Рой нестабилен, в нем все время идет какая-то странная перегруппировка масс и геометрических объемов. Но я не знаю, почему это происходит и, главное, как. Я пытался выяснить причину странного явления, уловить его закономерность. Я работал как лошадь, надеясь, что к твоему прибытию успею построить его логическую модель... Ничего я не успел. Совершенно запутался и ничего больше не понимаю. В голове манная каша и ни одной дельной мысли...

— Конечно. Ты утопил свои мысли в кофейной цистерне. Так говоришь, внутри «камбалы» происходит смещение масс и объемов?

— «Камбалы»?.. — Крамер приоткрыл рот. — Да, ведь ты же ничего еще не знаешь!..

— Ты уже забыл, по чьей это милости? — Леонид поднялся. — Стратег.

— Виноват, — сказал Крамер. Кивнул на экран. — Можешь ознакомиться. Там схема одной из стадий перегруппировки Роя.

Леонид пошел к экрану знакомиться.

Он бегло оглядел экран и посмотрел на Крамера. Крамер кивнул.

— Не сомневайся, — сказал он и постучал себя пальцем в лоб, — здесь у меня все в порядке. Что делать, если Рой действительно имеет такую форму? Есть и другие, более интересные, но эта форма самая характерная. Форма номер один.

Леонид пробежал глазами ряды математических выкладок, опять уставился на схему Роя. «Камбалы» больше не существовало. На схеме были три группы сгустков. Группы расположены по правилу трехосной симметрии. В каждой группе по три сгустка...

— На выкладки не обращай внимания, — посоветовал Крамер и тоже поднялся. — Это частные случаи перегруппировок Роя. Общую формулу я не...

— Улаф, — глухо проговорил Леонид. — Трижды три... Сколько это будет?

Крамер подошел ближе.

— Трижды три будет девять, — сказал он и почесал за ухом.

Леонид молча разглядывал схему. Крамер тоже уставился на экран. Они постояли рядом. Потом Крамеру надоело, и он сказал:

— Модель кинематическая.

Леонид не ответил.

— Модель кинематическая, — повторил Крамер. Пожал плечами и склонился над пультом.

Сгустки на схеме плавно перегруппировались, и схема приняла новую форму. Затем эту форму сме-

нила другая; схема все время менялась с калейдоскопической быстротой, но плавно; формы иногда повторялись, и чаще других на экране мелькала форма номер один. Как только новая форма входила в стадию завершения, Рой выглядел симметричным, и в нем было непременно девять сгустков...

— Вот видишь, — сказал Крамер. — Разве «Физлеры» могут нормально работать в таких условиях? Это не «камбала».

— Вижу, — сказал Леонид.

— Я не мог найти общую закономерность перегруппировок масс и объемов. Пока не будет «Физлерам» новой программы, нам не угнаться за текучестью форм. Как было все просто, когда была «камбала»!..

— Понятно, — сказал Леонид.

— Ты думаешь, я не пробовал сбить Рой в однородную кучу «Слонами»? Пробовал. После этого Рой научился переливаться из одной точки пространства в другую.

— Научился? — спросил Леонид.

Крамер пристально посмотрел на него. Леонид следил за игрой схематических форм. Крамер сказал:

— Я промоделировал всего лишь несколько стадий. Это уже идет повторение. А вообще-то нет им числа... — Он потянулся к пульту.

— Пусть идет, — остановил его Леонид. — Каков временной интервал изменения форм?

— Около двенадцати часов. За каждый оборот вокруг планеты — новая форма. Или мы научимся предсказывать форму Роя хотя бы на один оборот вперед, или...

— Да, — сказал Леонид. — Хорошая была система «Физлер». Жаль...

— Ты что!.. — ошарашенно выдохнул Крамер. — Хочешь так просто отказаться от родного детища?!

— Отчего же «просто»? С глубочайшим прискорбием.

Леонид побрел к противоположной стене зала, широкая стеклянная площадь которой была частью прозрачного фасада здания, и посмотрел на город с

высоты тридцатого этажа. Искусственные солнца были погашены, и город утопал в разноцветном море огней праздничной иллюминации. Сегодня даже купола энергетических станций, виднеющихся за вершинами ледового хребта, были разукрашены ярко-зелеными полосами. На вершине здания Администрации пылала огромная пурпурная цифра «20».

Леонид услышал рядом шумное дыхание Крамера.

— Значит, так... — проговорил Крамер. — Значит, вся моя трехмесячная работа Юпитеру под хвост? Так понимать?

— Нет. Понимать так, что поработал ты очень полезно. Спасая систему «Физлер», ты доказал ее нежизнеспособность. Маккоубер прав, Проект вступил в какую-то новую, неожиданную для нас стадию своей технологической эволюции. Мы рассчитывали, что дело закончится сравнительно стабильной «камбалой», и придумали для нее «Физлеры». Дело закончилось Роем и этой вот калейдоскопной свистопляской... — Леонид, не оглядываясь, показал через плечо в сторону экрана. — А может быть, даже еще не закончилось. Будем мужчинами, Улаф. Очевидно, от нежизнеспособной системы надо отказываться и немедленно браться за поиски чего-то принципиально нового. Давай трезво оценивать ситуацию. «Камбалы» больше нет, «Физлеров» нет. Есть Рой и есть общечеловеческая потребность успешно развить Ю-Проект. Нужны идеи.

— Нет у меня идей! Понимаешь? Стал бы я спасать систему «Физлер», если бы у меня была хоть одна самая малюсенькая идейка!.. Нет их у меня!

— Идеи будут, — спокойно сказал Леонид.

— А, — сказал Крамер. — Это другое дело.

Они помолчали. Стоя рядом, почти касаясь друг друга, смотрели на город. Леонид спросил:

— Скажи мне, Улаф... Ты когда-нибудь видел необычные «космические» сны? Будто ты на незнакомой планете и будто это очень реально?..

— И будто я в плену у трехголовых аборигенов, и будто прекрасная дочь вождя этого племени освобож-

дает меня, и будто мы влюбляемся друг в друга с первого взгляда, и я теряюсь, не зная, в какую голову мне ее целовать. Ты мне зубы не заговаривай. Что будем дальше делать с Проектом?

— Прежде всего нужно выяснить, что по этому поводу думал сам Маккоубер. О состоянии Проекта он знает нечто такое, чего пока не знаем мы.

— Один момент!

Крамер сбегал к своему рабочему столу и быстро вернулся, протягивая Леониду ключ. Леонид взял.

— От сейфа Маккоубера, — пояснил Крамер и демонстративно отряхнул руки ладонь о ладонь. — Покопайся в его отчетных бумагах и увидишь, что он знал, а чего не знал.

— Ты копался?

— Я слишком ценю свое время. Меня больше интересует сам Рой, чем то, что думает о нем Маккоубер.

— А я думаю... Пока ты изучал динамику Роя, Маккоубер заглянул глубже, в самую суть проблемы. И то, что он там увидел, заставило его принять решение уйти из Проекта. Ты хорошо знаешь, что значит для Маккоубера уйти из Проекта. И если он не мог не уйти... — Леонид повертел ключ и спрятал в карман. — Ладно. Бумаги я, разумеется, посмотрю, но потом, — это долгая песня. Мне кажется, есть более короткий путь...

— Не обольщайся. Рой — крепкий орешек.

— Рой — брэнное тело Проекта. Душа Проекта — Маккоубер.

— К черту Маккоубера! — взорвался Крамер. — Душа Проекта ни разу даже не полюбостествовал, чем мы тут занимаемся без тебя! Неужели ты близорук и не видишь, что Маккоубер выдохся?!

— Прекрати. Это был крупный ученый.

— Вот именно — был! Последнее время мы работали, в сущности, без его руководства. Это я никому не в упрек, но объективности ради. Мне неприятно говорить такое за спиной Маккоубера, но ты меня вынудил к откровенности.

— Другими словами, ты думаешь, что причина теперешних затруднений...

— Нет уж, уволь, — перебил Крамер. — Я не обязан думать об этом. Ты обязан, ты у нас теперь Маккоубер. Вот ты и думай.

По вершинам хребта прошелся прожекторный луч. Очевидно, прожектор направили с осветительной башни главного космодрома. На вершинах искрился лед, и это было как напоминание о том, что за пределами городской атмосферы царит лютый космический холод. Крамер посмотрел на Леонида сбоку, подышал на стекло и потер его рукавом, хотя стекло было чистым.

— Думай, пожалуйста, вслух, — сказал он. — Мне тоже будет небезынтересно.

— Да, — сказал Леонид, — Маккоубер не очень-то благосклонно воспринял нашу идею собрать стержни в единое облако...

— Почему ты вспомнил об этом?

— Я, видишь ли, думаю вслух, если угодно.

— Виноват, — извинился Крамер. — Продолжай. Сейчас ты чем-то похож на Маккоубера.

— Вероятно, уже тогда он опасался, что огромная масса стержневых носителей информации, приобретающая компактность, может в один прекрасный момент изменить свои качества. Он одобрил нашу систему не раньше, чем у него появилась обоснованная надежда, что условий для перехода Количества в новое Качество быть не должно.

— Его успокоил мой подсчет расстояний между стержнями в будущем облаке.

— Да. Расстояния были солидные, и Маккоубер дал зеленую улицу. А потом... Потом я заметил, какой у него был испуганный вид, когда он разглядывал записи «гравитационных мерцаний» только что созданной «камбалы».

— «Мерцания»? — удивился Крамер. — Ты меня развеселил. При чем здесь «мерцания»?..

— Весело, не правда ли? Никому, кроме Маккоубера, и в голову не пришло, что эти «мерцания» —

первые признаки возможной самоорганизации облака. Он похолодел от ужаса, когда узнал о «мерцаниях», а нам очень весело. Ну разве не весело, что его опасения блистательно оправдались и мы получили себе в назидание великолепный образец самоорганизующейся системы, в просторечии — Рой? И надо полагать, основное веселье еще впереди. Судя по всему, эта система обладает немалым запасом технологической свободы самостоятельных действий. Самостоятельных и, видимо, теперь уже непредсказуемых...

— Ладно, спрячь когти, сын льва, — я имею в виду когти твоего убийственного сарказма. Я, например, сделал все, чтобы найти возможность предсказывать поведение Роя.

— Если Крамер такой возможности не нашел, значит, ее попросту не существует. Я неплохо осведомлен о математико-аналитических способностях Крамера. — Леонид побарабанил пальцами в стекло. Спросил: — Маккоубер предпринимал попытки повлиять на Рой?

— Ключ от сейфа у тебя в кармане.

— В отчетах будем копать потом. Можешь не сомневаться, как только выплывешь, я тут же усажу тебя за пульт аналитической машины. А сейчас изволь ответить на мой вопрос.

— Ну как он мог влиять на Рой? А главное — чем? Едва появились первые сгустки, он приказал нам распылить их «Слонами» в однородное облако. И уж если «Слоны» оказались бессильны... — Крамер развел руками. — А ты говоришь — «повлиять». Скорее, эта неудачная попытка повлияла на наши с Маккоубером отношения. Он словно забыл дорогу в этот зал, а нас вообще перестал замечать. Два раза летал он с Дэном Фростом непосредственно к месту событий, и каждый раз возвращался еще угрюмее, чем улетал. По-моему, он решил, что мы загубили Проект, и подал в отставку.

— Это по-твоему. Если бы он так решил на самом деле, он спустил бы с нас шкуру — с меня и с тебя в

первую очередь — и заставил бы исправить положение. Чужие ошибки всегда кажутся исправимыми. Я думаю, Улаф, когда Маккоубер произносил слово «Ютавр», он довольно отчетливо представлял себе его смысл...

— Кентавр, Минотавр, — рассеянно дополнил Крамер. — Если произнести мою фамилию наоборот, получится Ремарк. Магия слов, или словесная эквилибристика, и сколько угодно скрытого смысла... Чем тебя насторожило слово «Ютавр»?

— Маккоубер мог подать в отставку только в одном случае, Улаф... Если был убежден, что допустил ошибку сам.

Леонид взглянул в ошеломленные глаза Крамера и добавил:

— Или еще хуже... Если был убежден, что погубил Проект собственными руками.

Крамер судорожным движением ослабил липучую застежку у горла.

— Но как бы там ни было, Улаф, Рой все-таки существует, и надо искать способ заставить его отдать нам Ю-информацию. Точка.

Крамер шумно перевел дыхание.

— Ну почему я так люблю оптимистов?.. — с грустным недоумением спросил он пространство.

Белая дверь открылась, и в зал вошла Надия. Леонид увидел ее и ощутил, что вместе с ней в зал вошел праздник, о котором они тут с Крамером позабыли. Во всем ее облике была какая-то неузнаваемая новизна, и Леонид, поспешивший навстречу, не сразу понял, в чем дело, и только когда они встретились в центре зала, он осознал, что дело не в новой прическе и даже не в новомодном светящемся платье, а в том, что трехмесячный срок без нее — это слишком жестокая и совершенно несправедливая штука...

Она первая вспомнила, что здесь они не одни, посмотрела в ту сторону, где, глядя сверху на город, стоял Крамер, и сказала ему: «Здравствуй, Улаф!» — и когда он обернулся, она помахала рукой, добавила:

«С праздником!» — и Крамер церемонно ей поклонился.

Крамер проводил их взглядом. У двери Леонид задержался и виновато на него посмотрел. Надия крикнула: «Мы будем в Зимней Пирамиде, Улаф! Приходи побыстрее!» Крамер пожал плечами и сделал в воздухе неопределенный жест.

ТАЙНА ПОКРЫВАЛА ЗОЙСУЭЛЛЫ, ДЭН ФРОСТ И РАВНЕНИЕ НА ЮПИТЕР

Глава 1

Город был изобретательно ярко украшен иллюминацией. На длинном светящемся панно, мимо которого они проходили, катились колеса. Сначала катились маленькие колеса, потом большие, потом опять маленькие и снова большие. В каждом колесе вращались календарные цифры прошлых лет, и чем крупнее было оно, тем более поздним годом было отмечено. Леонид спросил Надию, что означают эти колеса. Она не знала. Они поцеловались. Откуда-то сверху слышались возгласы. Леонид туда посмотрел и увидел, что вдоль эстакады двигалось много людей, и все они махали руками и одобрительно что-то кричали про поцелуи и годовые колеса.

Виновники переполоха не стали разбираться, что к чему, — схватившись за руки, пустились наутек.

За углом они перевели дыхание. Здесь было другое панно. На этом панно сновали синусоидальные волны, по волнам плыл круторогий бык, а на спине быка уверенно сидела красавица с античным профилем. Это была, конечно, Европа на похитившем ее быке — Юпитере, и целоваться здесь было неудобно. Бык повернул голову и совсем не мужественно, покорьему произнес «му-у-у...». Надия передразнила быка. У нее это вышло очень забавно, они рассмеялись и пошли дальше.

Дорожка с твердым гладким покрытием вела по

аллее цветущих глициний и дальше — через пруд с фонтанами. Гирлянды фиолетовых цветов глицинии распространяли сильный аромат, струи фонтанов блестящими дугами перекатывались над низким мостом и шумно падали в пруд, а за фонтанами был освещенный вход в Летнюю Пирамиду, огромная треугольная грань которой наклонно сужалась к вершине золотисто мерцающим острием.

Они прошли по набережной пруда, пересекли красочно иллюминированный розарий и ступили на ленту движущегося тротуара. Тротуар двигался по направлению к Форуму вдоль аллеи молодых камфорных деревьев городского сквера. Здесь было безлюдно и тихо. Надия сказала, что отсюда можно пройти в Зимнюю Пирамиду мимо Павильона Иллюзий, и хотела спрыгнуть с тротуара, но Леонид ее задержал и сказал, что в Зимнюю лучше пройти мимо Форума и так будет даже быстрее.

Но быстрее не получилось.

Тротуар внезапно остановился. Между деревьями был проход на информационную площадку городского Центра Известий. Обычно эту площадку, как цветы клумбу, усеивали сотни чашеобразных кресел, люди сходились сюда группами и в одиночку, просматривали цикл объемной видеoinформации о событиях дня и расходились, уступая место тем, кто не видел. Но сегодня ничего этого не было. Посредине пустынной площадки возвышался невероятно древний с виду фонарный столб, обвитый обрывком ржавой цепи, а в круге яркого света находилась одинокая фигура человека в черном.

Фигура стройная — длинные ноги, изящный изгиб талии и бедра, — но в позе этого человека, с ног до шеи затянутого в черное трико, угадывалось столько неизбывной скорби, что одного взгляда на него было достаточно, чтобы почувствовать себя нехорошо и тревожно. И еще этот древний дурацкий фонарь и ржавые цепи... Леонид и Надия переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила она.

— Разберемся, — коротко ответил он, и они подошли к неподвижной фигуре, воплотившей в себе вселенскую скорбь.

Звука их шагов человек, казалось, не слышал. Закрыв лицо руками в белых перчатках, опираясь плечом о фонарный столб, он стоял совершенно окаменело, как статуя — красивая черная скорбная статуя, и даже не шевельнулся, когда они вступили в круг света от фонаря и Леонид негромко спросил:

— Не нужна ли вам наша помощь?

За пределами светлого круга было пустынно и сумрачно, тишину нарушало поскрипывание подвешенного на цепи фонарного колпака... Леонид тронул плечо незнакомца и повторил свой вопрос.

Незнакомец отвел ладони. Его лицо — скорбная маска мима: обведенные белым рот и глаза, а под глазами — синие треугольники.

— Ваша помощь?.. — спросил он пространство гулким шепотом, и хотя губы его шевельнулись на неподвижном лице, звук шел откуда-то сверху, шел, что называется, от фонаря, и Леониду все это не очень понравилось.

— Право, не знаю... — шепотом сказал незнакомец. — Да, может быть... Печально, если сегодня нам не удастся проникнуть в тайну покрывала Зойсуэллы!.. — Жест отчаяния, фонтанчики слез, и Леонид ощутил себя участником какого-то дурацкого спектакля.

Сумрак за пределами освещенного пятка стусился, пушистыми хлопьями повалил снег. Леонид взглянул на обнаженные плечи Надии. Ему хотелось взять ее за руку и уйти, но было заметно, что ей любопытно, и он сдержался. Мим поднял руки вверх полукругом. Зазвучала ритмичная музыка, площадка двинулась с места и поехала вниз.

Леонид не ошибся — это было началом красочного спектакля, с превосходной музыкой, танцами и хоралом, насыщенного правдоподобно выполненными сферокартинами объемного иллюзиона. С первых минут стало понятным, что основа спектакля — ис-

полнительское мастерство человека в черном трико; совершенной пластике его мимического танца, пожалуй, мог позавидовать и знаменитый Николо Беллини...

Густо шел снег, звучала музыка, площадка ощутимо двигалась куда-то, стройное тело незнакомца в черном трико гибко покачивалось под фонарем из стороны в сторону, словно колеблемый течением длинный лист водоросли. Потом фонарь исчез. Вспыхнуло яркое теплое солнце, и странно было смотреть на него сквозь метель, потому что, кроме него и летящего пуха снежинок на фоне бархатной тьмы, разглядывать было нечего.

Но вот наверху распахнулся круг голубого неба. Ритм музыки изменился, хор торжественно вывел голосовую репризу. Танцующий мим пошел вдоль границы освещенного пятачка, с видимой натугой раздвигая по окружности воображаемое полотнище тьмы, и каждое его движение было проникнуто чувством вины по поводу того, что он делал, но он продолжал это делать из каких-то одному ему понятных жертвенных побуждений. Когда он убрал с голубого неба полотнище темноты, открылась солнечная сферокартина морского побережья и вместо метели в воздухе закружилось белое облако чаек. Сквозь шум прибоя, крики птиц и рокот прибрежной гальки слышался знакомый гулкий шепот:

— Где начало? Кто из нас мог бы сказать, где начало?..

«Действительно, — подумал Леонид. — Если это неизвестно даже организаторам спектакля».

Морской пейзаж был просто великолепен, крик и кружение чаек были очень правдоподобны, танцор в маске мима с поразительным мастерством сочетал в себе одном все достижения человеческой хореографии — от ритуальных танцев шаманов седой древности до новомодных пластических гравиотанцев, — не забывая при этом о трагикомическом содержании роли ведущего и ухитряясь вдобавок создать впечатление, что эпицентром балетной сюиты, как это ни

странно, является вовсе не он, а все, что его окружает, в том числе — Надия и Леонид. Леониду все это казалось занятым, но для того, чтоб уяснить сюжетную канву происходящего действия, этого было пока недостаточно.

Картины объемного иллюзиона, равно как и музыкально-хореографическое их сопровождение, менялись с калейдоскопической легкостью. Морской пейзаж внезапно сменялся озерным, озерный — подводным, подводный — болотным, степным, лесным, арктическим, горным... Живность претерпевала соответственные метаморфозы: облако чаек вдруг обочивалось взлетающей стайей розовых фламинго, стая как-то неуловимо видоизменялась в радужный косяк коралловых рыб, а косяк с непринужденным изяществом перевоплощался в лежбище крокодилов, которое, в свою очередь, было обречено перевоплотиться в крупное стадо тундровых оленей. Затем — колония пингвинов, табун лошадей, стада муфлонов, слонов, антилоп... От чрезмерного разнообразия флоры и фауны рябило в глазах. «Где начало? Кто из нас мог бы сказать, где начало?»

Назойливость вопроса уже не казалась странной — Леонид уверовал в связь вопроса с общей идеей замысла, хотя сама идея оставалась пока неясной. Танцующий мим явно обеспокоен этим вопросом. По крайней мере, он очень искусно эту обеспокоенность изображал. Надия выглядела не столько заинтригованной, сколько восхищенной, и ее можно понять: качество иллюзорных сферокартин было отменным. Она махала руками низко летящим птицам, протягивала открытые ладони рыбам, пыталась погладить забавных пингвинов, и, к удивлению Леонида, с пингвинами это ей удалось. Не веря собственным глазам, он подошел к ближайшему пингвину, взял его на руки. Пингвин был теплый, живой, настоящий. От него пахло морем и рыбой. Он приоткрыл клюв, гулко спросил: «Где начало?», и Леонид поспешил оставить птицу в покое. Пингвинов сменил табун лошадей. Ближайшая лошадь игреневого масти

была как живая, но здравый смысл подсказал Леониду, что, в отличие от пингвинов, настоящая лошадь в иллюзии — это уже решительно невозможно...

Идея «натур-естественных» сферокартин состояла, видимо, в том, чтобы напомнить о многообразии всего живого и, хотя бы отрывочно, бегло, это многообразие обозреть. Последовавшие затем сцены были исполнены в более отвлеченном или, лучше сказать, символическом плане. Не все в них было понятным, но все — очень красочным и почти все — неожиданным, и это вызывало интерес.

К примеру — отвесная голубая скала. Вернее, выпирающий из мрака, полупрозрачный, словно подсвеченный изнутри, участок голубого массива. Сверху, вдоль этой стены, спускалась лиана, корявая и обомшелая. Провисший у подножия скалы конец лианы уходил в изумрудно-зеленые и тоже подсвеченные изнутри заросли. В зарослях кричали и суетились мартышки. То одна из них, то другая прыгала вдруг на лиану и начинала быстро карабкаться на голубую скалу. Результат их восхождений был удручающе однообразен: сверху сыпались кости, скатывался обезьяний череп... Потом на смену обезьянам явились какие-то существа покрупнее — сутулые, подозрительно человекообразные, и Леонид, который не очень уверенно разбирался в антропологии, подумал, что это, наверное, питекантропы. Альпинисты они были тоже неважные, и результат не замедлил сказаться: злобещая пирамида у подножия голубой скалы росла...

Конец неудачным восхождениям положил неантроп — человек вполне современного типа. Он был одет в тигровую шкуру, вооружен доисторическим каменным топором, коренаст, синеглаз и так похож на энергетика Йозефа Кухту, что Леонид улыбнулся и на всякий случай кивнул. Неантроп подмигнул синим глазом в ответ и быстро вскарабкался на скалу. Гулко ударил топор — обрубленная лиана рухнула вниз. Торжественно зазвучал хор, танцующий мим с очень обеспокоенным видом сделал не-

сколько сложных, граничащих с акробатикой па, и освещенный круг всплыл на вершину массива.

Здесь светила полная луна, горел костер. На голубом валуне сидел «неоантроп» Кухта и, опершись подбородком о рукоять своего топора, задумчиво разглядывал небо. Пламя костра излучало тепло. Надия протянула руки к огню, мим возбужденно жестикулировал и кружился. Неоантроп выхватил из костра горящую головешку и торжественно, словно это был олимпийский факел, вручил ее Леониду.

— Что я должен делать? — шепотом спросил Леонид.

— Бросишь в костер, — не разжимая губ, ответил Кухта. — Можешь говорить нормальным голосом, только не двигай губами. Публика нас не слышит, но видит отлично...

— Мы в Павильоне Иллюзий?

— На сцене Форума. Я прямо обалдел, когда тебя увидел. С «Ариадны»?

— Да. Сюда мы попали случайно.

— Знаю. Ну ничего... Это выдумка Шанцера и Ковуты.

Леонид не стал выяснять, кто такие Ковута и Шанцер. Только спросил:

— Это надолго?

— Скоро закончится. Цветок Знания, кордебалет, Галактика и покрывало... Ну, мне пора. И тебе тоже. Будь здоров! Встретимся в Зимней.

Кухта исчез. Леонид бросил факел в костер — пламя высоко взметнулось и застыло в виде огненного цветка. Музыкальный ритм изменился, вокруг цветка, как и предсказывал Кухта, появился большой танцевальный ансамбль — человек тридцать девушек и парней, затянутых в зеркально блестящую чешую. Откуда-то хлынул поток разноцветных лучей, и сразу все закружилось ошеломительным хороводом — танцоры, музыка, красное пламя цветка, метель радужных отблесков, и глядеть на это с близкого расстояния было почти невозможно. В небе медленно вращались рукава огромной спиральной Галактики,

и Леонид подумал, что, судя по всему, для разгадки тайны пресловутого покрывала предстоит окунуться в глубины Вселенной.

Так оно и случилось. Танцоры в зеркальных одеждах, закончив свое выступление, быстро куда-то исчезли, угасли разноцветные лучи. Лепестки пламенного Цветка Знания разошлись, разделились и, сделавшись похожими на чаши антенн сверхдальней связи, стали поочередно вспыхивать в такт дрожащим и странно булькающим созвучиям «космической» мелодии. Галактика надвигалась, заполняя собой все видимое пространство, и наконец распалась отдельными облаками звездных скоплений. Небо стало черным, и звездным, и всеобъемлющим, потому что оно было везде, куда ни посмотришь, — даже внизу, и чаши «антенн» повисли в нем мигающими маяками.

Черное тело мима, окольцованное бегущими сверху вниз волнами голубого света, извивалось в акробатическом танце. Такое впечатление, будто мим бесконечно долго всплывает в прозрачной воде, но ему все время мешает бурный водоворот. Движения этого человека были настолько пластичными, гибкими, что тело его казалось сложенным из одних «шарниров», и он, надо отдать ему должное, очень эффективно эти «шарниры» использовал. Леонид поддался очарованию танцевальной пантомимы, хотя не мог бы утверждать, что смысл пантомимы ему в достаточной мере понятен. То же самое, наверное, испытывала и Надия. Леонид посмотрел на нее и заметил, что неясность происходящего нисколько ее не смущает.

Внезапно из звездных глубин выплыл большой черный щит, заслонивший собой половину Вселенной. По его поверхности поползли красные трещины, и скоро весь он растрескался на куски. Из трещин вышли цветные султаны дымов, подсвеченные снизу багровым заревом...

Картина была интересной, и Леонид догадался, что это — довольно реалистическое изображение остывающей звезды, взятой в момент катастрофы

когда затвердевшая корка ее, не выдержав натиска внутренних сил неуравновешенной и все еще очень горячей утробы, вдруг лопнула и расплзлась мозаикой материков. Но этим дело не кончилось. С одной стороны, звезду продолжало распирать изнутри давление горячих недр, с другой — на материковых поверхностях стали вспухать огромные ядовито-зеленые волдыри, звезда жутко разбухла и ошетибилась, как потревоженная рыба-еж, превратилась в чудовище. Гулкий «космический» шепот торжественно произнес:

— Зойсуэлла! Звездная колыбель!.. Таким ли было начало?..

Багрово-зеленое ошетиненное чудовище судорожно взорвалось, осколки материков тяжело разлетелись в звездном пространстве, зеленые волдыри на этих осколках раздулись радужными пузырями и тоже стали взрываться. И когда они стали взрываться, рассеивая в пространство тонкие лоскуты и полотнища радужной пленки, Леонид сразу все понял...

В свое время академик Аррениус подарил миру гипотезу о вечности живого вещества. Согласно этой гипотезе жизнь вообще появилась одновременно с зарождением Вселенной, а жизнь на планетах могла возникнуть путем простого и естественного их «осеменения» живым веществом из жизнеобильного космоса. Насчет вечного существования живого — здесь академик Аррениус, видимо, здорово перегнул. А вот насчет «космического осеменения»...

Академик Опарин, к примеру, был решительно против «осеменения». Перед миром он тоже в долгу не остался и подарил человечеству гипотезу о длительном эволюционном преобразовании неживой материи в живую в благодатных условиях нашей Земли. Большинство ученых-биологов, поразмыслив, решили, что эта гипотеза ближе к истине, чем все остальные, и признали за ней почетное право именоваться «Коацерватной теорией академика Опарина». Несколько следующих поколений биологов, приняв авторитетную мудрость своих ученых предшествен-

ников, поставили массу биохимических и биофизических экспериментов, дабы подкрепить вышеназванную теорию практикой. И убедились, что для того, чтобы воссоздать хотя бы два основных биополимера — белок и нуклеиновую кислоту, — всех благоприятных (а заодно и всех неблагоприятных) условий нашей планеты отнюдь не достаточно. Более того, попутно выяснилось, что сотворение обоих биополимеров невозможно без участия в этом великом таинстве мощных гравитационных и электромагнитных полей, сверхплотного потока антинейтрино и особого теплового режима. И в днище «Коацерватной теории» появилась такая пробоина, заделать которую было уже невозможно. Поэтому взгляды естествофилософов вновь обратились в межзвездный простор.

Двое софийских ученых-биологов — Зойко Панчев и Суэлла Торндайк — обнародовали «сумасшедшую» гипотезу о «зарождении квазиживого протовещества на нестабильно остывающих звездах». Насколько Леонид мог припомнить, в гипотезе Панчева — Торндайк ничего не говорилось о «покрывале», и таким образом «покрывало» можно было смело отнести на счет художественного вымысла постановщиков спектакля. А жаль. Покрывало Зойсуэллы имело все преимущества дерзкого атрибута наглядности и весьма впечатляло...

Мим, словно ему и впрямь удалось раскрыть загадку Жизненного Начала, выражал свое ликование танцем и жестами. Его замедленные искусственным полем антигравитации прыжки-полеты под звуки торжественно-плавной мелодии были просто великолепны. Он протягивал открытые ладони то к звездному небу, в котором реяло большое полотнище радужной пленки, то к двум своим партнерам. Теперь Леонид совершенно отчетливо понял смысл пантомимы, и ему стало совестно перед невидимыми зрителями Форума. Радужный парус, летящий к планете Земля, символизировал Начало Жизни, а невольные партнеры мима, по идее, должны были символизировать Ее Вершину...

Спектакль завершился красочным действием. В звездном пространстве медленно вращался шар Земли, и хотя его окружала багровая атмосфера, выглядел он почему-то вполне современно, если не считать отсутствия суетливой соседки Луны. Радужное покрывало окутало планету и утонуло в ее атмосфере. Планета стала ярко-зеленой. Появилась Луна. Хорал достиг музыкального апогея, в полном составе явился балетный ансамбль, вспыхнул пламенный Цветок Знания, красавица-Земля обрела свой привычный бело-голубой наряд...

Иллюзионная сферокартинка еще не успела угаснуть, как огромный зал Форума наполнился морем света и на сцену обрушился грохот аплодисментов. Благодарные зрители аплодировали стоя, слышались возгласы: «Браво, Николо Беллини! Браво, Николо! Браво!» Леонид и Надия, не скрывая изумления, смотрели на человека в черном трико. Знаменитый танцор сорвал маску мима, перчатки и отшвырнул прочь. «Ни-ко-ло! Ни-ко-ло!..» — с энтузиазмом скандировал зал. Беллини кланялся, глядя в зал черными блестящими глазами. Потом он плавным движением указал на балетную группу, взял Леонида и Надию за руки и заставил своих партнеров выйти немного вперед. Леонид услышал его тяжелое дыхание. Лицо этого человека блестело от пота, на черном трико были заметны влажные пятна, грудь высоко вздымалась и опадала, но глаза артиста сияли. Зал неистовствовал. Беллини подхватил в воздухе брошенный кем-то букетик из трех алых гвоздик, вручил его Надии и гибко ей поклонился, прижав по-восточному руки к груди. Зал продолжал аплодировать. Леонид и Надия поторопились уйти и опомнились, только покинув здание Форума.

Проезжая мимо Павильона Тишины, они, не сговариваясь, сошли с тротуарной ленты. Павильон представлял собой довольно большое стеклянное сооружение в виде сильно сплющенного ребристого шара. Внутри было светло и уютно. Журчали фонтаны. Центральную часть Павильона занимала роща веер-

ных пальм. Под каждым деревом стояли треугольные столики, и все они были свободны. И вообще, в Павильоне, видимо, не было ни одного человека — сегодня никто не хотел тишины.

Они углубились в рощу. Надия облюбовала столик возле центрального фонтана. Листья пальмы глянцево блестели от влаги, на кончиках зеленых перьев висели чистые капли.

— Здесь влажно, — сказал Леонид.

— Ничего, — ответила Надия. — Это даже приятно.

Она склонилась над парапетом бассейна и опустила букетик гвоздик в бортовую раковину фонтана, до краев наполненную водой. В раковине торчала стеклянная трубка, из нее с шипением вырывалась длинная блестящая струя, от струи летела водяная пыль и оседала на пальмах.

— Смотри, не задень этот лист, — предупредил Леонид.

Надия выпрямилась, задела лист, и на ее обнаженные плечи обрушился дождь крупных капель. Надия вздрогнула и рассмеялась. И Леонид рассмеялся. И вдруг они оба принялись хохотать, и напряжение, накопившееся за время спектакля, быстро оставило их. Леониду сделалось любопытно: смеются ли так настоящие актеры после спектакля? Он подумал, что нет, наверное, не смеются, и пожалел настоящих актеров.

Леонид принес мороженого и фруктовой воды. Они молча ели мороженое, смотрели друг другу в глаза и не могли сдержать беспричинных улыбок. В Павильон кто-то вошел: послышались голоса, металлическое позвякивание, смех. Грохнул взрыв увеселительной петарды, в ответ раздался взрыв богатырского хохота, сверху посыпалось конфетти, — в Павильоне Тишины становилось довольно шумно. Большая компания в костюмах древнеримских легионеров, лязгая доспехами, облепила несколько соседних столиков и за одну минуту осушила целую батарею бутылок фруктовой воды. Леонид осмотрел древне-

римское воинство. Это была в основном молодежь — программисты и Ю-атмосферники. Покончив с фруктовой водой, легионеры с огромным подъемом исполнили популярную в этом году «Подари мне пояс Ориона и кольцо Сатурна подари!». Потом кто-то из них спохватился.

— Кстати, о Сатурне... Сколько там на твоих песочных?

— О боги! — воскликнул другой. — Двадцать один пятьдесят... и даже с минутами.

— Ребята, мы свиньи. Громовержец, поди, там заждался, а мы прохлаждаемся.

— Встать! Р-равнение на Юпитер!

— На Юпитера. Сегодня «а» на конце, понял?

— Верно. Равнение на Юпитер будешь держать послезавтра.

— Да, послезавтра мне нужно на «Мастодонт»...

— Тебе на южный полярный?

— Нет, мне на северный.

— Жаль. А то вместе бы и отправились...

— Эй, антиподы! Не забудьте свои щиты и мечи!

— Я возьму бутылку холодного для Юпитера.

— Почему «для Юпитера»? А Ганимед, Юнона, Каллисто разве не люди?

— Нет. Олимпийские боги. Эх ты, теленок!..

— Ничего с собой не берите — в Летней все есть.

— Кстати, кто такая Юнона?

— Эльга Вадецкая. Из центра связи. Красивая, верно?

— Еще бы! Только не вздумайте восхищаться Вадецкой в присутствии Жени Меркулова, который из ПМЗ.

— А что, у него иное мнение на этот счет?

— Нет, в этом смысле ваши вкусы полностью совпадают. А это опасно.

— Для Меркулова — да!

— Мне кажется, твой вкус тоже того... это самое... совпадает.

— Ничего тебе не кажется. Ну, мы идем, наконец?!

Легионеры с лязгом и грохотом разобрали оружие.

— Кто скажет, где здесь видеотектор?

— У выхода. Тебе зачем?

— Надо узнать, как подвигаются дела у Крэйга.

Мы раскрутили восьмую программу сигма-зондирования, а он там остался один. Кстати, для вашей группы программа.

— Вот как! Мы пятые сутки ждем программу для акустического зондажа, а они, выходит, уже сговорились за нашей спиной и выдают программы «налево»!

— Чего удивительного? Мезосферники дали им взятку: двадцать метров графической записи сбалансированного термопрогноза.

— А мы полагались на их безупречную нравственность! К оружию!

— Оружие в ножны! Р-разойдись! Кру-у-гом!

— Кстати, что означает команда «кругом»?

— Это значит: разойтись по окружности с неопределенно заданным ускорением. Легионер!

— Слушайте, парни... А кто этот франт и его прекрасная дама?

— Тихе, ты!.. Это Русанов с женой.

— Он теперь, говорят, крупная шишка в Ю-Центре. Вместо Маккоубера.

— Я ему не завидую. У них там сейчас какая-то чертовщина с Проектом... Сплошная мистика.

— Мистики у всех у нас хоть отбавляй. Твой пересчет дельта-барической нивелировки, скажешь, не мистика?

— Нет. Его пересчет — сплошная мистификация. Разница есть.

— Ладно, довольно болтать — опоздаем к началу. Громовержец там уже мечет громы и молнии. Пошли, ребята!

— Икру он мечет, твой Громовержец. Я ему подал заявку на свипп-генератор, а он ее и смотреть не стал. Мне, говорит, проще достать здесь бочку черной икры, нежели свипп-генератор с такими параметрами.

— Верно, ребята. Снабжение безобразное. На уровне эпохи Юлия Цезаря. Надо поднять этот вопрос на активе.

— Эй, активисты! Не отставайте!..

Легионеры ушли, и в Павильоне снова воцарилась тишина.

Надя посмотрела на Леонида.

— Это правда? — спросила она.

— О чем ты? — беспечно спросил Леонид. Он понимал, какую правду она имеет в виду. — Я вижу, тебе не особенно нравится это мороженое. Принести земляничное?

— Мне не особенно нравится то, что они говорили.

— Да? А что такого они говорили?

— Они говорили, что ты теперь вместо Маккоубера.

— Это правда, — сказал Леонид. — Но разве при этом что-нибудь изменилось? Еще до ухода Маккоубера наша группа фактически возглавляла Проект. И мое теперешнее назначение — административная символика, не более того. Моя работа остается прежней.

— Ну что ж... — Она вздохнула. — Будущее покажет...

Они помолчали. Он ел мороженое и старался представить себе, о чем она думает.

— Я заметила, как внимательно ты разглядывал этих ребят. Ты кого-нибудь ищешь?

— Да, — сказал Леонид. — Мне нужен Дэн Фрост. Если ты заметишь Дэна или Бриггиту...

— Зачем тебе понадобился Дэн?

— Мне нужно обменяться с ним буквально несколькими словами.

— Сегодня праздник, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он.

— И завтра, — добавила Надя.

Он оставил мороженое и выпил фруктовой воды.

— Ну вот... — огорченно сказала она. — Я уже испортила тебе настроение.

— Нет, — возразил он. — Никто никому настро-

ение не испортил. Сегодня великолепный праздник, и у нас отличное настроение.

— И мы потанцуем, верно?

— Да, мне очень хочется потанцевать. У меня такое чувство, будто улетал не я, а улетала ты. Я долго ждал тебя, и вот ты вернулась. Пойдем?

— Да. Мы пойдем в Зимнюю Пирамиду. Крамеру мы обещали, что будем в Зимней. Подожди, я забыла вынуть цветы.

— Крамер, наверное, не придет. Уф, какие они мокрые!

— Я тоже вся мокрая.

— Ты росистая.

— Скоро я высохну, и тебе не будет стыдно со мной танцевать. А почему не придет Крамер?

— Он двое суток не спал. Может быть, даже больше.

— Что-то связанное с Проектом?

Он не сразу нашел, что ответить.

— Видишь ли... Меня задержали на совещаниях, и Крамер взял на себя работу, которую должен был делать я. Мне очень совестно перед ним.

— Не думай, я понимаю: дело есть дело... Но не слишком ли часто вам приходится жертвовать личным временем?..

Они вышли из Павильона. На движущихся тротуарах народу прибавилось — основной поток направлялся в Летнюю Пирамиду. Многие были в маскарадных костюмах и полумасках. Обычно в Летней Пирамиде собиралась молодежь, и судя по всему, там затевалось нечто экстравагантное. Древнеримского отряда уже не было видно, но рев легионерских глоток был слышен издали: «Подари мне пояс Ориона!..» Возле кабинки видеотектора сиротливо стоял одинокий щит, а хозяин щита — легионер, которому надо было связаться с каким-то Крэйгом, — находился в кабинке и оживленно жестикулировал перед экраном. Шлем и меч он повесил на рукоятку контактного рычага.

— Этот, видать, зацепился надолго, — сказал Леонид. — Боюсь, маскарад закончится без него.

— А в Летней, наверное, ждет его девушка, — сказала Надия. — И может быть, она сегодня его не дожждется.

Леонид промолчал.

— Меня всегда удивляли этот размах и постоянная спешка. Неужели нельзя работать и жить поспокойнее?

— Нет, — сказал Леонид. — Нельзя. Извини, что я говорю об этом так коротко. Но, судя по прошлому опыту, я просто не умею доходчиво объяснять вещи, над которыми мало задумывался... Говоришь — поспокойнее? Не знаю. Наверное, можно, если очень уж постараться. Но кому это надо?

— Мне, например. И той девушке, которая ждет этого парня.

— Вот ты о чем... Н-да. Проблема века.

— Нет, — сказала она. — Это очень старая проблема. И очень жестокая...

— Неразрешимая?

— Я бы так не сказала. Вечная.

— Тогда это проще. Как бочка черной икры. Если можно вечно мириться с вечной проблемой, значит, она решается каждый раз компромиссным путем. Верно?

— Верно. И мне приятно, что ты задумался над вещами, которые раньше мало тебя волновали. Теперь я верю, что у нас будет все хорошо.

— Вот видишь! Все будет у нас отлично.

Глава 2

В Зимней Пирамиде было очень светло, шумно и весело. В зените пирамидальной верхушки на огромной высоте сияло по-летнему яркое, теплое солнце. На синих стенах инеем сверкали белые морозные узоры, посередине зала в окружении фонтанов и голубых елей блеснул в бассейне обросший сосульками

айсберг. Айсберги, изрешеченные широкими полосами гротов, громоздились в каждом углу Пирамиды, а в гротах медленно вращались круглые платформы. Зал был запружен людьми. Гремела музыка, почти везде танцевали, где-то в отдалении пели, прихлопывая в ладоши, со стороны эстрадных площадок доносились раскаты громкого смеха.

Вихрь карнавального танца втянул Леонида и Надю в центр. Веселый шум плескался в зале волнами серпантинных лент, сыпался сверху блестящий дождь конфетти, вспыхивали звезды увеселительных огней. Больше половины танцующих были в масках.

Потом Надя немного устала, и они покинули танцевальное поле, вышли к эстрадным площадкам и задержались у ледяного катка среди любителей балета на льду. Балет был очень красочным, мастерство исполнителей — выше всяких похвал, но особенное удовольствие зрителям доставил комический танец с участием дрессированных пингвинов.

— Взгляни-ка туда!.. — Надя подергала Леонида за рукав и показала на медленно вращающуюся платформу кафе «Ледяной грот».

Леонид посмотрел. На платформе было несколько свободных столов.

— Если ты успела проголодаться, мы там поужинаем, — сказал он.

— Ты не понял. Я видела Фроста.

Леонид еще раз взглянул на платформу. Теперь он смотрел на людей.

— Поздно, — сказала Надя. — Стол, за которым они сидели, уехал в грот.

— Дэн и Бриггита?

— Нет. Бриггитту я бы узнала. Ты подойдешь один?

— Ну вот еще! — сказал он, и они пошли вместе.

Стол, где сидел Фрост, находился у края платформы, и край этот успел продвинуться глубоко под нависающий массив «ледяной» горы. Стеклопанель грота мягко светилась зеленым, но после яркого света в зале было такое впечатление, будто здесь

полумрак. Рядом с Фростом Леонид разглядел темноволосую смуглую девушку в черной полумаске. Дэн что-то ей говорил, и она негромко смеялась. Смех казался знакомым, но у Леонида была хорошая зрительная память, и он мог бы поклясться, что никогда раньше эту девушку не встречал. Дэн увидел Надю, обрадованно вскинул брови, потом увидел Леонида, поднялся навстречу. Это был плотный, коренастый человек, довольно неуклюжий на вид, с непропорционально большими руками, — один из лучших пилотов-барражировщиков системы Юпитера. Протянутая для пожатия рука Леонида утонула в его широкой ладони.

— Леонид Русанов, Надя, — хриловато сказал он, представляя гостей своей собеседнице.

Девушка сбросила полумаску и представилась сама:

— Кариола.

Леонид посмотрел на нее, но ничего не сказал. Надя тоже взглянула на девушку, сказала: «У вас красивая прическа, она вам очень к лицу» — и подарила Кариоле гвоздику.

— Лео, Надя, Кариола присаживайтесь, наконец! — взмолился Дэн. — Ведь аллизо опять придется нести в холодильник!

На столе было четыре бокала, фигурный сифон и плетеная корзинка с фруктами. Дэн куда-то исчез и быстро вернулся с двумя бокалами для гостей.

— Разве мы не станем ждать Бриггиту? — спросила Надя.

— Бриггита здесь, — ответил Дэн. — Она пошла потанцевать с Георгом. Сейчас они подойдут. Да, ведь ты же не знаешь, — обратился он к Леониду, — нашей группе дали еще двух пилотов-барражировщиков. Георг — один из новеньких. Ему приходится сегодня разрываться надвое: танцевать то с Бриггитой, то с Кариолой. Из меня танцор никудышный, вот он и празднует с перегрузкой. — Дэн улыбнулся, наполнил бокалы.

Край платформы выехал из грота, и теперь стол

медленно продвигался вдоль танцевальной площадки. Леонид заметил Бриггиту, а рядом с ней человека, который уступил ему сегодня кабинку видеотектора. Они возвращались. На обоих были черные полумаски, но Леонид его сразу узнал по пшеничным усам. На Бриггите было ярко-красное платье, и в белых ее волосах сверкали красные звезды. Они подошли, Бриггита чмокнула Леонида в висок: «С возвращением!» — и заговорила с Надией. Дэн представил Юрия Двинского и Леонида друг другу.

— Мы уже знакомы, — сказал Леонид.

— Да, — сказал Юрий. — У меня сегодня день неожиданных встреч. С Кариолой, теперь вот с вами...

— И у меня, — сказал Леонид, — день неожиданных встреч. С Кариолой и теперь вот с вами...

Кариола удивленно посмотрела на него. Все остальные тоже посмотрели.

— Вы из экипажа «Ариадны», — сказал он девушке.

— Да, — подтвердила она. Было видно, что она пытается что-то припомнить.

— Ну вот мы и встретились на незнакомой планете. Если, конечно, вы впервые на Европе.

— Вот как! — сказала она и весело рассмеялась. — Значит, вы и есть тот самый пассажир из двадцать первой каюты! За которым гонялись бесхвостые львы!

— Тот самый, — подтвердил Леонид.

Глаза Бриггиты зажглись любопытством.

— Лео, ты должен нам все рассказать.

— Непременно, — заверил ее Леонид. — Но не сейчас. Это очень длинная история. — Он встретил умоляющий взгляд Дэна Фроста и поднял бокал. — Я предлагаю тост за всех присутствующих!

— Да, — сказал Дэн и тоже поднял бокал. — Учтите, аллизо выдыхается. За всех присутствующих! За тебя, Лео. С возвращением!

Дэн беспокоился напрасно. Аллизо было холодное и очень вкусное.

Поговорили о празднике. Надя подарила гвоздику Бриггите и рассказала про встречу с Николо Беллини.

В центре кафе был танцевальный пятачок, и оттуда доносился музыкальный шум: дробный стук барабанов и гнусавые стоны. Леонид обратил внимание на двух чернокожих парней из космодромной команды. Один из них, блестя зубами и белками глаз, извиваясь, как ящерица, трудолюбиво избивал пять барабанов тамбертона кулаками, пальцами и кистями. Другой, Апполо Дюка по прозвищу Кактус, выпучив глаза, натужно раздувая щеки, извлекал гнусавые стоны из какого-то экзотического инструмента с двумя щелевыми раструбами. Танцующих на пятачке не было, парни играли для собственного удовольствия.

Со стороны катка раздался взрыв хохота. Платформа повернулась так, что каток был виден отсюда как на ладони. На ледяном поле, размахивая красным плащом, вертелся на коньках спортсмен в костюме матадора. Двое других конькобежцев, замаскированные шкурой быка, нападали на матадора. Напал бык очень агрессивно, у него были огромные рога с голубыми бантиками, вздутые бока и тощий зад, бык яростно хлестал хвостом по крутым бокам, взбрыкивая, бодал красный плащ, и ноги у него комично разъезжались в стороны. Матадор, грациозно поворачиваясь на месте, пронзительно кричал: «Ю-у, торо, ю-у!..» — и водил быка вокруг себя за плащом.

— Это называется «вероники», — сказал Юрий. — То, что он делает.

— И «рекорте», — добавила Бриггита. — За такое «рекорте» я отрезала бы ему косичку. — Край платформы, где они сидели, снова втягивался в грот, Бриггита нетерпеливо поднялась и сказала: — Зрелище просто уморительное! Пойдемте посмотрим. Кто со мной?

— Все, — сказала Надя. — В самом деле, пойдемте посмотрим?

— Идите, — сказал Леонид — Мне нужно поговорить с Дэном.

— Ты с нами? — спросила Кариола Юрия. — Кто-то ведь должен объяснять про корриду.

— Конечно. — Юрий поднялся. — Надеюсь, Бриггита, вы не отрежете мне за это косичку?

Они ушли. Дэн сказал:

— Георг хороший пилот. С изумительной реакцией, выносив к большим перегрузкам. Он прямо родился быть барражировщиком. Прошел стажировку в группе противометеоритной защиты. Отлично знает новые машины.

— А старые? — спросил Леонид.

— Теперь узнает и старые. — Дэн усмехнулся, осторожно повертел бокал в своих железных пальцах. — Все старье у нас, мы ведь не группа ПМЗ. Я немного погонял его на «Муфлонах», «Сузуки» и «Шкодах». Он делает успехи. А сейчас, когда в наших делах наступило затишье после ухода Маккоубера, я заставил Георга и второго новичка, Боба Тейлора, отрабатывать выход из аварийных ситуаций на десантных и орбитальных катерах. Они чрезмерно увлеклись, и этот поросенок Боб разбил десантный «Уирлуинд» на Ганимеде. Георг очертя голову бросился на выручку, и в результате мне пришлось выручать обоих. «Виверру» Георга мы отремонтировали, и она еще побеждает, а вот «Уирлуинд» пошел на металлолом. Будь на то моя воля, я бы отправил в утиль половину наших машин. Нам давно пора обновить свой парк.

— Я непременно этим займусь, — пообещал Леонид. Игрок на тамбертоне продолжал истязать барабаны. Леонид поморщился: — Не надоест же ему!..

— Что? А... — Дэн оглянулся на пяточок. — Ничего, скоро устанет. Это Мергоб Ферра, механик-реакторщик из космодромной команды сектора ПМЗ. Месяц назад у них там взорвался на испытаниях новый «Рэмболь», Мергоб уцелел просто чудом, и с тех пор он здесь частенько постукивает...

— Послушай, Дэн. В мое отсутствие ты дважды летал с Маккоубером в сторону «камбалы»...

Дэн быстро взглянул на него и опустил голову.

— Да, — сказал он. — Только никакой «камбалы» там уже нет... Он покачал пустой бокал. — Там сейчас творится какая-то чертовщина...

Леонид ждал, что он добавит что-нибудь еще. Дэн ничего не добавил.

— Когда летали в первый раз, как выглядело облако? — спросил Леонид.

— «Камбала» еще существовала. Правда, облако уже не было однородным, в нем появились веретенообразные сгустки и оно сильно распухло — пожалуй, увеличилось раз в пять. Летали мы на «Шкоде ЮП-115», номер десятый. Ну, помнишь, та, на которой стояла аппаратура для записи «гравитационных мерцаний»? Маккоубер распорядился доукомплектовать эту «Шкоду» какой-то новой аппаратурой. Мы долго барражировали вокруг облака, несколько раз прошли его насквозь туда и обратно. Инерционным ходом, конечно. Маккоубер включил все регистраторы, мы болтались там почти двое суток, он вел наблюдения, что-то записывал, потом совсем обессилел и приказал возвращаться.

— Тебе случайно не запомнилось, что он говорил в этом полете?

— Он был на редкость молчалив.

— Так и молчал весь полет?

— Ну... иногда он ругался.

— Ругался? Маккоубер? Как он ругался? Повтори. Любопытно.

— Ну... он проклинал Крамера. В общем...

— Выкладывай, не стесняйся.

— Ну, в общем... Крамера, тебя и тот «четырежды проклятый день», когда он якобы дал себя одурачить «тысячу раз проклятой системой «Физлер». Но ведь это он не по злобе, ты же его хорошо знаешь. Просто он был чем-то очень расстроен и, по-моему, даже напуган. И наверное, было с чего. Потому что, когда мы сунулись в облако через неделю, я и сам испугался...

— Да? Маккоубер опять наблюдал и записывал? Вы летали на той же «десятке»?

— Да, на той же «десятке», но Маккоубер ничего не записывал. Он был мрачен и на свою аппаратуру уже не обращал внимания, предпочитая наблюдать за облаком визуально.

— Вот как? Визуально!.. Чего же ты испугался?

Дэн ответил не сразу. Мергоб Ферра стучал в барабаны с неослабевающей энергией. Дэн вертел в пальцах бокал и молчал. Леонид смотрел на его огромные руки, слушал стук барабанов, стоны двухраструбного инструмента, тоже молчал и ждал. Наконец Дэн проговорил:

— Пожалуй, мне будет трудно тебе объяснить... Это нужно увидеть.

— Я что-то не улавливаю смысла ваших с Маккоубером прогулок в сторону облака. Сначала он, не щадя живота своего, проводит двухсуточные наблюдения за состоянием облака, хотя наблюдать и записывать можно было дистанционно. Затем вы совершаете второй бесцельный полет. Прогуливаетесь, так сказать, за несколько миллионов километров, чтобы полюбоваться на облако «визуально»!..

— Судя по всему, — возразил Дэн, — второй полет не был для Маккоубера бесцельным. Во всяком случае, мне показалось, что он возлагал на эту затею большие надежды.

— Не понял. Какая затея?..

Дэн взглянул на него.

— Затее со стержнями. Разве ты не в курсе?

Леонид почувствовал себя в тупике.

— Между прочим, — сказал он, — прошло всего пять часов, как я ступил на Европу.

— А... — сказал Дэн. На его лице отразилось некоторое замешательство. — Я думал, ты в курсе. Насчет того, что мы с Маккоубером сбросили в облако стержни...

— Погоди, погоди!.. — перебил Леонид, устало потирая лоб. — Давай по порядку. Значит, вы сбросили стержни в облако стержней? Ты что-то путаешь, Дэн. Ты хотел, очевидно, сказать, что вы с Маккоубером вылавливали стержни?

— Я хотел сказать то, что сказал. И ничего я не путаю. Я ведь тебе говорил, что мы летали не на «Муфлоне». Ловить стержни на «Шкоде» — это все равно что собирать клубнику собачьим ошейником. Ты требуешь от меня слишком многого, Лео. Если Маккоуберу приходит на ум фантазия вернуть в облако две тысячи стержней, я по его приказу выстреливаю эти стержни в центр облака из пневмосбрасывателя и не спрашиваю, для каких таких целей начальству это понадобилось.

— Да, верно... Извини. Вы брали стержни из склада на Амальтее?

— Нет. Маккоубер привез стержни в контейнере на космодром. Я слышал, как двое сопровождающих Маккоубера парней ворчали, что им пришлось тащить контейнер от Ю-Центра. Брать контейнер с собой я не хотел, попросил Георга и Боба выгрузить стержни и аккуратно заложить их прямо в камеру пневмосбрасывателя.

— Кстати, вы занимались отловом стержней в мое отсутствие?

— Нет, Лео. После того, как увели всех «Физлеров» на Амальтею, в облако никто, кроме нас с Маккоубером, не совался.

— Видишь ли, Дэн... дело в том, что в Ю-Центре никогда не было такого количества стержней. В Ю-Центре они не нужны. Разве что — несколько штук. Для наглядности...

— Ты слишком многого от меня хочешь, — повторил Дэн. — Маккоубер говорил о двух тысячах стержней. Да я и сам видел, что их было никак не меньше, полный контейнер. Тяжелый такой контейнер, из металла, цилиндрический, и на крыше выдвлена полукругом надпись: «Ю-Проект, экспериментальный отдел»... Что с тобой, Лео?

Леонид крепко зажмурил глаза, обхватил голову руками. Со стоном процедил сквозь зубы: «Экспериментальный отдел!» Он понял, о каких стержнях шла речь, и почувствовал, как на него рушатся зеленые стены айсберга.

Он встал, сказал Дэну, что скоро вернется, спрыгнул с платформы, протолкался сквозь праздничную толпу, выбежал из Пирамиды и бросился к Ю-Центру кратчайшей дорогой. Тяжело дыша, он выскочил из лифта на двадцать восьмом этаже, пробежал коридор, ворвался в полутемное фойе, в котором мелькали цветные объемные образы стереовидения. Среди этого призрачного мелькания он с трудом разглядел дежурного по этажу, белобрысого парня по имени, кажется, Арнольд, по фамилии Комов. «Здравствуйте», — испуганно сказал дежурный, выключил стереовизор. В фойе стало светло, Леонид, все еще тяжело дыша, нетерпеливо спросил у Комова шифр замка пятой двери архивного склада экспериментального отдела. Они подошли к архивному складу, и белобрысый долго мудрил с комбинациями цифр на замке. Дверной механизм поскрежетал, но не сработал. «Наверное, заело», — поделился предположением Комов. Леонид его отстранил, налег на дверь плечом. Дверь подалась неожиданно легко, и Леонид с трудом сохранил равновесие — дверь не была заперта. Автоматически включилось освещение. Леонид прошелся вдоль стеллажей, специально оборудованных для хранения экспериментальных стержней. Два года хранились здесь тысяча восьмисот никому не нужных стержней. Стеллажи были голые. Леонид стряхнул пыль с рукава. В дверном проеме стоял, растерянно моргая, белобрысый дежурный. Леонид потрепал его по плечу и направился в кабинет Маккоубера.

За три месяца здесь ничего не изменилось. Два длинных стола и один полукруглый рабочий стол самого Маккоубера; большой, во всю стену, экран экспресс-информатора; глобус Юпитера — приплюснутый шар, усеянный красными точками — области дислокации «Мамонтов». Леонид подошел к столу, сел в кресло и только теперь заметил белый конверт, надписанный знакомой рукой. Конверт был адресован ему. Леонид повертел его между пальцами, вскрыл...

«Поздравляю с новым назначением, желаю успеха. Передаю Проект в твои руки и очень прошу: с Ютавра глаз не спускай. Действуй по собственному усмотрению, ибо подсказки ждать тебе неоткуда. Перед тобой оправдываться не стану, посмотришь отчеты — поймешь. Рой находился на грани распада, сгустки надо было чем-то объединить, и мне пришлось решиться на дьявольский эксперимент. Я не имел права этого делать без согласования с Управлением и, с другой стороны, не имел права терять время на затяжные переговоры с Землей. Надеюсь убедить своих коллег в процессе личной беседы. Желаю успеха».

Подпись: «Маккоубер». Постскрипtum: «С Ютавра глаз не спускай!»

Леонид отложил письмо, вынул ключ. Посмотрел на сейф, подумал, что это сейчас уже ни к чему, и бросил ключ в ящик стола. Все было ясно...

Вернувшись в Зимнюю Пирамиду, Леонид попал в какой-то суматошный маскарадный хоровод и едва сумел из него выбраться.

В кафе за столом никого не было. Леонид огляделся. Кафе было полупустое, даже Апполо и Мергоб куда-то исчезли вместе с экзотическими инструментами. Леонид спрыгнул с платформы, и его окликнул издали голос Нади. Они стояли группкой и поджидали его. Все были в полумасках. Кроме Дэна. Надия сказала, что сейчас погасят солнце, раздвинут стены и будет праздничный фейерверк.

И действительно, солнце начало меркнуть, погасло, и стены стали медленно расходиться, как раскрывающийся бутон. В зале вспыхнуло нижнее освещение, а наверху разверзлось черное звездное небо. Стены продолжали расходиться четырехлепестковым цветком, и появился край полосатого Юпитера. Музыка смолкла, люди замерли, подняв головы вверх. Леонид взглянул на Дэна. Дэн, скрестив на груди тяжелые руки, задумчиво улыбаясь, смотрел на Бриггиту.

— Не туда смотришь, — негромко сказал Леонид. — Держи равнение на Юпитер.

Где-то очень высоко, в самом зените, появилось туманное пятнышко, быстро наполнилось ярким сиянием и вдруг бесшумно взорвалось цветными султанами длинных огней. В зале все разом заговорили, запели, задвигались, а в небе творилось что-то немыслимое: извивались огненные узоры, мерцали пламенные полосы, взрывались сверкающие облака лучистых звезд.

— Значит, летим? — спросил Дэн.

— Да, — сказал Леонид. — Это необходимо...

— Сразу после праздников?

— Нет. — Леонид обнял его за плечо, оттеснил немного в сторону. — Ты будешь приятно удивлен. Мы летим завтра.

У Дэна вытянулось лицо.

— Завтра?..

— Совершенно верно. Я тебя отлично понимаю, но мы должны вылететь завтра. Ну а сегодня... Сам понимаешь, Бриггитте ни звука...

Дэн посмотрел на Бриггиту, вздохнул. Посмотрел на Юпитер.

Надия обернулась, и Леонид увидел ее зеленые глаза, глядевшие на него сквозь прорези полумаски внимательно и понимающе. Он улыбнулся в ответ, а по спине прошел холодок. Он представил себе, как скажет ей завтра то, что сейчас говорил Дэну Фросту. «Понимаешь ли... Это просто необходимо». «Понимаю...» — ответит она и опустит глаза. «Но, если ты имеешь что-нибудь против, я могу отменить свой полет». — «Нет, отчего же, не надо. Правда, так будет лучше». Она умница, она понимает, что так будет действительно лучше... В Библии сказано о наказании за первородный грех: «Будете есть хлеб свой в поте лица своего». Нет, не это самое неприятное. Древний мстительный бог придумал для разделенного надвое человечества более изощренную казнь. «Идите, — сказал он, — и в поте лица своего вечно ре-

шайте вечную проблему своих семейных отношений». И потирая руки, смеялся над человечеством, очень довольный...

ЮТАВР

Глава 1

Леонид закончил просматривать результаты математической обработки крамеровских наблюдений и потянулся было к отчетам Маккоубера, но в каюту вошел Дэн и объявил, что Юпитер уже на носу и пора готовиться к траверз-маневру.

— Быстро, — сказал Леонид, собирая отчеты.

— Преимущества новой техники, — сказал Дэн. — Это тебе не «Шкода» и не «Сузуки». «Тайфун» — хорошая скоростная машина.

— Прекрасная машина, — согласился Леонид. — И комфортабельная. Очень удобно летать без скафандров.

— Нет, — возразил Дэн. — Скафандры придется надеть.

— Может, не стоит? Я полагаю...

— Ты полагаешь. Здесь кто командир?

— Здесь ты командир.

— Тогда позволь мне выслушать твои соображения в скафандровом отсеке.

В тесном отсеке они помогли друг другу забраться в скафандры.

— Закрой гермошлем, — сказал Дэн.

Леонид закрыл.

— Связь? — спросили наушники голосом Дэна.

— Есть. Слышу тебя отлично.

— Давление воздуха?

— Есть. Полусуточный запас. Можно подумать, что ты затеваешь десантную операцию или что-нибудь в этом роде.

— Можешь открыть гермошлем. Нигде не жмет?

— Немного в плечах. Ощущения черепахи в панцире не своего размера.

— Потерпишь.

— Конечно. В общем-то я терпеливый.

— А я, значит, в частности.

— Да. Это становится символом всех научных профессий нашего века.

Коридор был узкий, пройти в пилотскую рубку можно было только по одному, и Дэн в белом скафандре проворно двигался впереди. Не задерживаясь, он с ходу нырнул в наклонную горловину овального люка, и, когда Леонид протиснулся в рубку, Дэн уже сидел в кресле первого пилота, слева, и застегивал на себе ремни. Леонид устроился в кресле второго пилота, справа. Кресла были одинаковые: высокие, чуть наклонные спинки, широкий разворот подлокотников с мягкими желобами для рук, а на концах подлокотников было что-то наподобие рукояток автоматических пистолетов — по три рукоятки на каждом конце, и держаться за них, наверное, было бы очень удобно. Леонид осторожно потрогал.

— Мне ничего здесь не трогать? — спросил он.

— Сколько угодно, — пробормотал Дэн из глубины шлема, окидывая взглядом показания приборов.

— Так... Значит, дубль-система ручного управления отключена, и первый пилот полностью монополизировал управление катером.

— Не говори мне, что это тебя удручает — пробормотал Дэн. — Плохо слышу, включи скафандровую связь и проверь крепления ремней.

Леонид включил и проверил.

— А если у тебя случится приступ радикулита? — спросил он.

— Красная кнопка, — сказали наушники. — Не туда смотришь — на пульте, прямо против левого подлокотника. Последнее средство. Но больше ничего, кроме рации, трогать на пульте не советую. Катер сам выйдет по вектору ослабления потенциалов поля тяготения.

— ...И, жизнерадостно оглашая радиоэфир сиг-

налами бедствия, озаряя пространство красивыми вспышками красных ракет, пойдет слепым курсом по пеленгу окраинных радиомаяков. Широкоплечие, изнывающие от скуки пилоты-перехватчики спасательной службы под завывание сирен бросят давно надоевшие нарды и омино и устрелятся в увлекательную погоню.

— Ну-ну, занятно, — проговорил Дэн, включая кран переднего локатора.

— А потом, встречаясь с тобой в Форуме или в Зимней Пирамиде, герои-спасатели будут с неприужденностью старых знакомых стучать тебе в спину огромными кулаками и с лошадиным ржанием вопрошать: «Ну, как дела, крестник?» И начнут предаваться веселым воспоминаниям: «Я, значит, вспарываю люк форсаж-резаком и, что характерно, чувствую, реактор катера на пределе. Ну, думаю, влезу я внутрь, а он сейчас ка-ак шарахнет, и будет это не катер, а банка с мясными консервами. Ну, влез я, братцы, а этот тип глазами лупает и, что характерно, даже ремни не сбросил. Что же ты, говорю, сякой-такой, даже не расстегнулся! Беру его вместе с ремнями, волоку к входу, а он упирается, вроде бы как не в себе. Кричу Рэнду, чтобы волок второго, а этого — под зад коленом и прямо в лапы Сержу. Ну, отошли и только загнали шлюпку в вакуум-створ перехватчика, ка-ак шарахнет — и, что характерно, катер в куски. А этот тип потешно так проморгался и спрашивает: что это, говорит, там блеснуло? Мы так и попадали друг на друга и от смеха чуть концы не отдали. У Рэнда в скафандре даже термос с горячим какао лопнул, и, что характерно, грудь ему здорово обожгло. Перед этим он трижды лазил в горящий «Мальборо», и ничего, а тут с ожогами от шоколада в госпиталь угодил»... Скажешь, я неверно обрисовал ситуацию?

— Не знаю, — ответил Дэн. — У меня еще ни разу не было приступа радикулита.

— Ты какой-то сегодня... Ничем тебя не проймешь.

— Просто я не в восторге от нашей затеи. Сначала Маккоубер барражирует в облаке с известным тебе результатом. Теперь и тебя туда потянуло... А я гоняю катера и каждый раз не знаю, чем это кончится.

— Включи, пожалуйста, передний обзор. Летим как вслепую.

— Почему вслепую? Летим как положено, по приборам. Не надоело еще смотреть на Юпитер? — Дэн чуть повел кистью левой руки.

На экране переднего обзора словно распахнулся темный занавес, и Леонид на секунду зажмурился.

— Ух ты!.. — сказал он. — Папаша совсем уже рядом.

Катер шел на Юпитер с солнечной стороны, и перламутровый блеск бело-зеленых, бело-голубых, оранжевых, розовых, желтых и красных облаков огромного шара немного слепил. Облака охватывали планету-гигант оплывающими поясами.

— Ну вот, — сказал Леонид, — поздоровались. Теперь можешь выключить, если тебя отвлекает.

— Ладно, — сказал Дэн, — ничего... — Голос у него стал мягче. — А то, действительно, как вслепую. — Помолчал и добавил: — Даже Папаша сегодня весь какой-то праздничный...

Леонид неотрывно смотрел на Юпитер. Он обратил внимание на плывущий по ухабистым волнам облачного массива черный теневой кругляк и по его размерам догадался: тень от Ганимеда. Он поискал тень от маленькой Амальтеи, не нашел и подумал, что Амальтею, возможно, придется искать с ночной стороны. Значит, Рой можно будет увидеть только локатором.

— И где-то там пасутся наши «Мамонты», — проговорил Дэн.

— И дают молоко.

— Прокисло наше молоко... — сказал Дэн.

— Что делать, — сказал Леонид. — Это вы с Маккоубером позаботились о закваске.

— Две тысячи стержней?

— Да.

— Никак в толк взять не могу, — признался Дэн. — Рой получает в сутки более десяти миллионов стержней. И вдруг какие-то несчастные две тысячи...

— Это были не простые стержни, Дэн. То есть совсем не те стержни, которые выбрасывают за атмосферу наши «Мамонты». На Ю-стержнях записана информация о том, что делается в глубинах Юпитера, а на стержнях из экспериментального отдела, которые вы с Маккоубером подбросили в стаю, была записана информация иного характера... Информация о том, что делается в глубинах наших мозговых извилин.

Дэн присвистнул.

— Да-а-а... — протянул он. — Действительно... Но откуда Маккоубер выкопал эти стержни?

— Когда мы проектировали систему «Физлер», нам нужно было отработать метод съема информации с полученных от «Мамонтов» стержней. Система «Физлер» должна была быть способна снимать со стержней информацию любой, даже самой высокой сложности. Вот мы тогда и решили принять за эталон Ц-информацию. То есть ту информацию, которую с помощью специальной медицинской аппаратуры мог дать нам наш собственный мозг.

— И вы ее, значит, на стержни... эту Ц-информацию?

— Да. Ведь трудно было придумать что-либо сложнее, чем Ц-информация. И мы ее, значит, на экспериментальные стержни... Ну, отработали систему дешифровки на «Физлерах» и сдали Ц-стержни на склад за ненадобностью. А совсем недавно группа злоумышленников — некто Маккоубер, Дэн Фрост и еще какие-то неопознанные личности — похитила стержни и тайно провела известную тебе диверсионную операцию под кодовым названием «Ютавр». Вот и весь детектив.

— Так уж и весь?.. — усомнился Дэн.

Он тронул что-то на лицевой панели радиостанции, и в наушниках тонко и нежно защебетало: «киу-киу, фью-фью, киу-киу, фью-фью»...

— Что это? — спросил Леонид.

— Радиомаяк на Ио. Новые позывные.

Сплюснутый шар на экране заметно подрос. Впрочем, ощущение его шаровидности постепенно стало теряться, планета теперь казалась больше похожей на огромный выпуклый щит.

— Ты рассказал мне первую часть детектива, — напомнил Дэн. — Чего ради Маккоуберу понадобилось подкармливать «камбалу» Ц-стержнями?

— Видишь ли, Дэн, здесь мы вступаем в область догадок... Тебе любопытно?

— Еще бы! Ведь все ваши сумасшедшие идеи у меня... — Дэн похлопал себя по затылку шлема, — вот они где.

Леонид помолчал, раздумывая.

— Видишь ли, Дэн... — повторил он. — Возьмем, к примеру, обыкновенное облако обыкновенной пыли. Пока оно не очень большое, мы к нему, в лучшем случае, снисходительны. Когда оно предстает перед нами в других масштабах, ну, скажем, в масштабе газово-пылевого скопления в одном из уголков нашей Галактики, мы начинаем к нему относиться с почтением. Потому что мы хорошо понимаем, что видимость стабильности и однородности такого скопления — сплошное надувательство, поскольку в этом сверхоблаке неустанно формируются довольно крупные космические объекты.

— При чем здесь Маккоубер, Ц-стержни и «камбала»?

— Не торопись. Для того чтобы понять действия Маккоубера, можно как следует уяснить себе ситуацию. Конечно, то, о чем я говорил, — всего лишь грубая аналогия... Или, лучше сказать, приближительная модель нашей ситуации. Мне важно было дать тебе понять, как много зависит от существующих точек зрения на те или иные вещи. Мы смотрели на «камбалу» снисходительно, как на стабильное и однородное облако стержней. Маккоубер смотрел на нее с почтением и тревогой. Поэтому Маккоубер первым из нас заметил, что «камбале» надоело быть про-

сто однородным скопищем стержней и она вдруг стала проявлять опасную наклонность к самостоятельному изменению своей структуры. Сначала это были «гравитационные мерцания», потом дело дошло до формирования внутри «камбалы» огромного количества хаотически перемещающихся сгустков.

— Я видел их, — сказал Дэн. — На экране локатора. Одни из них формой были похожи на огурцы, другие — на веретена. Длинные такие, размером, пожалуй, с наш катер, а то и побольше. Я удивился, каким этс образом они ухитряются довольно резво перемещаться с места на место, и спросил Маккоубера...

— Что он с ответил?

— Он так посмотрел на меня, будто я оскорбил его бабушку, и сказал, что ему абсолютно плевать на проклятые способы их проклятых перемещений. И тут же добавил, что, если стая «огурцов» надумает вдруг разлететься в разные стороны, Проекту — крышка. Потом он приказал мне выбросить в стаю Ц-стержни. Я выбросил. И больше мы к этому разговору не возвращались.

— Все правильно... — задумчиво проговорил Леонид. — Ты требовал от него объяснений, которые дать он, конечно, не мог.

— А ты бы мог?

— Нет. Пока нет. Я могу лишь догадываться... Но одно ясно: во всем повинен комплекс специфических условий существования облака. И на особом подозрении — электромагнитные и гравитационные поля планетного и космического происхождения. Ну и, конечно, мощные потоки заряженных частиц, излучений. Вполне вероятно участие низких температур. А если учесть, что, кроме всего прочего, это скопище стержней до предела насыщено неизвестной нам информацией... Тут остается признать, что мы, сами того не желая, создали какую-то новую разновидность искусственного интеллекта...

— И подать в отставку, как это сделал Маккоубер, — не удержался от ядовитого замечания Дэн.

Леонид смотрел на выпуклый щит планеты. Щит сильно разбух. Разглядывая пухлый рельеф облачного покрова, Леонид подумал, что Юпитер похож сейчас на облако цветного дыма.

— Ты несправедлив к Маккоуберу, Дэн. Маккоубер гений. Гений Проекта. Не знаю, хватило ли бы у меня духу сделать то, что сделал он, спасая Проект...

— Ц-стержни?

— Да. Он рискнул создать противоестественную смесь Ц-стержней с Ю-стержнями. Очевидно, надеялся, что Ц-информация сыграет роль своеобразного цемента, который сумеет объединить скопище стержней в единое целое. Ему повезло, он создал Рой — весьма загадочную для нас сверхсистему...

— Он создал чудовище, — проворчал Дэн.

— Он создал Ютавра. Как бы там ни было, Маккоубер добился своего. «Огуречная» стая была на грани распада — ты ведь сам говорил, что она раздулась в объеме раз в пять больше обычного. Разлетелись бы наши «огурчики» и «веретенца»... да, спасибо, Маккоубер помешал. Ютавр, конечно, игривое и очень непонятное созданище, но зато какое компактное! Единый, целенький организм. И главное, видимо, универсальный. Содержит в себе информацию о Юпитере и, кажется, не брезгует информацией из Большого Космоса. Был у меня однажды случай убедиться в этом...

— То-то, я смотрю, у тебя сегодня отличное настроение... — сказал Дэн. — Уж не хватил ли ты через край?

Леонид рассмеялся.

— Однажды то же самое сказали Маккоуберу, когда он задумал сбросить в Юпитер полмиллиона «Мамонтов».

— А... Ну, в таком случае остается выяснить, что теперь задумал ты.

— Если идею Маккоубера можно было назвать одним словом «количество», то мою теперешнюю идею, пожалуй, стоило бы обозначить словом «качество». Я задумал установить с Ютавром прямой кон-

такт. Другого выхода нет. И никакие «Физлеры» здесь не помогут. Сверхсистема «Человек» и сверхсистема «Ютавр» должны занять друг с другом «обратную связь». И еще не совсем отчетливо себе представляю, как это будет, но это будет. Понял?

— Понял. Как не понять... Летим, значит, навязываться в друзья сверхсистеме «Ютавр». Чего уж тут непонятного...

Леонид задумчиво улыбался.

— Ты сегодня очень покладист, дружище, — сказал он. — Спасибо. Однако навязываться мы повременим. На сегодня у нас запланировано только шапочное знакомство.

В наушниках раздался громкий писк и чей-то голос позвал:

— «Тайфун»-двадцать пять! Я — диспетчер Тебы, я — Теба, отвечай, «Тайфун», отвечай!..

Дэн с укоризной произнес:

— Эральдо, Эральдо! Я давно оставил тебя на правом траверзе. Каким образом ты умудрился проспать такое событие?

— Ну и чего шумишь на всю Систему? — спросил Эральдо. — Может быть, я на тебя и смотреть не желаю. Может, мне интереснее посмотреть праздничную передачу из Дальнего.

— Ну и смотри, — сказал Дэн. — Разве я мешаю? Сам вызвал.

— Обязан был, вот и вызвал. По курсу у тебя все чисто. Никто, кроме тебя, этот сектор на сегодня не заявлял. Да и кому придет на ум сегодня «гладить» Систему? Разве только противометеоритчикам из ПМЗ. Чисто у тебя, чисто.

— Принял. Привет диспетчерам на следующую смену.

— Спасибо. Это мне привет. Я один в диспетчерской, остальные празднуют в Дальнем. Кстати, почему я не вижу локатором, где ты есть?.. Ах, вот ты где!.. Ты что, собираешься таранить Юпитер? Если бы ты летел с такой скоростью в обратную сторону, я бы тебя еще понял. Твое начальство празднично раз-

влекается, а ты, значит, буднично барражируешь. Так-так...

— Мое начальство сидит со мной рядом и с некоторым интересом слушает, как ты его кроешь. Ладно, Эральдо, будь здоров!

— Да, пора тебе выходить на маневр. Дай мне голосом курс, я запишу.

— Экваториальный пояс, левый траверз-маневр по вращению, уровень Амальтеи, орбитальный ход с ускорением, барражирование в районе ЭЮ-объекта. — Дэн взглянул на приборы и добавил несколько цифр. — Сектор на обратный курс заявлю дополнительно. Конец.

— Принял. Ну, будь здоров, Дэн! Привет начальству. Конец.

Минуту Дэн сидел неподвижно, не заговаривая, и Леонид, стараясь ему не мешать, молча смотрел на Юпитер. В рубке было светло от Юпитера, свет был мягкий, зимний, точно утром от выпавшего ночью снега, едва уловимо пахло лимонами. Дэн сказал:

— Приготовься к маневру. Я отключаю систему ПИТ.

Леонид не ответил. Дэн отключил систему ПИТ. Поле искусственного тяготения быстро слабело. Леонид ощутил, как амортизаторы кресла облегченно вздохнули, вспучились, ремни слегка натянулись. В первый момент, когда наступила полная невесомость, ему сделалось очень не по себе. «Отвык, — подумал он, преодолевая головокружение. — Трехмесячный перерыв — и все необходимо начинать заново». Сердце стучало почти у самого горла.

Дэн включил двигатели, вывел их на режим глубокого торможения. У Леонида потемнело в глазах, и он почувствовал себя так, будто бы на него постепенно накатывается большой и гладкий валун. Перегрузка была просто чудовищной, Юпитер ушел с экрана, и все вокруг погрузилось в тяжелую, липкую, красноватую мглу...

— Ну как? — спросили наушники голосом Дэна.

Леонид слабо пошевелился. Опять была невесомость.

— Ничего, — сказал он. — Отвык немного.

— Еще бы! — сказал Дэн и посмотрел на него, неудобно повернувшись в ремнях. — После трехмесячного перерыва и всяких там дамских штучек вроде альбастезии!..

— Ничего, — повторил Леонид. — Два-три таких маневра, и я опять буду в форме.

Дэн отстегнул плечевые ремни, перевесился через левый подлокотник и минуту там повозился. В рубке теперь сильно запахло лимоном.

— Держи, — сказал Дэн, протягивая Леониду отрезанный кружок лимона.

Леонид взял. От кислоты у него свело скулы, и он пришел в себя окончательно.

Двигателей не было слышно, катер шел по орбите инерционным ходом. Юпитер занимал нижнюю часть экрана — огромный океан цветных дымов, уходящих вперед к ровному горизонту очень широкими полосами. Катер полз к горизонту вдоль оранжевой полосы, пухлые края которой местами тонули в мрачных ущельях. Было видно, как в глубинах ущелий медленно и тяжело ворочались клубы нижних облачных массивов.

— Смотри, — сказал Дэн, — проходим над «Мастодонтом».

Леонид взглянул на экран локатора. Вдоль экрана быстро ползла ярко-зеленая точка.

— Экваториальный, — сказал Леонид. — Либо «Мастодонт»-два, либо «Мастодонт»-шесть.

— Двойка, — уверенно сказал Дэн. — Слышу ее позывные. Значит, на той стороне услышим Шестерку.

Горизонт Юпитера иззубрился облачными буграми и стал довольно быстро приближаться. «Линия терминатора», — отметил мысленно Леонид. За терминатором расплывалась чернильная тьма. Из океана тьмы выплыл к звездам светлый шарик. Видимо, это была Каллисто.

— Ну вот... — проговорил Дэн, как только катер вошел в тень планеты. — Дальше пойдем на локаторе. Здесь он где-то, голубчик... — Дэн имел в виду Рой.

Леонид разжевал горькую лимонную корку и судорожно проглотил. Он неотрывно смотрел на потемневший экран, усеянный крохотными зелеными искрами, и скоро увидел неправильные очертания Амальтеи. Драгоценным вкраплением в глыбе спутника-астероида ярко блистала зеленая капля — старая база ЭЮ-Проекта.

Амальтея быстро ушла за верхний срез экрана. Впереди появилось зеленое пятнышко.

— Торможение и маневр, — предупредил Дэн.

Тонко ныли двигатели, но теперь перегрузки были слабее, и Леонид подумал, что это — просто ерунда по сравнению с перегрузками траверз-маневра.

Двигатели умолкли. На экране переднего обзора мерцали локаторные изображения трех очень странных на вид, свободно парящих в пространстве объектов. Самый крупный из них — в центре экрана. Нечто похожее на ампулу песочных часов: широкие резервуары вверху и внизу и осиная талия соединительного канала посередине... «Ампула» висла в пространстве наклонно, так, что ее ось почти совпадала с диагональю экрана; справа чуть пониже и слева чуть повыше висели «ампулы» гораздо меньших размеров; по обеим сторонам от этой триады ярко мерцали продолговатые черточки — три в левом верхнем углу экрана и три в правом нижнем. Трижды три — девять... Это было перспективное изображение Роя. Форма номер один...

— Ишь ты как построился, голубчик!.. — сквозь зубы процедил Дэн. — Идем на сближение?

— Да. Пройдем сквозь серединную область Ютавра. Там, кажется, свободное пространство.

— Это только так кажется, — возразил Дэн. — Приглядишься получше.

Леонид пригляделся. Дэн прав. Рой был опутан тончайшей сетью каналцев. От каждой «ампулы»

тянулись длинные светящиеся усики, нити, спирально закрученные ленты.

— Все равно, — сказал Леонид. — Пройдем по середине инерционным ходом. Подумаешь, усики!..

Заныли двигатели, изображение Роя качнулось.

— Сейчас он нам покажет!.. — процедил сквозь зубы Дэн.

Леонид уловил встревоженное возбуждение пилота, и это возбуждение передалось ему.

— Сейчас он покажет нам усики! — добавил Дэн.

— Ерунда, — сказал Леонид.

— Сейчас он нам покажет свое дружелюбие! — не унимался Дэн.

— Да перестань наконец! — сказал Леонид. — Съёмочная аппаратура работает?

— Работает. Как не работать... Он нам сейчас снимает!..

— Заткнись! — рассвирепел Леонид. — Не узнаю тебя сегодня!

— Скоро свою родную бабушку не узнаешь... — пробормотал Дэн. — Не хотел тебе говорить, но придется. Нужно, чтоб ты приготовился.

— Не понял. К чему приготовиться?

— Скоро поймешь. Видишь ли... После того, как мы с Маккоубером сбросили стержни в «огуречную» стаю, он приказал мне сделать посадку на Амальтею...

— Старая база? И чем вы там занимались?

— Кто чем... Я, к примеру, отлично поспал. А Маккоубер целые сутки провел в куполе дистанционного наблюдения. Потом ему пришла в голову мысль сделать траление в стае, и мы подняли один из «Муфлонов». Вышел я на курс, включил локаторы и шарю в поисках стаи. Нет нигде стаи, как сквозь Юпитер провалилась! Я прямо вспотел весь и сказал Маккоуберу, что «камбала» куда-то пропала. Он странно так взглянул на меня и сказал, чтобы я держал направление на группку из девяти зеленых зернышек, которых я поначалу и не заметил. Нет теперь, говорит, у нас никакой «камбалы», попробуем взять тралами один из этих сгустков...

— Ну?..

— Ну, я выдвинул диполи тралом, включил силовое поле ловушек и прицелился в ближайший сгусток. И тут началось...

— Что началось? — Леонид терял остатки терпения.

— Понимаешь ли... Как на корриде. Словно ты бык и ты нападаешь, а у тебя перед носом машут красным плащом, и все твои намерения бесполезны. Я даже перепугался.

— Не понимаю.

— Ладно, скоро поймешь. Как только сблизимся с этим... Ютавром, так и поймешь... Ну, в общем, проверил я тралы. Ни одного стержня там не было. Маккоубер несколько раз гонял меня в Рой, но эти «песочные часы» быстро перегруппировались, и мы уже не могли подойти к ним вплотную. Маккоубер приказал возвращаться на Амальтею. Он все время ворчал. Ему, в общем-то, нравилось, что сгустки держатся довольно сплоченной компанией, но не особенно нравилось то, что их девять. Ума, говорит, не приложу, почему их именно девять? Мне показалось, что он ожидал получить их в меньшем количестве.

— Он ожидал получить всего лишь один, — пояснил Леонид. — А получил целый прайд.

— Не понял, — сказал Дэн.

— Львы редко охотятся в одиночку. Обычно на время охоты несколько львиных семей объединяются в прайд.

— А... — сказал Дэн. — В самую точку. — Он выключил двигатели. — Сейчас увидим, что бывает с самонадеянными храбрецами, когда они появляются в центре львиного прайда...

Леонид не ответил. До него наконец дошло то, что было очевидным с самого начала. Ворчливая неуступчивость пилота, скафандровое одеяние, туманные намеки... Пилот относился к системе «Ютавр» с явным предубеждением, если не сказать — враждебно.

Нос катера был нацелен в середину Ютавра. Сгустки были видны в плане, и теперь они располагались

точно так же, как и на схеме Крамера. Форма номер один. С той лишь разницей, что на схеме не было этой сети тончайших каналов. Катер шел инерционным ходом прямо в сеть. Леонид попытался припомнить свой страх, который он испытал перед прайдом электрических львов на Чантаре, и не сумел. Он честно проверил свои ощущения. Страх не было. Было тревожное любопытство.

Глава 2

События развивались стремительно.

Сеть дрогнула и разошлась, ее змеящиеся обрывки быстро уходили из центра экрана и втягивались в периферийное кольцо, которое сначала едва умещалось в экранном обзоре и слабо мерцало, а потом замерцало поярче, резко расширилось и исчезло из поля зрения вообще. В наушниках появилось гулкое жужжание, словно гудел встревоженный пчелиный рой, и это было очень занятно. Однако Леонид не успел на этом сосредоточиться, потому что экран вдруг окрасился белым, точно плеснули в него молоком, и белизна хлынула в рубку ярким потоком, наливаясь яркостью до опасных для зрения пределов, потом все окрасилось розовым и, стремительно накаляясь, пурпурным вихрем раздвинуло стены и вынеслось прочь, оставив перед глазами цветные круги. Леонид машинально захлопнул стекло гермошлема: в какой-то момент ему показалось, что он задыхается...

— Ну и как?.. — сдавленным голосом спросил Дэн. Он тяжело дышал. — Теперь ты понял? — стекло его гермошлема было тоже опущено.

— Эффектно!.. — откликнулся Леонид. Он был ошарашен, но страха по-прежнему не испытывал. — Вот это да!..

Экран был темен и пуст. Лишь наверху, наискось пересекая верхний левый угол обзора, одиноко ползла зеленая запятая.

— Что это? — спросил Леонид.

— «ЮП-Следопыт». Беспилотчик. Я попросил

диспетчеров отвести их подальше. В такой свистопляске недолго и врезаться. Знал, что ты обязательно сунешься в Рой. Ну как? Для первого знакомства неплохо?

— Где Рой? — полюбопытствовал Леонид.

Заработали двигатели, Дэн развернул катер, поманеврировал, и на экране появился Рой.

— Далековато... — сказал Леонид, поднимая стекло гермошлема.

— Так было и в прошлый полет, — сказал Дэн. — Проскочишь его, развернешься, а он уже еле виден.

— Давай обратно, — сказал Леонид.

Рой стремительно приближался. «Песочных часов» не было и в помине. Были кольца. Три из них почти соприкасались краями, образовав кольчатый треугольник, шесть других расположились вокруг центральной группы по углам правильного шестиугольника.

— Совещаются, — сказал Дэн. — Изобретают новую каверзу...

— Боишься?

— Нет. Поначалу было, правда, не по себе. Теперь нет. А ты не боишься?

— Нет. Я испытываю к нему родственные чувства, — пошутил Леонид. — Как-никак, а в нем содержится триста стержней с записью работы моих мозговых извилин. Все мы обязаны испытывать к нему родственные чувства.

— Я не обязан, — возразил Дэн.

— Верно... Ты не обязан.

В центре экрана быстро росли три сомкнутые треугольником тороида. Мерцающая сеть каналов была теперь, как показалось Леониду, гуще, чем во время стадии «песочных часов».

— Постарайся, — сказал Леонид, — уравнять орбитальные скорости.

— Дрейф внутри Роя? Постараюсь... Но думаю, что это безнадежно.

— Постарайся, — сказал Леонид.

На этот раз белого не было. В рубку ворвался пур-

пурный вихрь, просочился сквозь стены, исчез... Дэн мгновенно развернул катер обратно. Рой был едва ли не дальше, чем в прошлый разворот. Дэн выругался.

— Уму непостижимо! — возмущенно кричали на-ушники. — Ты что-нибудь понимаешь? Так мы его никогда не поймаем! Я говорил, что это бесполезно!

— Вот что... — сказал Леонид. Помолчал, размышляя: — Мы для него инородное тело, и он нас просто выплевывает, как ребенок сливовую косточку. Попробуем стать для него полноценной сливой. То есть источником информации. Тогда, возможно, он выплюнет нас не сразу... Включай передатчик.

— Ты думаешь?... — с сомнением спросил Дэн, но передатчик включил. — Можно поймать музыкальный маяк и пропустить это в наш излучатель. Ютавр послушает, и мы заодно...

— Не надо, — сказал Леонид, наблюдая, как индикатор на передатчике пульсирует в такт словам. — Ютавр прекрасно чувствует все маяки и без помощи нашего излучателя.

— Да, но тогда какую же информацию ты собираешься ему поставлять?

— Мы уже поставляем. Нашу с тобой болтовню. Правда, я не уверен, что он от нее в восторге, но в том, что это новая для него информация, я убежден.

Леонид смотрел на экран. Рой приближался. Теперь он принял форму трехлучевой звезды. Каждый луч состоял из трех вложенных друг в друга воронок и чем-то напоминал короткую гирлянду высоковольтных изоляторов, и все это просвечивало сквозь густую сетку замысловато переплетенных усов.

— Что же ты замолчал? — спросил Леонид. — Перед входом в Рой необходимо болтать беспрерывно.

— А когда понимаешь, что это необходимо, так вроде и не о чем говорить.

— Верно... Есть такая зависимость.

— Может, что-нибудь ему споем? — предложил Дэн.

Они посмеялись.

— Ничего из этого не выйдет, — сказал Дэн. — Он снова нас выплюнет, вот увидишь.

— Посмотрим.

— Тут и смотреть нечего. Выплюнет.

— Увидим.

— Неуловимый он, понимаешь?

— Да?

— Неуловимый прайд.

— Хорошо. Давай дальше... Нужно все время что-нибудь говорить.

— Мы уже входим в него...

— Самое главное — не прекращать разговора. Особенно когда войдем.

— Когда войдем, полыхнет красным, и все. Вот видишь, уже начинается...

— Это пчелиное жужжание и в прошлый раз было?

— С Маккоубером? Нет, в прошлый раз его не было. Смотри какая воронка!..

— Да, вижу. Километров десять в диаметре.

— Двенадцать. Ну и махина!.. Смотри, мы идем прямо в раструб.

— Вижу, конечно. Остороженько притормози.

— Не стоит. Мы сближаемся очень медленно. Гляди-ка, что творится в воронке! Будто водоворот! Слушай, Лео, а ведь сливы иногда глотают прямо с косточками...

— Страшно?

— Нет... Удивительное дело! Мы уже почти в воронке, а красное не появляется. Это, наверное, работают твои извилины, Лео.

— И твои тоже. Молодец. Продолжай говорить.

— Все, — сказал Дэн. — Уже розовеет...

— Да, — сказал Леонид. — Сейчас полыхнет...

Жаль. А я уж подумал, что нам удалось.

Красный вихрь вошел и остался.

— Нет, — сказал Дэн. — К сожалению, не удалось. А задумано было прекрасно... Ну что ж, хоть прокатимся вниз вдоль этой льдины. Отлично скользит. А на вид какая-то желтая и бугристая, хоть все вокруг очень красное...

— Ничего, — сказал Леонид. — Главное, чтобы скользила...

— Правда, весело? Жаль, что здесь нет Бриггиты.

— Нет, это как раз хорошо. Могут быть перегрузки. Дэн рассмеялся.

— Для Бриггиты что есть перегрузки, что нет. Ей все нипочем!

— Смотри, — сказал Леонид. — Льдина кончается.

— Да. А впереди красное море... Одна половина красная, другая оранжевая. Вдоль берега золотая кайма...

— Ты не на берег смотри. Видишь, какой пузырь выпирает из моря!

— Разве это пузырь! Это столб поднимается. Красный, раскаленный столб. Куда он прет? Да быстро как!..

— Верхушка рассыпается фейерверком. Дэн, это не столб. Это взрыв.

— В жизни не видал таких длинных взрывов!.. А море стало прозрачным. Видишь? Несколько террасовых этажей, и все обведены золотой каймой по внутреннему контуру.

— Раскаленная бездна... Вот еще одна льдина явилась. Не там — прямо над головой. Как материк... Желтый светящийся материк.

— Справа тоже идет материк. Только черный...

— Наверное, они сейчас столкнутся, Дэн.

— Наверное... Уже почти касаются краями. Ну, кто кого?..

— Никто никого. Черный материк идет повыше, и они сойдутся как ножницы.

— Да. И разрежут на две половинки вон тот сияющий синий шар.

— Вряд ли... Это, видимо, плазменный шар. Что-нибудь вроде шаровой молнии, величиной с Амальтею... Вот видишь, взорвался.

— Странно как-то взорвался. Просто расплескался синими волнами. А волны, действительно, будто взрываются. Мельтешат синими судорогами... По-

смотри-ка, Лео! Я видел, как под черным материком что-то блеснуло, и вот теперь сквозь него растет фиолетовый гриб. Шляпка черная и клубится...

— Это он кажется фиолетовым, потому что сам он красный, но его окружает синяя оболочка. Видишь, она поднимается вверх и оплывает под шляпкой...

— Посмотри на меня. — Дэн рассмеялся. — Я такой же, как ты? Вот потеха!

— Чего веселого? Лицо как апельсин и будто стеклянное... А ниже ты почти совсем прозрачный — просто красный стеклянный скелет!

— Ты выглядишь несколько не лучше. Вот потеха! И мослы у тебя вперед коленками, словно присел, и руки вперед... Выпрями ноги.

— Нет, не могу.

— И я не могу. Словно присел и не могу разогнуться...

— Руки у тебя очень длинные, Дэн. Они и так длинные, а когда кости — еще длиннее. Опusti их.

— У меня в руках что-то есть, Лео. Я могу это сжимать, но когда сжимаю, мне тяжело и трудней говорить.

— Мне тоже... гораздо трудней. И все вокруг расплывается. Ничего, Дэн, я потерплю. А ты нажимай. У тебя в руках управление катером...

Леонид почувствовал, что погружается в красную мглу. Глубже, глубже и глубже, и красное становится все темнее, темнее, а потом начинается черное, и дышать уже почти невозможно... Но это быстро проходит, и черное раскаляется до жаркой красноты, и снова туда погружаешься, но уже с другой стороны, и так погружаться значительно легче, хотя дышать по-прежнему трудно. Черное несколько раз возвращалось, но уже не такое широкое — просто большими тяжелыми гладкими валунами, и гладко накатывалось, сжимая дыхание...

Потом в ушах прорезался вой. Леонид с огромным трудом приподнял тяжелые веки, и ему показалось, что в сером пространстве туманно светят огни. Надоедливый непрекращающийся вой заставил его

прийти в себя окончательно. В рубке светились приборы. На экране переднего обзора судорожно вспыхивали отсветы зеленых зарниц, мельтешили зеленые искры. Катер трясло и подбрасывало, как на ухабах проселочной дороги, руки на подлокотниках ощущали вибрацию, надрывно и жутко выло в ушах, и к вою примешивался отдаленный гул...

В скафандре было до невозможности жарко. Леонид приподнял стекло, но тут же захлопнул — воздух в рубке был удушающе жаркий и с резким, неприятным запахом...

— Дэн! — позвал Леонид.

Ответа не было. Катер трясло и швыряло из стороны в сторону, голова Леонида тряслась в шлеме. Ему стало страшно. Тряска и вой... Но больше его испугало молчание Дэна.

— Дэн!.. Ты меня слышишь?!

Ответа не было. Закованное в скафандр тело пилота покачивалось в кресле, руки лежали на подлокотниках, и Леониду вдруг показалось, что Дэн без сознания. Несмотря на жару в скафандре, Леонида прошиб холодный пот. Что-то нужно было делать... Что-то нужно было делать немедленно!..

На пульте, прямо против левого подлокотника, сияла красная кнопка. Последнее средство... Леонид отстегнул плечевые ремни, потянулся к пульту. До кнопки он дотронуться не успел. Дэн перехватил его руку, резко отшвырнул в сторону и снова вцепился в рукоять управления. Леонид почти без сил откинулся в трясущемся кресле.

— Застегни ремни! — прорычал Дэн.

Леонид застегнул. Катер трясло и швыряло, вой нарастал, гул, жара, перегрузки, вибрация, но с Дэном было все нормально, и Леонид ощутил огромное облегчение.

— Я ничего не понимаю, Дэн, — сказал он. — Где Рой? Что, наконец, происходит?

Ответа не было. Экран заливало полыхание зарниц, мелькали искры. Казалось, в такой кутерьме ничего разглядеть невозможно, однако едва под верх-

ним обрезом экрана возникла зеленая мутная точка, Леонид сразу остановил на ней взгляд. Дэн странно крикнул, шевельнул рукояткой, и мутная точка, дрожа и покачиваясь, вышла на центр, Леонид услышал в наушниках шорох и звонкий щелчок, Дэн хрипло произнес:

— «Мастодонт»-шесть, «Мастодонт»-шесть! Я — «Тайфун»-двадцать пять. Вошел в атмосферу. Выйти не в состоянии. Принимайте в режиме экстренной посадки. Разогрев корпуса предельный. Примите меры предосторожности.

Леонид подался вперед и сжал подлокотники до хруста в пальцах. Точка в центре экрана расплывалась мутным продолговатым пятном. Сквозь завывание, шорох и треск был слышен чей-то далекий голос: «Принимаем вас, принимаем... Понял вас хорошо. Принимаем. Держите пеленг. Удачной посадки!»

Леонида грубо швырнуло назад и вдавило в сиденье. Перед глазами поплыли цветные круги... Когда он опомнился, катер была тяжелая дрожь, и Леониду вдруг показалось, что накалившийся корпус не выдержал. Он снова вцепился в свои подлокотники и с замиранием сердца вслушался в грохот и вой, с надеждой, что корпус все-таки выдержал. Раздался скрежет... Леонид зажмурил глаза, но его так встряхнуло, что лопнули плечевые ремни.

Наступила странная тишина. Тряски не было. Что-то лопнуло очень близко и оглушительно, металлически загрохотало и стихло, и Леонид наконец догадался, что это посадка и Дэн отстрелил боковой люк.

— Быстрее, быстрее! — хрипел Дэн и тащил его за руку. В рубке стоял зеленый туман.

Они протиснулись в люк, наткнулись на невидимые в тумане поручни. Дэн тащил его за руку дальше, и они скатились вниз по металлическим ступенькам трапа. Сквозь клубы тумана жарко светилось что-то багровое. Потом откуда-то со стороны ударили лучи прожекторов, зашевелились голубыми дымящимися столбами.

— Быстрее, быстрее!.. — хрипел Дэн, не выпус-

кая руки Леонида. Они бежали под слепящий свет прожекторов.

Дэн быстро нашел отверстие шлюза, ударом плеча втокнул туда Леонида, впрыгнул сам, и отверстие с гулом закрылось.

Они стояли, тяжело дыша, Дэн все еще держал Леонида за руку. Леонид попробовал освободиться. Дэн его отпустил. Шлюз был освещен, но сквозь плотный туман они почти ничего не видели. Где-то далеко провыла сирена, и пол внезапно ушел из-под ног. Взмахнув руками, они повалились друг на друга. Леонид сел и ощутил через пол еще одну судорогу, но послабее.

— Вот и все!.. — произнес Дэн. Было слышно, как он облегченно вздохнул. Потом он добавил уже с огорчением: — Хорошая была машина...

— Взорвалась? — спросил Леонид.

— Нет, — сказал Дэн. — Это было бы слишком... Просто вышвырнули ее отсюда. На всякий пожарный случай. — Он хлопнул Леонида по плечу и хрипло рассмеялся. — Счастливчики мы с тобой, Лео! Не нащупай мы вовремя «Мастодонт» — болтались бы в средних слоях атмосферы наши клочки... Здешние ребята молодцы, справились великолепно. Знаешь, чем они рисковали?

— Представляю...

— То-то. — Дэн помолчал. — А Ютавр показал нам свое дружелюбие... Век не забуду. Ловко он мне мозги затуманил...

— Дэн, я ведь насчет дружелюбия в шутку сказал. Ютавр, конечно, штуковина сложная... но ждать от него дружелюбия или враждебности все равно что сделать попытку... ну, скажем, рассмешить станцию «Мастодонт».

— О, станцию мы уже рассмешили! По крайней мере — ее экипаж. Скоро откроют шлюз, и будет все так, как ты рассказывал мне о спасателях... Ладно, Лео, самое страшное позади. Все-таки мы его поймали! Прайд оказался не так уж неуловим.

— Нет, — сказал Леонид. — Еще не поймали. Но поймаем. И может быть, даже приручим.

— Слушай, Лео... Ты понял, что он там нам показывал? Грибы, шары, желтые льдины...

— Ничего он нам не показывал, Дэн. Просто он переваривал какую-то информацию, и мы случайно кое-что подсмотрели. Возможно, он переваривал информацию о Юпитере... Это уже хорошо. Мы сумеем найти надежный и безопасный способ подсматривать дальше...

Туман рассеялся. Беседуя, они сидели рядом, обхватив руками колени. Туман осел на стенах и потолке, и сверху капало. Гермошлемы блестели от влаги.

— Ну все, — сказал Дэн, — шлюз открыли. Идем!

Он тяжело поднялся и, прихрамывая, побрел на выход. Следом тяжело поднялся Леонид.

Встречающих было много. Собрался едва ли не весь экипаж. Шумное оживление. Мешая друг другу, стащили с неожиданных гостей скафандры, отвели в душевую, прополоскали как следует, переодели. Гостям пришлось ответить на массу вопросов. «Как самочувствие?» — «Великолепное». — «Никто не ранен?» — «Нет, обошлось». — «Как вас угораздило провалиться в Юпитер?» — «Сами удивляемся». — «Вам повезло. Мы сегодня подняли станцию на двадцать километров выше». — «У нас сегодня сплошное везение». — «Что нового в Дальнем?» — «Дальний празднует». — «Как проходят праздники?» — «Мы и сами не прочь бы это узнать...» — «Вам у нас нравится?» — «У вас прелестно!» — «Тогда мы вас соблазним, и вы перейдете работать в наш Проект!» — «Не раньше чем мы провалим свой окончательно». — «Вы знаете, Русанов, почему ушел Маккоубер?» — «Догадываюсь. Но это очень длинная история»... Леонид улучил момент и шепнул начальнику станции Тойво Ряннелю: «Мне срочно необходима связь с Дальним. Если можно, конечно». «Да, это можно», — спокойно сказал Ряннель и повел Леонида в рубку связи.

Леонид объяснил связистам, что ему нужно. Его пригласили в салон видеопереговоров и усадили перед большим экраном. Связь наладили быстро. «Мастодонт»-шесть, Европа и Амальтея находились в этот момент «на луче», то есть в зоне прямой радиовидимости, и через несколько минут Леонид увидел на экране плохое изображение диспетчера связи Ю-Центра и едва признал в нем Марка Живилло, хорошего, дельного парня, которого, если связь была скверной, барражировщики-острословы обзывали Жаком Мертвилло. Изображение все время дергалось и норовило уйти в перекося. «Отличное изображение, — уверяли связисты. — Лучше не будет».

— Привет, Марк! — сказал Леонид. И на всякий случай полюбопытствовал: — Ты меня узнаешь?

— Никак Русанов?.. — неуверенно спросил Марк.

— Он самый.

— А что же мне сказали, что связь затребовал «Мастодонт»?!

— Все правильно.

— Ничего не пойму... Я же тебя вчера в Зимней Пирамиде видел!

— А сегодня видишь на «Мастодонте». Ладно, Марк, дело не в этом. Дело в том, что мне нужен Крамер. Улаф Крамер. Ты ведь знаешь Улафа?

— Конечно, знаю. А ты знаешь, что сейчас творится в Дальнем?

— Представляю.

— Позволь, но где же я буду искать тебе Крамера?

— Позволяю где хочешь. Мне нужен Крамер. Срочно. Живой ли, полуживой ли, но мне нужен Крамер. Понял?

— Понял... — сказал Марк. — Побудь на связи.

Четверть часа Леонид провел в томительном ожидании.

— «Мастодонт»-шесть, «Мастодонт»-шесть! — позвали с экрана. Леонид подошел.

— Ну?

— Все оказалось просто! — сообщил Марк. —

Крамер был дома. Я подключу тебе его домашний видеотектор.

— Полезный ты человек, Марк, — похвалил Леонид.

— Он спал. Я едва сумел его разбудить.

— Я так и подумал.

— Вчерашний вечер его, наверное, ужасно утомил.

— Наверное, — сказал Леонид.

Марк посмеялся.

— Так я подключаю?

— Да, — сказал Леонид. — Подключай.

Дверь из рубки открылась, в салон заглянул связист-атмосферник, рыжий парень с умным и строгим лицом.

— Разговор не затягивайте, — посоветовал он. — «Мастодонт» входит в зону верхнеатмосферного ионного циклона. Я не могу поручиться, что через десять минут мы сможем держать связь так же стабильно.

На экране замелькали фиолетовые зигзаги. Потом изображение стабилизировалось, и Леонид увидел Крамера. У Крамера были непричесанные волосы, опухшие глаза и небритые щеки.

— Привет, Улаф! — сказал Леонид. — Прости, что разбудил.

— Привет, привет!.. — Крамер потер ладонью небритый подбородок. — Ты откуда?

— Я с Дэнном Фростом на «Мастодонте»-шесть.

— А... То-то, я смотрю, у меня экранчик дергается. Значит, в Рой тебя носило? Как Маккоубера...

— Вот что, Улаф. Болтать особенно некогда. Наш «Мастодонт» в зоне ионного циклона, и связь с минуты на минуту может прерваться. Так слушай меня внимательно. Катер погиб, и мы здесь немного застряли. Во-первых, ты должен немедленно разыскать Бриггиту и Надию и суметь их успокоить. Во-вторых, немедленно свяжись с диспетчером Тебы, дай ему знать о нас, чтобы он не успел удариться в панику и растрезвонить на всю Систему о пропаже «Тайфуна»-двадцать пять. И попроси его подождать «ЮП-Следопытов» в район орбитального дрейфа нашего Роя.

— Тоже немедленно? — спросил Крамер.

— Немедленно и пренебреженно.

— Понятно... — Изображение дрогнуло и потянуло лицо Крамера вкось. — Значит, с Роем что-то происходит?..

— Мне откуда не видно, — сказал Леонид. — Не перебивай меня, мне нужно успеть сказать основное. Разыщи там наших ребят и засади их за пульта дистанционного наблюдения. С Роя глаз не спускать!.. Теперь я вкратце обрисую тебе ситуацию. Рой — сверхсистема, а Маккоубер — гений, намеренно создавший эту сверхсистему. Намеренно, Улаф! Маккоубер — гений Проекта. Я ошибался, думая, что он ушел, якобы убедившись, что погубил Проект собственными руками. Нет, Улаф! Он сбросил в Рой Ц-стержни и тем самым блестяще завершил первую стадию Проекта созданием сверхсистемы «Ютавр». И ушел единственно потому, что, как честный и дальновидный ученый, не счел себя вправе оставаться во главе Проекта во второй его стадии. Он понимал, что со сверхсистемой ему не справиться, и абсолютно верно решил, что Ютавром должны заниматься более компетентные в этой области специалисты. Ты спрашивал вчера, будут ли у нас идеи для продолжения Проекта. Так вот, основная идея — это не считать Маккоубера глупцом и продолжать реализацию Проекта. А идеи конкретной реализации уже прорастают, Улаф. Например, у меня уже есть основание полагать, что девять сгустков Ютавра — это метод его формирования на основе информации, воспринятой Роем из Большого Космоса. На основе БК-информации, Улаф! Ты знаешь, что такое альбастезия? Для нас альбастезия — это вполне вероятный способ получать от Ютавра всю информацию. Всю, Улаф! И Ю-информацию, и БК-информацию, уж и не знаю, что важнее... Ютавр — интересное созданище, Улаф. И очень ценное для человечества. И очень универсальное. От него мы должны получить в миллиарды раз больше всяческой информации о Вселенной, чем надеялись, когда начинали Проект. И не нужны нам

теперь ни «Слоны», ни «Муфлоны», ни «Физлеры». И «Магистр» нам не нужен в его теперешнем качестве. Систему «Магистр» нам придется по-новому переосмыслить... Понимаешь, Улаф?

Крамер молчал.

— Ты меня слышишь? — обеспокоился Леонид.

— Ты все сказал, сын льва? — спросил Крамер.

— Да. Как будто...

Крамер взъерошил волосы и надвинулся на передатчик видеотектора:

— Теперь повтори мне все сначала и немного по-медленнее. К сожалению, я не гений. Я не Эйнштейн, не Маккоубер и даже не Леонид Русанов. Я рядовой математик, обыкновенный специалист по моделированию информационных систем.

— Сверхсистем, — уточнил Леонид.

— О, ты, кажется, предлагаешь мне новую должность? Так понимать?

— Нет, не так. При чем здесь я? Жизнь предлагает. Та самая, которой Космос некогда «осеменил» наш участок Пространства.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОНА СОЛНЦА	5
АКВАНАВТЫ	117
ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ	295
НЕУЛОВИМЫЙ ПРАЙД	375

Литературно-художественное издание

Павлов Сергей Иванович
ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ

Редактор *Е. Черкасов*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технические редакторы *Н. Носова, В. Азизбаев*
Корректор *В. Видулкина*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с оригинал-макета 12.11.97.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,9. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 697

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 425

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

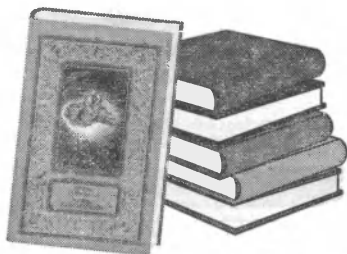
ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных жемчужин фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Станислав Лем – из-под их пера вышли поистине «вечные» книги. Яркий талант, высочайшее писательское мастерство, смелые и глубокие идеи, увлекательные сюжеты, запоминающиеся герои – вот что отличает произведения этих авторов. Выпуски серии «КП и НФ» не только украсят книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

**СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» –
ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!**

425001 А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах
425011 В. Звягинцев. «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 4-х томах
425041 Е. Гуляковский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах
425031 В. Михайлов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах
425046 С. Лем. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах

Цена одной книги 19 900 руб.

Все издания объемом 450-540 стр.,
цельнотканевый переплет, золотая
фольга, шитый блок.

Вы можете подписаться на всю серию
целиком (индекс 425) или на любое
собрание сочинений в отдельности по
вашему выбору.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

СЕРГЕЙ
ПАВЛОВ

ЧЕРДАК
ВСЕЛЕННОЙ

